

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Oriental and Iranian studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladishev, S.A. Mezin

Based in 2010 year

ISSUE 13/14

Saratov State University
2016

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Востоковедения и иранистики»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева, С.А. Мезина

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 13/14

Саратовский государственный университет
2016

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, С.А. Мезина. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2016. – Вып. 13/14. – 352 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки. В выпуск вошли материалы двух международных конференций, прошедших в 2016 году на базе СГУ им. Н.Г. Чернышевского: VI-ая Международная научная конференция «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприимчивости и историческая память» и Международная научная конференция «Историк и время», посвященная памяти профессора Н.А. Троицкого.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор), д-р ист. наук, проф.
С.А. Мезин, канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор А.В. Чудинов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая память: проблемы теории и вопросы практики

- Шестов Н.И.* (Саратов, Россия). Структуры «лишних вопросов» в социальной мифологии и исторической памяти 11
- Митюрёва Д.С.* (Тюмень, Россия). Теория рецепции и ее применение в области интеллектуальной истории 20

Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимные восприятия, историческая память

- Садченко В.Н.* (Ставрополь, Россия). Расширяя границы мира, или как францисканцы открывали азиатский Восток 28
- Галямичев А.Н.* (Саратов, Россия). Балканы, Византия и Ближний Восток в политике Карла IV Люксембурга 43
- Вагеманс Э.* (Лёвен, Бельгия). Царь Великой России в республике. Голландская ода о Петре Великом и русско-нидерландской дружбе (1717 г.). 51
- Мезин С.А.* (Саратов, Россия). Власть и общество в России глазами Дени Дидро. 59
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия). 200-летний юбилей Большой европейской войны 1812 - 1815 гг.: российский вариант..... 69
- Ковалев М.В.* (Саратов, Россия). Профессор Д.Д. Гримм в эмиграции..... 82

Вопросы историографии

- Данилов В.Н.* (Саратов, Россия). Общество историков-марксистов и историки «старой школы» 93
- Рабинович Я.Н.* (Саратов, Россия). Вокруг докторской диссертации историка Смуты Германа Андреевича Замятина «Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века» 104
- Морозова Е.Н.* (Саратов, Россия). Н.М. Пирумова в земстве в 1970-х - начала 1990-х годов. 117
- Гинев В.Н.* (Санкт-Петербург, Россия). Н.А. Троицкий о сущности и времени возникновения народничества в историографическом контексте 129
- Мокшин Г.Н.* (Воронеж, Россия). Н.А. Троицкий и современное российское народниковедение 140

<i>Назаров В.В.</i> (Балашов, Россия). Историк народничества В.Я. Богучарский	152
<i>Степанов Ю.Г.</i> (Саратов, Россия). «Наполеон Великий» (О неизданной рукописи Н.А. Троицкого).....	159

Памяти Н.А. Троицкого

<i>Мезин С.А.</i> (Саратов, Россия). Николай Алексеевич Троицкий и Саратовский университет.....	170
<i>Аврус А.И.</i> (Москва, Россия). Слово о Николае Алексеевиче Троицком.....	180
<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Слово о коллеге: Н.А. Троицкий.....	185
<i>Чернобаев А.А.</i> (Москва, Россия). Выдающийся историк и педагог: Н.А. Троицкий в моей памяти	187
<i>Полторац С.Н.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Из истории подготовки к печати книги Н.А. Троицкого «Сказания о правде и кривде в исторической науке»	198
<i>Манова Е.Н.</i> (Саратов, Россия). Уважаемому Николаю Алексеевичу от авторов... (Книги с автографами из личной библиотеки Н.А. Троицкого).....	204

Культура, наука, общественная мысль

<i>Горбачев Д.В.</i> (Саратов, Россия). Фихте и Фесслер	213
<i>Андреева Т.В.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Общественное мнение в начале царствования Николая I: потенциал и трансформации	230
<i>Китаев В.А.</i> (Нижний Новгород, Россия). И.С. Тургенев и конституционное движение в России (60-е – нач. 80-х гг. XIX в.).....	241
<i>Лёвин С.В.</i> (Балашов, Россия). Повседневная жизнь земских служащих (на примере статистиков)	253
<i>Зайцев М.В.</i> (Саратов, Россия). Содержание политзаключенных в России последней трети XIX века (по ранним воспоминаниям В.Н. Коковцова).....	262
<i>Майорова А.С.</i> (Саратов, Россия). Московское студенчество первых послевоенных лет.....	269
<i>Клейменова С.В.</i> (Саратов, Россия). Из истории городской повседневности: Саратов начала 1780-х годов по вексельным книгам губернского магистрата	279

Ступина А.С. (Саратов, Россия). Сквозь призму времени: особенности отражения культурной жизни Саратова второй половины XIX - начала XX вв. в мемуарной литературе 289

Баранов А.В. (Саратов, Россия). Проблема освобождения Палестины как концепт политики панисламизма в мировоззрении Имама Хомейни..... 300

Публикации

Захарова И.Е. (Саратов, Россия). Рукопись И.А. Артемьева «Отцы и дети» 324

Парфенов В.Н. (Саратов, Россия). Глоток свободы (немного о быте археологических экспедиций 70–80-х годов XX века) 338

Сведения об авторах 346

Список аббревиатур и сокращений 349

CONTENTS

Historical memory: the problems of theory and the questions of practice

- Shestov N.I.* (Saratov, Russia) The structure of «superfluous questions» in social mythology and historical memory..... 11
- Mityuryova D.S.* (Tyumen, Russia). The theory of perception and its application in the field of intellectual history..... 20

West on East, East on West: cross-cultural relationships, mutual perception and historical memory

- Sadchenko V.N.* (Stavropol, Russia). Expanding the boundaries of the world, or as the Franciscans opened the Asian East 28
- Galyamichev A.N.* (Saratov, Russia). The Balkans, Byzantium and the Middle East in the policy of Charles IV of Luxembourg 43
- Waegemans E.* (Leuven, Belgium). The Tsar of the Great Russia in the Republic of Holland. The Oda about Peter the Great and friendship between Holland and Russia (1717) 51
- Mezin S.A.* (Saratov, Russia). Power and society seen through the eyes of Denis Diderot memories 59
- Gladyshev A.V.* (Saratov, Russia). 200th anniversary events of the Great European war of 1812 - 1815: the Russian version 69
- Kovalev M.V.* (Saratov, Russia). Professor D.D. Grimm in exile 82

Questions of historiography

- Danilov V.N.* (Saratov, Russia). The society of Marxist historians and historians of the «Old school» 93
- Rabinovich Ya.N.* (Saratov, Russia). Around the doctoral dissertation of the historian of the time of troubles Herman Andreevich Zamyatin Essays on the history of the Swedish intervention in Moscow state at the beginning of XVII century..... 104
- Morozova E.N.* (Saratov, Russia). Zemstvo studies by N.M. Pirumov in 1970s - early 1990s 117
- Ginev V.N.* (St.-Petersburg, Russia). N.A. Troitsky on the essence and time of formation of narodnik movement..... 129
- Mokshin G.N.* (Voronezh, Russia). N.A. Troitsky and modern russian narodnikovedeniye 140
- Nazarov V.V.* (Balashov, Russia). Historian of populism V.Y. Bogucharsky 152

Stepanov Y.G. (Saratov, Russia). «Napoleon Great» about the unpublished manuscript of N.A. Troitsky..... 159

In memory of N.A. Troitskiy

Mezin S.A. (Saratov, Russia). Nikolay Alexeevich Troitsky and Saratov University. 170

Avrus A.I. (Moscow, Russia). The word about Nikolai Alekseyevich Troitsky. 180

Tsamutali A.N. (St.-Petersburg, Russia). The word about colleague: N.A. Troitsky. 185

Chernobaev A.A. (Moscow, Russia). Outstanding historian and teacher: N.A. Troitsky in my memory. 187

Poltorak S.N. (St.-Petersburg, Russia). From the history of printing of the N.A. Troitsky book «Tales of truth and falsehood in historical science». 198

Manova E.N. (Saratov, Russia). Dear Nikolay Alexeevich from authors... (Autograph books from the personal library of N.A. Troitsky). 204

Culture, science, public opinion

Gorbachev D.V. (Saratov, Russia). Fichte and Fessler. 213

Andreeva T.V. (St.-Petersburg, Russia). Public opinion in the beginning of the reign of Nicholas I: the potential and transformation. ... 230

Kitaev V.A. (Nizhniy Novgorod, Russia). I.S. Turgenev and the constitutional movement in Russia (1860s - early 1880s). 242

Lyovin S.V. (Balashov, Russia). Zemstvo officials' everyday life (using statisticians as an example). 253

Zaytsev M.V. (Saratov, Russia). The detention of political prisoners in last third of the XIX century in Russia (on early V.N. Kokovtsov's memories). 262

Mayorova A.S. (Saratov, Russia). Moscow students of the early post-war years. 269

Kleymenova S.V. (Saratov, Russia). From the history of the city daily life: Saratov in the beginning of 1780-th in the protests on bills books. 279

Stupina A.S. (Saratov, Russia). Through the prism of time: peculiarities of Saratov second half of XIX - early XX centuries cultural life reflections in the memoirs. XX вв. в мемуарной литературе..... 289

<i>Baranov A.V.</i> (Saratov, Russia). The problem for the liberation of Palestine as the concept of the policy of pan-Islamism in the Outlook of Imam Khomeini	300
---	-----

Publications

<i>Zakharova I.E.</i> (Saratov, Russia). Manuscript of I. Artemiev «Fathers and sons».	324
---	-----

<i>Parfenov V.N.</i> (Saratov, Russia). The gulp of freedom (Somewhat about a manner of living of archaeological expeditions in 1970 th - 1980 th years).....	338
---	-----

Data on authors	346
-----------------------	-----

The list of abbreviations and reductions	349
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 316.722

СТРУКТУРЫ «ЛИШНИХ ВОПРОСОВ» В СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.И. Шестов

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра политических наук
e-mail: nikshestov@mail.ru

В статье обосновывается авторский подход к проблеме структурирования исторической памяти современных социумов. С позиции данного теоретического подхода дается объяснение девиациям в «политике памяти» на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, политический миф.

THE STRUCTURE OF «SUPERFLUOUS QUESTIONS» IN SOCIAL MYTHOLOGY AND HISTORICAL MEMORY

N.I. Shestov

(Saratov, Russia)

The article explains the author's approach to the problem of structuring the historical memory of modern societies. From the position of this theoretical approach, the author explains the deviations in the "politics of memory" in the post-Soviet space.

Key words: historical memory, politics of memory, political myth.

В современных научных и публицистических дискуссиях, посвященных проблемам исторической памяти современных людей и обществ, отечественные исследователи нередко оперируют упрощенным (бинарным) представлением о том, как структурирована историческая память современных людей и обществ и как работают механизмы воспроизводства этих структур, воспроизводства состояния исторической памяти, в целом. «Историческую память» представляют процедурой обращения современного человека к сохраненному и накопленному им самим и обществом, к которому он принадлежит, включающей две операции - воспо-

минание прошлого и забывание прошлого. Эти два механизма, действительно, играют определяющую роль в структурировании процесса движения исторической памяти, определяют специфику ее количественных и качественных характеристик у разных людей и обществ в разное время и в разном месте. Они задают начало и конец, общий формат нормально функционирующей исторической памяти.

В этом смысле, сосредоточение внимания исследователей на этих двух структурных элементах вполне оправдано. Оправдано оно и с точки зрения тех вопросов, которые перед экспертным сообществом гуманитариев ставит современная политическая практика. Деление участников современного политического процесса на тех, кто помнит прошлое «как оно было на самом деле», и тех, кто его помнить не желает (по политическим, прежде всего, причинам), позволяет дать научное, но вполне доступное понимание далекого от науки рядового гражданина, объяснение инверсии, случившейся с исторической памятью многих народов и элит в Европе и России при переходе от советского времени к постсоветскому. С такой теоретической позиции даже далекому от науки и тонкостей политики человеку легко представить и понять, как и куда исчезла из пространства политических и культурных коммуникаций существовавшая более двух столетий в сознании ученых, политиков и в массовом сознании подданных/граждан «отечественная» история. История общая для народов, населявших Российскую империю, СССР, страны Социалистического Содружества. И откуда и как ее место заняло множество конкурирующих между собой суррогатных «историй». Таких, в которых, порой, с трудом опознаются корневые связи с прежним опытом рефлексии европейской и отечественной исторической науки и массового сознания на тему прошлого России и Европы, остального мира, и которые придают, порой, исторической памяти современных обществ и их интеллектуальных и политических элит на постсоветском пространстве откровенно фантезийный оттенок.

Все просто: в современной политике есть силы, заинтересованные в том, чтобы «настоящее прошлое» забыть, тем самым направить развитие исторической памяти в русло всевозможных манипуляций с нею. Но, есть и другие силы, заинтересованные в «правильном» знании и понимании прошлого. Заинтересованные в стабильном функционировании исторической памяти, как

стратегического ресурса прогресса современной политики. Такой подход оставляет открытым вопрос: а как, собственно, этим «силам» на практике так легко удается растаскивать историческую память на части, подлежащие воспроизводству и подлежащие уничтожению?

При всех очевидных научных и идеологических преимуществах такого подхода к объяснению того, как функционирует историческая память современных людей и обществ и что с ней происходит, есть у него определенный недостаток. Причем, недостаток как аналитического, так и идеологического свойства. В обсуждении проблем исторической памяти, заметим, сегодня невозможно дистанцироваться от идеологических аспектов, как бы ни хотелось. В качестве одного из базовых культурных ресурсов современных обществ и элит историческая память повсеместно оказывается на острие всевозможных политических конфликтов и дискуссий о будущем политики. Недостаток данного подхода состоит в том, что он упрощает картину исторической памяти, игнорирует существование других ее структурных элементов, представленных другими механизмами взаимодействия индивидуального и массового человеческого сознания с потенциально доступной ему на данный момент информацией о прошлом. Исследование этих механизмов позволяет понять, каким образом переориентация массового сознания и сознания политической и интеллектуальной элит с воспоминания об одном на воспоминание о другом, с забвения одного на забвение другого приобретает свойство новой нормы формата и качества исторической памяти, как историческая память приобретает новую специфику и новые свойства ресурса современной политики. Это касается, в частности, тех структур исторической памяти, для выделения которых в самостоятельный предмет теоретического и прикладного исследований уместно их обозначить понятием «структуры отсутствующих вопросов».

Представить себе, почему некоторые вопросы к своему прошлому люди в определенной ситуации считают «лишними» и как функционирует этот структурный элемент исторической памяти можно на примере конкретного политического конфликта, разворачивающегося на наших глазах.

По всему западному сегменту постсоветского пространства происходит разрушение и осквернение исторических мест памяти. Советских, конечно. То, что прежде, в период существования

СССР и Социалистического Содружества было для граждан «новоевропейских стран» святыней, становится предметом ненависти и агрессии. Понятно, что такого рода масштабные социально-мифологические инверсии в массовом сознании и поведении граждан «теперь совсем европейских» (после вступления в Евро-союз) стран в относительно короткое историческое время сами по себе не происходят. Их, в данном случае, актуализирует и активизирует «политика памяти», целенаправленно проводимая властными и культурными элитами этих стран. Понимание, что речь идет о целенаправленной политике, побуждает российских политиков, публицистов и ученых ставить вопрос об организованном противодействии ей. Такое противодействие, вероятно, возможно в рамках возможного в современной политике. Но, только в том случае, если понимать логику, которой руководствуются элиты и общества этих стран, когда они историческое знание, прежде значимое для них, переводят в формат «лишних вопросов». Если понимать суть тех технологий, посредством которых властные и культурные элиты приводят массовое сознание в состояние мифологических инверсий и готовности к оправданию того, что со стороны выглядит обыкновенным вандализмом.

Внешне это, действительно, выглядит как череда спонтанных вспышек бытового вандализма, на который русофобски настроенные властные и культурные элиты не реагируют, по причине того, что они непривычны к такому повороту событий, не знают, как на все это реагировать в силу своей исконной европейской культурности и толерантности. Действительно, места исторической памяти разрушают представители тех народов, которые трудно заподозрить в незнании собственного прошлого и неуважении к нему. Более того, все происходит на фоне растущего интереса этих народов к своему национально-государственному прошлому, в котором история Второй мировой войны и освобождения стран Восточной Европы советскими войсками занимает далеко не самое незаметное место. Все знают, все помнят, но систематически, где с подачи государства, где по решению муниципалитетов, а где по личной патриотической инициативе, оскверняют захоронения советских солдат и другие памятники советской эпохи. Ключевое значение здесь имеет, как представляется, именно советская атрибуция этих мест исторической памяти. Разрушению подвергаются не вообще места исторической памяти. Некоторые из них, связанные, например, с борьбой местных

националистов с «советской оккупацией», даже конструируются вновь. Уничтожаются именно места советской исторической памяти.

Такая избирательность, как представляется, имеет рациональное объяснение. Это технология, смысл которой в изменении в массовом сознании баланса между процедурами вспоминания и забывания прошлого за счет активизации такого структурного элемента исторической памяти, каким являются «лишние вопросы». Мы исходим из представления, что если есть человек и у этого человека есть прошлое, то он, будучи существом социальным, не может не обращать к этому прошлому своих вопросов и не ожидать на них ответов. Это так, но из этого не следует, что социализированный человек должен обращать свои вопросы ко всему потенциально доступному ему знанию о прошлом. Образование, условия места и времени проживания, разного рода культурные идентичности, личный жизненный опыт, наконец, все это побуждает человека вести себя избирательно при обращении к прошлому с вопросами. Человек не всегда и не всему прошлому задает свои вопросы, потому, что не всегда уверен, что полученные ответы помогут, а не навредят его социальному самочувствию, индивидуальным и коллективным практикам, не осложнят его взаимоотношения с государством. В вопросе, обращенном к прошлому, и в ответе на этот вопрос всегда заключен риск дискредитации настоящего и будущего, как пространств активности человека.

Поэтому определенного рода вопросы приобретают в сознании современного «человека политического» статус «лишних вопросов». Тех, которые потенциально человек и общество могли бы задать своему прошлому. Но, они, обладая значительным опытом «вопрошания прошлого», способны заранее предугадать варианты ответа на такие вопросы. И ожидаемый ответ может не согласовываться с их намерением использовать знание о прошлом в качестве инструмента для легитимации своих нынешних политических, правовых и культурных практик, а также для легитимации образа своего политического будущего. Для властных элит восточноевропейских государств будущее немыслимо иначе, чем в составе «объединенной Европы».

Под этот проект политического будущего приспособливается настоящее, формируется матрица гражданской культуры и корпоративная этика властных элит. Сегодняшняя жизнь государст-

ва, общества и даже отдельного человека имеет смысл школы политического воспитания. Любой политический субъект, пройдя соответствующий курс гражданской социализации и либеральной политизации, и не должен, в идеале, видеть для себя иного политического и культурного выбора, кроме «европейского выбора». При условии, что в повседневной жизни у него не будет поводов усомниться, что выбор, сделанный им, является единственно возможным. Если ничто не напомнит ему в определенный момент (а советские «места памяти» предназначены именно для такого напоминания), что у него, у его государства и общества в относительно недалеком прошлом был иной политический выбор. При условии, конечно, что ничто не напомнит ему о причинах такого выбора, главной среди которых были исторические последствия Второй Мировой войны. А памятники советским воинам-освободителям, воинские кладбища и мемориалы постоянно подталкивают правомерно-либерального и почти уже совсем «европейского» гражданина Польши, Литвы, Латвии или Эстонии к тому, чтобы задавать политикам, ученым, друзьям и родственникам, себе самому, наконец, неудобные для современной либерально-демократической политики на постсоветском пространстве и ее «европейского выбора» вопросы: кто затеял мировую бойню, кто с кем и за что воевал, кто пострадал от войны, а кто на ней нажился, кто проиграл войну, а кто вышел из войны победителем? А, значит, иной политический выбор возможен сегодня, а также в будущем.

Над определением спектра таких «лишних» вопросов, которые в дальнейшем изменили бы всю динамику, структуру и содержание исторической памяти постсоветских обществ и элит сейчас и трудятся те государственные и общественные институты, отдельные энтузиасты, которые иницируют и осуществляют ликвидацию памятников советской истории самыми варварскими способами. В их энтузиазме присутствует логика приведения структуры и содержания национальной исторической памяти в соответствие с тем, как они видят свое будущее «с Европой и против России». Если у рядового гражданина Польши, Литвы или Латвии не будет повода задать вопрос «Что это за памятник и кому?», то он не задаст и вопроса о том, при каких обстоятельствах в советскую эпоху появились сами эти государства, как так получилось, что именно советской России пришлось освобождать их от германской оккупации. Не задав этих вопросов, среднестатисти-

ческий гражданин, участвующий в процессе «евроинтеграции», избавит свое патриотическое сознание от когнитивного диссонанса и будет послушным участником либерально-демократических процедур.

Именно потребностью элит и обществ в укреплении этих структур и повышении их значимости можно объяснить всю эту войну с памятниками, а, отчасти, и общий русофобский настрой внутренней и внешней политики.

Они не хотят, чтобы советское прошлое забывалось вообще и навсегда, чтобы оно отсутствовало в истории человечества. Тогда надо было бы в одной могиле с советским наследством похоронить и наследство антисоветское и оставить нации и национальные государства без целого века истории. Они хотят, чтобы задавались вопросы только относительно антисоветского прошлого, а насчет советского прошлого не задавались бы, и на эти вопросы граждане получали бы полноценные ответы, а по поводу советского прошлого таких ответов ни от кого не требовали бы. Нужно, чтобы для одних вопросов поводы были, а для других вопросов не было бы ни формальных, ни неформальных поводов.

Это довольно типичная механика мифотворческого и идеологического процессов. В нем есть заданные вопросы, и сформулированные в виде мифологем ответы на них. Но миф существует и существует очень устойчиво именно благодаря тому, что его внутреннее информационное пространство извне окружено некоей реальностью и информацией об этой реальности, которые объективно существуют, и по поводу этого существования людьми, пользующимися мифологическим способом познания, в принципе, могли бы быть заданы вопросы и сформулированы ответы, за пределами сложившегося мифа. Но, именно потому, что есть вероятность сложения знания о реальности за пределами мифа, массовое сознание признает такого рода вопросы неуместными в принципе. Оно как бы игнорирует сам факт существования чего-либо иного за пределами мифа. И этим достигается сплочение социальной структуры на почве приверженности мифологическому взгляду на окружающий мир.

«Лишние вопросы», будучи заданными, создают угрозу внутренней органичности пространства мифа и солидарности внутри социальной системы. Это правило соблюдается и идеологическим мышлением, источником для которого социальная мифология является даже в большей степени, чем наука. Поэтому в равной

мере общества, руководствующиеся в своем политическом бытии мифом, и руководствующиеся идеологией, в равной мере нацелены на максимальную ликвидацию, как разных поводов к появлению в сознании людей «лишних вопросов», так и тех, кто с готовностью такими поводами пользуется. То, что мы видим в западном сегменте постсоветского пространства, это не борьба с исторической памятью как таковой (это означало бы борьбу за десоциализацию этих социумов и делегитимацию государственной власти), это не вандализм (последнее означало бы гораздо меньшую избирательность в проявлении социальной агрессии в отношении мест памяти). Это попытка консолидировать общество и его сознание на почве национального политического мифа, обеспечивать стабильную работу которого должно расширяющееся вокруг него пространство «лишних вопросов», не подлежащих задаванию. Всего того, по поводу чего у общества отсутствует интерес как таковой, поскольку интересоваться этим неприлично «настоящему» украинцу, латышу, поляку. Им надо интересоваться другими вещами и поэтому надо, чтобы в структуре сакрального пространства политики отсутствовали те места памяти, которые создавали бы поводы для «лишних вопросов».

Интерес к этим местам памяти и этим вопросам властной элитой и гражданскими активистами, занятыми работой по консолидации нации, переадресовывается узким специалистам, задача которых перевести все, что для нынешнего поколения еще выглядит предметом дискуссий, предметом воспоминания и забывания в разряд «балластного исторического знания», которое время от времени можно вбрасывать в информационное пространство в режиме чего-то подобного «территории заблуждений» и тем удовлетворять потребности гражданина как обывателя, которому не хватает адреналина в его повседневном быте и он пытается получить этот адреналин за счет «прозрения», что его оказывается обманывали «официальная наука» и «официальная политика».

Не исключено, что по прошествии десятка лет на Украине и в Польше, например, популярными станут медийные проекты, авторы которых полушепотом будут сообщать массовой аудитории, что оказывается, вопреки мнению «официальной науки» и «официальной политики», 1-й Украинский фронт, освобождавший Польшу назывался так, не потому, что состоял из украинцев, что прибалтийские республики от германской оккупации освобож-

дала Советская Армия, а не подразделения ваффен СС. Такого рода эпизодические извлечения из «балластных» структур исторической памяти функционально необходимы для нормального течения национально-государственного политического процесса. Они дают возможность обывателю проникнуться и мыслью и ощущением тех непредсказуемых угроз его стабильному существованию, которые возникнут, если ему вдруг придет в голову мысль задавать себе и другим гражданам, государственной власти «лишние вопросы».

Государству легче в плане идеологического и мифологического воспитания подрастающего поколения своих граждан снести десяток памятников советским воинам-освободителям, чем искать способы, не конфликтующие с логикой их стремления к европеизации, объяснить, по какому поводу эти памятники были поставлены. Можно поверить в искренность тех государственных и общественных деятелей в странах Балтии, на Украине, в Польше, Литве, которые считают сохранение советских мест памяти угрозой своей национально-государственной безопасности. Если граждане будут задаваться разного рода «лишними» вопросами относительно прошлого и настоящего своих национально-государственных систем, если они таким образом будут пытаться мыслить и действовать за пространством мотиваций к политическому участию, очерченным национальными мифологией и идеологией, то это чревато дестабилизацией политического процесса.

УДК 001.8:94

ТЕОРИЯ РЕЦЕПЦИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Д.С. Митюрёва

Тюменский государственный университет
кафедра новой истории и мировой политики
e-mail: dmiturova@yandex.ru

В статье рассматривается проблема применения рецептивного подхода в рамках исследования по интеллектуальной истории. В качестве примера, демонстрирующего диалог культур, взята рецепция идей Жана Бодена в предреволюционной Англии конца XVI - нач. XVII века. В статье раскрываются суть рецепции, ее виды, аспекты и механизмы изучения.

Ключевые слова: рецепция, диалог культур, Боден, королевская власть, суверенитет, абсолютизм

THE THEORY OF RECEPTION AND ITS APPLICATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL HISTORY

D.S. Mityuryova

(Tyumen, Russia)

The article devoted the problem of the application of the theory of reception to the study of intellectual history. As an example of the dialogue of cultures the author has considered the reception of ideas of Jean Bodin in pre-revolutionary England XVI–XVII centuries. The article reveals the essence of the reception, types, aspects and mechanisms of researching.

Key words: reception, dialogue of cultures, Bodin, royalty, sovereignty, absolutism.

Теория рецепции не является новой: она успешно использовалась историками литературы и искусства, исследователями римского права и идей. Разные научные школы предлагали свои понятия для этого подхода. Наверное, классическим является понятие «традиция» (tradition). Альтернативный термин в Германии - «пережитки» (Nachleben, дословно - жить, следуя примеру). В Италии преимущественно используют термин «наследство» (fortune). В английском языке чаще всего можно встретить слово «влияние»

(influence). Несмотря на длинную историю использования данного метода, единого понимания рецептивного подхода до сих пор нет.

Первоначально понятие рецепции (от лат. *receptio* - прием, принятие) применялось в области естественных наук. Интерес к рецепции как к процессу заимствования и приспособления определенным обществом каких-то текстов, возникших в другое время или в другой культуре, возникает в рамках постструктуралистской исследовательской парадигмы, в которой происходит смещение интереса от автора и текста к читателю¹. Интерпретация текста в этом ключе многогранна: для понимания текста важна и история его создания, и личность автора, и его замысел, и то, как этот замысел реализовался, а также, какие смыслы открыли для себя в этом тексте последующие поколения. Таким образом, при данном подходе центр тяжести переносится на изучение среды, в которой зревают идеи и действуют интеллектуалы. При этом под средой следует понимать не окружение интеллектуала, а «совокупность мыслительных привычек» определенной эпохи и культуры.

Понятие рецепции чаще всего применяется в исследованиях в области филологии. Существует два основных направления рецептивного подхода: феноменологический (Ханс-Роберт Яусс, Вольфганг Изер) и структурно-семиотический (Ролан Барт, Юлия Кристева).

С точки зрения феноменологического направления, или рецептивной эстетики, произведение получает свое завершение в восприятии реципиента и не существует отдельно. Смысловый потенциал произведения по-новому раскрывается на различных исторических этапах восприятия данного текста. Таким образом, исследуя рецепцию, нужно уделять внимание не столько личности писателя, сколько личности реципиента и его «горизонту ожиданий»².

Структурно-семиотическое направление предполагает исследование интертекстуальности, которая представляет собой поле бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек и происхождения которых не всегда можно обнаружить³. Иными

¹ Мельникова Е.Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Т. 1. С. 239-242.

² Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. М., 2004. С. 201-224.

³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 418.

словами, любой текст - это впитывание и трансформация совокупности каких-то других текстов.

Оба подхода возникли и применялись, прежде всего, для изучения художественных произведений. Эти исследования касались преимущественно текста, а не идей и теоретических построений. И сейчас, на самом деле, очень много исследований, в которых применяется именно художественная рецепция для изучения литературных произведений.

Понятие рецепции используется и в культурологических исследованиях. Под культурной рецепцией (в частности, проявляющейся в понятиях «рецепция права», «рецепция римского права») понимается восприятие, усвоение, осмысление и дальнейшее развитие некоего феномена в рамках собственной культуры⁴. В таких исследованиях речь идет о диалоге культур, их взаимодействии. Например, представляется интересным проследить рецепцию идей Жана Бодена в трудах английских мыслителей конца XVI - начала XVII века, и посмотреть каким образом основные положения трактата «Шесть книг о государстве» коррелировали с традиционными английскими политическими ценностями.

Рецепция как таковая является сложным процессом, но когда она сопряжена с восприятием идей, выраженных на иностранном языке, этот процесс еще более затрудняется. Зачастую автор может стать заложником своей идеи и прочесть в тексте иностранного автора не совсем то, что имелось в виду. С одной стороны, это открывает большой простор для рецепции идей, для создания нового знания, но с другой, может привести к тому, что те мысли, которые хотел донести иностранный автор, были уже изначально поняты в той или иной степени некорректно.

Применительно к приведенному примеру, скорее всего, это является не столь серьезной проблемой. «Шесть книг о государстве» были переведены на английский язык в 1606 г., однако цитаты из трактата стали появляться в текстах английских мыслителей намного раньше. Первая работа, в которой можно, безусловно, увидеть влияние Бодена - трактат Чарльза Мэрбери «Краткое рассуждение о королевской монархии», опубликованный в 1581 году⁵. Ав-

⁴ Дегтярёв Д.А., Рогова А.В. Рецепция в контексте культурологического подхода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 5 (52). С. 29-34.

⁵ *Merbury Ch. A Briefe Discourse of Royall Monarchie*. N.-Y., 1972.

тор приводит определение суверенитета Бодена и развивает его в соответствии с английской правовой традицией⁶.

Во-первых, в Англии конца XVI - начала XVII в. свободно говорили по-французски. Во-вторых, длительное употребление французского языка при королевском дворе, в парламенте и суде привело к тому, что после вытеснения французского языка из этих сфер (к XIV в.) в английском языке сохранились обширные пласты французской лексики⁷. Поэтому большинству англичан, принадлежавших к интеллектуальной элите, был доступен вариант на французском, а также латинском языке.

Сходство политического дискурса Франции и Англии XVI в. можно увидеть уже в переводе названия трактата. Оригинальное название трактата - «*Les six livres de la République*», где под Республикой понимается «правильное управление многочисленными домохозяйствами и тем, что у них есть общего с суверенным могуществом»⁸. Перевод Ричарда Кноллеса - «*The Six Bookes of a Commonweale/Commonwealth*», где под *Commonweale* также понимается, прежде всего, объединение различных социальных групп для достижения общего для всех блага⁹.

При этом и во французской, и в английской политической лексике примерно с 60-х гг. XVI века практически синонимом ранее оговоренных понятий становятся термины «*estat*» и «*state*»: они также обозначали государство, но обладали еще множеством значений (состояние, структура, положение)¹⁰. Стоит обратить внимание на то, что в современных переводах используются термины, которые отражают актуальное состояние понятий, не вполне соответствующее политической лексике той эпохи. Поэтому в заглавие выносилось слово, имевшее в то время чисто политическое, вполне четкое значение.

⁶Merbury Ch. A Briefe Discourse of Royall Monarchie. P. 44-51.

⁷ Масейко К.С. Англоязычные термины книгоиздательского дела в различных периодах английского языка // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 149-152.

⁸ «*La République est un droit gouvernement de plusieurs ménages et de ce qui leur est commun avec puissance souveraine*» // Bodin J. *Les six livres de la République*. P., 1986. P. 27.

⁹ Томсинов В.А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров. // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов. 2009. С. 9-44.

¹⁰ Кола Д. Политическая семантика «*Estat*» и «*état*» во французском языке // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2000. С. 84.

Термин «*République*» наиболее точно раскрывает схемы мышления человека раннего Нового времени. Он используется Боденом в качестве некоего абстрактного понятия, подразумевающего модель идеального государства. В XVI в. именно определение «республика» (*res publica, république*) и его буквальные переводы (*chose publique, commonwealth*) были обычными терминами для обозначения государства¹¹.

Таким же образом можно проанализировать понятия власти, суверена, а также описать представления о его должностных полномочиях.

Изучение рецепции как методологического подхода подразумевает и изучение средств, с помощью которых идеи распространяются. Американский лингвист, социолог, антрополог Делл Хаймс предложил изучать «этнографию коммуникации». Этот подход призывает принимать во внимание не только информацию как таковую, ее авторов и читателей, но и каналы, через которые она передается, коды, с помощью которых она воспринимается, обстановку, в которой происходит этот «диалог»¹².

В частности, можно выделить несколько аспектов, способствовавших переплетению французских и английских правовых идей. Во-первых, это происходило в результате миграций. Начиная со второй половины XVI в. французские кальвинисты, среди которых учение Бодена пользовалось популярностью, зачастую были вынуждены бежать от религиозных преследований католической верхушки в протестантские страны. Переезжавшие гугеноты находили себе применение не только в торговле, но и в области образования. Французским иммигрантам, которые были преданы новому суверену, доверяли вести обучение. Уже в 1550-х гг. в домах английской знати работали такие учителя-гугеноты как Пьер дю Плуаш, Жан Верон, Клод Олибан, де ля Мот, Пьер Эрондель, Пьер дю Мулен¹³.

Во-вторых, дипломатическая служба Елизаветы I имела тесные личные контакты с французскими авторами тех идей, которые могли повлиять на английских мыслителей. Например, Франсуа

¹¹ Баязитова Г.И. Римские правовые понятия «*imperium*» и «*potestas*» в концепции суверенитета Жана Бодена // Из социальной и политической истории Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2007. С. 16-25.

¹² Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 60.

¹³ Лакенихт С. Учителя-гугеноты на Британских островах (XVI–XVIII вв.) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 6-15.

Отман состоял в переписке с Уильямом Сесилом. Его сын, Жан Отман, был наставником Эмиаса Паулета, секретарем Роберта Дадли, а также информатором Фрэнсиса Уолсингема¹⁴. Предводители французских гугенотов видели в Елизавете I естественного лидера протестантской Европы, в свою очередь королева была вынуждена как-то им помогать, чтобы сохранить баланс сил и гарантировать спокойствие своему собственному государству¹⁵.

В-третьих, представляется важным посмотреть, для кого были доступны соответствующие книги. К началу XVII в. интеллектуалы Лондона находились в весьма затруднительном положении, поскольку из-за отсутствующего в городе университета не было и сколько-нибудь внушительного и доступного книжного собрания, за исключением систематизированного собрания книг и рукописей Роберта Коттона¹⁶. Коттоновская библиотека, конечно содержащая трактат Бодена¹⁷, была ценным ресурсом и местом встречи антикваров и ученых, политиков и юристов, в том числе Уолтера Рэли, Дегори Уира, Эдварда Кока, Джона Элиота и других. Экземпляры книг Бодена содержались также в Бодлеанской библиотеке, библиотеке Кембриджского университета, а также в личном собрании Якова I Стюарта.

Исследование рецепции идей Жана Бодена предполагает не столько отображение того, как английскими мыслителями воспринимались идеи Бодена, сколько анализ того, как эти идеи видоизменялись в их политико-правовых концепциях. Важно учитывать, что правовое сознание англичан накануне и во время революции основывалось на нескольких базовых мифологемах. Англичане продолжали верить в древность и нерукотворность общего права и основных государственных институтов¹⁸. Понятие рецепции в данном контексте содержит интеллектуальный элемент преобразова-

¹⁴ Salmon J.H.M. *The French Religious Wars in English Political Thought*. Oxford: Clarendon, 1959. P. 17.

¹⁵ Досси Ю. Гугенотская дипломатия в период первых религиозных войн (1562–1570) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб., М., 2015. С. 167–184.

¹⁶ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. *Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии*. СПб., 2013. С. 11–13.

¹⁷ Davies St. *Empiricism and History*. Houndmills: Palgrave MacMillan, 2003. P. 18–19.

¹⁸ Кондратьев С.В. *Антикварные мифологемы и границы королевской власти в Англии в первой половине XVII в.* // Вопросы истории. № 3. 2016. С. 108–120.

ния знания, то есть, как французские идеи могли трансформироваться на английской почве.

Можно выделить определенный круг вопросов, которые были актуальны для политико-правовых дискуссий в Англии конца XVI - начала XVII в.: идеальная форма правления, качества государя, суверенитет и его ограничения, вопрос о тирании и о возможности сопротивления. Взгляды Бодена достаточно сложны и парадоксальны, чтобы он мог быть удобной фигурой для разных политических группировок. Конечно, использовать политические взгляды Бодена в качестве аргументов было удобно, прежде всего, роялистам. Однако если смотреть на труд Бодена в контексте политических дискуссий во Франции и знать, что он во многом являлся ответом на тираноборческую литературу того времени, то понятен и интерес к идеям Бодена со стороны английских парламентариев.

Во-первых, они могли использовать аргументы Бодена от обратного: многие авторы принимают понятие суверенитета, однако утверждают, что суверенитет должен принадлежать не монарху, а парламенту, который должен обладать правами издавать и отменять законы, осуществлять верховный суд, устанавливать налоги и взимать подати¹⁹. Во-вторых, английские «читатели» получают возможность оценить и те идеи, с которыми Боден пытался полемизировать.

В качестве примера, отражающего сложность данной проблемы можно привести точку зрения историографической традиции, представители которой считают неоспоримым факт заимствования и продолжения Томасом Гоббсом традиции Бодена²⁰. Действительно в его раннем сочинении присутствуют ссылки на «Шесть книг о государстве»²¹. С одной стороны, Гоббс выступал за укрепление власти монарха, который устанавливал бы законы и обеспечивал порядок и стабильность в обществе. С другой стороны, Гоббса с определенными оговорками называют основоположником теории народного суверенитета, которая веком раньше получила отражение в сочинениях Франсуа Отмана «Франкогаллия» и Филиппа Дюплесси-Морнэ «Иск к тиранам» (с которыми вел политическую

¹⁹ В таком контексте можно найти ссылки на труд Бодена, например, у Уильяма Фулбека и Уильяма Принна.

²⁰ Skinner Q. The Foundation of Political Thought. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. P. 234-241.

²¹ Hobbes Th. The Elements of Law Natural and Politic (1640). // URL: <http://www.constitution.org/th/elements.htm> (Дата обращения: 01.04.2016).

полемику Боден). В концепции английского философа соединились абсолютистская теория и идея общественного договора, которые в раннее Новое время обсуждались европейскими мыслителями и наполнялись новыми смысловыми значениями.

Под влиянием процесса становления европейских национальных государств менялась лексика и семантические конструкции, с помощью которых описывалось государство. Их новые значения вплетались в общую ткань политического и правового дискурса. Так возникал новый политический язык, вписываясь в реальность и, в свою очередь, видоизменяя ее.

Таким образом, рецепция не является подражанием, в ходе рецепции любых культурных феноменов возникает не копия, а оригинальный интеллектуальный продукт, что обусловлено и традициями, и институциональными особенностями каждой культуры. Нынешние политические теоретики априори являются наследниками предыдущих правовых традиций, их интерпретаторами и творческими переработчиками. Важная особенность процесса рецепции - он является практически непрерывным, даже в XVI в., когда международные контакты по интенсивности нельзя сравнить с современными. Цель рецепции как подхода выявить исторические нити, связывающие мысль прошлого с современным ее значением.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94 (510).04/.06

РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ МИРА, ИЛИ КАК ФРАНЦИСКАНЦЫ ОТКРЫВАЛИ АЗИАТСКИЙ ВОСТОК

В.Н. Садченко

Северо-Кавказский федеральный университет
кафедра зарубежной истории, политологии
и международных отношений
e-mail: vsadchenko@yandex.ru

Статья отражает специфику миссионерской активности францисканских монахов в последней трети XIII – начале XIV вв. на основе анализа записок Джованни Монтекорвино, Одорико Порденоне, которые выполняя поручения Святого Престола, одновременно собирали первые сведения об истории, культуре средневековых Индии, Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Джованни Монтекорвино, Одорико Порденоне, Джованни Мариньолли, францисканцы, Ханбалык, Зайтон, Монгольская империя, миссионерство, Святой Престол.

EXPANDING THE BOUNDARIES OF THE WORLD, OR AS THE FRANCISCANS OPENED THE ASIAN EAST

Sadchenko V.N.
(Stavropol, Russia)

The article reflects the specificity of the missionary activity of the Franciscan friars in the last third of the XIII – beginning of XIV centuries on the basis of the analysis of the notes of Giovanni of Montecorvino, Odorico da Pordenone, which is carrying out the wishes of the Holy See, at the same time collected the first information about the history and culture of medieval India, China and South-East Asia.

Key words: John of Montecorvino (Giovanni da Montecorvino), Odorico da Pordenone, John Marignolli (John of Marignola, Giovanni Marignolli), the Franciscans, Khanbalik, Zaiton, the Mongol Empire, missionary, the Holy See.

Первый непосредственный контакт европейцев с азиатским Востоком произошёл в XIII веке благодаря миссиям нищенствующих монахов Плато Карпини, Гийома Рубрука, Джованни Монте-

корвино, Бенедикта Польского. В XIV веке эту деятельность продолжили братья Перегрино, Андрей Перуджийский, Одорико Порденоне, Джованни Мариньолли и др.

Противоречивая международная обстановка, сложившаяся на Ближнем и Среднем Востоке на рубеже XIII-XIV вв., породила странный на первый взгляд политический союз между Папской курией, французскими королями, ильханами монгольского Ирана, купцами генуэзской республики, монахами францисканского и доминиканского Орден, правителями Киликийской Армении и ханами Монгольской империи, направленный против мамлюков. Цель состояла в образовании коалиции, вынуждающую мусульман воевать на два фронта, чтобы ослабить их стремительное наступление на Средиземноморском Востоке против крестоносцев.

Для реализации этой задачи понтифики направили с посланиями и письмами к ханам Монгольской империи монахов францисканского Ордена, наделив их полномочиями нунциев и легатов. Кроме того, папство увеличило частоту сообщений между Востоком и Западом в течение последней трети XIII - начале XIV веков. Контакты такого рода прекратились после распада монгольской империи Юань в 1368 году.

Инициатива отправки очередной миссии к хану Хубилаю принадлежала генералу Ордена францисканцев, большому знатоку Востока, Иерониму д'Асколи - будущему папе Николаю IV (1288 - 1292). Пять монахов францисканцев во главе с Джерардо ди Прато были направлены в Татарию (Китай). Среди них Салимбене указывал лектора Антония Пармского, нескольких братьев из провинции Марки Анконской и Тосканы. Путь миссии ограничился Ираном, после чего они вернулись в Европу, не достигнув Татарии (Китая). Став главой Церкви, Николай IV вернулся к своему плану только в 1289 г., когда началось наступление мамлюков против крестоносцев на Средиземноморском Востоке.

Для выполнения этой задачи был избран брат Джованни Монтекорвино. Поселений с названием Монтекорвино («Воронья гора») в Италии имеется два: Монтекорвино Ровелла нель Принчипато, в 15 милях от Салерно и Монтекорвино делле Апульи, в 11 милях от Фоччи. Учёные склоняются к тому, что Джованни происходил из местечка возле г. Салерно. Родился он в 1247 г., монахом стал ещё в юности; по приказу генерального министра Ордена брата Бонаграция (1279-1283) много времени провёл в Персии и Армении, за-

нимаясь миссионерским трудом. Когда он явился по вызову Папы, ему уже исполнилось 42 года.

По распоряжению понтифика Монтекорвино должен был отправить на Восток 28 (26) посланий. Список адресатов широк: цари, принцы, патриархи и прелаты грузинской, несторианской, яковитской и эфиопской церквей, «весь народ армянский и народ эфиопский», папские посланники в Тебризе и сам Великий Хан¹.

В августе 1293 г. он отправился из Венеции вместе с Николаем Пистойским, а в сентябре (октябре) они прибыли в Айас - основной порт Киликийской Армении. Выполнив поручения папы при дворе царя Хетума II (Гетума), они явились в Тебриз, где к ним присоединился богатый купец из Венеции Пьетро ди Лукалонго². Избранный ими маршрут проходил не по суше - через владение Чагатаидов, а по морю - через Индию, вокруг Юго-Восточной Азии. По дороге умер один из братьев - доминиканец Николай Пистойский. В Индии Монтекорвино пробыл 13 месяцев, окрестив, согласно его сведениям, около ста лиц в разных местах³.

Миссия с самого начала столкнулась с рядом трудностей. Так, в столицу Монгольской империи - Ханбалык (Пекин) - миссия прибыла, когда хан Хубилай уже умер. Это способствовало тому, что Джованни очень быстро встретил противодействие со стороны несториан, которые стремились дискредитировать его в глазах нового хана Тимура. Со слов Джованни, в течение пяти лет длилась интрига несториан, объявивших его шпионом и лжеапостолом. Противостояние закончилось тем, что Тимур отправил в изгнание многих из несториан с их жёнами и детьми. Этот случай стал для Монтекорвино «зелёным светом» на поприще апостолата.

В 1298(9) г. по его инициативе и прямом участии была возведена церковь в Ханбалыке, там же находилась главная резиденция бо-

¹ См.: *Коренько В.* Джованни Монтекорвино - треть века в Китае // *Истина и жизнь.* 1995. № 1. С. 49; *Lombardi T.* Storia del francescanesimo. - Padova, 1980. P. 152; *Gemelli A.* Il francescanesimo / Ottava edizione. - Milano, 1969. P. 85; *Latourette K.S.* A history of Christian missions in China. - London, 1929. P. 68.

² The letter of brother John, legate of the Pope in Tartary, to the Archbishop // *Moule A.C.* Christian in China before the year 1550. - L., 1930. P. 179.

³ The second letter of John Montecorvino // *The Mongol mission. Narratives and letters of franciscan missionaries in Mongolia and China in the thirteenth and fourteenth centuries.* Ed., introduction by Christopher Dawson. - L. and N-Y., 1955. P. 224.

гдохана. Кроме того, Монтекорвино «воздвиг башню и водрузил на неё три колокола, крестил более тридцати тысяч человек»⁴. Такие сведения брат Джованни представил сам в своём втором письме от 1305 года. В этом письме Джованни просил прислать ему двух или трёх помощников. При этом он указывал, какой лучше маршрут выбрать для путешествия, сколько времени оно займёт.

За те 12 лет, что он провёл в Китае, Монтекорвино не получал никаких новостей от Римской курии и Ордена меньших братьев. Только в 1303 г. Китая достигли три доктора, среди них один хирург из Ломбардии, которые, по мнению Джованни, богохульствовали в отношении Курии (видимо, сказывались отголоски противостояния между папой Бонифацием VIII и Филиппом IV Красивым. - В. С.). Далее он сообщал, что занимается возведением новой церкви и, «обладая достаточным знанием татарского языка, взялся за перевод Нового Завета и Псалтыри»⁵. Кроме того, Монтекорвино продолжал открыто проповедовать среди народа; планируя перевести все латинские службы на татарский язык так, чтобы их можно было петь.

В 1305 г. Монтекорвино стал возводить в Ханбалыке вторую церковь на деньги купца Пьетро ди Лукалонго, который пребывал с ним всё это время, купив землю для этой обители. Джованни сообщал в письме, что теперь он может разделить мальчиков на две группы и проводить богослужения в двух церквях. Из его писем можно узнать, что он занимался не только укреплением своего христианского прихода, а ещё рисовал картины в качестве иллюстраций к Старому и Новому Завету, подписывая их на латинском, турецком (татарском) и персидском языках, чтобы все «язычники» смогли их прочесть⁶.

Папа Климент V (1305-1314) узнал о нуждах Монтекорвино благодаря францисканскому миссионеру Томмазо ди Толентино, причисленного к лику блаженных вследствие мученической смерти в 1321 году. По возвращении в 1306 (1307) г. в Европу из Золотой Ор-

⁴ The second letter of John Montecorvino // The Mongol mission. P. 224-225. Помимо этого, он выкупил 40 мальчиков-язычников в возрасте 7-11 лет, крестил их и стал обучать латыни и христианским католическим обрядам. Написал для них около 30 псалмов и гимнов, составил два требника, по которым теперь 11 мальчиков ведут службу и поют в конvente, от их пения и колокольного перезвона император получал удовольствие. Ibid. P. 225.

⁵ Ibid. P. 225-227.

⁶ The third letter of John Montecorvino // The Mongol mission. P. 228-230.

ды, Томмазо привёз сведения о Джованни Монтекорвино. 23 июля 1307 г. понтифик издал буллу, по которой Монтекорвино становился «архиепископом и патриархом всего Востока». Кроме того, папой был образован новый викариат Ордена - «Татария или Кайтай».

В помощь Монтекорвино папа направил 7 братьев: Андрея Перуджийского, Джерардо Албуини, Никкола из Банзы, Перегрино из Кастелло, Гильермо из Вилланово, Андруция Перуджийского и Ульдерика, которых предварительно посвятил в епископы⁷. Путешествие в Китай этих братьев было нелёгким, и назначенного места достигли из семи братьев лишь трое. Андрей Перуджийский и его товарищ Перегрино некоторое время пребывали в Пекине, а брат Джерардо Албуини сделался по прибытию епископом г. Зайтона (Цюаньчжоу)⁸.

После смерти Герардо (ум. 1318 г.) Перегрино наследовал этот пост. Из послания брата Перегрино от 1318 г. можно узнать, что он и его братья свободно проповедовали по всей Империи на двух диалектах китайского языка. В Зайтоне находились замечательная церковь и обитель, подаренные братьям армянской вдовой. «За городом имеется красивое местечко с лесом, где мы планируем возвести часовенку и кельи. Мы ни в чём так не нуждаемся, кроме как в братьях, которых мы ожидаем с нетерпением. Епископ брат Джерардо умер, и другие братья долго не проживут, а никто из новых братьев больше не приходит. Церковь скоро так опустеет, что некому будет крестить и вести богослужения»⁹.

В 1311 (1312) г. Папа вновь отправил трёх францисканцев: Фому, Иеронима и Петра Флорентийского. Лишь последний достиг цели, и некоторое время помогал Монтекорвино в его апостольской деятельности совместно с Андреем Перуджийским в Пекине. После смерти Перегрино в 1322 (1323) г. епископат в Зайтоне наследовал Андрей Перуджинский. В своём письме Ордену от 1326 г. он сооб-

⁷ The letter of brother John, legate of the Pope in Tartary, to the Archbishop // Moule A.C. Op. cit. P. 183-187; См. также: Коренько В. Указ. соч. С. 54-55; Lombardi T. Op. cit. P. 157; Красносельцев Н. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872. С. 107; Latourette K.S. Op. cit. P. 70.

⁸ Moorman J.R.H. A history of Franciscan order from its origins to the year 1517. - Oxford, Franciscan Herald Press, 1968. P. 238; Latourette K.S. Op. cit. P. 70.

⁹ The letter of brother Peregrine, bishop of Zaytun // The Mongol mission. P. 232-234.

щает о том, как в 1322 г. приплыл в Зайтон, чтобы наследовать умирающему Перегрино. Там, возле города в лесу, он увидел участок земли размером с милю, где располагалась упомянутая церквушка с постройками и обителями для двадцати монахов. Кроме того, Андрей констатирует своё убеждение, что в этой огромной империи люди разных наций живут согласно собственной вере, но только францисканцы проповедуют истинное учение¹⁰.

В 1328 (1329) г. скончался Джованни Монтекорвино, пришедший в Китай в 1293 г. в возрасте 46-ти лет и проработал 35 лет, за время которых его маленькая миссия выросла и стала процветать. Такой успех закономерен, поскольку он основан на мудрости, любви, энергии и трудолюбии. Отрезанный на 11 (12) лет ото всего остального мира, один в незнакомой и даже временами враждебной стране, он всё же не отступил от назначенных целей своей миссии. Он не просто выжил, но и преуспел: возвёл несколько обителей, кафедральный собор, перевёл Библию и Псалтырь, выучил татарский язык и обучал латинскому и греческому языкам других. Возможно, не существует лучшей эпитафии на его могиле, чем слова некоего христианского полководца, который, услышав о его смерти, описал его как «храброго, одарённого и святого человека»¹¹. Очень странно, что Джованни Монтекорвино не был причислен к лику святых или блаженных. Он более трети века прожил в абсолютно чужом и враждебном мире иноверцев, заложив основы маленького европейского мирка в центре китайской империи. Помимо исключительно религиозно-духовных поручений, он проделал огромную просветительско-образовательную работу. Один лишь перевод части Библии на китайский язык, чуждый, и по морфологии, и по звучанию европейским языкам, очень много значит для культурного развития всего человечества. Наконец, отец Джованни обладал явным педагогическим талантом, без усталости обучая всех желающих, убеждая и обращая местных жителей. Дело Монтекорвино в XIV-XV вв. продолжали другие францисканцы, но уже с меньшим успехом.

Одним из указанных современников был францисканец Одорико Порденоне (нач. 1280-х?-1331), одержимый любопытством к невиданному и сказочному миру. Одорико Порденоне (Фриульский, Матиуш) родился в деревушке Вилланова, что вблизи Порденоне в

¹⁰ The letter of Andrew of Perugia // The Mongol mission. P. 235-237.

¹¹ *Moorman J.R.H.* Op. cit. P. 238.

исторической области Фриулия (ныне входит в состав итальянской провинции Удине) в 1274 г. (по другим данным в 1284 или 1285). Эта область в те времена входила в состав чешского королевства, а отец Одорико служил в местном гарнизоне. Нам ничего не известно о его детстве. По-видимому, он вступил в Орден в возрасте пятнадцати лет в монастыре Сан-Франческо в Удине, и долгое время проживал затем в еремитории францисканской провинции Венеция.

Проживая в еремитории, он, видимо, и узнал об успешных миссиях собратьев Платано Карпини, Гийома Рубрука, Джованни Монтекорвино, слухи о которых ходили по всем обителям францисканского Ордена, и решил отправиться на Восток. Одорико решил отправиться с миссией на Восток.

Данные о жизни Одорико отмечены в трёх юридических актах (1316, 1317 и 1318 гг.), в которых он появляется в качестве участника и свидетеля. По мнению Андреа Тилатти, качество правовых сделок, участников и свидетелей указывают на престиж и высокие социальные и организационные связи, говорящие о его контактах с курией в Авиньоне¹². Это, возможно, даёт нам объяснение последующей поездки на Восток, учитывая заинтересованность папства в подобных миссиях.

Одорико провёл приблизительно одиннадцать лет, с 1318 по 1329 гг., путешествуя и проповедуя христианство в Индии и Китае, прежде чем возвратился в Италию. В мае 1330 г. он оказался в Падуе, где продиктовал свои «Путевые заметки» брату минориту Гульельмо да Соланья. Одорико умер в начале 1331 году. Несколько биографов также добавили описание его посмертных деяний для его беатификации Римско-католической церковью, а последующие агиографы воспроизводили эту информацию¹³. Одна из новых работ - монография Джанкарло Стивалья - связана с комиссией канон-

¹² *Tilatti A.* Odorico da Pordenone. Vita e Miracula. – Padova, Centro Studi Antoniani, 2004. P. 17-22; *Tilatti A.* Odorico da Pordenone [Электронный ресурс] // Treccani, la cultura Italiana. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/odorico-da-pordenone_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/odorico-da-pordenone_(Dizionario-Biografico)/) (Дата обращения: 20.05.2016).

¹³ *Domenichelli T.* Sopra la vita e i Viaggi del beato Odorico da Pordenone dell'ordine de' minori. – Prato: Ranieri Guasti, 1881; *Melesi F.* Palmira. Il viaggio meraviglioso del beato Odorico da Pordenone. – Roma: Unione Missionaria del Clero in Italia, 1938; *Stival G.* Frate Odorico del Friuli. Da Pordenone all Cina per «guadagnare anime». – Padova: Messagero, 2002.

низации Одорико¹⁴. Все эти исследования заполняют много пробелов в биографии Одорико и интерпретируют его путешествия с миссионерской позиции. Некоторые учёные, размышляя о «Путевых заметках» Одорико, пытаются увидеть даже поиски счастья¹⁵.

Но нас интересует не только миссионерская подоплёка его путешествий. Например, для Генри Юла Одорико был «человеком с невысокими моральными качествами и интеллектуальными способностями... обладающий страстным желанием к путешествиям по странным землям, но не слишком стремящимся к проповеднической и аскетической практике»¹⁶. Анри Кордые упоминает посредственные способности в науке этой «простой души», а также наивность и дружелюбие Одорико¹⁷. Джулиано Бертуццоли и Федерико Мазини, говоря о монахе, упоминают его как «исключительно одарённого», в то время как Л. Олигенр, Р. Зилверберг и И. де Рачевиц находят его слишком легковёрным. Его описаниям, по мнению Дж. Мурмэна, не хватает бесхитростности и прямоты Джованни Монтекорвино и Гийома Рубрука. Он восхищается чудесами и странными обычаями, но не снабжает их толкованиями и комментариями¹⁸, мало упоминает о духовной миссии. Оскар Рональд Дэзорн находит в Одорико нехватку чувства юмора, в то время как Розмари Цанэки думает, что Одорико не достаёт не только чувства

¹⁴ Ryan J.D. *Missionary Saints of the High Middle Ages: Martyrdom, Popular Veneration, and Canonization* // *The Catholic Historical Review*. – 2004. – № 90. P. 1-28; Liščák V. *Christianity in Mongolian China and Mission of Odoric of Pordenone* // *Eastern Christianity, Judaism, and Islam between the Death of Muhammad and Tamerlane (632-1405)*. / Ed. Marián Gálik and Martin Slobodník. – Bratislava: Slovak Academy of Sciences, 2011. P. 243-263; Liščák V. *Odoric of Pordenone and His Account on the orientium partium in the Light of Manuscripts* // *Anthropologia integra*. – 2011. – № 2. P. 63-74.

¹⁵ Chiesa P. *Scelta di un testo base e conseguenze traduttive nella Relatio di Odorico di Pordenone. Tradurre testi medievali. Obiettivi, pubblico, strategie*. / Ed. Maria Grazia Cammarota and Maria Vittoria Molinari. – Bergamo: Bergamo UP, 2002. P. 315.

¹⁶ Yule H. *Cathay and the Way Thither*. / Ed. Henri Cordier. – London: The Hakluyt Society, 1915. Vol. 2. P. 11; Reichert F.E. *Incontri con la Cina. La scoperta dell'Asia orientale nel Medioevo*. Trans. Annamaria Sberveglieri. – Milano: Francescana, 1997. P. 99.

¹⁷ Цит. по: Luca D. *China as the Other in Odoric's Itinerarium* [Электронный ресурс] // *Comparative Literature and Culture*. – 2012. Volume 14. Issue 5 (December 2012). Article 3. // URL: <http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2136&context=clweb> (Дата обращения: 18.05.2016).

¹⁸ Odoric of Pordenone // *Moule A.C. Op. cit.* P. 244.

юмора, но и смирения, называя его «самоуверенным», «высокомерным», «имеющим высокое самомнение», а также «крайне нетерпимым»¹⁹. Мэри Б. Кэмпбелл, развивая последнюю мысль, говорит об «агрессивной ксенофобии» Одорико²⁰.

Как видим, прямая корреляция между автором и его работой в случае со средневековыми текстами даёт нам больше вопросов, чем ответов. Это верно и в случае «Путевых заметок» Одорико, чья текстовая подвижность или переменчивость были особенно сильными. Рукопись написана на латыни, с включениями фраз на языках европейских стран. Текст «Путевых записок» Одорико часто воспроизводился в течение XIII-XV вв. с большим числом народных версий. Работа стала своего рода средневековым бестселлером, поскольку широко циркулировала как в религиозных, так и в академических и коммерческих кругах. В итоге, его труд получил следующие характеристики: «многозначный», «многообразный» и «мультиуниверсальный и многоцелевой»²¹.

Текст Одорико приспособился к новым контекстам и читателям, став, по мнению Д. Троттера, «к сожалению, популярным»²², отдаляя первоначальную работу Одорико от самого автора, приобретая разнообразие формы, и с точки зрения языка и с точки зрения содержания. Эта непрерывная мутация сделала его текст «широко читаемым, часто используемым, многофункциональным, и прежде всего, динамичным»²³.

«Путевые заметки» начинаются со слов «я», «монах Одорико из Фриулии», который видел и слышал много чудес от разнообразных людей, у которых было что-то рассказать или описать об «обычаях

¹⁹ Tzanaki R. Mandeville's Medieval Audiences: A Study on the Reception of the Book of John Mandeville (1371-1550). – Aldershot: Ashgate, 2003. P. 8, 9, 233.

²⁰ Campbell M.B. The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400-1600. – Ithaca, 1988. P. 156, 264.

²¹ Цит. по: Luca D. China as the Other in Odoric's Itinerarium [Электронный ресурс] // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. – 2012. Volume 14. Issue 5 (December 2012). Article 3. // URL: <http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2136&context=clcweb> (режим доступа: 18.05.2016).

²² Trotter D.A. En ensivant la pure verité de la letre. Jean de Vignay's Translation of Odoric of Pordenone. Littera et Sensus: Essays on Form and Meaning in Medieval Literature. / Ed. D.A. Trotter. – Exeter: U of Exeter, 1989. P. 31.

²³ O'Doherty M. The Viaggio in Inghilterra of a Viaggio in Oriente. Odorico da Pordenone's Itinerarium from Italy to England // Italian Studies. – 2009. – № 64. P. 201.

и особенностях различных частей этого мира»²⁴. Особенностью текста является то, что «я» Одорико использует в процессе описания путешествий в Азию, после путешествия в Китай, а вот при описании самого Китая «я» встречается намного реже. Таким образом, учёные стали применять термин «декларация тишины» в отношении описания различных мест, событий, обычаев Китая. Вероятно, это своего приём рассказчика для того, чтобы впоследствии воспроизвести более полно увиденное в Китае или желание монаха уменьшить страх читателей перед «Другим»²⁵.

По сведениям францисканского историка Д. Мурмэна, Одорико покинув Европу около 1314 г. и направился в Персию, где провёл с миссией 7 лет. Одорико снабжал краткими описаниями места, ими увиденные, отмечал культурные, религиозные, общественные, производственные и коммерческие особенности²⁶.

Оттуда Одорико направился в Индию, где в г. Тана (вблизи Мумбаи) он узнал о мученической смерти братьев, останки которых взял с собой²⁷. Он установил останки Томмазо да Толентино, Джакомо из Падуи, Деметрио из Тифлиса (но не тело Пьетро да Съена) и вывез их в г. Зайтон, тогдашней епископской кафедры. Письмо епископа Андреа Перуджийского, датированное 1326 г., подтверждает это. Он упоминает похоронный ритуал самосожжения вдов - сати у индуистов (или у идолопоклонников, как он их называет): «...есть отвратительный обычай: когда кто умирает, его сжигают, а если была у него жена, то жгут и жену вместе с покойником-мужем и говорят - жена должна и на том свете сопровождать своего мужа. Впрочем, если вдова имеет детей, то она может, если того пожелает, сохранить жизнь...»²⁸. Не смог Одорико уйти и от средневековых паттернов. Так, описывая остров НикOVERан (Нико-

²⁴ Yule H. Op. cit. P. 97.

²⁵ Цит. по: Luca D. Op. cit. ; Koss N. The Best and Fairest Land: Images of China in Medieval Europe. - Taipei: Bookman, 1999. P. 123-124; Valtrová J. Beyond the Horizons of Legends: Traditional Imagery and Direct Experience in Medieval Accounts of Asia // Numen. - 2010. - № 57. P. 180.

²⁶ Одорико Порденоне. Восточных земель описание, исполненное Одорико, богецем из Фороюлио, что в провинции Антония. // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трёх Индий. - М., 1968. С. 171-174, 186.

²⁷ Larner J. L'Italia nell'età di Dante, Petrarca e Boccaccio. Società editrice il Milano. - Bologna, 1982. P. 401; Moorman J.R.H. Op. cit. P. 431.

²⁸ Одорико Порденоне. Восточных земель описание, исполненное Одорико. С. 179.

барские острова), он говорит о жителях с собачьими головами и о каннибализме. Подобные описания даёт нам и Марко Поло, говоря об Андаманских островах. Вероятно, Одорико никогда не бывал на Никобарских островах.

После Тана, Одорико продолжил путешествие до Малабара и Ченнаи (Мадрас), посетил могилу проповедника Фомы в Мулариг (ныне Майлапор). В дальнейшем рассказ становится более запутанным и трудно установить направление его движения и идентифицировать ту местность, которую он посетил.

После Индии, следующим пунктом маршрута Одорико из Парденона стал Цейлон, затем он доплыл до Суматры, Явы и Борнео, став, возможно, первым европейцем, вступившим на эти острова. Потом, он путешествовал по Китаю, достиг г. Зайтона, где и похоронил останки мучеников во францисканской церкви, построенной во времена Джованни Монтекорвино. Он также посетил Кантон (Гуанчжоу), Чуанчжоу, Ханчжоу, Янчжоу²⁹.

Одорико постоянно учитывает в количественном показателе (размеры, стоимость, богатство) того, что он видел в городах Китая: от гусей в городах до жителей, сколько жемчужин в ожерелье правителя, количество домов и прочее. Одорико, полагавший Венецию образцом большого города, был сражён размерами г. Ченкала (Джингай), который, по его оценке, в три раза больше Венеции. Он отмечает, что во всей Италии не найдётся такого количества кораблей, сколько их в одном этом городе³⁰. Описывая фауну, он отмечает особую породу гусей с наростом над клювом, которые весьма жирны, как и утки с курами. Кроме того, он упоминает о ловле змей и приготовлении из них праздничной трапезы. Как известно, кантонская кухня тяготеет к сладким вкусам и всем видам мяса (в том числе змей и улиток), это и подметил в своё время Одорико.

Побывав в Фучжоу, он отметил самых больших петухов в мире и белых кур, которые вместо перьев покрыты были шерстью. Величайшим городом в мире францисканский монах называет Ханчжоу, который имеет 100 миль в окружности и насчитывает более 12 тысяч мостов. В те времена этот крупнейший торговый и ремесленный центр Китая славился, в частности, шелками. До сих пор в Китае существует пословица «На небесах есть рай, а на земле есть Сучжоу и Ханчжоу».

²⁹ Odoric of Pordenone // Moule A.C. Op. cit. P. 241-242.

³⁰ Ibid. P. 244.

На побережье Южного Китая Одорико увидел оригинальный способ рыбной ловли при помощи бакланов. Минорит рассказывает об одном случае, когда минориты, заиграв на гонге в саду, «заставили покинуть пещеры испуганных животных, среди которых он распознал диких кошек, куниц, обезьян, бабуинов, лисиц, волков, дикобразов. Были даже рогатые твари с человеческим лицом. Когда же братья выдержали паузу, то звери вновь вернулись в свои норы. Одорико был полон страха и удивления, когда обратился с вопросом к брату: «Почему здесь так много зверей и почему вы их кормите?» Брат ответил, что это были души больших господ и знатных людей, а кормят они ради любви к Господу. Если кто-то был праведным мужем, то его душа переходит в одного из этих благородных животных; души же грубых людей поселяются в обычных зверях»³¹. Это явное влияние буддизма и идей инкарнации.

Описывая Хиленфо (Кантон), Одорико говорит о его значительных размерах (40 миль в диаметре), развитом судоходстве, большом количестве мостов, а также упоминает о пигмеях. По Великому каналу Одорико прибыл в Ханбалык (Пекин), где прожил три года, много узнал о Китае и китайцах нового, о чем не пишет даже Марко Поло. Он рассказывает, например, о том, что признаками знатности у мужчин служат длинные ногти, а у женщин - маленькие ножки (обряд бинтования ножек)³².

По мере приближения к Ханбалыку, Одорико все чаще упоминает о различных «*mirabilia*», как-то курицы с шерстью вместо перьев или описывает земли пигмеев.

О том, что Одорико «проповедовал нашу священную религию по следованию всего своего пути до Пекина, и где он находился 3 года» сообщает другой францисканский монах Жозе Мария Вила в письме, датированном 28 февраля 1892 годом. Сам же Одорико о своём апостолате в ходе путешествий почти не сообщает, его мало интересует эта часть собственной деятельности.

Помимо монахов-миссионеров в XIV в. известны и другие путешественники по Востоку, бывшие зачастую купцами и торговцами. Одорико повествует, что в г. Гуйчжоу (Ханг-чжоу), на местном языке называемом Городом Небес, он встречал много людей из Венеции, христиан, но по большей части - сарацин и язычников³³.

³¹ Odoric of Pordenone // *Moule A.C. Op. cit. P. 244.*

³² *Ibid. P. 247.*

³³ Odoric of Pordenone // *Moule A.C. Op. cit. P. 242.*

Он пребывал в Китае до 1328 г., пока не решил вернуться в Италию, вероятно, через Тибет³⁴ и его точное возвращение маршрут почти невозможно восстановить³⁵. Одорико о своём апостолате в ходе путешествий почти не сообщает, но его интересует неизвестный и чуждый мир. Одорико восхищается чудесами и удивительными обычаями, его рассказы изобилуют подробностями китайской жизни: он упоминает плавание на джонках, традиции бинтования ног у женщин, обычай носить длинные ногти, описывает ловлю рыбы при помощи ручных бакланов. Достоверные факты перемежаются с выдумками и неточностями, особенно в описании островов Индонезии. Тем не менее, или именно поэтому, фантастически приукрашенные приключения Одорико легли в основу книги XIV в. Джона Мандевиля, которой зачитывалась средневековая Европа.

До нас дошла хроника брата Джованни из Флоренции, прозванного Мариньолли, епископа Бизиньяно (1246?-1328). О путешествии Мариньолли, которое было предпринято в ответ на миссию от Великого Хана, известно очень мало, за исключением того, что он сам изложил в своих записях. Лука Ваддинг, опираясь на копии писем из папских записей, ответов на послания татарских путешественников и выдержки из хроники самого Мариньолли, зафиксировал прибытие группы францисканцев в Ханбалык в 1342 г., а появление брата в Авиньоне датировано 1353 годом³⁶.

В качестве нунция и легата к хану с письмами и дарами в 1334 г. Джованни направил Папа Бенедикт XII. Монах, покинул Авиньон в 1338 г. и морем достиг Константинополя. Там он имел дискуссию с греческим патриархом и целой группой учёных мужей из академии Св. Софии, одержав верх в этом споре³⁷. Затем Джованни морем отправился через Каффу и, достигнув хана Узбека, отдал ему

³⁴ Reichert F.E. Incontri con la Cina. La scoperta dell'Asia orientale nel Medioevo. Trans. Annamaria Sberveglieri. – Milano: Francescana, 1997. P. 103.

³⁵ Luca D. Op. cit.

³⁶ Extracts from The chronicle of the right reverend John surnamed of the Marignolli of Florence of the Order of the Minors bishop of Bisignano // Moule A.C. Op. cit. P. 252; Compendium Chronicarum fratrum minorum. Scriptum a patre Mariano de Florentia (Continuato) (1) // Arhivum Franciscanum Historicum. – 1910. – Annus III. Tomus III. P. 297.

³⁷ Extracts from The chronicle of the right reverend John surnamed of the Marignolli of Florence of the Order of the Minors bishop of Bisignano // Moule A.C. Op. cit. P. 25-255.

письмо и подарки от понтифика. После зимовки он отправился в центр империи - Ханбалык, где его миссией была возведена церковь на купленной для этой цели земле. Джованни и его товарищи соорудили там купели для крещения, согласно латинскому обряду; крестили и проповедовали свободно и открыто, несмотря на то, что недавно епископ и 6 францисканцев претерпели мученическую смерть³⁸. Позже они достигли Ханбалыка, являвшегося резиденцией Восточной империи. Братьев поразила невероятная величина войск, охраняющих столицу. Хан принял их, когда узнал о подарках, которые они везли с собой, разместив в богатых покоях («императорской комнате») и закрепив за ними двух князей, которые обихаживали и развлекали их³⁹.

Как указывает Мариньолли, в Китайской империи им удалось многих крестить. Думается, причина такого успеха крылась в относительной религиозной терпимости многих императоров в Китае до прихода к власти династии Мин, самой китайской из всех средневековых династий. Мариньолли подтверждает сведения Монтекорвино о том, что минориты возвели в Ханбалыке кафедральный собор и постоянную резиденцию Архиепископа Пекинского, поблизости от дворца императора, несколько церквей и колоколен в самом городе, звук которых в почёте у императора. Эти подробности в перечислении всех достижений дают основание полагаться на сведения Монтекорвино и в остальных вопросах.

В 1338, 1362, 1370-1371 гг. с папского двора к императору Китая отбывают несколько посольств, но об их результатах мало что известно⁴⁰. После воцарения в Китае в 1368 г. династии Мин, отличавшейся ксенофобией, двери для миссионеров оказались закрыты на несколько веков.

Итак, миссии францисканцев преследовали религиозные и дипломатические, просветительско-образовательные цели. Во-первых,

³⁸ Ibid. P. 255. Мариньолли приводит имена тех братьев: епископ Ричард из Бургундии, братья Франциск из Александрии, Паскаль Испанский, Лаврентий (Лоуренс) из Анконы, Петр, брат их Индии и купец Джилотто погибли мученической смертью.

³⁹ Ibid. P. 258-259. Как хвастается Мариньолли, обслуживающий персонал был прислан из дворца самого императора. За те 3-4 года (между 1322 и 1328 гг.), что монахи там пробыли, они вели славные споры с евреями и другими сектантами.

⁴⁰ Compendium Chronicarum fratrum minorum. Scriptum a patre Mariano de Florentia (Continuato) (1) // Arhivum Franciscanum Historicum. P. 305, 307.

установлению прямых связей между европейским Средиземноморьем, Ираном, Индией и Юаньской империей активно способствовали монахи нищенствующих монахов. Во-вторых, в XIV в. у жителей латинского мира усилился интерес к Востоку. До XIII столетия представления средневекового Запада об Индии в основном определялись сообщениями античных авторов как о стране диковин. Марко Поло (1254-1324) был первым из средневековых авторов, сообщавших «преимущественно эмпирические данные». Не менее чем Марко Поло, одержимым любопытством к невиданному миру, диковинным животным и к несметным богатствам Индии стал монах францисканец Одорико из Парденона, причисленный к лику блаженных по своей смерти, последовавшей в 1331 году.

Кроме того, многие братья, особенно Джованни Монтекорвино, занимались миссионерством, следуя заветам св. Франциска Ассизского, а некоторые (как Одорико Порденоне), используя апостолат, могли реализовать свою страсть к познанию нового мира. В-третьих, почти все минориты обладали остро развитой любознательностью, которая очень выгодно сказалась как на их сочинениях, читать которые легко и увлекательно, так и на внимании к разного рода мелочам, которые в будущем приобрели большое значение для этнографов, культурологов и историков.

Собранные ими знания о Китае, Индии, островах в Индийском океане ставили под удар всю систему средневекового мышления, расшатывали те основы, на которых эта система покоилась. Значение сведений Одорико и его братьев далеко не исчерпывается тем воздействием, которое они оказывали на творческую мысль Западной Европы: в XIV и в XVI вв. их описания азиатских стран были и остаются важнейшими источниками по истории Востока. Относительно тесные контакты по сравнению с античными временами и периодом раннего средневековья между Средиземноморьем и странами Востока вызвали существенные сдвиги в духовной жизни средневекового европейского мира.

БАЛКАНЫ, ВИЗАНТИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИКЕ КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА

А.Н. Галямичев

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра всеобщей истории
e-mail: galyamichev57@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются дипломатические акции короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV Люксембурга (1346 – 1378), которые были предприняты им в 1350-е – 1360-е гг. с целью оказать влияние на ход событий на Балканах и Ближнем Востоке в связи с началом османской экспансии.

Ключевые слова: Карл IV Люксембург, Балканы, Византия, турки-османы, Священная Римская империя.

THE BALKANS, BYZANTIUM AND THE MIDDLE EAST IN THE POLICY OF CHARLES IV OF LUXEMBOURG

A.N. Galyamichev
(Saratov, Russia)

This article considers the diplomatic actions of king of Bohemia and Holy Roman Emperor Charles IV of Luxemburg (1346-1378), which was undertaken in the 1350 – 1360-th years in order to influence the course of events in the Balkans and the Middle East in connection with the early Ottoman expansion.

Key words: Charles IV of Luxemburg, Balkans, Byzantium, Ottomans, Holy Roman Empire.

Выбор темы настоящего сообщения был определён юбилейной датой, которая пришлась на 14 мая 2016 года. В этот день исполнилось 700 лет со дня рождения Карла IV Люксембурга, являвшегося в 1346-1378 гг. королём Чехии и одновременно императором Священной Римской империи.

Правление Карла IV занимает очень важное место в истории Европы XIV века. Достаточно вспомнить лишь важнейшие проблемы, решение которых имело первостепенное значение для европейского Запада в момент вступления Карла Люксембурга на королевский и императорский престолы: шла Столетняя война, папство

вынашивало планы освобождения из Авиньонского плена, а всего два года спустя на страны Европы обрушилась страшная эпидемия чумы, вошедшая в историю под зловещим именем «Чёрной смерти». В этих сложных обстоятельствах правитель Чехии и империи настойчиво проводил курс на укрепление своей власти и добился на этом пути значительных успехов. Проводимая им политика отличалась дальновидностью и трезвым реализмом в оценке своих возможностей, умением учитывать при принятии решений множество разнородных факторов¹.

Правление Карла Люксембурга принято рассматривать в контексте истории стран Западной Европы, что совершенно обоснованно. Однако портрет выдающегося правителя XIV века можно дополнить несколькими штрихами, связанными с почти не затрагивавшимися в отечественной историографии его внешнеполитическими акциями, направленными на Восток².

В этой связи необходимо вспомнить, что на начальные годы правления Карла IV в Чехии и Священной Римской империи пришлось и такое исключительно значимое для всемирной истории событие, как начало турецких завоеваний в Европе, которое было положено захватом османами крепости Цимпе на Галлипольском полуострове в 1352 году.

Начало многовекового наступления мусульманского Востока на Запад заставило Карла Люксембурга обратить внимание на положение дел на Балканах, а случай сделать попытку оказать влияние на их ход впервые представился знаменитому правителю во время его коронационного похода в Рим в 1355 году.

На пути к «Вечному городу» Карл IV в марте остановился в Пизе, куда в то же самое время прибыло посольство Папы Иннокентия VI, державшее путь из Авиньона ко двору самого могуществен-

¹ См.: *Леонтьевский А.В.* «Политические максимы» Карла IV Люксембурга // Политический лидер, партия и общество. Саратов, 1992. С. 14-29; *он же.* Искусство возможного в политике Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1995.

² Первые опыты специального рассмотрения этой проблематики были предприняты в чешской историографии в связи с юбилейными научными мероприятиями по случаю 600-летия со дня смерти Карла IV. См.: *Hrochová V.* Karel IV., jižní Slované a Bysanc // *Doba Karla IV. v dějinách národů ČSSR. Mezinárodní vědecká conference. Materiály z plenárního zasedání a ze sekce historie/* Praha, 1981. S. 192-199; *Hroch M., Hrochová V.* Karel IV. a otázka obrany Balkánu proti Osmanům v polovině 14. století // *Karolus quartus. Piae memoriae fundatoris sui universitas Carolina.* Praha, 1984. S. 205-214.

ного из балканских правителей того времени — царя сербов и греков Стефана Душана. В ходе переговоров при дворе последнего планировалось обсудить вопрос об организации совместного крестового похода против турок, причём, по замыслу Папы Иннокентия VI, именно Стефану Душану предназначалась роль его главного военного предводителя.

Одновременно посланцы Папы намеревались обсудить вопрос о заключении унии между западной и восточной церквями и переходе сербской церкви под верховенство папы.

Узнав о целях посольства, Карл IV составил и отправил вместе с посольством собственное письмо Стефану Душану³, в котором он проводил мысль о благотворности заключения церковной унии и при этом особо отметил языковое родство Сербии и Чехии — ядра наследственных владений династии Люксембургов⁴. Насколько на сегодняшний день известно, письмо Карла IV Стефану Душану осталось без ответа, а состоявшиеся при дворе православного правителя переговоры не увенчались успехом. Царь сербов и греков не выразил тогда готовности к заключению церковной унии, а дальнейшие контакты Стефана Душана со странами Запада были прерваны его внезапной смертью в конце 1355 года.

Когда Карл IV вскоре (в соответствии с принятыми обязательствами Карл покинул Рим в день коронации, которая состоялась 5 апреля⁵) возвращался в Чехию Рима, в той же Пизе судьба предоставила ему случай во второй раз прикоснуться к драматическим событиям, которые в это время разворачивались на Балканах.

Во время остановки Карла в том же итальянском городе сюда прибыло новое посольство из Авиньона, которое на этот раз направлялось в Константинополь, ко двору византийского императора Иоанна V Палеолога⁶, одержавшего в ноябре 1354 г. победу над

³ *Collectarius perpetuarum formarum Johannis de Geynlhusen / Ed. H. Kaiser. Innsbruck, 1900. № 179. P. 167-169.*

⁴ Ещё в 1347 г. в Праге был основан известный своими уникальными фресками монастырь «На Слованах», где осуществлялось богослужение на старославянском языке, собирались и создавались славянские рукописи. По мнению многих историков, монастырь был призван «прокладывать пути сближения западной и восточной церквей» и утверждению императорской власти Карла IV в восточной, прежде всего славянской части Европы. См.: *Поп И.И. Искусство Чехии и Моравии IX — начала XVI века. М., 1978. С. 188.*

⁵ *Spěvaček J. Karel IV. Život a dílo. 1316 — 1378. Praha, 1979. S. 241-242.*

⁶ Правил с 1341 по 1376 и с 1379 по 1391 гг.

своим соправителем и вместе с тем давним противником — Иоанном VI Кантакузином. Последний в борьбе с Иоанном V неоднократно обращался за военной помощью к туркам и уступил им в знак благодарности за эту помощь крепость Цимпе⁷. И на этот раз Карл IV воспользовался случаем, чтобы написать православному императору письмо⁸, в котором счёл необходимым упомянуть о своём отдалённом кровном родстве с Иоанном V.

По всей вероятности, в переговорах в Константинополе по поручению Карла IV принимал участие один из его вассалов, принимавших участие в коронационном походе — силезский князь Генрих Глогговский⁹, который из Рима отправился в паломнический путь в Святую Землю.

Результаты переговоров в Константинополе были гораздо более благоприятными для Папы, нежели контакты с сербским правителем: Иоанн V издал по их завершении специальный хрисовул (торжественную грамоту, скреплённую золотой печатью), в котором обязался приложить все усилия к тому, чтобы духовенство и всё население Византийской империи признали верховенство главы западной церкви¹⁰.

Впоследствии Иоанн V даже совершил путешествие в Авиньон, хотя ни хрисовул, ни личная встреча с Папой Иннокентием VI не могли изменить настроение православного духовенства и подданных империи, большинство которых было склонно скорее признать верховенство турецкого султана, нежели подчиниться западной церкви.

После этих контактов середины 1350-х гг. во встречном движении православных государств Балканского полуострова и католического Запада наступила пауза. Одной из главных причин этого обрыва контактов было раздробление Сербско-греческой державы на множество мелких осколков после смерти Стефана Душана¹¹. Об-

⁷ См.: Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 186.

⁸ *Collectarius perpetuarum formarum Johannis de Geynlhusen / Ed. H. Kaiser.* Innsbruck, 1900. № 180. P. 169-170.

⁹ *Hroch M., Hrochová V. Karel IV. a otázka obrany Balkánu proti Osmanům v polovině 14. století.* S. 210.

¹⁰ См.: Поляковская М.А. Судьба византийского проекта 1355 г. об унии церквей // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 237-238.

¹¹ См.: Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 96-106.

разовавшийся на развалинах православной империи «пояс астероидов», крупнейшим из которых стала Босния с особым путём развития церкви¹², существенно затруднил поддержание прямых связей между Константинополем и странами Западной Европы.

Однако уже к середине 1360-х гг. события на Балканах приняли настолько крутой оборот, что вызвали к жизни идею организации крупного крестового похода против турок-османов.

В 1362 г. османы, успевшие к этому времени захватить ряд областей в восточной части Балканского полуострова, в том числе Адрианополь, куда в 1365 г. была перенесена из Бурсы столица османского государства, что было ярким свидетельством намерения овладеть в ближайшем будущем и Константинополем.

Тревожные вести с Востока подготовили почву для благожелательного отклика на призыв короля Кипра Петра (Пьера) I Лузиньяна¹³ отправиться в крестовый поход, с которым он обратился к государям и рыцарям католического мира и в 1362–1365 гг. совершил ради этого специальную поездку по странам Западной Европы¹⁴.

В числе европейских столиц, через которые проходил путь воинственного короля Кипра, видное место заняла Прага, где Пётр Лузиньян встретил радушный приём Карла IV Люксембурга¹⁵, ко-

¹² Боснийская церковь сформировалась в XII в. и представляла собой самостоятельную как от католического Рима, так и от православного Константинополя организацию, в вопросах вероучения близкую к ереси богомилов. Она прекратила существование лишь с завоеванием Боснии турками в XV в. См.: *Солодовникова О.С.* Социально-политическое развитие Боснии в IX – начале XV в. Воронеж, 2013. С. 59-66, 160.

¹³ С правлением (1358 – 1369) этого короля, который, по определению Б. Куглера, обладал «сильным, гениальным, но в то же время склонным к чистому безумству характером» (*Куглер Б.* История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 495), а также с правлением предшественника Петра I Гуго IV (1324–1358) связано время наивысшего подъёма королевства, когда территория государства крестоносцев распространялась не только на Кипр, но и на некоторые земли на восточном побережье Средиземного моря (часть современной турецкой провинции Анталы).

¹⁴ См.: *Близнюк С.В.* Крестоносцы Позднего Средневековья: король Кипра Пьер I Лузиньян. М., 1999. С. 32-34.

¹⁵ Чешские историки обращают внимание на тот факт, что в поэме знаменитого французского поэта и композитора, «последнего трувера» Гийома де Машо «Падение Александрии», в которой описывается путешествие Пьера I Лузиньяна по странам Европы, наибольшее внимание уделяется именно пребыванию короля-крестоносца в Праге при дворе Карла IV

торый поддержал идею крестового похода и, кроме того, выступил в качестве посредника во время последующих переговоров кипрского короля с правителями Польши и Венгрии Казимиром III и Людовиком I в Кракове¹⁶.

В конечном итоге Петру Лузиньяну удалось собрать большое крестоносное ополчение, которое в 1365 г. отправилось на судах с острова Родос на Александрию, овладело городом и учинило там страшный разгром, заставивший современников вспомнить о взятии крестоносцами Иерусалима в 1099 и Константинополя в 1204 годах.

Хотя первоначальный замысел похода предполагал овладение Иерусалимом (короли Кипра продолжали носить титул иерусалимских королей), после взятия и разгрома Александрии крестоносцы поспешили вернуться восвояси¹⁷, поскольку захваченная добыча требовала немалых усилий для сохранения и выгодного использования.

Первоначально в походе кипрского короля намеревался принять участие савойский граф Амадей VI¹⁸ («столь громко, — как отмечает С.В. Блюзнюк, — выражавший желание принять участие в крестовом походе Пьера I, что об этом знала вся Европа»¹⁹), который приходился родственником византийскому императору Иоанну V по материнской линии — племянником вдовствующей императрицы Анны Савойской. Однако поход на Александрию состоялся без его участия, и после завершения скоротечной морской экспедиции и подписания мира между королём Кипра и Египтом честолюбивый граф, настойчиво добивавшийся расширения своих

(*Hrochová V. Karel IV., jižní Slované a Bysanc. S. 196*). При этом, необходимо, на наш взгляд, принять во внимание тот факт, что Гийом из Машо в течение нескольких лет (в 1320-е гг.) являлся секретарём и придворным отца Карла IV, короля Чехии Иоанна Люксембургского, сопровождая его в разъездах и военных походах.

¹⁶ *Hroch M., Hrochová V. Karel IV. a otázka obrany Balkánu proti Osmanům v polovině 14. století. S. 214.*

¹⁷ Александрия была захвачена крестоносцами 10 октября и удерживалась ими в течение шести дней. См.: История крестовых походов / Под ред. Д. Райли-Смита. М., 1998. С. 447.

¹⁸ Амадей VI Зелёный — граф Савойский с 1343 по 1383 гг., выдающийся полководец и дипломат, ревностный поборник идеалов рыцарства, а также меценат, оказывавший покровительство Франческо Петрарке Гийому де Машо.

¹⁹ *Близнюк С.В. Указ. соч. С. 35.*

владений и укрепления авторитета среди государей Европы, составил новый план крестового похода на Восток.

По всей вероятности, план нового крестового похода разрабатывался при непосредственном участии тогдашнего авиньонского Папы Урбана V, а также Карла IV. На такое предположение наталкивает тот факт, что в мае 1365 г. Амадей Савойский, являвшийся союзником Карла в его итальянской политике, сопровождал императора во время его поездки в Авиньон и присутствовал на состоявшихся там переговорах.

На переговорах в Авиньоне предметом обсуждения стала не только турецкая угроза западно-христианскому миру, но поиск возможностей избавить Францию и Северную Италию от отрядов наёмников, оказавшихся не у дел после заключения мира в Бретиньи между Англией и Францией в 1360 г. и наступления длительной паузы в ходе Столетней войны. Переговоры стали причиной появления во Франции слухов о подготовке большого крестового похода, для организации которого Карл IV будто бы намеревался в течение трёх лет платить наёмникам жалованье из собственных доходов²⁰.

В 1366 г. обсуждавшийся годом раньше в Авиньоне проект был частично осуществлён. Благодаря поддержке Авиньона и европейских правителей Амадею VI удалось собрать относительно многочисленное войско, состоявшее из наёмников и рыцарей, в том числе — чехов. Когда возглавляемое графом Савойским войско крестоносцев достигло в сентябре 1366 г. ядра византийских владений, оно сумело с ходу овладеть исключительно стратегически важной крепостью Галлиполи. После этого крупного успеха поход приобрёл совершенно неожиданную направленность. Дело в том, что ожидавший поддержки крестоносцев Иоанн V оказался к моменту появления западноевропейских крестоносцев в Константинополе пленником болгарского царя Ивана III Шишмана. Последний был решительным противником заключения унии с западной церковью и считал оптимальным направлением внешней политики союзнические отношения с турками-османами. Поэтому он приказал задержать и подвергнуть заключению византийского императора, когда тот возвращался через земли Болгарского царства после проходивших в Буде переговоров с венгерским королём Людовиком I.

²⁰ Hroch M., Hrochová V. Karel IV. a otázka obrany Balkánu proti Osmanům v polovině 14. století. S. 211.

Войско Амадея Савойского двинулось в болгарские земли, совершило поход вдоль черноморского побережья и овладело Несебром и Варной. Болгарский царь был вынужден освободить пленённого императора, вместе с которым герцог Амадей VI торжественно вступил в Константинополь²¹.

Однако на этом история крестового похода была завершена, поскольку на дальнейшее содержание наёмной армии ни у Амадея VI, ни у императора Иоанна V не было необходимых средств.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что Карл IV выступает в свете дошедших до нас сообщений источников о событиях на Балканах и Ближнем Востоке в 1350-е — 1360-е гг. как дальновидный, тонко чувствующий изменения в международной политике правитель, который сумел увидеть опасность, исходившую от экспансии турок-османов на Балканах, в самом её начале, и в пределах возможного поддержал исходившие от авиньонского папства попытки остановить её наступление.

Ведь только в 1389 г., после битвы на Косовом Поле, произошло коренное изменение системы международных и межгосударственных отношений на Балканах²², которое поставило западно-христианский мир перед лицом непосредственного столкновения с набравшей силу Османской империей.

Волею судеб на передовом рубеже этого противостояния оказался второй сын Карла IV — Сигизмунд, который за два года до Косовской битвы, в 1387 г., во многом — благодаря дипломатическому искусству отца, стал королём Венгрии. Рассмотрение истории его противостояния турецкой экспансии — тема специального исследования.

²¹ См.: *Острогорский Г.* История византийского государства. М., 2011. С. 645.

²² *Наумов Е.П.* Косовская битва в истории международных отношений на Балканах // *Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма.* М., 1989. С. 52-75.

**ЦАРЬ ВЕЛИКОЙ РОССИИ В РЕСПУБЛИКЕ.
ГОЛЛАНДСКАЯ ОДА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ
И РУССКО-ГОЛЛАНДСКОЙ ДРУЖБЕ (1717)**

Э. Вагеманс

Лёвенский католический
университет (Бельгия)

E-mail: emmanuel.waagemans@telenet.be

В своей статье автор показывает, что, несмотря на ухудшение политических отношений между Голландией и Россией, многие голландцы выражали искреннее уважение к необыкновенному русскому царю во время его второй поездки по странам Западной Европы (1716-1717 гг.). Об этом свидетельствует текст оды, которую написал в честь Петра I глава магистрата города Мидделбурга.

Ключевые слова: Петр I, Голландия, русско-голландские политические и культурные связи, Д. Перри (John Perry), Й. Стеенграхт (J. Steengracht).

**THE TSAR OF THE GREAT RUSSIA IN THE REPUBLIC
OF HOLLAND. THE ODE ABOUT PETER THE GREAT
AND FRIENDSHIP BETWEEN HOLLAND AND RUSSIA
(1717)**

E. Waagemans

(Leuven, Belgium)

In his article the author shows that despite the deterioration of political relations between Holland and Russia many Dutchmen expressed their sincere respect towards the unusual Russian tsar during his second journey across the countries of Western Europe (1716-1717). The text of the ode in honour of Peter I written by the head of magistrate of Middelburg testifies to this fact.

Key words: Peter I, Holland, Russian-Dutch political and cultural liaisons, John Perry, J. Steengracht.

В 1716 г. Петр решил отправиться во второе путешествие в Нидерландскую Республику, которую он впервые посетил за двадцать лет до этого - в 1697-1698 гг. во время Великого посольства. Визит в Нидерланды положил начало его преобразованиям, которые превратили московскую Русь в новую, петербургскую, императорскую Россию. Не без помощи Голландии Петру удалось победить счи-

тавшегося непобедимым шведского короля Карла XII. В 1697 г. Петр приехал в Голландию как «великий князь Московии», как неотесанный московский медведь; многие насмехались над его грубыми манерами. Во второй раз Петр приехал в Республику как победитель шведов, герой Полтавы и как неоспоримый хозяин Балтики. Волей-неволей западным державам пришлось считаться с ним.

После посещения осенью 1716 г. прусского короля, с которым Петр заключил альянс, царь отправился в Голландию, куда он прибыл в декабре 1716 г. и которую покинет в сентябре 1717 года.¹ Кроме Амстердама, Петр посетил Гаагу, Утрехт, Дельфт, Апелдорн, Заандам, Лейден, Роттердам, Неймеген, Берген-оп-Зоом, Зеландию, Маастрихт. В конце марта 1717 г. он выехал во Францию с целью заключить договор с французским двором, в надежде, что русско-французское сотрудничество положит конец владычеству Швеции в Балтике². После посещения Парижа (май-июнь) царь вернулся в Голландию через Бельгию, где лечился месяц на знаменитом курорте Спа. Затем он выехал через Маастрихт, где был великолепно встречен, обратно в Амстердам. Август прошел в дипломатических переговорах и подписании договора между Францией, Пруссией и Россией. 2 сентября 1717 году царь вернулся в Россию. Во время его длительного пребывания в Нидерландах царь мог убедиться в том, что Генеральные Штаты не хотели поддерживать Россию. Отношения между Голландией и Россией ухудшились. Дружба прошла³.

В свою бытность в Голландии Петр мог пользоваться многочисленными контактами и связями в Республике. В Амстердаме и Гааге на него работали несколько человек, которые горячо защищали интересы России. Это был в первую очередь его полномочный посол князь Борис Иванович Куракин. Главная задача Куракина состояла в том, чтобы убеждать Генеральные Штаты признать завоевания Петра в Балтике в обмен на договор о выгодной торговле.

¹ История пребывания царя в Нидерландах подробно описывается в моей книге: *Waegemans E. De tsaar van Groot Rusland in de Republiek. De tweede reis van Peter de Grote naar Nederland (1716-1717)*. Groningen/Antwerpen, 2013; русское издание: *Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716-1717)* / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013.

² См.: *Мезин С.А. Пётр I во Франции*. СПб., 2015.

³ См.: *Конингсбрюгге Х. ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714-1725 гг.* / пер. с нидерл. В. Ронина. СПб., 2014.

Куракину удалось приблизить Россию к Великобритании (там правил король Георг I), заключить торговый договор между Голландией и Россией и договор между Россией, Францией и Пруссией (август 1717 г.); он вел мирные переговоры со Швецией, которые привели к концу Северной войны (1721), и добился признания Нидерландской Республикой нового императорского титула Петра. Его попытки выдать замуж дочь царя Елизавету Петровну за будущего французского короля Людовика XV не увенчались успехом. Князь Куракин был прекрасно образованным человеком, знал несколько европейских языков (голландского же он за все время своего пребывания в Голландии так и не выучил). Он был, несомненно, самым выдающимся дипломатом петровской эпохи.

Куракину помогал голландец Йоханнес ван ден Бург (1663-1731), который в 1717 г. был назначен русским агентом при Генеральных Штатах. У него были различные поручения. Во-первых, он вербовал на российскую службу голландских офицеров, моряков и всякого рода специалистов. Во-вторых, он должен был следить за поведением и успехами русских студентов в Голландии (будущие кораблестроители, архитекторы, живописцы, доктора, офицеры). Третья задача ван ден Бурга - информировать российских вельмож об успехах российской политики в Республике и о международной дипломатии.

Вместе с Куракиным он должен был следить за голландской прессой и опровергать отрицательные новости о России. Ван ден Бургу помогал русский агент Осип Соловьев (1678?-1746), который в Голландии вел дела, как в интересах российского государства, так и для собственной выгоды: покупал дома, корабли, спекулировал на лондонской бирже и обладал, по-видимому, сказочным по тому времени состоянием. Однако в 1713 г. Петру стало известно, что Соловьев нечист на руку, и в августе 1717 г. в Амстердаме царь лично взял его под стражу.

Рядом с агентом Ван ден Бургом в Голландии работал купец Кристоффель Брантс (1664-1732), который обогатился благодаря торговле оружием, которое в обход закона (контрабандой) отправлялось в Россию. Он построил великолепную загородную резиденцию, которую назвал в честь своего хозяина «Петербург». На этой усадьбе было устроено несколько пышных праздников для царской четы. В 1721 году царский агент Брантс устроил роскошный фейерверк по поводу окончания Северной войны.

Почти все время пребывания в Нидерландах царя сопровождал Юрий Кологривов (ок. 1690-1754), петровский «пенсионер», который в 1712-1715 гг. учился в Риме архитектуре. В 1716 г. он уже владел нидерландским, итальянским, французским и, скорее всего, немецким языками. Во время вояжа Петра в наших краях Кологривов покупал сотни книг, картин (фламандских и голландских мастеров), скульптуры, инструменты. Вместе с Робертом Арескиным, лейб-медиком царя, он приобрел коллекцию прекрасных рисунков насекомых Марии Сибиллы Мериан, которые ныне составляют гордость Российской Академии наук. Все это доказывает, что Петр приехал в страну, в которой он имел большую разветвленную сеть контактов с русскими и голландскими агентами. Они проводили нужную России политику и пропаганду. В этой статье я хочу остановиться на одном забытом эпизоде пребывания Петра в Нидерландах.

В марте 1717 г. Петр решил отправиться в Париж для дипломатических переговоров с французским двором. По пути в Бельгию (так называемые Австрийские Нидерланды) он проехал через провинцию Зеландия. 10 апреля петровский дипломат Петр Толстой написал вице-канцлеру Петру Шафирову: «Мы в Зеландии были только два дни и не нашли чего б смотреть, того ради поехали в Брабанты, а сколь долго тамо пробудем, еще не ведаю»⁴. Не совсем понятно, почему Толстой считал Зеландию недостойной посещения, ведь как раз там было много того, что могло бы заинтересовать царя. Путеводитель того времени называл ратушу города Мидделбурга, столицы Зеландии, «очень представительным зданием» и «кроме этой Ратуши город имеет такую красивую площадь, которых мало в Голландии». Городу Влссингену тоже было чем гордиться: «Влссинген один из сильнейших городов и имеет одну из наиболее достойных и готовых гаваней Зеландии»⁵.

Самое лучшее опровержение словам Толстого можно найти в очень подробном описании в официальном царском дневнике, который обычно весьма коротко описывал маршрут:

«В 28 день поутру пошли, и в 10-м часу из города Флссинга встретила яхта, на которой капитан-командор галанской. И оной

⁴ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова / изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Ч. III: 1715-1723 гг. СПб., 2011. С. 76.

⁵ Reis-Boek door de Vereenige Nederlandsche Provinciën... Amsterdam, 1689. P. 193, 195.

командор стрелял трижды, а ему отведено пять раз. И до Флисинга та яхта шла пред яхтою его величества, и пришли пред обедом к урочищу Рамонку, где батарея, с которой також и с карабля, против ее стоящего, стреляли ис пушек, и оным отведено по 5 раз. И того же 28 дня прибыли во Флисинг в третьем часу пополудни в самой канал, где док, куды карабли воинския для починки вводят. При въезде в город со оногo стреляли три раза из всех пушек, котoрым отведено с яхты пять раз. И тогда приходили к его величеству на яхту от правинцыи Зейланской депутаты и бургомистры от города принципалного той правинции, называемого Миделбурха, для поздравления его величества, с ними же вместе был и адмирал Эверс. И тут его величество на яхте начевал.

В 29 день поутру его величество ездил по городу Флисингу в карете, и был у слюзов и ходил по фартеции, и о трех часах пополудни ездил сухим путем в Миделбурх, до которогo от Флисинга езды сухим путем час. И когда в город въехал, тогда стреляли ис пушек со всего города три раза. И быв там несколько часов, и к вечеру поворотился назад, и начевали на яхте в том же доке у Флисинга.

В 30 день поутру вышли ис того канала в слюзныя ворота к морю, ветер был ост, но понеже вода тогда в море убьла, и для того дожидались за слюзными воротами большой воды до первого на десят часу. Между тем же приезжали на яхту от правинции Зейланской те же депутаты и бургомистры. И во втором на десять часу, как прибыла вода, тогда его царское величество пошел из Флисинга на той же яхте в Брабандию, и вышереченная яхта, которая стреляла у Флисинга, також провожала. И как вышли в море, то стреляли с фартеции Флисинской трижды кругом, и им отведено с яхты от его величество пятью выстрелами. Потом и с крепости и с карабля, против оной стоящего, також по трижды стреляли, котoрым вместе отведено пятью же выстрелами. Потом яхта, которая провожала, выстрелили пятью и поворотилась назад. Ей отведено столким же числом, и шли по пятого часа пополудни...»⁶

Один эпизод пребывания царя в Зеландии прямо связан с Россией. Упомянутый док - сухой док им. Перри - самый старый док Голландии и один из старейших в Европе. Он был построен в 1704–1705 гг. по проекту англичанина Джона Перри, котoрый несколько

⁶ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 613.

лет работал в России, в том числе на строительстве канала между Доном и Волгой, который не удалось осуществить. В 1712 г. Перри покинул Россию, потому что царь не выплачивал причитающуюся ему зарплату. В 1716 г. он опубликовал одну из наиболее содержательных книг о новой России, основанную на личном опыте (*John Perry*. «The State of Russia under the Present Czar»). Случайно ли, что как раз эта книга появилась в голландском переводе⁷, во время пребывания самого царя, главного героя этой книги, в Республике? В голландском издании перевод был снабжен предисловием, в котором издатель не только воспевал царя, но и Николааса Калффа, сына старого заандамского жителя, который очень помогал русскому царю во время Великого посольства. Как видим, петровская сеть контактов эффективно работала! О приключениях англичанина Перри в России и о его столкновениях с грозным самодержцем советский писатель Андрей Платонов написал трагическую повесть «Епифанские шлюзы» (1927).

Самый впечатляющий след пребывания Петра в Зеландии оставила встреча с магистратом города Мидделбурга Йоханом Стеенграхтом, который приветствовал царя 8 апреля 1717 года. Йохан Стеенграхт (1692-1743) был первым пенсионарием (высшим должностным лицом) своего родного города Мидделбург и главой Ост-Индской компании. Под впечатлением знакомства с русским царем он написал в его честь оду, которая через год вышла из печати под названием «Царь в Зеландии»⁸. Из скудных биографических данных нельзя заключить, прочитал ли Стеенграхт оду в присутствии царя⁹. Не исключено, что хвалебная ода написана позднее.

Царь в Зеландии

... Пусть льдами скована природа -
К поездкам страсть сильнее их
К нашим берегам приводит
На благо подданных твоих.

⁷ *Perry J. Tegenwoordige staat van Groot Rusland, Vertoont in d'ontzachlyke Onderneemingen van zyne Czaarsche majesteit Peter Alexewitz... Amsterdam, 1717.*

⁸ *Steengracht J. Dichtlievende Tydkortingen bestaande in Gedichten van verscheide stoffe en rymtrant. Leyden, 1728. P. 357-360.*

⁹ *Encyclopedie van Zeeland. Middelburg, 1982-1984. T. III. P. 127; Levensberichten van Zeeuwen. Middelburg, 1893. 4^e aflevering. P. 697-698; Rue P. de la. Geletterd Zeeland. Middelburg, 1734. P. 94-99.*

Сам царь их учит, просвещает,
В науках шлифовать спешит,
Какие первым постигает
Тот, кто над всей страной царит.

Петр жадно познает мир, и это его новые знания и реформы преобразовали Россию и прославили ее:

Что видит - сам все изучает.
Доступно все его уму,
Все мощный дух его вмещает!
ЦАРЮ, Россия, своему
Обязана ты новой славой
И тем, что вся Европа льстит
Забытой некогда державе,
И преклоняется, и чтит.

Автор гордится тем, что великий человек побывал в его родной Зеландии:

... Большой радости зеландцы
Еще не знали никогда.
Ведь честь нам выпала и счастье,
Приветствовать нам довелось
Держателя столь мощной власти,
Тебя, наш венценосный гость.

Русский царь, воюющий не только со шведами, но и с врагами христианства - турками, заслуживает самых дружеских чувств:

То чувство дружбы, что питаем
К тебе, Монарх, пусть навсегда
Между тобой и нашим краем
Пребудет. Пусть раздор, вражда
Не сломят нашего союза!
Сей дружбы нерушимы узы!¹⁰

Ключевых понятий в этом стихотворении очень много: путешествия во имя знаний, дружба с Голландией, доверие, честь, слава полководца, благо подданных, просвещение народа, «работник на троне», проникательный исследователь, страх врага, уважение союзника, умение управлять, пример монарха, могущественный монарх, вечная/всемирная слава, нерушимые узы.

¹⁰ Впервые фрагменты этого стихотворения были опубликованы в моей книге: *Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии*. СПб., 2007. С. 85-86.

В своем стихотворении поэт заключил много характеристик, которые вместе составляют впечатляюще лестный портрет царя: царь путешествует с учебной целью, то есть являет идеал дворянина эпохи Просвещения (*Bildungsreise*); он едет к своим друзьям (голландцам), к которым питает чувство уважения и которым его визит делает честь; летом царь сражается на поле битвы или на море, зимой же он отправляется в далекое познавательное путешествие; цель поездки направлена на благо подданных, которых сам монарх просвещает; он не боится сам все изучать и проверять, все полезное ему доступно; Россия обязана ему уважением со стороны западных держав; враг перед ним трепещет, союзник любит его; Он умеет управлять страной, сам подает пример; За все эти положительные качества Зеландия радостно встречает монарха с мировой славой. Голландии есть чем гордиться: страна умеет не только сражаться, но и жить в покое, славится искусствами и мудрым правлением. Поэт призывает царя помочь союзнику бить врага (турка) и победить шведа. Между Нидерландами и Россией всегда будет царствовать дружба.

Подобные слова и выражения мы находим и в стихотворении другого голландского поэта, который встретил царя в Голландии в 1717 году. На празднике в усадьбе богатого голландского купца Питера Коолаарта была прочитана хвалебная ода о царе Петре¹¹. Подобные выражения уважения и симпатии мы находим также в тогдашней голландской прессе, в которой русский царь многократно подвергался незлобным, полуюмористическим, полусатирическим описаниям. Самое удивительное заключается в том, что верховная власть Нидерландской Республики вряд ли разделяла эти мнения. Генеральные Штаты не дали Петру тот большой заем, о котором он просил, и не были готовы бросить своего союзника Швецию в пользу нового властелина на Балтике. Петр покинул страну, скорее всего, со смешанными чувствами. Он, наверное, понял, что рассчитывать на иностранную помощь не приходится. Он больше не возвращался на Запад. Но любовь и уважение со стороны голландской образованной общественности он приобрел.

¹¹ Об этом подробно в моей статье: *Вагеманс Э. Голландская ода о Петре Первом, или О плодах культурной стратегии русского царя на Западе // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9-11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 98-106.*

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ ГЛАЗАМИ ДЕНИ ДИДРО¹

С.А. Мезин

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
Кафедра истории России и археологии
e-mail: mezinsa@mail.ru

В основу статьи положены сочинения Д. Дидро, посвященные России, в том числе те, которые никогда не переводились на русский язык. Автор показывает, что Дидро вполне реалистично представлял отношения власти и общества в России XVIII века. Деспотизм и гипертрофия власти и неразвитость общества (отсутствие третьего сословия) были, по мнению просветителя, главными препятствиями на пути «цивилизации» России.

Ключевые слова: Д. Дидро, Пётр I, Екатерина II, цивилизация, Россия в XVIII веке, деспотизм, законодательство, сословия.

POWER AND SOCIETY SEEN THROUGH THE EYES OF DENIS DIDEROT

S.A. Mezin

(Saratov, Russia)

The article is based on the works by D. Diderot devoted to Russia including those which were never translated into Russian language. The author shows that Diderot's impressions about the relationship between power and society in Russia of the XVIII century were quite realistic. Despotism and hypertrophy of power and underdeveloped society (the absence of the third class) according to the enlightener were the main obstacles on the way of "civilization" in Russia.

Key words: D. Diderot, Peter I, Katherine II, civilization, Russia in the XVIII century, despotism, legislation, classes.

«“Что такое человек? Что такое общество? Что такое верховная власть?” Все эти вопросы широко популяризовались в наши дни»²,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-00083

² Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. М., 1947. С. 465.

– писал Дени Дидро. Действительно, век Просвещения давал рациональные ответы на эти вопросы, заложив основы современных социологических и политологических знаний. Новые представления о государстве как результате общественного договора и выразителе общего блага, о естественных правах человека и сословном устройстве общества с начала XVIII века стали проникать и в Россию. Пётр I, начав реформировать страну по европейскому образцу, основной упор сделал на строительстве регулярного государства как универсального средства достижения общего блага. При этом он смело пренебрегал правами социальных групп, не говоря уже об интересах отдельной личности. Екатерина II как реформатор пошла дальше: совершенствуя управление страной, она поставила цель создания «регулярного общества» с ясной сословной структурой. В своей политической практике императрица широко использовала теоретические построения европейских просветителей, адаптируя их к российским условиям. Это открывало возможности диалога с философами её века. Дени Дидро был единственным из корифеев Просвещения, посетившим Россию. Диалог между философом и императрицей был вполне реальным³. При всём различии их положений, взглядов и подходов они говорили на одном политическом языке.

Их представления о власти и обществе во многом базировались на трудах Шарля Монтескье, который обогатил политическую теорию своими положениями о трех формах правления (республика, монархия, деспотизм), о зависимости формы правления от размеров территории государства, о разделении властей, о равновесии социальных сил как условии политической свободы, о глубоких причинах, которым подвластно развитие общества⁴.

Взгляды Дидро на политическое и социальное развитие России в XVIII веке представляют несомненный интерес по многим причинам. Великий энциклопедист не ограничивался политической доктриной Монтескье. Свои взгляды он вписал в оригинальную концепцию «цивилизации» России, которая была доведена до све-

³ См.: *Dulac G. Dans quelle mesure Catherine II a-t-elle dialogué avec Diderot? // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 149-161.*

⁴ См.: *Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 33-85.*

дения императрицы⁵. Следует подчеркнуть, что представления философа о власти и обществе в России отнюдь не были утопическими и умозрительными: они базировались на хорошем знании российских реалий. Конечно, «мечты... философа Дени» не всегда отвечали политическим планам Екатерины II, подчас французский мыслитель смотрел вперед «сквозь целое столетие». Модернизация России, кажется, продолжается и сегодня, что порождает немало ассоциаций с размышлениями философа о процессе «цивилизации».

Открыв издание политических сочинений Дидро, мы не без удивления обнаруживаем, что большая часть из них имеет прямое отношение к России⁶. Большинство этих сочинений вошли в 10 том Собрания сочинений Д. Дидро на русском языке⁷. Принадлежащие перу Д. Дидро отрывки из «Истории обеих Индий» Г.Т. Рейналя были впервые выделены и опубликованы Д. Годжи⁸. В настоящее время в издательстве «Hermann» готовится к выходу критическое издание «Полного собрания сочинений Дидро», потребовавшее расширения источниковой базы и нового научного комментария. Политические сочинения Дидро, в том числе его россику, готовит к изданию международный авторский коллектив в составе Ж. Дюлака, Д. Годжи и С. Карпа. В ходе этой работы уже были отдельно опубликованы «Политические фрагменты, выскользнувшие из портфеля философа»⁹, которые никогда полностью не переводились на русский язык. Вся совокупность «русских» сочинений Дидро и послужила источником для настоящего сообщения.

Проблема отношений власти и общества была поставлена уже в первых сочинениях Дидро, специально посвященных России. Это

⁵ См.: *Dulac G. Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713-1784). Actes réunis et préparés par Anne-Marie Chouillot. Paris, 1985. P. 161-171; Dulac G. Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle. Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149-192; Dulac G. Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilization» (1765-1780) // Les equivoques de la civilization. Montpellier, 2005. P. 106-135; и др.*

⁶ *Diderot. Oeuvres. T. III: Politique / édition établie par L. Versini. Paris, 1995.*

⁷ *Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. М., 1947.*

⁸ *Diderot D. Mélanges et morceaux divers. Contribution à l'Histoire des deux Indes. T. 2 / Éd. Gianluigi Goggi. Siena, 1977. P. 350-389.*

⁹ *Diderot. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe / Textes établis et présentés par G. Goggi. Postface de G. Dulac. Paris, 2011.*

были фрагменты, размещенные без указания авторства в «Истории обеих Индий» Гийома Тома Рейналя. В наиболее раннем (1770) и кратком из них говорилось о том, что в России власть предпринимает реформы, которые пагубно отражаются на обществе. В частности, речь шла о «чередѣ блестящих ошибок [Петра I], оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности»¹⁰.

Во втором издании «Истории обеих Индий» Рейналя (1774) был помещен отрывок, принадлежащий перу Дидро, под названием «О цивилизации России» («*Sur la civilisation de la Russie*»)¹¹. Этот сюжет был расширен в третьем издании (1780).

Смысл и цель «цивилизации» Дидро видел в достижении счастья конкретного человека, в благосостоянии общества, которое складывается из богатств частных лиц, в улучшении нравов и в высоком уровне развития просвещения и искусства. «Цивилизация» может быть достигнута только в результате естественного развития общества. Она не может быть принесена извне или дарована монархом свыше. Власть же может лишь способствовать или препятствовать этому процессу. При этом существуют определенные социальные и политические условия, необходимые для достижения обществом цивилизованного состояния, а именно: ограничение деспотизма власти и наличие третьего сословия - сословия свободных производителей. Дидро не уставал повторять, что даже «справедливый, твердый и просвещенный деспот - это большое зло», ибо он своим «добром» развращает общество, усыпляет в нем чувство свободы¹². Для продвижения по пути цивилизации русская власть должна отказаться от деструктивной мысли, которую Петр I оставил своим наследникам: «власть - это всё, а подданные - это ничто»¹³. В России все население делится на два класса: хозяева и рабы¹⁴. Однако «цивилизация» не может существовать без личной

¹⁰ (Raynal G.-T.) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. T. 2. Amsterdam, 1770. P. 204-205.

¹¹ (Raynal G.-T.) Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes (далее — HDI). Genève, 1780. T. X. P. 40-52; Diderot D. Mélanges et morceaux divers. P. 375-389; Diderot. Oeuvres. T. III. P. 660-664.

¹² HDI. 1780. T. X. P. 40-41.

¹³ HDI. 1780. T. III. P. 169.

¹⁴ HDI. 1780. T. X. P. 45.

свободы. Между тем хозяева не согласны добровольно освободить рабов, а вчерашние рабы, внезапно получив свободу, становятся ленивыми и жестокими. Дидро не сомневался в деспотическом характере власти не только Петра I, но и Екатерины II. В её «Наказе» для Уложенной комиссии философ увидел не более чем желание изменить названия: называться монархом, а не самодержцем, называть свой народ подданными, а не рабами. Однако можно ли обмануть и воодушевить народ подобной «комедией»?¹⁵ - спрашивал Дидро.

С этими идеями шестидесятилетний Дени Дидро 8 октября 1773 г. прибыл в Россию и прожил здесь до 5 марта 1774 года. Та же концепция «цивилизации» России была представлена им в «Философских и исторических записках для Екатерины II» («*Mélanges philosophiques, historiques, etc. pour Catherine II*»)¹⁶, которые философ писал накануне своих бесед с императрицей. Правда, из тактических соображений свои политические и общественные идеи Дидро излагал в форме отдельных, разрозненных высказываний, перемежая их второстепенными сюжетами и тонкой лестью в адрес императрицы, которая заботится о счастье своего народа и понимает значение свободы для достижения этого счастья.

Думается, что не случайно Дидро поместил в начале своих «Записок» «Исторический очерк о представительных учреждениях». Он рассказал Екатерине II о том, что европейские страны естественным путем пришли к ограничению деспотизма монархов, создав выборные законодательные учреждения. Философ полагал, что путь «цивилизации» принципиально един для всех народов. В другом месте он писал: «Коль скоро то, что Пётр ввёл в России, было хорошо в Европе, оно будет хорошо повсюду»¹⁷.

Россия может совершить важный шаг к ликвидации деспотизма, если императрица сделает Уложенную комиссию постоянной, поручит ей разрабатывать кодекс законов и разрешит избирателям на местах отзывать своих депутатов¹⁸. Дидро словно не хотел заме-

¹⁵ HDI. 1780. Т. X. P. 48-49.

¹⁶ Diderot. Oeuvres. Т. III. P. 203-407; Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 49-262.

¹⁷ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 423.

¹⁸ Там же. С. 61.

чать, что Большая комиссия была распущена Екатериной еще в 1768 году (частные комиссии продолжали существовать¹⁹). Собеседник императрицы с завидным постоянством возвращался к вопросу о работе комиссии²⁰. В одной из записок он почти дословно повторил свою филиппику против деспотизма из отрывка «О цивилизации России»: «Деспот, управляющий по своему свободному усмотрению, будь он даже лучший из людей, совершает преступление». «Отказ от законодательной власти является актом великодушия со стороны государя»²¹, - внушал он императрице. «Но первым долгом сделайте Комиссию постоянной»²², - не уставал повторять Дидро.

Идея законности имела для представлений Дидро о «цивилизации» важнейшее значение. Философ считал, что медленное развитие общества может ускоряться «мудрыми законами и учреждениями». Он приветствовал попытку Екатерины II создать новый кодекс законов. Он призывал её сделать народную волю главным источником закона, установить всеобщность законов, реальное равенство всех подданных перед законом²³. Он хотел надеяться, что Екатерина сможет осуществить эти идеи.

К числу коренных недостатков русского законодательства о власти Дидро относил отсутствие строгого порядка наследования престола. Петровский закон о престолонаследии, позволявший правящему государю распоряжаться властью по своему усмотрению и передавать власть тому из детей, кому он хочет, Дидро считал очень опасным: «Какой источник раздоров в семье! Какой источник потрясений в империи!» («Quelle source de révolutions dans l'empire!»)²⁴. Философ, конечно, хорошо знал эти реальные раздоры и потрясения русской истории XVIII в., он был прекрасно осведомлен о перевороте 28 июня 1762 года, приведшем Екатерину II к власти. Дидро довольно точно определил причины и движущие силы

¹⁹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 413.

²⁰ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 100-101, 116.

²¹ Там же. С. 145, 146.

²² Там же. С. 240.

²³ Там же. С. 103.

²⁴ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 94; *Diderot. Oeuvres*. Т. III. P. 236.

переворотов: несовершенство законодательства, недовольство знати, наличие гвардейских полков в столице²⁵. Он заметил, что в России XVIII в. не существовало политической преемственности между монархами: каждое новое правление отрицало предыдущее²⁶. Подробно развивать тему дворцовых переворотов и законности наследования престола перед Екатериной было слишком рискованно. Тем не менее, Дидро не раз советовал Екатерине сделать все, чтобы наследование престола проходило спокойно. Он рекомендовал обратить внимание на воспитание наследника престола Павла Петровича. (Вопреки пожеланию Дидро результаты воспитания были такими, что Екатерина подумывала о том, чтобы по примеру Петра I отстранить своего сына от власти).

В вопросах, адресованных Екатерине II, Дидро так охарактеризовал классы русского общества, преобразованного Петром: «духовенство, дворянство, однодворцы, или свободные люди, и крестьяне»²⁷. Как видим, Дидро выбрал более мягкий вариант по сравнению с тем, что он писал для второго издания «Истории обеих Индий» Рейналя, ограничивая социальный состав «хозяевами и рабами». На этот раз Дидро ближе к самому Рейналю, признававшему существование в России «класса свободных людей». Дидро даже использовал русский термин — «adnodworzi», что, возможно, было результатом его бесед с русскими людьми. Но философ отказывается признать существование в России настоящего третьего сословия, на что намекала Екатерина в своем ответе, называя среди классов русского общества «жители городов, которые одни обладают правом вести торговлю»²⁸.

Существование в России крепостного права и отсутствие третьего сословия Дидро считал взаимосвязанным явлением и главным социальным препятствием для «цивилизации» страны. Дидро настоятельно советовал Екатерине способствовать созданию третьего сословия. Это можно сделать либо освобождением крестьян, либо поселением свободных иностранных колонистов, которые

²⁵ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 195-196.

²⁶ Там же. С. 110.

²⁷ Там же. С. 389; *Diderot. Oeuvres*. Т. III. P. 373.

²⁸ Там же.

своим примером докажут превосходство вольного труда²⁹. Этому должно способствовать и распространение просвещения в стране. Важным фактором прогресса Дидро считал увеличение численности населения: «Ничто не способствует так цивилизации, как многочисленное население»³⁰. Огромные слабозаселенные пространства России, неразвитость городов и дорожной сети, напротив, препятствуют этому процессу.

Дворянство и аристократия также должны занимать свое место в обществе, не превращаясь при этом в паразитические классы. Дидро видел в стабильности аристократии, в благосостоянии дворянства в целом возможность предотвратить социальные потрясения и, в частности, дворцовые перевороты³¹.

Монтескье полагал, что при деспотическом строе существует только одно, хотя и ненадежное, средство ограничить абсолютную власть монарха - это религия. В этом вопросе Дидро является большим скептиком. В религии он видел источник общественной розни и нетерпимости³². Не отрицая вовсе общественной пользы духовенства, философ советовал императрице «поставить со временем религию на надлежащее место»³³. Дидро одобрял церковную политику Петра I, а также меры Екатерины, направленные на секуляризацию церковных земель и сокращение монашества.

Дидро был убежденным сторонником экономической свободы, либеральной экономической политики правительства. Он полагал, что постоянного контроля правительства требуют такие отрасли, как качество продовольствия, строгое наблюдение за весами и мерами, медицинская и фармацевтическая практика, наконец, работа с драгоценными металлами. «Что касается других занятий, то их не следует стеснять; рано или поздно предписания их погубят»³⁴.

В «Записках» для Екатерины II философ касался многих конкретных сфер, в которых происходит взаимодействие власти и об-

²⁹ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 98, 206.

³⁰ Там же. С. 103.

³¹ Там же. С. 143-144.

³² Там же. С. 138.

³³ Там же. С. 199.

³⁴ Там же. С. 245-246.

щества: судопроизводство, воспитание и образование, социальная и медицинская помощь, военное дело.

После отъезда из России Дидро составил «Замечания на Наказ» (1774)³⁵. Здесь он мог более смело и свободно высказаться относительно законодательных планов Екатерины II и состояния русского общества. Действительно, мы встречаем в тексте «замечаний» те же идеи о состоянии и перспективах «цивилизации» России, только в более острой форме. Вот несколько примеров: «Русская императрица, несомненно, является деспотом»³⁶. «Попытка цивилизовать столь обширную страну представляется мне проектом, превышающим человеческие силы»³⁷. «Если предположить, что самые размеры России требуют деспота, то Россия обречена быть управляемой дурно в девятнадцати случаях из двадцати»³⁸. Философ вновь настаивал на необходимости представительного органа, который будет принимать и охранять законы. Российский Сенат в качестве хранителя законов ничего не значит: «это глас вопиющего в пустыни». А главная опасность, грозящая законам, по его мнению, исходит от монарха. Автор по-прежнему непримирим к рабству.

Примечательно, что автор ассоциирует с рабством и свободой два таких понятия, как чистота и патриотизм. Находясь в Петербурге, самом благоустроенном и чистом городе России, Дидро был поражен грязью на улицах и в жилищах. «Вкус к чистоте, - полагал философ, - тесно связан с качествами, значительно более важными. Его воспитывает свобода нации»³⁹.

Патриотизм - благородное чувство, которое связывает народ, способствует единению народа и власти. Он имеет глубокие, более моральные, чем физические корни: «Естественный вкус к общению, кровные и дружеские связи, привычка к климату и языку, известное, легко возникающее расположение к определенному месту, обычаи, привычный образ жизни - все это вместе взятое привязывает разумное существо к той стране, в которой оно увидело свет и

³⁵ *Diderot. Oeuvres. T. III: Politique. P. 507-578; Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 418-511.*

³⁶ *Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 419.*

³⁷ Там же. С. 424.

³⁸ Там же. С. 426.

³⁹ Там же. С. 204.

получило воспитание»⁴⁰. Почему же в России власть считает необходимым «вперяти... любовь к отечеству» в своих подданных? Раб, лишенный свободы и собственности, лишен этого чувства. «Без фанатизма, внушенного ненавистью к другим странам, он не имел бы более отечества. Повсюду, где сего фанатизма не существует, видные люди стремятся покинуть родину, а люди маленькие остаются в стране лишь в силу одолевающей их тупости; они напоминают собой тех несчастных собак, которые бродят, отыскивая тот самый дом, где их бьют и плохо кормят»⁴¹.

В тандеме «народ и власть» Дидро всегда ставил интересы народа на первое место. В России он видел гипертрофию власти и неразвитость общества. Своей программой «цивилизации» России Дидро наметил путь к правовому государству и гражданскому обществу. Программа Дидро привлекательна тем, что она сочетала «консервативную» идею о развитии общества на собственной основе с идеями личной, политической и экономической свободы, которые сегодня признаны, по крайней мере, на словах, во всех государствах, считающих себя цивилизованными.

⁴⁰ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. С. 487.

⁴¹ Там же. С. 496.

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СОБЫТИЙ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1812 - 1815 ГОДОВ: РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ¹

А.В. Гладышев

С ГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра всеобщей истории
e-mail: gladav2002@mail.ru

200-летний юбилей событий войны 1812-1815 гг. вызвал волну коммемораций разного уровня, содержания и направленности. В России по этому случаю были проведены научные конференции, вышли в свет специальные выпуски исторических журналов, опубликованы многочисленные монографии, сборники статей и разнообразные источники.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, историческая память, коммеморации.

200TH ANNIVERSARY EVENTS OF THE GREAT EUROPEAN WAR OF 1812-1815: THE RUSSIAN VERSION

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)

200-year anniversary of the 1812-1815 wars caused in Russia a wave of the commemorative events various levels, content and direction. In Russia this event was held, has published special issues of historical journals, numerous monographs, collections of articles and a variety of sources.

Keywords: The Napoleonic wars, historical memory, commemorations.

Свидетельства того значения, что занимали и занимают Наполеоновские войны в исторической памяти европейских народов - помимо огромной научно-исследовательской литературы - многочисленные места памяти и коммеморации: юбилейные торжества и выставки, исследовательские институты и сообщества реконструкторов, музеи и галереи, кладбища и монументы и так далее. Школьные сочинения «Проблема исторической памяти и роман

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

“Война и мир”», статьи в «Википедии» на тему «Память о войне 1812 года» - лишь подтверждения интереса нашего современного общества к этой проблеме.

Между тем, изучение исторической памяти о 1812-1815 гг. важно и с научной точки зрения. Находясь в области междисциплинарных исследований, оно поможет продвинуться в решении ряда фундаментальных, теоретических вопросов: как историографию (индивидуальный взгляд) вписать в коллективную (надиндивидуальную) память, как и какие доминирующие смысловые контексты общества (идеологические трансформации) влияют на механизмы интерпретационных изменений исторической памяти, как и при каких условиях становится эффективна ретроспективная пропаганда, как конструируется и управляется массовое сознание, какова диалектика транснациональной (домодерновой) памяти и национализации семантики, как и на каких условиях использовать методы других дисциплин в области истории, какова роль войны 1812-1815 гг. в контексте формирования исторического сознания и новой темпоральности XIX века, в терминах разрывов и преемственности и т.п. Изучение вопроса о том, как в разных странах отмечали юбилей событий 1812-1815 гг., поможет понять особенности политики памяти, нашего отношения к прошлому, особенности самоидентификации.

Коммеморативный феномен уже имеет свою историографию. Еще не успела в России затухнуть коммеморативная вспышка, порожденная подготовкой к «году истории», как стали появляться публикации, посвященные не только юбилейным торжествам в более или менее отдаленном прошлом, но и историоризирующие только что прошедшие мероприятия².

² Гутнов Д.А. Сто лет назад // Русская история. 2012. № 1 (20). С. 22-27. Лиманова С.А. Организация и проведение 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года: Бородино – Москва – Санкт-Петербург // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013; Черкасова М.В. Празднование 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013; Выскочков Л. «Гроза двенадцатого года»: размышления по поводу юбилея // Санкт-Петербургский университет. 28.12.2012. № 16. // URL: <http://journal.spbu.ru/?p=9226> (дата обращения: 6.01.2013); Земцов В.Н. Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг.) // Запад, Восток и Россия: Историческая политика

Появились публикации, авторы которых пытаются осмыслить коммеморативный феномен в контексте изучения исторической памяти³. Специальный раздел в материалах международной научной конференции «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы» (Москва, 8-11 октября 2012 г.) отведен под отражения 1812 года в культурной памяти⁴.

Чернила не просохли, а уже подводятся итоги и выносятся вердикты: сравнение научной эффективности французских и российских коммемораций может показаться вовсе не в пользу последних. Как отмечал В.Н. Земцов, издание двух энциклопедий «Загранич-

и политика памяти: Вопросы всеобщей истории: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / под ред. В.Н. Земцова. Екатеринбург, 2014. Вып. 16. С. 208-223; *Тотфалушин В.П.* 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в Саратовской области // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь, 2012. Вып. 6. С. 132-149. Есть уже даже первый опыт оценки научных итогов 200-летнего юбилея Венского конгресса. См.: *Герасимова Г.И.* Венский конгресс в исторической памяти // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. Вып. 11.

³ *Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* Образ Отечественной войны 1812 г. в либеральной российской прессе в контексте столетнего юбилея войны // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь, 2012. Вып. 6; *Булыгина Т.А.* Историческая память и юбилеи в России в XX-XXI веках // Там же. *Saburova T.* Collective remembrance: the Napoleonic War of 1812 in Russian society's historical memory in the nineteenth & twentieth centuries // *Memory and mythology: modern war and the construction of historical memory, 1775-2000* / Edit. N. Starostina Bethesda: Academica Press, 2014. Конечно, разнообразные исследования на тему отражений Отечественной войны в сознании россиян производились и до юбилейных торжеств. См., например, докторскую диссертацию по искусствоведению: *Шереметьев О.В.* Наполеоновская эпоха в батальной и портретной живописи России и Европы конца XVIII - начала XX вв. Автореф. дис. ... док. Искусствоведения. Барнаул, 2010

⁴ Речь шла в первую очередь о культурной памяти россиян. См.: *Подмазо А.А.* К вопросу о формировании и трансформации в России культурной памяти об Отечественной войне 1812 года // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013; *Ульянова Г.Н.* Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013; *Рахимов Р.Н.* Мемориализация участия башкирского народа в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М., 2013.

ные походы российской армии 1813-1815 гг.» и «Отечественная война 1812 г. и Освободительный поход русской армии в 1813-1814 гг.», - едва ли не единственный крупный проект, которым мы можем похвалиться⁵.

Уже писалось о том, как французы отреагировали на череду юбилеев, связанных с событиями 1812-1815 гг.⁶ В России же общий тон и масштаб коммемораций был детерминирован «государственным уровнем», а акцент сделан на 200-летию Отечественной войны 1812 года.

Празднованиям предшествовала длительная подготовка... 17 марта 2010 г. в Москве прошло заседание Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. На объявление 2012 г. «годом истории», на 200-летний юбилей откликнулись самые разнообразные научные, учебные, просветительские учреждения и организации страны. 30 июня 2010 г. в Москве создан Общественный совет по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, который провел несколько заседаний и выпустил серию информационных бюллетеней. При этом деятельность Общественного совета была едва ли не более заметной, чем работа самой Государственной комиссии.

5 октября 2010 г. Постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг.», по которой, в частности, выделялось 3 миллиона рублей на организацию в 2012-2015 гг. массовых театрализованных действий на Бородинском поле. 6 октября 2010 г. прошло заседание Военно-исторической комиссии, посвященное противодействию фальсификации истории Отечественной войны 1812 года и «высо-

⁵ В. Земцов, подводя итог юбилейному 2012 г., и продвижению научного осмысления Отечественной войны 1812 года, заметил: «Объем собственно научных достижений оказался весьма невелик <...> похвастаться, в сущности, нечем. Такое впечатление, что наряду с появлением двух энциклопедий главным событием для российской историографии 1812 года стало издание на русском языке книги британского историка Д. Ливена и подготовка к выходу труда французской исследовательницы М.-П. Рей». См.: *Земцов В.Н. Вместо Заключения // Французский Ежегодник. 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 340.*

⁶ *Гладышев А.В. Наполеоновские войны 1812-1815 гг.: современные коммеморации французов // Французский ежегодник. 2016. М., 2016.*

санным из пальца сенсациям», сфабрикованным «лжеисториками» М. Голденковым, А. Никоновым и Е. Понасенковым.

Постепенно в отдельных городах образуются организационные комитеты по подготовке и проведению празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, губернаторы объявляют о сборе средств на памятники героям и т.д. Проходят концерты полковых маршей эпохи 1812 года, персональные выставки художников, имена героев Отечественной войны присваиваются рейсовым межгородским автобусам, а вновь отлитые бюсты этих героев украшают аллеи славы и дворики различных российских городов, проводится освящение крестов и закладка камней под будущие монументы; еще в декабре 2010 г. в Российском центре науки и культуры в Брюсселе прошла выставка «От Бородина до Берлина. Путь к победе глазами двух поколений».

Празднования начались еще в 2011 г. Клубы военно-исторической реконструкции продолжают свои ежегодные демонстрации и фестивали, а Общественный совет по содействию Государственной комиссии - заседания и пресс-конференции. Так, в Якутске организовали тематический молодежный бал, в Вязьме научно-практическую конференцию по туризму, а в Уфе совещание краеведов, - все посвященные 1812 году. В Москве с весны 2011 г. прошла череда круглых столов и конференций («Московские городские условия в Отечественной войне 1812 г.», «Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии», «1812 год. Люди и события великой эпохи»), аналогичные научные мероприятия проводились в других городах РФ (а также в Белоруссии, Польше, Германии, Австрии, Сербии, Венгрии). Стартовали конные походы. В Красноярском государственном театре оперы и балета состоялась премьера спектакля Т. Хренникова «Гусарская баллада». Осенью 2011 г. Российский гуманитарный научный фонд объявил целевой конкурс: «1812 год в истории и культуре России». Памятники и памятные знаки, капсулы, выставки, конкурсы, школьные викторины, литературные и музыкальные вечера, тематические экскурсии и лекции, фестиваль ледовой скульптуры в Екатеринбурге и Президентская новогодняя ёлка в Москве, равно как и праздничные гулянья в Александровском саду 31 декабря, -

всё посвящено 200-летию Отечественной войны 1812 года⁷. От Калининграда до Комсомольска-на-Амуре...

200-летие опубликования манифеста об изгнании неприятеля из России в 1812 году, открыло в январе 2012 г. череду праздничных мероприятий с участием клубов военно-исторической реконструкции.

В 2012 г. каждый субъект РФ, многочисленные общественные, просветительские, научные или образовательные организации, вся страна включилась в коммеморативную работу. В областях и крупных городах образованы соответствующие комиссии, приняты планы мероприятий и т.п. Российские музеи, библиотеки, концертные и выставочные залы, галереи, Московская городская Дума и даже Храм Христа Спасителя организовали многочисленные выставки с традиционными названиями типа «Недаром помнит вся Россия...» или «Гроза 1812 года». Но были и нетривиальные решения.

В Воронеже появляются улицы генералов Платова, Раевского и Халютина и Гренадерский переулок. В Орле открыли памятник генералу А.П. Ермолову. В Екатеринбурге открыли памятный знак бородинскому хлебу и приняли решение о наименовании родников области в честь героев-уральцев участников Великой Отечественной войны и Отечественной войны 1812 года. Законодательное собрание Ростовской области приняло Закон о введении новой областной награды - ордена Атамана Платова. В Москве прошел фестиваль кулинарного искусства «Русско-французские гастрономические сезоны», посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года и 100-летию торта «Наполеон». В Томске на ограде городского военного госпиталя провели конкурс граффити, а в Павловске Отечественной войне 1812 г. посвятили фестиваль цветочного и ландшафтного искусства. В Сибайском институте (филиале Башкирского государственного университета) открыли 30-метровый барельеф, посвященный участию башкирских полков в Отечественной войне 1812 года. Детский шахматный фонд Бурятии выпустил посвященную 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года серию из 6 подарочных наборов, по 6 сувенирных серебряных медалей (памятники и герои войны) в каждом наборе.

Разворачивается подобие заочного соревнования. В Ярославле начали строительство десантного судна «Денис Давыдов», в Москве

⁷ Празднование 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года См.: // URL: // <http://www.sovet1812.ru/arhiv2012> (дата обращения: 01.08.2016).

имя «Денис Давыдов» присвоили одной из библиотек Центрального округа. В Челябинской области прошла 30-километровая лыжная гонка «Фершампенуаз - Париж», посвященная 200-летию Отечественной войны 1812 года, в Калуге весной стартовал областной автопробег, г. Большие Вязёмы Московской области ответил спортивным конным пробегом, а в самой Москве на Поклонной горе стартовала «Московская Велоночь памяти 1812 года». 31 мая 2012 года из г. Грайфсвальд (Германия) стартовала кругосветная экспедиция парусной яхты «Челябинск», посвященная все тому же. В июне в Москве от Музея-панорамы «Бородинская битва» дан старт двадцатидневного автомобильного похода Москва - Париж - Москва. В июле из Новочеркасска казаки отправились в конный поход на Бородинское поле. В начале августа по территории Смоленской области прошел Одигитриевский крестный ход... 12 августа 2012 года в Москве на Поклонной горе от Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. стартовал конный поход Москва - Фонтенбло, посвященный памяти всех воинов, павших в боях 1812-1814 годов. 18 октября 2012 г. отряд донских казаков под руководством Павла Моцалкова успешно закончил этот поход торжественным дефилом по территории последней резиденции императора Наполеона. Правда, французские СМИ говорили и писали об этом проекте едва ли не больше, чем российские.

Соревнуются ведомства. В 2011 г. Почта России выпустила в обращение почтовую марку, посвященную 250-летию со дня рождения М.Б.Барклай де Толли. В 2012 г. Центральный банк России выпустил в обращение тиражом в 5 миллионов памятную монету номиналом 2 рубля с изображением официальной эмблемы празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Почта России выпустила в обращение марку, посвященную 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года, с изображением Триумфальной арки в Москве. Центральный банк России ответил выпуском памятной монеты номиналом 5 рублей с изображением памятника при Красном, затем еще 6 монет с изображением памятников при Бородино, Смоленске, Малоярославце, Тарутино, Вязьме и Березине, а затем еще 3 с изображением аллегии взятия Парижа и памятников при Кульме и Лейпциге, 17 двухрублевых с портретами полководцев. В августе Почта России выпустила в обращение почтовый блок с маркой «200 лет победы России в Отечественной войне 1812 года», а также тематический конверт первого дня...

31 августа 2012 г. в Москве на Белорусском вокзале состоялась торжественная церемония пуска «Поезда знаний», посвященного 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года, который будет курсировать по обычному расписанию пригородных электропоездов от Москвы до Бородино. Вагоны поезда носят соответствующие названия в честь героев Отечественной войны 1812 года: «Кутузов», «Багратион», «Милорадович», «Давыдов», «Ермолов».

Российская государственная библиотека организовала интернет-проект «Отечественная война 1812 года: Эпоха в документах, воспоминаниях, иллюстрациях», который знакомит с электронными ресурсами библиотеки, посвященными Отечественной войне 1812 года. Другой интернет-проект РИА Новости «1812: Война и мир» стал лауреатом Премии Рунета 2012 года.

Заложили мемориальные камни в честь ополченцев или героев 1812 г., открыли памятные знаки, в Москве и Калуге открыли музеи войны 1812 г., Можайску (Московская область) и Малоярославцу (Калужская область) указом В.В. Путина присвоили почетное звание «Город воинской славы», 2 августа 2012 г. учреждена премия губернатора Московской области «Бородино» за вклад в развитие исторического и патриотического воспитания молодого поколения, которая будет вручаться в конце каждого года по шести номинациям, провели фестивали патриотической песни и народного творчества, состоялись бесконечные выступления членов клубов реконструкторов, и балы, балы: то в Вологде, то в Калининграде, то в Воронеже, то для кадетов в «Измайлово», то в Центральном клубе МВД России для сотрудников МВД и их жен, то в ГУМе для молодежи, то в Константиновском дворце...

Мероприятия, посвященные 200-летию победы в Отечественной войне, продолжились и в 2013 г., лыжные походы нижегородских школьников и «бал победы» у школьников Удмуртии, концерты, праздничные вечера и т.п. Но словно по следам продвижения русской армии волна коммемораций постепенно перешла в Центральную Европу: отмечать (правда, не столь интенсивно) стали «освобождение Германии в 1813 году», а затем победу над Наполеоном в кампании 1814 г. и вступление русских войск в Париж. Но все же в России, естественно, львиная доля всех этих коммемораций касалась 1812 года.

Что касается научной стороны коммеморативного взрыва, то здесь отдельного разговора требует и анализ историографии⁸ и вообще публикационной активности в «юбилейные годы». Требуется специальное исследование, в ходе которого были хотя бы учтены все научные и научно-практические конференции, симпозиумы, семинары, круглые столы, что прошли в школах, вузах, академических институтах, музеях и библиотеках: самого разного уровня, масштаба и репрезентативности: от региональных, краеведческих, школьных до международных.

Издавались и переиздавались источники, монографии своих и чужих «классиков», выпустили справочную литературу. Хлынул поток научно-популярной литературы. Переиздали книги для юношества, опубликовали новые для внеклассного чтения для детей, не забыли и о школе: издали хрестоматии, книги для учителя, демонстрационные и методические материалы. Провели военно-историческую on-line викторину «От Москвы до Парижа с русской армией», посвященную 200-летию торжественного вступления русской армии в Париж, пустили в продажу подарочный набор коллекционных солдат «Армия Наполеона», посвященный 200-летию великой победы России в Отечественной войне 1812 года.

Что касается 200-летнего юбилея кампаний 1813-1814 гг., то надо помнить, что в отечественной историографии, в учебниках, следовательно, и в массовом сознании двухсоставной концепт «Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии» изначально подразумевал различие в целях: защита Отечества и освобождение Европы. Ответственность за «Заграничные походы» возлагалась на Александра I, а его мотивация описывалась глаголами

⁸ Вообще по отечественной историографии Отечественной войны 1812 года у нас написано довольно много, даже защищено несколько диссертаций. См.: *Шейн И.А.* Отечественная война 1812 года: историография проблемы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; *Агронов Л.И.* Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Прохоровская А.И.* Военно-политическая деятельность Александра I в период борьбы с наполеоновской Францией (1804–1816 гг.): историографическое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 и др. Не ясно, зачем Н.Н. Ауровой, осознавая «необъятность» историографии Отечественной войны 1812 года, все же попыталась ее бегло охарактеризовать? Стоило ли это делать для того, чтобы в суматохе от многочисленных аннотаций обнаружить в шеститомной «галерее» у А.И. Михайловского-Данилевского биографию М.И. Платова? См.: *Аурова Н.Н.* Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.: социокультурный аспект. М.; СПб., 2015. С. 17.

«не ограничился», «решил продолжить», «наказать», «освободить»⁹. Сомнения Кутузова относительно цены освобождения Европы призвана развеять осознанная Александром I геополитическая и стратегическая необходимость: иначе «угроза на Немане» станет «постоянной и неизбежной»¹⁰.

Не останавливаясь на дискуссии начатой еще великим князем Николаем Михайловичем¹¹ и рассуждениях о причинах и значении Заграничных походов¹², следует констатировать, что в отечественной историографии исследования по их истории теряются на фоне эверестов исследований по истории Отечественной войны. Это видно и не очень вооруженным глазом. Жюли Гранде из университета Париж-I не так давно сделала специальный доклад «Политическая память о 1814 годе в России», в котором развила тезис о том, что кампания 1814 года - это в российской историографии одно из наиболее прочно «вытесненных» событий. С ее точки зрения, российские историки всегда (и в досоветский период, и в советский период) исходили из убеждения, что взятие Парижа - событие более французское, нежели русское, и более военное, нежели политическое. К тому же кампания 1814 года считалась скомпрометированной тем, что здесь, в отличие от 1812 года, победу одержал не народ, а монарх¹³. Мысль не нова, о том же писал и Доминик Ливен, который в числе недостатков российской историографии назвал «колоссальный разрыв уровня знаний о 1812 г. и 1813-

⁹ Виннер Р.Ю., Реверсов И.П., Трачевский А.С. История Нового времени. М.: Республика, 1995. С. 287.

¹⁰ И не стоит здесь искать аллюзию академика на историю Великой Отечественной войны: Е.В. Тарле так писал в 1939 г., не изменилось ни слова и в издании 1957 г. См.: Тарле Е.В. Наполеон. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 332.

¹¹ Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. В 2-х т. СПб., 1912.

¹² Эти вопросы рассмотрены, например, в диссертации Н.А. Могилевского. См.: Могилевский Н.А. Дипломатическая и военная история Заграничного похода русской армии 1813-1814 годов. Автореф. дисс. к.и.н. М., 2011. Научно-популярное изложение см.: Лазарев С.Е. История в подробностях: «Мы идем с войной для мира»: причины и предпосылки Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. // История в подробностях: научно-популярный журнал. 2012. № 5(23). С. 56-63.

¹³ Мильчина В. Международная конференция «Русские во Франции, 1814 год: факты, литература, мемуары» // Новое литературное обозрение. 2015. № 5.

1814 г.»¹⁴ Добавлю, что у нас по истории «освобождения Германии» в 1813 г. написано все же больше, чем по истории «принуждения Франции к миру» в 1814 г. Еще меньший интерес вызывает кампания 1815 г. и практически не исследована история пребывания оккупационных войск (в том числе и русских) во Франции в 1815-1818 годах.

В годы 200-летнего юбилея кампаний 1813-1814-1815 гг. в России была проведена практически всего одна сколько-нибудь знаковая международная конференция с последующей публикацией сборника ее материалов¹⁵; изданные в 2013-2015 гг. источники¹⁶ – касаются в первую очередь опять-таки в большей степени Отечественной войны 1812 года. По истории кампаний 1813-1814-1815 гг. вышло несколько статей¹⁷, и даже несколько книг¹⁸, правда, скорее

¹⁴ *Lieven D. Russia against Napoleon, the Battle for Europe, 1807 to 1814. New York: Penguin, 2010; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. М., 2012.* Оптимистические замечания старшего преподавателя кафедры истории, обществознания и экономики Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования о том, что деидеологизация истории в 1990-е открыла новые возможности перед исследователями заграничных походов выглядят, по меньшей мере, наивными и надуманными. См.: *Федина Н.Г. Александр I и начало французской кампании 1814 года в отечественной историографии первой половины XIX века // «В надежде славы и добра...»: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета (Института истории, гуманитарного и социального образования). Новосибирский государственный педагогический университет / Под редакцией В.А. Зверева. Новосибирск, 2015. С. 301-304.*

¹⁵ Освободительные походы русской армии 1813-1814 гг. в истории России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 25-26 марта 2014 г.) / ред.- сост.: Л.В. Мельникова. Москва: Ин-т российской истории РАН, 2014.

¹⁶ Записки генерала В.И. Левенштерна (фрагменты). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.В. Соколова // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 10. Санкт-Петербург, 2013; Смоляне против Наполеона: малоизвестные эпизоды войны России с Наполеоном 1812-1814 годов / А.П. Нахимов, Л.А. Верховская. Москва: Старая Басманная, 2013; Тульское военное ополчение 1812-1814 гг.: документы и материалы / [Составители: М.Р. Беделев, И.Г. Бурцев]. Тула: Государственный музей-заповедник "Куликово поле", 2013.

¹⁷ Помимо вышеуказанных: *Федина Н.Г. Отражение истории заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. в современной российской историографии // Ключ. 2015. № 9 (105). С. 45-48; Венков А.В. Казаки Платова во Франции. К 200-летию рейда казаков М.И. Платова во Франции в 1814 г. //*

обобщающего и популярного характера. Так, в публикации Н.Н. Ауровой¹⁹, непосредственно посвященной заграничным походам 1813-1814 гг., ставится ряд разнохарактерных задач: это и традиционно-привычное выяснение «целей и задач походов», и определение «роли пропаганды в освобождении Европы», и описание военной повседневности, и «восприятие Заграничных походов современниками», и, наконец, «отражение событий 1813-1814 гг. в русской и западноевропейской художественной литературе и искусстве»²⁰. План обширный, каждый последующий пункт его будет требовать от исследователя, если он, конечно, стремится провести тщательный анализ максимального круга источников, все больших и больших усилий. Схожие постановки вопросов мы могли встретить уже в шеститомном издании «Отечественная война и русское общество»²¹.

Итоги мероприятий, проходивших в России в связи с «годом истории», результаты коммемораций по поводу военных кампаний Большой европейской войны, - еще предстоит уточнить, обобщить и более тщательно проанализировать. Но, видимо, уже сейчас

Донской временник. Год 2014-й: краеведческий альманах / Донская государственная публичная библиотека. Ростов-на-Дону, 1993-2014; *Искюль С.Н.* Рецензия на монографию: *Rey M.-P.* 1814, *Un Tsar à Paris*. Paris: Flammarion, 2014. - 331 р. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 2. С. 270; *Гладышев А.В.* Сибирские «монстры» и французские «мраморные сердца» в Нёфшато в 1814 году // История и историческая память: мевуз. сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 9; *Пруцакова В.С.* Русские во Франции 1814-1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки) // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М., 2015; *Гладышев А.В.* История с взятием русскими Немура // История и историческая память: мевуз. сб. науч. тр. Саратов, 2015. Вып. 11; *Гладышев А.В.* Возвращение времен Атиллы: Оккупация Лангра и его окрестностей в ходе кампании 1814 года // История и историческая память: мевуз. сб. науч. тр. Саратов, 2015. Вып. 12.

¹⁸ *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. Москва: Вече, 2013; *Валькович А.М., Ермолов П.Б., Безотосный В.М.* Под сенью двуглавых орлов: военный союз российской и австрийской империй 1813-1815. Москва: Кучково поле, 2014; *Безотосный В.М., Иткина Е.И.* Казаки в Париже в 1814 году. Москва, 2014.

¹⁹ *Аурова Н.Н.* Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.: социокультурный аспект. М.; СПб., 2015.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. 1812–1912 / ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета; Ист. комис. учеб. отд. ОРТЗ. М., 1911–1912.

можно констатировать, что, самым масштабным проектом в России в этой связи стали даже не научные издания (не принижая значения издания «Энциклопедий...»²²) или доклады на столичных конференциях разных ученых мужей и дам, а «гражданские» коммеморации в российской провинции. Французы, отмечая 200-летие кампании 1814 г. и гордясь серией блестящих побед Наполеона, постарались по разнообразию коммеморативных форм не отстать от россиян, а по части гражданской инициативности, может быть, даже превзошли их. И если в официальных программах различных коммеморативных мероприятий в России в отличие от французов прямо не указывалась какая-нибудь сопутствующая и завершающая мероприятие «дегустиация вин», то это подразумевалось...

²² Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия: В 2 т. М., 2011; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: В 3 т. М., 2012.

ПРОФЕССОР Д.Д. ГРИММ В ЭМИГРАЦИИ¹

М.В. Ковалев

Саратовский государственный
технический университет имени Ю.А. Гагарина,
кафедра туризма
e-mail: kovalevmv@yandex.ru

Статья посвящена эмигрантскому периоду в биографии профессора Д.Д. Гримма, известного ученого и общественного деятеля. В статье реконструируется его научная карьера в Чехословакии и Эстонии. Особое внимание уделено его работе на Русском юридическом факультете в Праге и в Тартуском университете. В статье также анализируются общественные взгляды Д.Д. Гримма, раскрываются обстоятельства написания им мемуаров.

Ключевые слова: Д.Д. Гримм, русская эмиграция, биографика, мемуаристика.

PROFESSOR D.D. GRIMM IN EXILE

M.V. Kovalev

(Saratov, Russia)

The article is devoted to the life of Professor D.D. Grimm, the famous scientist and public figure, during the émigré period. In this essay his scientific career was reconstructed. The special attention is given to his work in the Russian Faculty of Law in Prague and the University of Tartu. Also the social views of D.D. Grimm were analyzed and the circumstances of writing his memoirs were disclosed.

Key words: D.D. Grimm, Russian emigration, biography, memoirs.

Давид Давидович Гримм (1864-1941) принадлежал к числу выдающихся российских ученых-правоведов, оставивших, помимо того, заметный след в общественной жизни. Его научная и преподавательская работа до революции была связана с Дерптом / Юрьевым и Санкт-Петербургом. Он пользовался значительным авторитетом среди коллег, благодаря чему в разные годы занимал в Санкт-Петербургском университете посты декана юридического факуль-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920-1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

тета (1901-1904, 1906-1910) и ректора (1910-1911). С 1907 по 1917 годы Д.Д. Grimm состоял членом Государственного совета. После Февральской революции он ненадолго занял пост товарища министра народного просвещения, но вскоре вернулся в университет на прежнюю должность ординарного профессора римского права. И если дореволюционный этап биографии Д.Д. Grimma изучен относительно неплохо², то этого нельзя сказать о годах эмиграции, в которой профессор оказался после революционных событий 1917 года. Восполнить этот пробел стало возможным при обращении к материалам зарубежных архивов.

Захват власти большевиками Д.Д. Grimm категорически осудил, но все же решил остаться в столице и продолжить работу в Петроградском университете. Так, 5 марта (20 февраля) 1918 г. на заседании юридического факультета он был избран в состав юридической испытательной комиссии. Народный комиссариат просвещения определил ему пенсию в размере 3.600 рублей в год³. Новые власти с явным недоверием относились к Д.Д. Grimmu. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести недель провел в заключении⁴. Оставаться дальше в Петрограде было небезопасно, и Д.Д. Grimm принял решение бежать из Советской России вместе с семьей. В феврале 1920 г. он при помощи друзей пересек границу с Финляндией. В его личном деле появилась краткая запись: «Выбыл из состава профессоров Единого Петроградского Университета 28 февраля 1920 г.»⁵ Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с Родиной.

Поселившись в Хельсинки, он стал активным участником антибольшевистского движения, контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией⁶. Профессор

² Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 2. С. 222-252; Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Grimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19-33; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174-183, и др.

³ Eesti Ajalooarhiiv (далее – ЕАА). F. 2100. N. 2. A. 150. L. 49 p.

⁴ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915-1944 (далее – НИА, Vrangeli' Collection). Box 16. Fold. 30.

⁵ ЕАА. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 49 p.

⁶ См.: Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17-38; Мусаев В.И. Политические организации российской

принимал участие в работе Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Д.Д. Grimm состоял представителем Главнокомандующего Русской армией генерала барона П.Н. Врангеля и парижского Сопещения послов. «Однако наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», - сетовал он несколько лет спустя⁷. В 1922 г. газета из-за нехватки средств прекратила свое существование. Поражение Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушали надежд на продолжение антибольшевистской борьбы. Д.Д. Grimm понял, что его дальнейшее пребывание в Финляндии теряет всякий смысл, и он решил вернуться к преподавательской деятельности. Он уехал в Париж, правда, пребывание там оказалось недолгим.

Д.Д. Grimm получил приглашение на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция», беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России⁸. Русские ученые и студенты получили реальную поддержку, что обеспечило превращение Праги в интеллектуальную столицу Зарубежной России. Чехословацкое правительство установило Д.Д. Grimm ежемесячное жалование в размере 2.100 чешских крон и дополнительных 300 крон на жену⁹. Этих денег было вполне достаточно для нормальной жизни. Правда, семье профессора поначалу пришлось столкнуться с трудностями, вызванными остротой квартирного вопроса. Некоторое время она была вынуждена жить в общежитии «Свободарна» на Либени, специально переделанном городскими властями для размещения русских преподавателей и студентов. Ученые и члены их семей жили в специально отведенном коридоре с маленькими квартирками¹⁰. Осенью 1926 г.

эмиграции в Финляндии в 1920-1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917-1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 84-86.

⁷ НИА, Vrangeli' Collection. Box 16. Fold. 30.

⁸ См.: Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 37-59.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 127. Л. 17.

¹⁰ Копрживова А. Российские эмигранты во Вшенорах - Мокропсах - Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой - Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 6; Из бесед с русскими эмигрантами. Екатерина Алек-

Д.Д. Grimm вместе с супругой переехал в освободившуюся после отъезда П.Б. Струве из Праги квартиру в специально построенном «Профессорском доме». Помог ему в этом чешский политик Карел Крамарж¹¹.

Д.Д. Grimm принимал активное участие в жизни русской диаспоры. Он стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, созданной до его приезда в декабре 1921 г., и призванной оказывать академическую помощь учащейся молодежи. Коллегия выполняла также функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем сериям (гуманитарные естественные, математические и технические науки). Д.Д. Grimm опубликовал в них одну из своих первых работ эмигрантского периода¹². Он также вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии, образовавшейся осенью 1921 года.

Группа ставила задачей укрепление связей русских исследователей с учеными из других стран, научную подготовку молодых людей, «посвящающих себя по окончании высшего образования занятиям наукой, и нуждающихся для прохождения учебно-ученого курса вне своей университетской обстановки в таком руководстве, которое бы соответствовало русским требованиям и традициям»¹³. Первым председателем Академической группы был избран профессор П.И. Новгородцев, пост почетного председателя занял профессор А.С. Ломшаков. Товарищем председателя стал Д.Д. Grimm, секретарем - В.И. Исаев, казначеем - А.П. Фан-дер-Флит, членами правления - С.В. Завадский, Г.В. Вернадский и И.Д. Жуков.

Одним из главных направлений работы Группы была научная аттестация, выражавшаяся в присвоении ученых степеней и званий. Известно, что 3 июня 1923 г. именно Д.Д. Grimm руководил процессом защиты диссертации Г.В. Флоровского «Историческая философия А.И. Герцена» на соискание ученой степени ма-

сандровна Максимович, урожд. Кизеветтер // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. Прага, 2011. С. 395–396.

¹¹ Archiv Národního muzea (далее – ANM). F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. 2-5-710-711.

¹² Grimm Д.Д. Основные предположения и задачи социальных наук // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 29-73.

¹³ Národní archiv ČR (далее – NA ČR). F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 80. Kart. 6.

гистра философии¹⁴. В качестве представителя Группы Д.Д. Гримм в октябре 1922 г. принял участие во Втором съезде русских академических организаций за границей. По его итогам он был избран в состав правления Союза русских академических организаций за границей¹⁵. На этом съезде было решено создать в чехословацкой столице Русский институт. Он начал свою работу через год, а Д.Д. Гримм стал в нем приглашенным лектором. Так, в феврале 1924 г. он прочел публичную лекцию «Русские конституционные учреждения», а в марте - «Государственная Дума и Государственный Совет»¹⁶.

Едва ли самой яркой страницей пражского периода жизни Д.Д. Гримма стала его работа на Русском юридическом факультете. В октябре 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. В начале 1922 г. гуманитарное отделение было разбито на секции - историко-филологическую и юрико-экономическую. В последней секции начал преподавать Д.Д. Гримм¹⁷. Тогда и возникла мысль о преобразовании юрико-экономической секции в самостоятельное высшее учебное заведение. Так 14 февраля 1922 г. было принято решение о создании Русского юридического факультета, торжественное открытие которого состоялось 18 мая 1922 года. Его создатели верили, что выпускники в будущем вернуться в Россию, где смогут использовать полученные ими знания. Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях, не котировалось за рубежом.

¹⁴ NA ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125/1. kart. 16

¹⁵ Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921-1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 87.

¹⁶ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV. Přednášky v ruských emigrantských institucích v Praze; Лекции Русского института // Огни. 1924. 11 февраля. № 6; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. T. I. S. 140, 142.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 4. Л. 25 об.

Первым деканом факультета стал профессор П.И. Новгородцев. Сам он получил кафедру римского права и помимо того в декабре 1923 г. возглавил созданное «Общество правоведения и общественных знаний». П.И. Новгородцев был тяжело болен и 23 апреля 1924 г. скончался. Д.Д. Гримму суждено было стать его преемником. Он был избран деканом факультета 27 мая 1924 г и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. Он считался живым воплощением университетских традиций. Именно он, наряду с А.А. Кизеветтером, М.М. Новиковым и Е.В. Спекторским (двое последних также некогда были ректорами - Московского и Киевского университетов соответственно), были среди инициаторов празднования «Гатьянина дня» в 1925 году¹⁸.

Д.Д. Гримму предстояло руководить Юридическим факультетом в весьма непростой период. Число желающих учиться русскому праву по дореволюционным образцам стремительно падало. Известны обращения Д.Д. Гримма к К. Крамаржу о помощи в трудоустройстве выпускников и оказании им визовой поддержки для выезда из Чехословакии¹⁹. Другой проблемой стало сокращение финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета. Последний выпуск студентов был запланирован на весну 1929 года²⁰. На годовичном акте 18 мая 1927 г. декан Д.Д. Гримм с горечью говорил: «Культурная работа на наших глазах обрывается, и вновь судьба нам напоминает, что – пока не будет великой России – мы осуждены на жизнь и скитания в роли вечных Агасферов, которые никому не нужны, и которых никто понять не желает, да и не может по-настоящему понять»²¹.

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Д.Д. Гримм стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855-1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Д.Д. Гримм получил известие, что Совет университет 14 апреля 1920 г. избрал его ор-

¹⁸ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 180.

¹⁹ ANM. F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. 2-5-703; 2-5-704.

²⁰ *Andreyev S., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938. New Haven – L., 2004. P. 91.*

²¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926-1927 учебный год. С. 3-4.

динарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности²². Новость стала для ученого абсолютно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...Я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале. - М. К.), и что я лишен возможности принять названную должность, о чем я уведомил профессора И.М. Тютрюмова, которому я подробно об этом написал. Принося университету благодарность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»²³. Теперь же он вернулся к эстонскому предложению. О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И.М. Тютрюмов, который писал декану юридического факультета, что «Г[осподин] Гримм по справедливости считался лучшим романистом в России... Он известен и своими научными трудами по истории и системе римского гражданского права»²⁴.

В начале 1927 г. Д.Д. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета, в стенах которого когда-то началась его преподавательская карьера. 15 марта 1927 г. Совет университета избрал его ординарным профессором, а 28 марта министром приказом № 32335 утвердил его в этой должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского языка²⁵. В начале сентября 1927 г. Д.Д. Гримм, его жена Вера Ивановна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и сыном Константином, а также няня С.К. Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет, и последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту²⁶.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что профессор, на-

²² EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 3 a, 4.

²³ Ibid. L. 6

²⁴ Ibid. L. 15.

²⁵ Ibid. L. 12, 19 p.

²⁶ Eesti Riigiarchiiv (далее - ERA). F. 14. N. 12. A. 4375. L. 11; EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 28-28 p.

конец, обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге П.А. Остроухову в Прагу: «Лично мы живем по-старому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, - только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи не хватает»²⁷. Но, конечно, не все было так гладко. Д.Д. Гримму пришлось столкнуться с экономическими проблемами, порожденными мировым кризисом, о которых он писал все тому же П.А. Остроухову: «Обсуждают тему сокращений. «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т.г. на 15%, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы грешные с 17-го года»²⁸.

Случались проблемы и в университете. Так, в январе 1935 г. был сорван объявленный профессором курс по римскому договорному праву. На первую лекцию пришло только двое студентов, а на вторую и третью не явилось никого. Д.Д. Гримм был обижен: «При таких условиях я считаю дальнейшие попытки чтения объявленного мною курса бесцельными и несовместимыми с моим достоинством»²⁹. И все же эстонский период жизни профессора можно назвать относительно спокойным и счастливым.

В 1929 г. Д.Д. Гримм принялся за мемуары и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный Совет в строю наших конституционных учреждений»³⁰. Научная квалификация и историческая отстраненность Д.Д. Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности. Они отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д.Д. Гримма погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга³¹.

²⁷ ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 об.

²⁸ Там же. Л. 2 об.

²⁹ ЕАА. Ф. 2100. N. 2. А. 150. L. 105.

³⁰ ЕАА. Ф. 2100. N. 2. А. 150а. L. 5.

³¹ Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 91;

В эстонский период Д.Д. Grimm принимал активное участие в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем тартуского отдела Русского национального союза. Он не прерывал контакты с друзьями и коллегами, оставшимися в Праге. Известно, что в мае 1937 г. он присылал поздравительный адрес в честь 15-летия создания Русского юридического факультета, торжественно зачитанный во время «профессорского чая» с участием видных представителей русской диаспоры (Л.А. Новгородцева, К.И. Завадская, А.С. Ломшаков, М.М. Новиков, П.Н. Савицкий, П.А. Остроухов, С.И. Варшавский, Д.И. Мейснер, И.И. Лапшин, Д.Н. Иванцов, А.А. Вилков, Е.В. Тарабрин)³².

В Эстонской республике русский профессор Д.Д. Grimm пользовался очень большим авторитетом. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел с просьбой принять его в эстонское гражданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 года. Его поручителями готовы были выступить видные местные ученые: декан юридического факультета Тартуского университета, профессор Юри Улуотс (Jüri Uluots), профессор международного права Тартуского университета Антони Пийп (Antoni Piip), профессор уголовного права Тартуского университета Карл Саарманн (Karl Saarmann). Уже в конце марта это ходатайство было удовлетворено³³. Семидесятилетие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. Так, на годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д. Д. Grimma. По достижению предельного возраста он с 1 июля 1934 г. вышел на пенсию³⁴, однако остался работать в университете в качестве внештатного преподавателя.

В 1935 г. министр юстиции и внутренних дел пригласил Д.Д. Grimma в качестве эксперта для работы над новым Гражданским уложением (Конституцией) Эстонской республики. Профессор с интересом принял это предложение, попросив временно

Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Grimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 75.

³² Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. II. S. 435.

³³ ERA. F. 14. N. 12. A. 4375. L. 1, 10.

³⁴ EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 69, 107.

отменить занятия в университете. В феврале 1937 г. глава государства Константин Пятс назначил Д.Д. Гримма членом Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu), в качестве представителя от русского меньшинства. Сам он полагал, что республика нуждалась в его опыте членства в Государственном совете Российской империи в 1907–1917 годах. Профессор отмечал, что «до сих пор здесь [в Эстонии] существовала только однопалатная система и никто практически из депутатов Нац[ионального] Собрания, одинаково как избранных, так и назначенных, не имел ясного представления о том, как двухпалатная система выглядит не только на бумаге, но и в практическом применении в жизни»³⁵.

Д.Д. Гримма смущал его преклонный возраст и ограниченная работоспособность, но еще более - незнание эстонского языка. Впрочем, эту проблему удалось решить. Президент распорядился, что проект Основного закона будет переведен специально для него на русский язык, а во время заседаний к нему будет приставлен переводчик. Д.Д. Гримм согласился: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента»³⁶. Работа оказалась интересной, но тяжелой. С февраля по июнь 1937 г. он практически еженедельно с понедельника по пятницу уезжал из Тарту в Таллинн, приобретя в результате «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение»³⁷. Лишь в июне 1937 г. он переселился на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Она была принята Национальным собранием 28 июля 1937 г. и 17 августа подписана главой государства.

Пожалуй, это было последнее яркое событие в общественной жизни профессора Д.Д. Гримма. Преклонный возраст заставлял его ограничить прежнюю активность. К тому же из Тарту вынужден был уехать его сын Иван вместе со своими детьми. И.Д. Гримм, как и отец, избрал карьеру правоведа. Однако в Тарту он постоянную работу найти не смог, и был вынужден уехать в Ригу. Д.Д. Гримм оставался в Эстонии, вероятно, до конца 1938 г. - начала 1939 г., а затем уехал к сыну в Латвию. В январе 1939 г. уже

³⁵ ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3 об.

³⁶ Там же. Л. 4 об.

³⁷ Там же. Л. 4.

оттуда он благодарил декана юридического факультета Тартуского университета за поздравление с юбилеем, которое его «глубоко тронуло как свидетельство о внутренней связи и добрых товарищеских отношениях, сохранившихся между нами и после выбытия моего из состава штатной профессуры Тартуского университета»³⁸.

К сожалению, о последних годах жизни ученого известно крайне мало. Имеющиеся источники не позволяют пока сказать, как пережил он роковые 1939-1941 гг.: начало Второй мировой войны, советизацию Прибалтики вкупе с развернувшимися там репрессиями, начало Великой Отечественной войны и захват Риги немцами. Скончался он 29 июля 1941 г. в Риге и был похоронен на Покровском кладбище³⁹.

На протяжении всей своей жизни Д.Д. Гримм был неутомимым борцом за интеллектуальную и творческую свободу. Он полагал, что успешное и динамичное развитие России возможно лишь при условии соблюдения законности и главенстве правовых начал. Конечно, вся его деятельность была отмечена преобразовательным пафосом, столь свойственным интеллигенции его времени, и порой далеким от исторической реальности. Но нет никаких оснований усомниться в том, что он всегда был искренним патриотом России, и верил в нее даже в самые трудные моменты истории. Своим идеалам он оставался верен и в годы вынужденной эмиграции.

³⁸ EAA. F. 2100. N. 2a. A. 8. L. 26.

³⁹ Tēvija. Rīga, 1941. 30. jūlijs. № 26.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(47).084.4/.084.6

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИСТОРИКИ «СТАРОЙ ШКОЛЫ»

В.Н. Данилов

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра Отечественной истории и историографии
e-mail: danilovvik@yandex.ru

В сообщении рассматривается характер взаимоотношений Общества историков-марксистов, действовавшего в СССР во второй половине 1920 – начале 1930-х гг., с представителями дореволюционной отечественной историографии. Показывается их эволюция от своеобразного сотрудничества и критики к острой конфронтации, влияние на эти изменения политических и личностных факторов.

Ключевые слова: советская историческая наука, Общество историков-марксистов, историки «старой школы», идеология, М.Н. Покровский.

THE SOCIETY OF MARXIST HISTORIANS AND HISTORIANS OF THE «OLD SCHOOL»

V.N. Danilov

(Saratov, Russia)

The report examines the nature of the relationship of the Society of Marxist historians, in force in the USSR in the second half of 1920 - the beginning of the 1930s, with the pre-revolutionary Russian historiography. Showing their evolution from the kind of cooperation and criticism to the bitter confrontation, the impact of these changes on the political and personal factors.

Key words: Soviet historical science, the Society of Marxist historians, historians of "old school", ideology, M.N. Pokrovsky.

В современной историографии отечественная историческая наука 1920-х гг. представляется как неоднозначное и, безусловно, своеобразное явление. Его своеобразие, в первую очередь, заключается в том, что социально-политические условия того времени привели к созданию ситуации сосуществования в среде ученых-

историков двух профессиональных субкультур и стилей жизни, которые представляли, с одной стороны, историки «старой школы», а с другой – марксистские кадры новой советской исторической науки. Сложность такого сосуществования состояла не столько в обособленности этих двух историографических потоков друг от друга, сколько в своеобразном взаимодействии, где до определенного момента грань между борьбой и сотрудничеством не всегда была отчетливой.

Об историках «старой школы» за последние два с лишним десятилетия появилось достаточно много работ, рассматривающих эту проблему и в общем плане, и с отдельных сторон: стратегия поведения историков «старой школы» на различных этапах, научные занятия видных её представителей, взаимоотношения с властью. Но практически нет исследований (или это представлено весьма схематично) о том, как происходило взаимодействие двух названных выше потоков в отечественной историографии первых десятилетий после революции 1917 года. Вместе с тем, можно констатировать, что сейчас все более утверждается точка зрения, согласно которой организационный разгром немарксистской историографии в результате «Академического дела» вовсе не означал полного разрыва поколений, а традиции русской историографии, сформировавшиеся в дореволюционное время, в определенном смысле были продолжены, прежде всего, благодаря возобновившейся после идеологического поворота середины 1930-х гг. научной и преподавательской деятельности таких ее видных представителей, как Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский, Б.А. Романов и др.

Сам термин «историки старой школы» для обозначения большой группы ученых немарксистского лагеря, сформировавшихся до революции и остававшихся после ее свершения в России, в советской историографии практически не использовался. Пожалуй, его можно было встретить только в работе конца 1960-х гг. известного специалиста по истории советской исторической науки Г.Д. Алексеевой¹. Глава советской историографии первого десятилетия М.Н. Покровский иногда называл немарксистских историков

¹ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). М., 1968. С. 246.

«старыми специалистами»², но чаще всего он и его коллеги обозначали их как буржуазных историков, с выделением в отдельных случаях неких флангов - буржуазно-помещичьего и мелкобуржуазного.

Как в свое время выразилась М.В. Нечкина, советское руководство понимало, что с залпом «Авроры» русская историческая наука не могла в одночасье стать марксистской, советской. Тем не менее, как известно, оно настойчиво добивалось этого. Отсюда и удаление через общероссийский конкурс «реакционной профессуры» из высших учебных заведений, упразднение историко-филологических факультетов и создание в первые годы Советской власти новых советских учреждений, в которых были задействованы исключительно марксистские кадры обществоведов, в том числе и по историческому направлению. Но, как представляется, первоначально у власти имелись определенные иллюзии на быструю идеологическую перековку старых кадров. Не случайно, что В.И. Ленин в письме к М.Н. Покровскому уже в 1919 г. требовал «связать их твердыми программами и давать им такие темы, которые объективно заставляли становиться на нашу точку зрения»³.

Определенные надежды на этот счет подавали и сами историки, пойдя на сотрудничество с властью в архивном и музейном деле, в развитии краеведческого движения. Особенно это касалось более консервативной петроградской группы, многие представители которой (тот же С.Ф. Платонов) ранее близко соприкасались с деятелями старого режима. Но в первые годы Советской власти дальше простого делового сотрудничества дело не двигалось, больших изменений мировоззренческого характера у подавляющей части историков «старой школы» не происходило. 1922 год стал временем окончательного определения власти в отношении «буржуазной науки», когда состоялась высылка тех ученых, кто не был лояльно настроен к новому режиму, отстранение их от формирования национальной исторической науки в России. Далее наступает период относительно мирного сосуществования оставшихся представителей «старой» и «новой» исторической науки, в который вписывает-

² Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. №. 7. С. 3.

³ Покровский М.Н. Ленин и высшая школа. М., 1924. С. 8.

ся и начальный этап деятельности Общества историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским.

Учредительное собрание Общества состоялось 2 марта 1925 г. и оно представляло тогда небольшой кружок из 40 человек, преимущественно москвичей, но сразу же выступивших с претензией на авангардную роль в советской историографии. М.Н. Покровский обосновывал возможность и необходимость создания такой организации потребностью «объединить на научной работе уже довольно многочисленный сейчас контингент товарищей-коммунистов, преподающих историю в наших ВУЗах, а также все более и более увеличивающиеся кадры близких к нам буржуазных историков, "примемлющих" марксизм», которых следовало, по его словам, привлечь «к какой-либо коллективной работе»⁴.

Характерно, что и в уставе общества задача «борьбы с извращениями истории буржуазной наукой» была поставлена только на третье место, после, как тогда считалось, более актуальных проблем - «объединение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории» и «разработки вопросов истории и марксистской методологии истории»⁵. И в первое время отношение Общества к историкам-немарксистам и в первую очередь самого М.Н. Покровского, а он, безусловно, задавал тон в работе этой организации, можно условно назвать вполне терпимым, хотя и, безусловно, настороженным.

В частности, в журнале «Историк-марксист», печатном органе Общества, публиковались достаточно нейтральные обзоры о деятельности Института истории РАНИИОН, где в основном трудились в то время наиболее известные историки «старой школы», без всякой предвзятой критики реферировались доклады, прочитанные в этом институте Д.М. Петрушевским, М.К. Любавским, С.Б. Веселовским, А.И. Яковлевым и другими. Это касалось и «старых» специалистов, работавших в провинции. Покровский в одном из своих выступлений, например, похвалил работу о декабристах саратовского историка С.Н. Чернова, ученика С.Ф. Платонова, ука-

⁴ Покровский М.Н. Задачи Общества историков-марксистов (Речь, произнесенная при открытии Общества в заседании 1 июня 1925 г.) // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 3.

⁵ Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320.

зав, что тот «взял как объект своего изучения солдат, - и разрешил этим задачу, решения которой все имели право ждать от наших присяжных марксистских историков»⁶. В некоторых случаях, даже допускалась публикация в «Историке-марксисте» статей историков из числа старой профессуры⁷.

Наиболее заметным выражением относительно мирного сосуществования «новой» и «старой» историографии можно считать участие историков-немарксистов в составе совместной советской делегации в «исторической неделе» в Берлине (июнь 1928 г.) и через два месяца на международном конгрессе историков в Осло. В состав первой делегации были заявлены С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, М.М. Богословский, М.К. Любавский, В.И. Пичета, Д.Н. Егоров, а в состав второй - В.И. Пичета, Е.В. Тарле, М.Н. Грушевский. Это была явная демонстрация внешнему миру идеологической толерантности, якобы существующей в Советском Союзе. В опубликованном отчете об участии историков из СССР в этих двух мероприятиях выезжавший в Берлин и Осло в качестве функционера от науки И.И. Минц писал, что состав советских делегаций свидетельствовал о том, что «являясь господствующим течением в науке, марксизм отнюдь не подавляет другие точки зрения», а «выступления беспартийной немарксистской части делегации нанесли сильный удар по предрассудкам, по которым в Советском Союзе уничтожена буржуазная историческая наука и механически подавляется инакомыслие»⁸.

Однако эти умозаключения уже не соответствовали в тот момент реалиям идеологической обстановки в стране и произошедшей корректировке партийного курса по отношению к «буржуазным» специалистам, что наглядно продемонстрировала Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, проходившая в марте 1928 года. Именно здесь М.Н. Покровский впервые скажет свою ставшую знаменитой

⁶ Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 5.

⁷ См., например: Тарле Е.В. Бегство Вильгельма II // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 62-72.

⁸ Минц И.И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и 6-м международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 88, 89.

фразу, что история ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет. Именно здесь, намеренно заострив внимание на противоборстве марксистского и буржуазного обществоведения, он выскажется за усиление критики методологических основ дореволюционной историографии. Поэтому вскоре И.И. Минц направляет в редакцию «Историка-марксиста» небольшое письмо-разъяснение, где указывалось, что «в таком виде это место в отчете является политически не верным, ибо позволяет сделать вывод о принижении боевого характера марксизма и его значения, как господствующего мировоззрения»⁹. Еще до указанных коллективных поездок ученых за границу произошла первая серьезная публичная атака на историков «старой школы» и в рамках самого Общества историков-марксистов.

В апреле 1928 г. в журнале «Историк-марксист» М.Н. Покровский публикует в определенной степени программно-концептуальную для Общества историков-марксистов статью под названием «"Новые" течения в русской исторической литературе». Как видим, здесь слово «новые» заключено в кавычки, а, используя термин «литература», тем самым мэтр советской историографии недвусмысленно отказывает рассматриваемым в статье трудам историков в научности. В объективе критики М.Н. Покровского оказались недавно вышедшие в плановом порядке работы директора Института истории РАНИОН крупного медиевиста Д.М. Петрушевского «Очерки по истории средневековой Европы» и академика Е.В. Тарле «Европа в эпоху империализма». Первый из указанных историков обвинялся в «протаскивании идей неокантианства», а второй - в «затушевывании объективного хода европейской истории к социалистической революции» и антантофильстве¹⁰.

А.Н. Артизов, посвятивший ряд своих трудов изучению деятельности М.Н. Покровского в советский период, объясняет указанные действия главы советских историков тем, что Общество историков-марксистов должно было в то время как-то реагировать на «Шахтинское дело», представленное властями как акт разоблаче-

⁹ Минц И. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 115.

¹⁰ Покровский М.Н. "Новые" течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3-17.

ния вредительства «буржуазных специалистов»¹¹. Но это предположение ничего не говорит о том, почему удар первоначально пришелся именно по всеобщникам. По всей видимости, он связан с явным раздражением Покровского отсутствием здесь у историков «старой школы» крупных сдвигов в сторону марксизма.

Если в области русской истории на своеобразном «балансе» марксистов была такая величина, как А.Е. Пресняков, который к тому времени принял основные постулаты марксизма, и о котором постоянно говорили на заседаниях Общества историков-марксистов, влияние марксизма также было заметно в трудах некоторых других историков-русистов (Б.Д. Греков, С.Н. Чернов), то в области западной истории наблюдалось попятное движение. В словах М.Н. Покровского сквозило буквально следующее: мы их (т.е. Петрушевского - автора близкой по духу к марксизму книги об Уоте Тайлере, вышедшей еще на рубеже конца XIX - начала XX вв., и специалиста по рабочему движению Тарле) считали почти своими, а они вон куда пошли. Масло в огонь подлило то обстоятельство, что, находясь в командировке в Париже, Тарле неожиданно не приехал в Осло. Он прислал телеграмму с извинениями не в советское постпредство, а прямо в адрес президиума исторического конгресса. Этот поступок Тарле в очередной раз возмутил Покровского. После случившегося, «его песенка как "советского" историка, - писал он 19 сентября 1929 г. из Германии, где проходил лечение, в редакцию журнала «Историк - марксист», - спета. Между ним, Ростовцевым (находился в эмиграции. -В. Д.) и Платоновым по существу нет никакой разницы - а формальная разница, что один эмигрант "внешний", а другие "внутренние», касается не нашего идеологического фронта, а совсем другой сферы отношений, где решать мы не призваны и не обязаны»¹².

Вскоре Д.М. Петрушевский и Е.В. Тарле были подвергнуты публичному разному в рамках Общества историков-марксистов, но по-разному. Тарле дали опубликовать в журнале «Историк-марксист» ответ на критические высказывания Покровским в отноше-

¹¹ Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры - успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 80.

¹² Горин П.О. М.Н. Покровский - историк-большевик. Минск, 1933. С. 97-98.

нии его труда, а потом дважды в редакционных статьях, как бы пригвоздили к позорному столбу антимарксизма¹³. По книги же Петрушевского состоялся двухдневный диспут в социальной секции Общества историков-марксистов, стенограмма которого была опубликована затем с характерным подзаголовком «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке»¹⁴.

Таким образом, в это время возникло некое противоречие в подходе руководства Общества историков-марксистов по отношению к своим коллегам по историческому цеху, придерживавшихся иных методологических взглядов. Тех, кто находился в определенной близости по своим подходам и исследовательской проблематике к марксизму, т.е. казалось бы, менее опасных с идеологической точки зрения - подвергали публичному остракизму, а других (С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, М.К. Любавский и др.), к которым, безусловно, не было никакого политического доверия - пока не трогали.

Это противоречие вскоре будет снято в ходе проведения Всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в конце 1928 - начале 1929 года. К тому моменту Общество историков-марксистов уже насчитывало более 800 членов и имело 25 отделений, и не только в РСФСР, как это было записано в его уставе, но и в некоторых других союзных республиках, поучаствовало в целом ряде громких исторических юбилеев. В резолюции конференции специальным пунктом было записано, что члены Общества историков марксистов является воинствующими марксистами, борющимися со всякими чуждыми идеологиями и их пережитками. Указывалось на то, что им необходимо расстаться со старыми профессорскими привычками, поскольку никакого академического нейтралитета и уступок не может быть допущено по отношению к своим классово-идеологическим противникам и в этой связи недос-

¹³ См.: *Тарле Е.* К вопросу о начале войны (Ответ М.Н. Покровскому) // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 101-107; От редакции // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 108-109; *Рубинштейн Н.* Отступление в боевом порядке // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 158-163.

¹⁴ См.: Диспут о книге Д.М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79-116.

таточно видеть себя только представителями материалистической науки, поскольку историков-материалистов имела и буржуазия¹⁵.

Одним из требований, прозвучавших на Всесоюзной конференции историков-марксистов, являлось реформирование Института истории РАНИОН. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1929 г., состоялась передача его в Комакадемию общественных наук. Обосновывая необходимость такого шага, М.Н. Покровский на заседании по случаю открытия нового института откровенно заявил, что «долголетний опыт, опыт работы с Институтом истории РАНИОНа и в Институте истории РАНИОНа показал нам, историкам-коммунистам, что какие бы мы старания ни употребляли, но Институт истории РАНИОНа не мог сделаться органом науки, которую мы единственно признаем наукой, и по пути которой мы можем вести подрастающее поколение историков»¹⁶. В новом институте произойдут не только кадровые изменения, но и сама направленность исследовательской работы. Будет свернута традиционная для русской исторической науки тематика по хронологическим периодам древней, средневековой и новой истории. Изучение отечественной и всеобщей истории станет вестись по секциям промышленного капитализма, империализма, социологической, методологической и истории пролетариата, тем самым структура реорганизованного Института истории почти полностью будет повторять структуру самого Общества историков-марксистов. При этом М.Д. Петрушевскому, избранному в январе 1929 г. действительным членом Российской академии наук, уже не нашлось постоянного места работы ни в советских научных учреждениях, ни в высших учебных заведениях, хотя, конечно, по сравнению с другими академиками-историками по тем временам к нему отнеслись довольно мягко: он, в частности, не арестовывался по «Академическому делу», как практически все видные историки «старой школы», не присягнувшие еще марксизму.

В целом Общество историков-марксистов, как свидетельствуют известные в настоящее время факты, не было инициатором край-

¹⁵ Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 231.

¹⁶ Покровский М. Институт Истории и задачи историков-марксистов (Речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии, 18 ноября 1929 года) // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 3.

них административно-политических мер в отношении историков «старой школы», в отличие, скажем, от опережающих репрессивные органы действий по преследованию самого известного украинского историка-марксиста М.И. Яворского. Образно говоря, в этом вопросе оно плелось в хвосте тех печальных событий, в которые были вовлечены на рубеже конца 1920-х - начала 1930-х гг. историки «старой школы».

Дело в том, что М.Н. Покровский как заместитель наркома просвещения еще в 21 октября 1929 г., когда были обнаружены неучтенные документы в библиотеке Академии наук в Ленинграде и произведены первые аресты ее сотрудников, получил соответствующую шифровку, но только 29 декабря 1929 г. организовал принятие осуждающую данный факт резолюцию Общества историков-марксистов. Последовавшие за этим общее собрание Общества 19 марта в 1930 г., где прозвучали известные слова о том, что «каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя»¹⁷, различного рода публикации, в первую очередь С.А. Пионтковского, с набором политических обвинений во враждебности к Советской власти, в великодержавности, обосновании идеологии интервенции в адрес С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье, Р.Ю. Виппера, М.К. Любавского и других¹⁸, - имели лишь словесное оформление уже свершившегося административно-политического разгрома историографии «старой школы». Однако эти материалы читали следователи, которые вели «Академическое дело» и использовали их во время допросов арестованных ученых. Как впрочем, потом в 1937-1938 гг. репрессивными органами будут использованы материалы проходивших в это время в Обществе дискуссий, прежде всего, дискуссии об общественно-экономических формациях, в отношении целого ряда самих историков-марксистов.

¹⁷ Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III. 30 года // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165.

¹⁸ Пионтковский С. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 21-26; Он же. Великодержавная историография последнего десятилетия // Историк марксист. 1930. № 18-19. С. 157-176; Куришанак И. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 115-118 и др.

В целом представляется, что противостояние с идеологическими противниками в науке, сначала это «буржуазные специалисты», а затем различные партийные «уклонисты», явилось наиболее рельефным выражением практической востребованности и своеобразной формой существования Общества историков-марксистов, работа которого строилась вокруг фигуры М.Н. Покровского. Поэтому, когда объект для противоборства в историографическом пространстве страны в результате административно-политического его разгрома был устранен, а М.Н. Покровский ушел из жизни, деятельность Общества историков-марксистов к середине 1930-х гг. была фактически свернута.

**ВОКРУГ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ИСТОРИКА
СМУТЫ ГЕРМАНА АНДРЕЕВИЧА ЗАМЯТИНА
«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В
МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА»**

Я.Н. Рабинович

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра истории России и археологии
e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с защитой докторской диссертации историка Смуты Германа Андреевича Замятина. В качестве источников использованы архивные, ранее не публиковавшиеся, материалы личного фонда Г.А. Замятина. Особое внимание уделено критическим замечаниям на диссертацию оппонентов Е.В. Тарле, М.Н. Тихомирова и Н.Л. Рубинштейна.

Ключевые слова: Смутное время, Великий Новгород, уния, Карл Филипп, диссертация, Пермский педагогический институт.

**AROUND THE DOCTORAL DISSERTATION OF THE
HISTORIAN OF THE TIME OF TROUBLES
HERMAN ANDREEVICH ZAMYATIN "ESSAYS ON THE
HISTORY OF THE SWEDISH INTERVENTION IN MOSCOW
STATE AT THE BEGINNING OF XVII CENTURY"**

Ya.N. Rabinovich

(Saratov, Russia)

The article deals with issues related to the protection of the doctoral dissertation of the historian of the Times of Troubles Herman Andreevich Zamyatin. As the sources are used archival, previously unpublished, personal G.A. Zamyatin fund's materials. Particular attention is given to the critical remarks on the opponents' dissertation of E.V. Tarle, M.N. Tikhomirov and N.L. Rubinstein.

Key words: the Time of Troubles, Velikiy Novgorod, union, Carl Philip, dissertation, the Perm Pedagogical Institute.

Имя Германа Андреевича Замятина (17 февраля 1882 - 2 января 1953) до последнего времени было известно лишь узкому кругу

специалистов. Долгое время труды этого крупнейшего специалиста по истории русско-шведских отношений начала XVII века незаслуженно замалчивались.

Творческий путь Г.А. Замятина рассмотрен в специальных статьях Г.М. Коваленко и Л. Дубьевой¹. Он родился в г. Слободском Вятской губернии в семье священника. Духовная семинария, учеба в университетах Юрьева и Санкт-Петербурга (1902-1907), а также в Петербургском археологическом институте (1907-1909), публичная защита магистерской диссертации «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол» (1913), работа в качестве приват-доцента в Юрьеве (1913-1918), переезд в Воронеж (1918), защита диссертации в Воронеже (1921), преподавание в Воронежском университете (1922-1929), репрессии, арест и освобождение, работа в библиотеках Воронежа и Курска, в пединститутах Курска и Сталинграда (1936-1938) - таковы основные этапы жизненного пути Г.А. Замятина до его переезда в Пермь.

Наиболее плодотворный в плане научных достижений период жизни Г.А. Замятина (1938-1952) связан с работой в Молотове (Перми) на кафедре всеобщей истории Пермского педагогического института (сначала в должности исполняющего обязанности профессора пединститута, а затем - зав. кафедрой всеобщей истории).

Здесь в Перми уже весной 1940 г. Замятин подготовил докторскую диссертацию, состоящую из 4-х очерков. Экземпляр данной работы с датой 1940 г. на титульном листе хранится в личном фонде академика Е.В. Тарле в архиве Российской Академии наук в Москве².

В диссертации Герман Андреевич подводит итоги изучению вопроса о кандидатуре шведского королевича на московский престол. Работа состоит из 4 частей. Первая часть посвящена походам

¹ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин // ИЗ. М., 2006. № 9 (127). С. 358-367; *Dubjeva L. G. A. Zamjatin (1882-1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 519-520.*

² Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Молотов, 1940. 468 с (машинописный вариант) // Архив Российской Академии наук (Москва). Ф. 627. Оп. 5. Д. 44; См. также: НИОР РГБ. Ф. 618 (Замятин Герман Андреевич). Карт. 2. Д. 3. Всего в фонде 618 имеется 15 картонов, 171 единиц хранения, 12644 листов.

шведов в Поморье в начале XVII века. Вторая часть - борьбе вокруг шведской кандидатуры на Московский престол в 1613 году. Третья часть - борьбе вокруг союза Новгорода со Швецией в 1614 г., а четвертая - новгородскому посольству архимандрита Киприана в Москву в 1615 году. К моменту защиты диссертации был опубликован первый очерк ограниченным тиражом в Перми³. Остальные очерки были отправлены для публикации в Новгородском историческом сборнике в Новгород, но редакция ИИС под различными предлогами задерживала их публикацию, и в итоге Замятин в 1940 г. вынужден был забрать обратно эти статьи.

Можно предположить, что причиной задержки с публикацией работ была их «неудобная тематика». Замятину впервые пришлось писать о русских людях (как простых жителях, так и о представителях знатных родов и высших иерархах церкви), которые в союзе со шведами фактически воевали против правительства Михаила Романова. Ведь, по мнению Замятина, значительная часть новгородцев лишь в конце 1614 г. (через полтора года после избрания Михаила Романова!) отказалась от кандидатуры Карла Филиппа. Новгородцы, включая митрополита Исидора, не поднимали восстание против шведов (можно сравнить поведение патриарха Гермогена в Москве и митрополита Исидора в Новгороде - большая разница!). Воевода Одоевский все время оставался в дружеских отношениях с Якобом Делагарди. На фоне повышения интереса в те годы к событиям 1612 г., к вопросам освобождения Москвы и всенародной борьбы против польских захватчиков (можно привести труды А.А. Савича, Н. Подорожного, А.И. Козаченко, написанные именно в 1938-1939 гг.) данное поведение новгородцев явно не вписывается в общие рамки⁴.

³ Замятин Г.А. Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Ист.-филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 44-77.

⁴ Савич А., Ровинский О. Разгром польской интервенции в XVII веке. М., 1938; Савич А.А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века. М., 1939; Подорожный Н. Минин и Пожарский. М., 1939; Козаченко А.И. Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939. С. 149-154.

Документы, связанные с защитой диссертации Г.А. Замятиным, находятся в НИОР РГБ в фонде Замятина (Ф. 618) в отдельном деле, в котором 29 листов⁵.

Все документы данного дела можно условно разделить на три группы.

Первая группа документов связана с научной и педагогической деятельностью Замятина до 1939 года. Здесь можно найти опись из 16 пунктов⁶. Сами документы, перечисленные в данной описи, разбросаны по другим картонам и делам, некоторые из них не найдены. Замятин собирал эти документы заранее, готовясь к постановке на защиту, чтобы показать членам комиссии. Это отзывы на магистерскую диссертацию (1918–1921–1926 г.), отзывы на книгу автора 1913 года С.В. Бахрушина, Л.А. Дербова, Д.М. Петрушевского, Ю.В. Готье, П.Г. Васенко, С.К. Богоявленского, П.Г. Любомирова, С.Ф. Платонова, Б.Д. Грекова, А.М. Гневушева, А.Н. Ясинского, В.Е. Регеля, М.Н. Крашенинникова, выписки из Ученых записок Юрьевского и Воронежского университетов и других. К этой группе документов относится доклад на заседании Общественно-Экономической Комиссии 28 мая 1928 г. «О научной и преподавательской деятельности Г.А. Замятина», а также несколько выписок из протокола заседания общественно-экономической предметной комиссии 14 мая 1928 г., из деканата Педагогического факультета ВГУ от 3 и 21 мая 1928 года⁷.

Во всех документах научная и педагогическая деятельность Замятина оценивается очень высоко.

Вторая группа документов связана с работой над диссертацией и подготовкой к защите диссертации в 1939–1941 гг. в Ленинградском университете.

Сюда можно отнести выписку из приказа директора Пермского педагогического института Павлюченко № 48 от 26 марта 1939 г. «О научной командировке Г.А. Замятина в Ленинград для работы над докторской диссертацией». Г.А. Замятин был командирован в БАН, Университетскую библиотеку и библиотеку

⁵ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 13, 25–27.

им. Салтыкова-Щедрина. Срок командировки был определен в 1 месяц, с 13 мая по 15 июня 1939 года. Было приказано выдать на командировку деньги в размере 830 рублей⁸.

Через несколько месяцев после возвращения Г.А. Замятина из этой командировки, в Пермь пришло долгожданное письмо из ВАК на имя директора Пермского государственного педагогического института. В письме говорилось: «ВАК *в виде исключения* (курсив мой. - Я. Р.) предоставляет товарищу Замятину Герману Андреевичу право защиты диссертации на степень доктора наук. Это письмо от 5 октября 1939 г. подписал А. Гагарин, зам. председателя Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР⁹.

Особый интерес представляет копия письма Е.В. Тарле Г.А. Замятину от 9 июня 1940 г., в котором диссертация получила очень высокую оценку. Из данного письма видно, какие теплые отношения связывали этих двух ученых. Приведем письмо полностью: «Глубокоуважаемый Герман Андреевич. Работу Вашу я прочел и нахожу ее очень серьезным, добросовестным и солидным вкладом в советскую историческую науку. Она более чем удовлетворяет самым строгим требованиям, которые предъявляются к докторским диссертациям. Это свое мнение я сообщил и в ЛОИИ. Привет! Я уезжаю на днях в Москву (Москва, Калужское шоссе, санаторий Академии Наук Узкое). 9 июня 1940 г. Ев. Тарле»¹⁰.

В одном из писем Г.А. Замятина Ученому секретарю Ленинградского университета от 15 сентября 1940 г. историк сообщает, что отправляет свою автобиографию и общественно-политическую характеристику. Третий экземпляр диссертации он отправлял ранее Е.В. Тарле, чтобы тот потом передал Ученому секретарю¹¹.

В октябре - ноябре 1940 г. Замятин пишет письмо Михаилу Дмитриевичу Приселкову, декану исторического факультета Ленинградского университета, в котором отмечает, что три месяца назад он отправил в Ленинградский университет свою работу - для соискания ученой степени доктора исторических наук. В сен-

⁸ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 3.

тябре он дополнительно отправил автобиографию и характеристику с места работы. Третий экз. диссертации Е.В. Тарле *«передал Вам. Надеюсь, что теперь вопросов с третьим экз. диссертации нет»*. Далее Г.А. Замятин спрашивает, нет ли уже готовых отзывов на диссертацию. Е.В. Тарле отвечает о диссертации *«неплохо. Интересно узнать отзывы других специалистов»*¹².

К данной группе документов можно отнести тезисы докторской диссертации на 6 листах (всего 23 тезиса). В конце тезисов указано место и время: «Молотов, 1940»¹³.

Завершает эту группу документов справка из ЛГУ, подписанная ученым секретарем Исторического факультета проф. Окуном, в которой сообщается, что защита диссертации назначена Ученым советом Исторического факультета ЛГУ на май 1941 года. Оппонентами определены академик Е.В. Тарле и доктор наук С.Н. Валк. Положительный отзыв Е.В. Тарле уже получен. Отзыв С.Н. Валка ожидается в апреле 1941 года¹⁴.

По неизвестным причинам в мае 1941 г. защита диссертации так и не состоялась. Известно, что в мае 1941 г. в г. Молотове проходила методическая научная конференция историков, на которой Г.А. Замятин выступал с докладом об обороне Пскова от шведов. Возможно, что защита была перенесена на вторую половину июня после завершения экзаменационной сессии в институте. В связи с началом Великой Отечественной войны защиту диссертации пришлось отложить на неопределенный срок.

Третья группа документов связана с самой защитой диссертации в 1943 г. в Московском университете. В данном деле отсутствует предварительная переписка по поводу защиты в МГУ. Ленинградский университет, где накануне войны предполагалась защита, в это время находился в Саратове, где в самые тяжелые годы войны проходили защиты докторских диссертаций историков. Можно строить разные предположения, почему для защиты был выбран именно Московский университет, а не Ленинградский. В качестве оппонентов были определены московские профессора Н.Л. Рубинштейн и М.Н. Тихомиров, причем, Н.Л. Ру-

¹² НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 7-12.

¹⁴ Там же. Л. 6.

бинштейн незадолго до защиты приехал в Москву из Саратова, где он преподавал в Саратовском университете. Из прежних оппонентов остался академик Е.В. Тарле.

К данной группе документов относятся тезисы докторской диссертации, напечатанные повторно в 1942 году. Содержание этих тезисов (23 тезиса) совпадает с предыдущими тезисами 1940 года. По-видимому, в те времена тезисы заменяли авторефераты, их раздавали членам Совета. В связи с условиями военного времени текст напечатан на лицевой и оборотной сторонах листов. Машинистка автоматически перепечатала старые тезисы, даже оставила прежнюю дату «Молотов 1940 год». Затем цифра 0 была исправлена на 2¹⁵.

Особый интерес представляют отзывы оппонентов на диссертацию и черновик рукописи ответного слова Замятина оппонентам. Оппоненты высоко оценили данную работу. М.Н. Тихомиров указывал в отзыве: «*В целом труд Г.А. Замятина дает подробный и неизвестный до него материал по очень важным историческим вопросам. Труд Г.А. Замятина важен и в том смысле, что он вводит в оборот громадное количество неопубликованного материала, в том числе документы шведских архивов, что выгодно выделяет его от других работ, основанных почти исключительно на русских источниках*»¹⁶.

Текст ответного слова Г.А. Замятина попробуем реконструировать, причем, выделим также то, что историк хотел сначала сказать на защите, а потом решил умолчать об этом и зачеркнул. На данных четырех страницах ответного слова (Л. 28, 28об, 29, 29об) текст перепутан, везде видны стрелки, вставки, зачеркивания. Окончательного варианта ответа Замятина в деле нет. Это лишь черновик.

Составляя план ответа оппонентам, Замятин выделил ряд моментов.

1) «*В речи непременно отметить, что работа о шведской кандидатуре в рукописи ходила по рукам С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и др. в Ленинграде*». Здесь речь идет о диссертации, защищенной в Воронеже в 1921 году. Впечатление от этой диссертации С.Ф. Платонов выразил одним словом: «одобряет». Почему Замя-

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 14-16.

¹⁶ Там же. Л. 20.

тину пришлось обращаться к своей старой работе при защите докторской диссертации? Можно предположить, что оппоненты Н.Л. Рубинштейн и М.Н. Тихомиров не изучили подробно данный труд, написанный 20 лет назад. В своих отзывах оппоненты критиковали Замятина за то, что он не отразил ряд сюжетов в своей докторской диссертации. Эти сюжеты были подробно разобраны Замятиным в предыдущей диссертации 20-летней давности. Историк сам далее в ответном слове указывал, что некоторые вопросы *«детально рассмотрены мною в диссертации о шведской кандидатуре, повторять здесь неуместно, уже за пределами»*.

2). В ответ на упреки оппонентов в «незаконченности», недостаточном освещении обороны Пскова от шведских войск Густава Адольфа, внутренней жизни в Новгороде во время шведской оккупации и отсутствия в диссертации сведений о заключении Столбовского мира, Замятин отметил в черновике: *«Указать, что оборона Пскова была предметом доклада на межвузовской областной научной конференции в Молотове в мае 1941 г. «Новгород при шведах» - вырос в монографию. Столбовский мир - также»*. Отметим, что через 9 лет после защиты диссертации труд Замятина об обороне Пскова в 1615 г. был опубликован в журнале «Исторические записки», а большая монография о борьбе за Псков в Смутное время вышла в свет через 55 лет после кончины автора, в 2008 году¹⁷.

Автор этих строк уже подготовил к печати работу Замятина о Столбовском мире, а вот очерк «Новгород во время оккупации его шведами» обнаружить в архиве пока не удалось. В данном очерке, судя по высказываниям Замятина, особое внимание уделено партизанской борьбе. При этом историк в качестве основных источников использовал донесения Делагарди королю и канцлеру Оксеншерне.

3). Интересна в черновике ответного слова следующая фраза Замятина: *«Выбросить о недоброжелательном отношении московских профессоров к теме»*¹⁸. В свое время С.В. Бахрушин и Б.Д. Греков

¹⁷ Замятин Г.А. «Псковское сиденье»: героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. 1952. Т. 40. С. 156-213; Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Коваленко Г.М. СПб., 2008. С. 243-402.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 29.

писали Замятину, что их «смутила тематика» его статьи о выступлении новгородцев против Михаила Романова (это 2-й очерк диссертации). Бахрушин в письме Замятину указывал, что *«сейчас на очереди изучение моментов национальной борьбы против всякого рода интервенции, и эта именно сторона вопроса привлекает наибольшее внимание читателей. В этом плане измена национальному принципу со стороны власти господствующего класса выступала бы ярче на фоне общего национального подъема, а взятая отдельно, может вызвать обостренную критику. Вот почему мы не позволяем себе рекомендовать Вам печатание Вашей работы в виде отдельной статьи»*¹⁹.

Касаясь отзыва М.Н. Тихомирова, Замятил записал в черновике ответного слова: *«Мне приятно отметить, что проф. Тихомиров признал вполне обоснованным мой вывод во 2-м очерке, что Земский собор в Ярославле ставил вопрос о кандидатуре шведского королевича на московский трон серьезно»*. К сожалению, и в настоящий момент среди многих историков бытует мнение, что переговоры Пожарского с Новгородом - это лишь дипломатический ход, что в мыслях руководителей ополчения не было серьезных планов относительно шведского королевича.

Все оппоненты дали наиболее высокую оценку первому очерку. Правда, М.Н. Тихомиров, с трудом пытаясь разобраться в тексте диссертации, указал на один из технических недостатков (на словесное оформление) именно данного очерка: *«Изложение Г.А. Замятина порой напоминает ребус... Конечно, ученость - вещь хорошая, но, право же, она выражается не в том, что текст ученой работы должен напоминать дорогу, перерытую канавами, через которую все время необходимо перепрыгивать»*²⁰.

Особых возражений не вызвал и 4 очерк. Больше всего замечаний у оппонентов было к 3 очерку.

В ответном слове Замятин основное внимание уделил ответам на замечания М.Н. Тихомирова и Н.Л. Рубинштейна. Касаясь замечаний Е.В. Тарле, историк отметил: *«Отсутствием Е.В. Тарле на настоящем заседании считаю неудобным высказывать свои соображения по поводу этих замечаний»*. Историк остановился лишь на одном из замечаний академика Е.В. Тарле, которое относилось к 1

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 29. Л. 2.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 20 об.

очерку. Е.В. Гарле считал, что «никаких попыток Англии политического захвата севера России не было». В ответ Замятин отметил: «Это (замечание) заставляет меня призадуматься, говорить мне нечего».

Оппоненты сделали замечание что диссертант «не ввел свою тему в общую рамку истории [XVII в.] борьбы за Балтику, ... следовало бы ставить весь излагаемый комплекс событий в общую раму не только русской, но и шведской истории». Замятин признал данное замечание справедливым, но указал, что по его плану «связь с общей историей должна быть [осуществлена] после завершения частных проблем в конце работы... Я ограничился пока что частными проблемами. Когда они будут решены полностью, тогда мне предстоит решать общие... Я не предполагал общего обзора, как это сделано в издании швед. Генер. Штаба *Sveriges krieg*, ввиду того, что не считаю работу законченной».

Историк отклонил упрек, будто он оставляет «без внимания оборону Пскова, партизанскую борьбу и другие вопросы». Он считает своей ошибкой, что «не предпослал работе небольшого предисловия, в котором следовало бы указать на свои работы» по данной теме, хотя упомянул о них в списке своих трудов. Также он признал свою ошибку, что «не предпослал своей работе предварительных замечаний, [не указал] что мне предшествовало».

Особенно тяжело было Замятину выслушивать упреки Н.Л. Рубинштейна. Он пишет в ответном слове: «Грустно человеку, посвятившему почти 30 лет изучению русско-шведских отношений в начале XVII в., читать такие строки про себя в отзыве: «автор отнюдь не знает полной истории шведской интервенции». Замятин объясняет, почему он представляет в диссертации лишь 4 очерка: «Но это не значит, что я не знаю политической истории шведской интервенции. Настоящая работа - это так сказать, 2-й том, за которым должен последовать еще, я даю [то, что] малоизвестно и в шведской и в советской исторической литературе». Действительно, в диссертации полностью отсутствует введение, к которому мы привыкли, текст диссертации сразу начинается с первого очерка.

Н.Л. Рубинштейн упрекнул Замятина в том, что тот «произвольно отбрасывает первые этапы», а также «конец интервенции, связанный с заключением Столбовского мира». Касаясь недостаточного освещения вопроса, связанного с заключением Выборгского договора и переговорами князя М.В. Скопина-Шуйского с Я. Дела-

гарди, Замятин согласился с этим замечанием, сказав, что у него ничего нового нет по данному вопросу, который был в свое время разобран еще шведским историком Альмквистом. Далее Замятин записал в черновике ответного слова: *«Замечания Е.В. Тарле и Николая Леонидовича наводят на мысль заняться пересмотром этого вопроса»*. Это не были пустые фразы. Через 8 лет после защиты диссертации в своей рецензии на книгу И.П. Шаскольского Замятин подробно остановился на вопросах, связанных с реализацией Выборского договора и на роли Скопина-Шуйского, который действовал самовольно, а не по указанию царя Василия Шуйского. Этот свой тезис историк более подробно отразил в своей монографии *«Борьба за Корелу»*, написанной в 1952 г. и опубликованной лишь в 2008 году²¹.

Н.Л. Рубинштейн также упрекнул Замятина за термин *«Уния Новгорода со Швецией»*, считая данный термин неудачным. В ответ Замятин отвечал, что хоть он и не встречал данного термина в источниках и исторической литературе, *«но ведь условия вечного союза Новгорода со Швецией были те же, что и уния Литвы с Польшей... условия, предлагаемые шведами новгородцам, соответствуют условиям унии Литвы с Польшей»*. Касаясь вопроса об унии, Замятин далее отметил, что видные шведские деятели (Делагарди, Генрик Горн, Арвед Теннессон), которые должны были вести мирные переговоры с русскими, хорошо понимали, что шведам Новгород в своих руках не удержать. Об этом они прямо писали в 1615 г. королю под Псков. Поэтому, по мнению Замятина, *«для слабой Швеции уния была более подходящим средством для осуществления основной мысли Густава Адольфа - отрезать Россию от моря»*.

Касаясь упрека М.Н. Тихомирова в том, что автор *«весьма неправильно рисует внутреннее положение в Московском государстве»*, Замятин отвечал, что, во-первых, в диссертации основное внимание сосредоточено на Новгороде, а не на внутренней политике Московского государства. Во-вторых, еще в 1926 г. в своей работе *«К исто-*

²¹ Замятин Г.А. Рецензия на книгу: Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950 // Вопросы истории. 1951. № 6; Замятин Г.А. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI - начале XVII в. // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Коваленко Г.М. СПб., 2008. С. 403-468.

рии Земского собора 1613 г.» он подчеркивал, что *«стоять за выбор царем иноземца - не значит быть изменником национальному делу. Эта мысль мне кажется сходной с мыслью Михаила Николаевича»*.

М.Н. Тихомиров считал наивным вывод Замятина о причинах неудачи унии Новгорода со Швецией (якобы для этой унии не было необходимых предпосылок). В ответ Замятин указал, что уния Литвы с Польшей 1569 г. явилась результатом «Московской опасности» (поражение Литвы в Ливонской войне). У Новгорода этого не было, ни о какой «Московской опасности», ни о каком терроре со стороны нового правительства Михаила Романова не могло быть и речи. Неудача с заключением унии свидетельствует о крепких связях Новгорода с Москвой. Замятин согласился с мнением оппонентов, что нельзя здесь говорить только об «экономических связях». Следует иметь в виду также политические, религиозные и другие связи.

В заключении Замятин отметил: *«Положительная оценка, данная моими рецензентами, произвела на меня ободряющее действие. Приложу все свои силы, чтобы мой многолетний труд вышел в печати в полном виде»*. Скажем, что сил ученого на это так и не хватило. Он умер в январе 1953 г., так и не дождавшись выхода своего труда. Только через 60 лет очерки докторской диссертации стали издаваться в Великом Новгороде в трех выпусках Новгородского исторического сборника²².

Публичная защита диссертации состоялась 23 июня 1943 года. В деле имеется выписка из протокола заседания Ученого совета исторического факультета МГУ от 23 июня 1943 года. Члены Ученого совета постановили считать диссертацию Замятина *«отвечающую требованиям, предъявляемым постановлением СНК СССР об ученых степенях и званиях от 20 марта 1937 г.»* и признать Г.А. Замятина достойным присвоения ученой степени доктора

²² Замятин Г.А. Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых в 1613 г. / публ., коммент., указатель имен, вступит. ст. Я.Н. Рабиновича // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редколл.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др. (далее - НИС). СПб., 2013. Вып. 13 (23). С. 422-475; Замятин Г.А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году // НИС. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 392-463; Замятин Г.А. Посольство архимандрита Киприана, Я. Боборыкина и М. Муравьева из Новгорода в Москву в 1615 году // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 392-458.

исторических наук. При голосовании 13 человек были «за», 1 воздержался, голосов «против» не было.

Протокол утвердили Председатель Ученого совета Исторического факультета МГУ проф. С.Д. Сказкин и зам. декана по научной части истфака проф. А.В. Арциховский. В деле имеется также копия выписки из этого протокола. Она была перепечатана снова и заверена нотариусом в г. Молотове (Перми) 21 июля 1943 г., через месяц после защиты. В документе имеется приписка о том, что подлинник выписки был представлен в нотариальную контору г. Молотов Замятиной Ольгой Петровной (женой Г.А. Замятина)²³.

Сам Замятин к тому времени, по-видимому, все еще находился в Москве, занимаясь оформлением необходимых документов.

Таковы основные моменты, связанные с защитой докторской диссертации Германа Андреевича Замятина.

²³ НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Ед. хр. 6. Л. 23, 24.

Н.М. ПИРУМОВА В ЗЕМСТВОВЕДЕНИИ 1970-х - НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Е.Н. Морозова

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра отечественной истории и историографии
e-mail: morozovaen@mail.ru

Статья посвящена проблемам изучения истории российского земства в 1970-х - начале 1990-х гг. и роли Натальи Михайловны Пирумовой в становлении земствоведения как отдельной отрасли исторической науки во второй половине XX века. Автор анализирует основные проблемы, которые возникли в «земском» исследовательском поле в указанный период.

Ключевые слова: земство, земский либерализм, земские гласные, земские служащие, Н.М. Пирумова.

ZEMSTVO STUDIES BY N.M. PIRUMOVA IN 1970s - EARLY 1990s

E.N. Morozova

(Saratov, Russia)

The paper focuses on the problems of Russian Zemstvo studies in the 1970s- early 1990s and Natalia Mikhailovna Pirumova's contribution in developing Zemstvo Studies as a separate branch of the History science in the second part of the XX century. The author analyses the main Zemstvo issues of the period in question.

Key words: zemstvo, zemstvo liberalism, zemstvo speakers, zemstvo officials, N. Pirumova.

В 2014 году отмечался 150-летний юбилей земской реформы. Во многих вузах страны, в государственных и общественных учреждениях России прошли конференции, семинары, «круглые столы», посвященные этому событию. Не остались в стороне и СМИ. Появились публикации в центральной и местной прессе. Российское телевидение провело целый цикл передач под названием «Земская реформа».

Наиболее репрезентативными в этом ряду стали Международные научно-практические конференции, посвященные юбилею земской реформы, организованные Общественной палатой РФ, ИРИ РАН, Государственной Думой РФ, РИО (Москва, 21-23 мая 2014 г.)¹ и Российским обществом политологов, МГУ и РИО (5-7 декабря 2014).

Многочисленные выступления отечественных и зарубежных исследователей показали, что в современном земствоведении остались как многочисленные лакуны, так и обострились дискуссии по целому ряду вопросов, в частности, по проблемам: «земство и власть»², «земство и гражданское общество», о степени эффективности работы земского самоуправления и многие другие.

Одновременно стало очевидным, как возникают исторические и историографические мифы. Это заставило задуматься о сложных путях развития отечественного земствоведения. Предлагаемая статья не носит характера историографического обзора. В рамках тематики конференции «Историк и история» мне бы хотелось поразмышлять о роли Наталии Михайловны Пирумовой в становлении земствоведения как отрасли исторической науки во второй половине XX века.

В конце 1950 - второй половине 1960-х гг. появились две знаковые работы, которые обозначили вектор дальнейшего развития советской историографии земства: книга В.В. Гармизы, посвященная подготовке земской реформы 1864 года и монография Л.Г. Захаровой, анализирующая земскую контрреформу 1890 года³. Эти публикации⁴ обозначили то исследовательское поле, ко-

¹ Итогом конференции стала публикация сборника «Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 22-23 мая 2014 г.) М.; СПб, 2015.

² В частности, полярные точки зрения высказывались по поводу проблемы «земство - губернаторы». Например, см.: *Минаков А.С.* Земства и губернаторы: система взаимодействия // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. С. 127; *Жукова Л.А.* Земские учреждения и административный контроль // Там же. С. 117; *Ярцев А.А.* Российское земство в историографии // Там же. С. 239.

³ *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

торое позже назовут «земствоведением». Но здесь возник целый ряд проблем объективного и субъективного характера.

Во-первых, новая проблематика с большим трудом пробивала себе дорогу. Она носила своеобразный маргинальный характер, гранича с разными исследовательскими полями, наиболее востребованными в тот период времени. «Земские» исследования касались различных сторон жизни России и неизбежно ставили «неудобные» для власти вопросы об эффективности работы советской системы управления на местах.

Во-вторых, возник новый комплекс сюжетов, который требовал своего осмысления: участие земских гласных и служащих в общественно-политической и социокультурной жизни на местах и в целом по земской России.

В-третьих, необходимо было исследовать особенности развития региональных земств. Казалось бы, земские учреждения, создававшиеся на одних и тех же принципах, имевшие одинаковую двухуровневую структуру, предметы ведения и пределы власти, должны быть похожи как близнецы. Однако по всей России трудно найти абсолютное сходство не только между губернскими земствами, но и в рамках уездных земств одной губернии. Само Положение 1864 г. представляло собой лишь схему, своеобразный «скелет», который при реализации на местах, наполнился живой плотью и кровью.

Особенности были обусловлены своеобразием социально-экономического развития губерний, величиной бюджетов и направлением расходов на обязательные и необязательные по-

⁴ В 1959 г. появилось первое исследование, посвященное региональному земству. См.: *Черныш М.И.* Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. В 1960-1970-е гг. были защищены многочисленные работы по земствам ряда губерний. Например, см.: *Клейн Н.Л. (Хайкина)*. Земские учреждения Самарской губернии в 1864-1881 гг.: Автореф. канд. ист. наук. Куйбышев, 1961; *Лиленкова А.Н.* Нижегородское земство в 1890-1904 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1973; *Львова Т.Н.* Московское земство в 1865-1890 гг. (Социальный состав и практическая деятельность): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; *Побережская Л.М.* Подготовка и проведение земской реформы в Нижегородской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1967; *Стефанова И.И.* Вятское земство в пореформенный период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 1973.

винности, борьбой консервативной и либеральной группировок в отдельных земствах, взаимоотношениями земских учреждений с местной администрацией, а так же субъективными факторами: во многом эффективность деятельности земств зависел от тех лиц, которые их возглавляли.

Однако без подобных исследований нельзя было создать обобщающие труды по истории российского земства. Не следует забывать, что краеведение как отрасль исторической науки достаточно долго находилась под запретом. Новые методики локальных исследований длительное время находились в стадии апробации.

В-четвертых, первые работы по земству создали определенные клише. Безусловно, работа В.В. Гармизы для своего времени стала новаторской, и ее публикация была связана с серьезными трудностями, о чем свидетельствует устная традиция, существовавшая в Институте истории АН СССР. Автор построил свою работу на значительном корпусе опубликованных и неопубликованных источников, рассмотрев широкий круг вопросов, связанных с состоянием общественного мнения во второй половине 1850-х гг., с валуевским этапом земской реформы.

Однако в силу известных причин (я не буду их касаться, они общеизвестны)⁵ возникла жесткая схема: «революционная ситуация - реформы», «земство - пятое колесо в телеге российского самодержавия». Попутно замечу, что последняя ленинская фор-

⁵ Особенно сложным было положение исследователей в середине - второй половине 1980-х гг., которые оказались в состоянии «методологического вакуума». Отечественная историческая наука постепенно отказывалась от старых методологических подходов, но и новые еще находились в стадии становления. В частности, В.Ф. Абрамов писал, исследуя начальный этап формирования Казанского земства (1865-1890): «В современной буржуазной историографии история русского либерализма - одна из излюбленных тем. Именно в этой связи буржуазные историки и касаются истории земств. Авторы работ на данную тему стремятся доказать, что земство являлось тем институтом, который, развиваясь далее, смог бы законсервировать в России буржуазные устои. Тем самым ставится под сомнение объективная закономерность Великой Октябрьской социалистической революции». *Абрамов В.Ф.* Казанское земство в пореформенный период (1865-1890 гг.). Л., 1980. // URL: <http://www.dissercat.com/content/kazanskoe-zemstvo-v-poreformennyi-period-1865-1890-gg#ixzz4EhZIJCgp>. (дата обращения: 13.07.3016)

мулировка шла в русле взглядов как многих земских деятелей, так значительного числа правоведов конца XIX - начала XX вв.⁶

Во второй половине 1960-х - 1970-х гг. появился ряд статей (Е.Д. Черменского, М.С. Симоновой, Ф.А. Петрова), посвященных земскому либеральному движению⁷. Появилась необходимость осмысления истоков земского либерализма, эволюции его экономических и политических программ, форм и тактики земского либерального движения. Именно этим вопросам и была посвящена монография Н.М. Пирумовой «Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века»⁸.

В своей работе Н.М. Пирумова, полемизируя с концепцией В.В. Гармизы, высказала «крамольную» (по тем временам) идею о невозможности только прямых и непосредственных социально-экономических интерпретаций теоретического и фактологического материала. Она возражает по поводу следующего высказывания исследователя: «Общественная теория самоуправления сопутствовала раннему периоду капиталистического развития, когда молодая буржуазия, еще слабая и неспособная перейти к власти, напуганная ростом революционного движения, стремилась к мирному сожителству с полуфеодальным государством на началах разделения прав»⁹. «Если продолжить эту мысль, - утверждает Н.М. Пирумова, - то получится, что буржуазия стала сильной, способной стремиться к мирному сожителству, и именно поэтому восторжествовала государственная теория самоуправления. Все это представляется сложнее; и не всегда, кажется нам, нужно искать слишком прямых социально-экономических объяснений того или иного факта» (курсив мой. - Е. М.)¹⁰.

⁶ См.: Морозова Е.Н. Власть и земское самоуправление: опыт российского земства // История государства и права. 2009. № 19. С. 20-25.

⁷ Черменский Е.Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905-1907 гг. // История СССР. № 4-5; Петров Ф.А. Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х - начала 80-х годов XIX века // Вопросы истории. 1974. № 9; Симонова М.С. Земско-либеральная фронда (1902-1903) // Исторические записки. Т. 91.

⁸ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

⁹ Там же. С. 18

¹⁰ Там же. С. 72-73, 98.

В своей монографии Н.М. Пирумова исследовала земства 25 губерний России и выявила в каждом из них наиболее известных представителей либеральной оппозиции. Их поименные списки (с указанием выборной должности в земствах, титула, чина, образования, величины земельных владений, публицистической деятельности, участия в земских съездах, партийной принадлежности и пр.) представлены в репрезентативном приложении¹¹. Безусловно, сейчас каждый исследователь земства может дополнить этот список по «своим» губерниям. Но в тот период такие данные собирались буквально по крупицам.

Оспаривая утверждение И.П. Белоконского о немедленном вступлении земства на политический путь сразу же после его возникновения, Н.М. Пирумова приходит к выводу, что «политический путь был вообще уделом не всех земств»; начало его относится к концу 1870 - нач. 1880-х годов¹².

Она выявляет в «немногочисленных выступлениях» либеральной оппозиции той поры те черты, которые легли в основу земского либерализма: стремление к децентрализации местного управления при сохранении самодержавной власти, «противостояние принципа самоуправления принципу бюрократии», проведение целого комплекса реформ, которые привели бы, выражаясь в современных дефинициях, к становлению гражданского общества в России¹³.

Обращаясь к составу либеральной земской оппозиции, Наталия Михайловна отвечает на вопрос: почему дворянство выступает в качестве лидера либеральной оппозиции, отражая интересы и других сословий. Среди главных причин она называет принцип гласности, ставший одним из основных в эпоху Великих реформ¹⁴.

Автор пришла к выводу, что в проанализированном составе либеральной земской оппозиции по 25 губерниям (241 человек) преобладали крупные и крупнейшие землевладельцы (77%), имевшие высшее образование (около 77%)¹⁵.

¹¹ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 232-281.

¹² Там же. С. 70-71.

¹³ Там же. С. 24

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Там же. С. 88-89.

Характерной чертой участников земского либерального движения являлось наличие службы или почетной выборной должности, а также широкая общественная работа, выражающаяся в публикационной деятельности и участии в общеземских съездах и совещаниях¹⁶. В своих выводах автор уходит от традиционной схемы зависимости общественно-политических движений от социально-экономического развития регионов. Н.М. Пирумова пишет: «Говорить, однако, о какой-либо закономерности в распределении либеральных сил по всем земским губерниям не стоит. Дело часто определялось личными качествами тех или иных деятелей»¹⁷. И она представляет целую галерею прекрасно написанных портретов выдающихся земских либералов России.

Проанализировав состав земской либеральной оппозиции, исследователь подвергает сомнению тезис Б.Б. Веселовского о том, что представители «третьего элемента» накладывали «печать демократизма» на всю земскую деятельность и вели за собой в том же направлении самих земцев. Н.М. Пирумова отмечает, что в пределах исследуемого периода земские служащие «шли в фарватере именно земского либерализма»¹⁸.

В монографии скрупулезно проанализированы экономические и социокультурные требования земского либерализма: поддержка общинного землевладения и в то же время - содействие к переходу земель во владение крестьян; решение проблемы малоземелья; организация переселенческого движения и мелкого поземельного кредита; отмена круговой поруки; понижение выкупных платежей; сокращение непроизводительных государственных расходов и др. Особое место автор уделяет вопросу об отмене подушной подати и введении подоходного налога как одного из важнейших требований экономической программы земского либерального движения. Значительное внимание уделяется в книге таким характерным вопросам земской либеральной программы, как требование всеобщего начального образования и проблемам мелкой земской единицы¹⁹.

¹⁶ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 89-90.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 126.

¹⁹ Там же. С. 139-157.

Изучив политические требования земского либерализма, Н.М. Пирумова заключает, что, несмотря на отсутствие единства в либеральном лагере, к концу XIX в. наметилась тенденция к консолидации всех либеральных сил²⁰. В книге детально проанализированы легальные и нелегальные формы тактических действий земской оппозиции, выявлены различия в тактике земцев-конституционалистов и умеренного крыла земского либерализма.

Следующая работа Н.М. Пирумовой, явилась первым, по существу, монографическим исследованием структуры земской интеллигенции, ее социокультурной роли в жизни российской провинции, участия в общественной жизни страны²¹. Исследуя состав земского «третьего элемента», Н.М. Пирумова убедительно показала, что земская интеллигенция представляла собой социальную общность со своими специфическими чертами. Она проследила процесс формирования земской интеллигенции, который занял почти два десятилетия, доказала, что различные профессиональные группы земской интеллигенции складывались не одновременно. Ранее других сформировалась профессиональная группа врачей, позже, в 1880-е годы - земских учителей и статистиков. К началу XX в. только агрономы не сложились в единую профессиональную группу²².

Наталия Михайловна приходит к важному выводу о том, что не столько численный состав врачей, учителей, статистиков делал их представителями земской интеллигенции, сколько общность «представлений, складывающаяся в итоге непосредственной деятельности в народе, в итоге общей работы на уездных, губернских и всероссийских съездах, обмена опытом на курсах, участие в различных санитарно-эпидемиологических мероприятиях, статистических исследованиях на местах, в других проявлениях общественно-земской службы»²³.

²⁰ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. С. 173.

²¹ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

²² Там же. С. 187.

²³ Там же. С. 62-63.

В монографии детально исследуется социальный состав земской интеллигенции, уровень образования, условия труда и быта различных профессиональных групп «третьего элемента».

Наталия Михайловна в результате глубокого анализа широкого корпуса источников приходит к выводу о том, что вклад земской интеллигенции «в общественную борьбу заключался в ее действенной профессиональной работе в народе, приводившей к повышению грамотности, улучшению медицинского обслуживания, содействующих росту сознания крестьян. Освещение этой деятельности в печати, на съездах, в обществах было также проявлением общественной борьбы и касалось всего слоя служащих земских управ. Вклад же в практическую борьбу партийных направлений вносил лишь авангард земской интеллигенции»²⁴.

Таким образом, обе монографии Пирумовой в «земском» исследовательском поле обозначили тот круг проблем, который позволил изучить их в региональном аспекте, выявляя особенности развития земских учреждений на местах. Именно это и привлекло к Н.М. Пирумовой молодых исследователей из разных регионов страны. Во многих диссертациях она была научным руководителем, консультантом или оппонентом. Во второй половине 1980-начале 1990-х гг. было защищено около двух десятков диссертаций по разным земствам России²⁵.

²⁴ Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль. С. 223.

²⁵ См.: *Абрамов В.Ф.* Казанское земство в пореформенный период (1865-1890 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1989; *Андреевский В.А.* Бессарабское земство (1890-1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1985; *Будаева О.Д.* Смоленское земство в конце XIX - начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1981; *Марьяновский А.А.* Воронежское земство в пореформенный период: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1981; *Маскина А.С.* Таврическое земство в 1866-1890 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; *Морозова Е.Н.* Саратовское земство 1866-1890: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; Она же. Саратовское земство 1866-1890. Саратов, 1991; *Новикова Н.С.* Тверское земство в 1865-1890 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1984; *Прокофьева Т.П.* Московское земство в конце XIX - начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Свиридова Т.А.* Калужское земство 1865-1918: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; Она же. Калужское земство 1895-1918. Калуга, 1996; *Тарабрин Е.Г.* Рязанское земство в 1865-1890 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1986; *Фролова Л.П.* Тульское земство в 1864-1890 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

И здесь хочу возвратиться к вопросу о мифологизации историографии земства. Я могу согласиться с авторами сборника статей «Земский феномен. Политологический подход» в том, что «регионализация исследований земств в 1980-е гг. имела определенное положительное значение»²⁶.

Но следующее их утверждение не может не вызвать возражений: «Специалистам по земству давно уже пора преодолеть свой провинциальный менталитет. Недостаточная квалификация российских специалистов по земству символизируется безрадостным фактом: по этой теме защищено большое количество кандидатских диссертаций, но крайне мало докторских... провинциализация менталитета специалистов по земству не принесла никакой пользы. Земства - предмет исследования, далекий от исследовательского пафоса провинциальных краеведов, сопровождаемого слабой теоретической осведомленностью»²⁷.

Мне кажется, что проблема «провинциального менталитета» явление не столько топографического порядка, сколько особенностей индивидуального мышления исследователя вне зависимости от его местоположения.

Далее, отсутствие большого числа докторских диссертаций по указанной теме не является большим минусом, ибо в этой ситуации, как, пожалуй, в никакой другой, количество еще не определяет качества, о чем знает любой член диссертационного совета. Более того, на момент выхода указанного сборника вышли монографии и защищен был целый ряд докторских диссертаций российских исследователей (Л.А. Жуковой, Л.А. Лаптевой, А.Ю. Шутова, Е.Н. Морозовой и др.)

Безусловно, история каждого земства - это своеобразный «микрокосм». Обобщить материал даже по одному губернскому земству - крайне сложно, ибо, как указывалось выше, существовали особенности в функционировании не только между губернскими земствами, но и между уездными - внутри одной губернии²⁸.

²⁶ Земский феномен. Политологический подход. / В. Абрамов, К. Мазузо, А. Ярцев. Саппоро, 2001. С. 37.

²⁷ Там же.

²⁸ Совершенно справедливо отмечает А.А. Ярцев в работе, вышедшей в свет в середине 1990-х гг.: «...каждое земство имело свое лицо по составу, организационному устройству, политической окраске, бюджетам, при-

Микроистория в целом дает возможность из «мозаичных кусочков» - истории каждого земства - воссоздать панорамную картину общероссийских земских процессов.

Как справедливо отмечает М.Ф. Румянцева: «Репрезентативная основа исторического труда должна воспроизводить нарастающую сложность корпуса источников. Например, невозможно изучать газету, выражающую то или иное общественное умонастроение, не зная всего спектра мнений, выражаемых в периодике»²⁹. Региональные исследования земства по сути дела, явили собой тот круг необходимых источников, которые позволили создавать обобщающие труды в сфере земской проблематики.

Н.М. Пирумова была знакома не только с отечественными исследователями земства, но и с зарубежными земствоведами. Она выступила в роли объединяющего центра, генератора идей, что проявилось в организации двух больших конференций, значение которых трудно переоценить в становлении современного земствоведения: в 1992 г. в Йошкар-Оле, в 1993 - в Твери. Для того времени они собрали огромное количество участников: в первой конференции участвовало около 90 человек, во второй - свыше 60. С докладами выступали ведущие российские и западные исследователи: Б.В. Ананьич, В.А. Твардовская, В.Г. Чернуха, Р.Ш. Ганелин, Л.Г. Захарова, А.П. Корелин, Н.К. Фигуровская, Т. Эммонс, Ч. Тимберлейк, А. Линденмейер, С. Мерль. В них принимали участие молодые исследователи, которые позже заняли свою нишу в земствоведении (Л.Е. Лаптева, С. Серегни, К. Мазузато, В.Ф. Абрамов, Г.Н. Ульянова и др.)

оритетам в хозяйстве, специфике постановки того или иного дела и даже по ведению документации. Новгородское земство снискало себе славу передового как среди земств, так и в правительственных кругах. О Псковском земстве современники отзывались как об одном из самых заурядных. Петербургское земство многие называли бюрократическим и чиновничьим. Значительной спецификой отличались уездные земства: Кирилловское, Новоладожское, Опочечское, Петербургское, Петергофское, Холмское и Череповецкое земства». // Земство Северо-Западных губерний России (1864-1904). СПб., 1995. // URL:<http://cheloveknauka.com/zemstvo-severo-zapadnyh-guberniy-rossii-1864-1904#ixzz4Ehfn6wOn> (дата обращения: 14.07.2016)

²⁹ Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 237.

Анализ тематики докладов, представленных на указанных конференциях, позволяет сделать вывод, что именно здесь была заявлена новая проблематика, которая позже станет одной из главных в земствоведении: «Земство и власть».

Эти конференции дали импульс к созданию международных программ, душой и вдохновителем которых стала Наталия Михайловна Пирумова. В частности, речь идет о совместной российско-германской научно-исследовательской программе «Institutionen im Transformationsprozess der Landwirtschaft. Die Historischen Beispiele Russlands und Deutschlands im Hinblick auf aktuelle Probleme» (1993-1994 гг.), результаты которой были апробированы на международной конференции (Германия, Билефельдский университет, 1994 г.) Эта программа показала, насколько важны и интересны компаративные исследования, как в сфере сравнительной истории российских земств, так и в области изучения сходства и различий в структуре и направлениях деятельности местного самоуправления разных государств.

К сожалению, тяжелая болезнь вскоре оборвала жизнь чудесного человека и замечательного ученого - Наталии Михайловны Пирумовой.

Дарственную надпись на своих книгах Наталия Михайловна всегда заканчивала такими словами: «С верой и надеждой на земские успехи» - Н. Пирумова. Наверное, это пожелание на будущее всем исследователям российского земства.

Н.А. ТРОИЦКИЙ О СУЩНОСТИ И ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.Н. Гинев

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук,
главный научный сотрудник-консультант
e-mail: vginnev@mail.ru

Н.А. Троицкий о сущности и времени возникновения народничества. В историографическом контексте.

Противопоставление «революционных демократов» начала 1860-х гг. и прежде всего Н.Г. Чернышевского, который был провозглашен предшественником российской социал-демократии, «революционным народникам» 1870-х гг. началось в советской историографии с конца 1920-х годов. Это было связано с усиливающимся негативным отношением к народникам со стороны идеологических советских структур как к общественному течению, которое с 1880-х гг. препятствовало распространению марксизма в России, и потому знакомство с ним не считалось полезным для воспитания нового поколения советских людей. Апогей этой кампании пришелся на 1935 – 1955 годы. Борьба революционных народников с царизмом преуменьшалась или замалчивалась. На первый план выходила резкая критика народовольческого террора.

Возрождение подлинно научного исследования народнической тематики стало возможным только после XX съезда КПСС. В 1960 – 1970-х гг. состоялись несколько острых дискуссий между сторонниками продолжавшего существовать в смягченной форме негативного отношения к народничеству и приверженцами объективного, свободного от официального давления исследовательского процесса. В этом контексте выявляется выдающаяся роль Н.А. Троицкого как одного из лидеров прогрессивной группы историков.

Ключевые слова: Революционные демократы, революционные народники, противопоставление, дискуссии, Н.А. Троицкий.

N.A. TROITSKY ON THE ESSENCE AND TIME OF FORMATION OF NARODNIK MOVEMENT.

V.N. Ginev

(St.-Petersburg, Russia)

In Soviet historiography, the contraposition of «revolutionary democrats» of early 1860s, primarily N.G. Chernyshevsky, who was proclaimed the predecessor of Russian socialist democratic movement, to «revolutionary narodniks» of 1870s, began in late 1920s. The reason was the growing negative attitude of Soviet ideological structures to narodniks as a social movement that hindered from the propagation of Marxism in Russia in 1880s; that's why acquaintance with it was considered not desirable for the younger generation of Soviet people. The culmination of this campaign fell on 1935 – 1955. Narodniks' struggle with tsarism was underestimated or concealed. Harsh criticizing of Narodnaya Volya's terror came to the foreground.

The revival of true scientific research of narodnik themes was possible only after the XX Congress of the CPSU. In 1960s-1970s several tense discussions were held between the followers of negative attitude to narodnik movement that continued to exist in a soft form, and the followers of unbiased research process, free of semi-official pressure. Prominent role of N.A. Troitsky as one of the leaders of progressive group of historians is revealed in this context.

Key words: revolutionary democrats, revolutionary narodniks, contraposition, discussions, N.A. Troitsky.

В настоящее время вряд ли найдутся историки народничества, объективно исследующие этот феномен российской действительности второй половины XIX века, которые категорически идейно отделяли бы «революционных демократов» 1860-х гг. от «революционных народников» следующего десятилетия. Но в советской историографии народничества были периоды, когда такое противопоставление существовало. Оно или жестко предписывалось «сверху» (конец 1920-х гг. – первая половина 1950-х), или проходило в более мягкой форме в виде разной степени остроты научных дискуссий (1928 г., вторая половина 1950-х гг. – 1980-е гг.), а также проявлялось в отдельных высказываниях в соответствующих монографиях и статьях.

Рубежом идейного отчуждения революционеров шестидесятников от революционеров семидесятых годов стал торжественно отмеченный столетний юбилей со дня рождения Н.Г. Чернышевского в мае 1928 года. До этого в сочинениях М.Н. Покровского, в «Истории РКП(б)» В.И. Невского, в «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского, в выдержавших 16 переизданий «Очерках истории ВКП(б)» Н.Н. Попова никакой идейно-теоретической грани между революционными разно-

чинцами 1860-х и 1870-х годов не проводилось. Но к 1928 г. появились и первые сторонники проведения такой грани — Н.А. Рожков, В. Левицкий, И. Фролов. Наиболее определенно высказал свою позицию Ю.М. Стеклов в своем двухтомнике о Чернышевском. По мнению Стеклова, мирозерцание Чернышевского от сложившегося впоследствии мирозерцания народников «стояло очень далеко»¹.

По итогам юбилейной дискуссии Комиссией при Президиуме ЦИК СССР были составлены «Тезисы для докладчиков» — своеобразное руководство для будущих исследователей и пропагандистов. В том, что касалось сравнения Н.Г. Чернышевского и народников, в «Тезисах» давалась установка: слабые стороны воззрений Чернышевского принадлежат народникам, сильные — марксистам. Полностью отлучить Чернышевского от народников тогда еще не сочли возможным, но было указано, что «ошибки и непоследовательности» в его произведениях, «раздутые и преувеличенные его мелкобуржуазными учениками, составили основное содержание учения народников»².

В последующие годы эта официальная установка активно внедрялась в исследовательский и учебный процесс. Отступление от нее трактовалось как несогласие с марксизмом и каралось разными методами — от «проработки» на собраниях и в печати до «оргвыводов». В итоге объективное научное исследование народнической тематики оказалось замороженным на более чем двадцать лет.

Только в период «хрущевской оттепели» у историков появилась возможность вновь вернуться к относительно свободному обсуждению спорных проблем истории народничества. В майском номере «Вопросов истории» за 1956 год была напечатана статья П.С. Ткаченко, в которой после долгого перерыва, хотя и не вполне последовательно, было сказано об ошибочности противопоставления революционного народничества революционному про-

¹ Гинев В.Н. «Революционный демократ» Н.Г. Чернышевский и народники: начало противопоставления // Россия в XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 23—25.

² Н.Г. Чернышевский. Тезисы для докладчиков. М., 1928. С. 6; Гинев В.Н. Ук. соч. С. 26—28.

светительству³. В 1959 г. в «Исторических записках» появилась большая концептуальная статья Б.П. Козьмина «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России»⁴. Б.П. Козьмин решительно высказался в пользу единой в главном идейной народнической сущности демократических деятелей 1860-х и последующих годов, начиная с А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского и кончая представителями реформаторского народничества 1880–1890-х годов. «Каковы бы ни были изменения, происходившие в народнической идеологии, и сколь различными ни были ее течения, основное содержание народничества сохранялось на всем протяжении его истории. А это содержание сводилось к вере в возможность для России миновать капитализм и перейти непосредственно к такому социальному строю, который народниками воспринимался как социалистический, хотя в действительности таковым не был».⁵

История народничества, в представлении Б.П. Козьмина, начиналась с Герцена и Чернышевского, которые не только заложили некоторые основы народнического мировоззрения, но создали настолько вполне оформленную теорию, что этого «было вполне достаточно для того, чтобы признать народническую идеологию уже сложившейся»⁶. При этом Б.П. Козьмин неизменно ссылался не только на народнические источники, но еще более, как было принято в советские времена, на различные подходящие, на его взгляд, высказывания В.И. Ленина. То же делали и его оппоненты, в частности, Ш.М. Левин, который утверждал, привлекая на свою сторону, разумеется, того же классика, что народничество сформировалось на грани 1860-х и 1870-х годов. Однако, Б.П. Козьмин, считал, что «такое утверждение стоит в вопиющем противоречии со взглядами В.И. Ленина». Хотя Ленин неоднократно указывал на серьезные идейные расхождения между революционерами шестидесятниками и их преемниками, в его работах, писал Козьмин, «мы не найдем противопоставления “революционных демократов” “народникам”». «С точки зрения В.И. Ленина речь могла

³ *Ткаченко П.С.* О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. 1956. № 5.

⁴ Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 191 – 248.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 211.

идти не о “связи” между двумя различными идеологическими системами, а о двух разновидностях одной и той же идеологии»⁷. В заключение полемики с Ш.М. Левиным Б.П. Козьмин выразил надежду, что в будущих своих работах его оппонент «наконец, станет полностью на позиции В.И. Ленина»⁸.

Статья Б.П. Козьмина появилась в «Исторических записках» уже после кончины автора (5.07.1958); в подстрочном примечании к ней пояснялось, что она «представляет собой доклад, предназначенный для широкого научного обсуждения»⁹. 65-й том «Исторических записок» со статьей Б.П. Козьмина был подписан к печати 20 мая 1959 г., а научная конференция о революционном народничестве историков Москвы, Ленинграда и некоторых других городов была организована Институтом истории АН СССР и историческим факультетом МГУ 22 – 23 октября 1959 года.

Выступивший на ней Ш.М. Левин не согласился с критикой Б.П. Козьмина и подтвердил свой тезис о том, что окончательное оформление народничества произошло не в начале 1860-х гг., а на рубеже 1860 – 1870-х¹⁰. (В частных беседах Шнеер Менделевич сокрушался, что ему не удалось поговорить на эту тему с Борисом Павловичем при его жизни – это уже элемент личных воспоминаний автора данной статьи). Этой позиции Ш.М. Левин придерживался и впоследствии – в статье во втором номере журнала «История СССР» за 1962 год, и в последней книге – «В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX – начала XX вв.» (Л., 1969).

Что касается октябрьской конференции 1959 года, то докладчик М.Г. Седов в основном придерживался позиции Б.П. Козьмина, доказывая, что «деятельность революционного народничества хронологически простиралась от отмены крепостного права до крушения “Народной воли”», но тут же, противореча сам себе, утверждал, что как течение общественной мысли общественное движение 1860-х гг. «не было похоже на народничество»¹¹. В том, что 1860-е и 1870-е гг. составляли один период русского револю-

⁷ Исторические записки. Т. 65. С. 197, 209, 211.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Вопросы истории. 1960. № 2. С. 216.

¹¹ Там же. С. 212.

ционного движения М.Г. Седова поддержали П.С. Ткаченко, Б.С. Итенберг, Я.И. Линков; идейно отделял 60-е и 70-е годы И.Д. Ковальченко.

Директор Института истории А.Л. Сидоров предостерег от идеализации народничества, но в то же время поддержал предложение о создании в институте группы по изучению революционного движения второй половины XIX века¹². Вскоре эта группа стала оппозиционной по отношению к ранее созданной группе академика М.В. Нечкиной, изучавшей проблемы первой революционной ситуации начала 1860-х гг. и не считавшей ее участников народниками.

В первой половине 1960-х гг. в различных журналах появлялись статьи, в которых с разных позиций трактовались вопросы теории и тактики разночинского этапа революционного движения. Накапливались разногласия между сторонниками официального направления, считавшие теорию и практику революционного народничества вредной для развития революционного процесса в России и не признававшие Н.Г. Чернышевского и его окружение народниками. Им противостояли историки, отстаивавшие свободу научного творчества и доказывавшие, что весь разночинский период освободительного движения был преимущественно народническим.

Кульминационной точкой спора двух указанных направлений в историографии стала организованная в марте 1966 г. Институтом истории СССР дискуссия, в которой активно участвовали и сотрудники других научных учреждений.

Открывая дискуссию, академик М.В. Нечкина призвала ее участников «придерживаться основной проблемы - внутренней периодизацией разночинского этапа»¹³. Но как показало содержание двух противостоящих друг другу основных докладов и последующих за ними прений, «внутренняя периодизация» означала не только и даже не столько хронологическую разбивку периодов разночинского революционного движения, сколько их идейно-теоретическое наполнение.

¹² Вопросы истории. 1960. № 2. С. 218.

¹³ Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. 1966. № 4. С. 107.

Группа М.В. Нечкиной выставила докладчиком А.Ф. Смирнова, одного из авторов статьи «Революционные демократы и народники» опубликованной в пятом номере «Истории СССР» за 1961 год. А.Ф. Смирнов уже тогда противопоставлял первых вторым, ту же версию он защищал и в своем докладе: 1856 – 1864 гг. – период «революционного демократизма», после 1864 г. до начала 1870-х гг. – «становление идеологии народничества»¹⁴.

От группы по истории общественного движения в России в пореформенный период, руководимой Б.С. Итенбергом, выступил с докладом Николай Алексеевич Троицкий из Саратовского университета. Это весьма примечательный факт его научной биографии: старшие московские коллеги доверили оппонировать маститым членам группы по изучению первой революционной ситуации во главе с академиком молодому недавно защитившемуся кандидату наук. Это свидетельствует о смелости Н.А. Троицкого, его уверенности в себе, о глубоком вхождении в дискуссионную тему. Троицкий проявил себя незаурядным полемистом. Эта отличительная способность в еще большей степени проявилась у него и впоследствии, когда он стал ученым всероссийского масштаба. В своем докладе он доказывал, что «весь разночинский этап русского освободительного движения – это народнический этап», при этом был «сделан упор на качественное единство революционного движения 60-х и 70-х годов». «По мнению докладчика, “шестидесятники” и “семидесятники” были одновременно и революционными демократами и народниками»¹⁵.

Много лет спустя Н.А. Троицкий вспоминал:

«Все эти вопросы были предметом острейшей всесоюзной дискуссии по народничеству в Институте истории АН СССР 16 – 18 марта 1966 года. Здесь, к неудовольствию официозных историков во главе с акад. М.В. Нечкиной и наблюдавших за дискуссией партийных функционеров, обнаружилось, что большинство ученых, специально занимающихся изучением народничества, рассматривает весь разночинский этап освободительного движения в

¹⁴ Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа. С. 108 – 109.

¹⁵ Там же. С. 111 – 112.

России как народнический, а само движение на этом этапе как поступательный процесс от 60-х к 80-м годам»¹⁶.

Но это не совсем так. Как видно из опубликованной записи прений, Н.А. Троицкого определенно поддержали только четверо из выступавших (Э.С. Виленская, Н.М. Пирумова, В.А. Твардовская, М.Г. Седов), при этом первые трое входили в группу Б.С. Итенберга, противостоящую группе М.В. Нечкиной. Тринадцать участников дискуссии приняли сторону А.Ф. Смирнова, еще восемь высказались довольно неопределенно¹⁷. В 1966 году в своем заключительном слове, подводя итоги прений, Н.А. Троицкий признал, что «большая часть ораторов выступила против его точки зрения». Очевидно, он был готов к этому, поскольку еще во вступительном докладе отметил: «нигилистическое отношение к народничеству пустило столь глубокие корни, что до сих пор мешает иным исследователям полностью освободиться от представлений 1935–1955 гг.». Что касалось самого докладчика, то в своем заключительном выступлении он «подчеркнул, что дискуссия укрепила его в сознании собственной правоты — если не в частности, то в главном».¹⁸

Все последующие работы Н.А. Троицкого, посвященные революционному народничеству, это убедительно подтверждают. В 1999 г. в его курсе лекций по истории России XIX века дана четкая недвусмысленная формулировка: «Со времени первой революционной ситуации доминирующую роль в освободительном движении начали играть разночинцы, оттесняя дворян на второй план. Господствующей идеологией движения с начала и до конца разночинского этапа было народничество, т.е. русский крестьянский социализм»¹⁹. Характеризуя самый тяжелый для объективного изучения народничества период 1930-х — первой половины 1950-х гг., он писал, еще раз декларируя свою неизменную позицию: тогда «вошло в обычай антинаучное противопоставление народников 60-х годов во главе Герценом и Чернышевским (которые-де вовсе не народники, а революционные демократы) народ-

¹⁶ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 22.

¹⁷ История СССР. 1966. № 4. С. 114–128.

¹⁸ Там же. С. 111, 132.

¹⁹ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1999. С. 22.

никам 70-х годов (которые будто бы отнюдь не революционные демократы, а только народники)»²⁰.

Историческая наука в 1960-е годы все же не была так жестко регламентирована, как это имело место в период 30-х — начала 50-х годов. Несмотря на острую полемику, непримиримость позиций докладчиков и выступавших в прениях, академик М.В. Нечкина, закрывая конференцию, примирительно сказала, что состоявшаяся дискуссия «наметила много вопросов для дальнейшей работы и многое уяснила», что «в науке вопросы не решаются голосованием: в науке требуется творческое отношение к исследовательской работе, честное изыскание истины»²¹.

Голосований на проработочных ученых собраниях, действительно, не последовало, но препятствия «изысканию истины» тем не менее, чинились. «В 70-80-е годы изучение народничества, — читаем у Н.А. Троицкого, — вновь (не столь жестко, как при Сталине) искусственно задерживалось, наталкиваясь на цензурные ограничения»²². В официальных партийных журналах появились разносные статьи против ряда авторов писавших о народниках с неправильных, по мнению авторов рецензий, идеологических позиций²³. В то же время, отмечал Н.А. Троицкий, все же «выходила литература с непредвзятыми, научно сбалансированными оценками революционного народничества». Особо им был отмечен коллективный труд о второй революционной ситуации в России под редакцией Б.С. Итенберга.²⁴

Примерно со второй половины 1970-х гг. споры о правомерности или неправомерности противопоставления «революционных демократов» 1860-х гг. «революционным народникам» 1870-х гг. как-то поутихли. Те, кто полагал, что противопоставление неправомерно, так и считали, но писали об этом спокойно, без полемического задора. Так, во введении к упоминавшейся выше Н.А. Троицким книге о второй революционной ситуацией в Рос-

²⁰ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 16.

²¹ История СССР. 1966, № 4. С. 134.

²² Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 22.

²³ Волк С.С. Исторические факты и логика их исследования // Коммунист. 1968. № 11; Смирнов А.Ф. За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист. 1972. № 16.

²⁴ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. С. 23.

сии говорилось, как само собою разумеющееся, что «революционная ситуация на рубеже 50–60-х годов XIX в. открыла разночинский этап освободительной борьбы в России. Массовым деятелем движения стал разночинец, а “господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество”»²⁵.

М.Д. Карпачев в монографии, изданной в 1985 г., на одной странице пересказывает ход дискуссии 1966 года в Институте истории, но своей позиции не раскрывает. Однако через три страницы все же определяется, ссылаясь на классиков: «В.И. Ленин и Г.В. Плеханов называли народниками всех последователей крестьянского общинного социализма. Они отнюдь не выделяли под историю народничества одно или два десятилетия пореформенной эпохи»²⁶. Примеры можно продолжить.

Казалось, вопрос о сущности и времени возникновения народничества фактически решен в пользу тех, кто считает весь разночинский период народническим. Споры переместились сначала в область оценки и роли народовольческого террора, а в постсоветский период к этому прибавилось неприятие революционеров вообще, в том числе и революционных народников. Но это отдельная тема.

На этом можно было бы и закончить, но в 2013 г. в том же Воронеже вышел межвузовский сборник научных трудов «Народники в истории России». Из предисловия к сборнику с удивлением узнаешь, что до сих пор нет «общепризнанной концепции того, что такое народничество». В статье Ю.А. Зеленина «Опыт периодизации истории российского народничества» утверждается, что «проблема выявления основоположника (основоположников) классического народничества в России» стоит «остро» и «остаётся нерешенной до сих пор». Автор выделяет «протонароднический» и «постнеонароднический» этапы в истории народничества. Представителями первого он называет Радищева, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чаадаева. «Постнеонародники» — это совре-

²⁵ Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 8. (Во внутренних кавычках приводится цитата из В.И. Ленина).

²⁶ Карпачев М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России. Воронеж, 1985. С. 16, 20.

менные анархо-синдикалисты и анархо-коммунисты. «Основными ценностями народничества» у Зеленина являются «свобода» («Демократический антиэтатизм и федерализм»), «взаимопомощь» («солидарность»), «справедливость» («народнический социализм»). Крестьянская община и вера в возможность для России миновать стадию капитализма, как признаки народничества, не упоминаются²⁷. По мнению другого участника сборника, М.Г. Колокольцева, автора статьи «Историография раннего народничества 1860-х гг. (XIX век)», вопрос, кто является родоначальником народничества, также «нуждается в дальнейшем изучении»²⁸.

Жаль, что Николай Алексеевич не может лично ответить новой молодой поросли историков любимого им народничества.

²⁷ Народники в истории России. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 108, 110, 112–113, 123.

²⁸ Там же. С. 37.

УДК 94:323.2(47+57)

Н.А. ТРОИЦКИЙ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ НАРОДНИКОВЕДЕНИЕ

Г.Н. Мокшин

Воронежский государственный университет,
кафедра истории России
e-mail: mok410@mail.ru

Данная статья посвящена Н.А. Троицкому как историку революционного народничества 1860-х - начала 1880-х годов. Анализируется позиция ученого, отстаиваемая им в полемике второй половины 1990-х гг. о месте и значении революционного террора в истории освободительного движения в России. Рассматривается отношение к трудам Троицкого, написанным после 1991 г., нового поколения российских народниковедов.

Ключевые слова: Троицкий Н.А., народниковедение, революционное народничество, революционный террор, освободительное движение.

N.A. TROITSKY AND MODERN RUSSIAN NARODNIKOVEDENIYE

G.N. Mokshin

(Voronezh, Russia)

This article is dedicated to N.A. Troitsky, as a historian of revolutionary populism 1860s - early 1880s. Analyzes the positions of the scientist in the controversy of the second half of the 1990s about the place and importance of revolutionary terror in the history of the liberation movement in Russia. Discusses the relationship to the works of Troitsky, written after 1991, of a new generation of Russians narodnikovedov.

Key words: Troitsky N.A., narodnikovedeniye, revolutionary populism, revolutionary terror, the liberation movement.

Известный российский историк и историограф Николай Алексеевич Троицкий (1931-2014) был специалистом широкого профиля. В истории России XIX в. его привлекали и война 1812 г., вместе с выдающимися деятелями той эпохи (Александр I, Наполеон, И.М. Кутузов), и общественное движение в пореформенной России, и судебные процессы 1866-1904 гг., в том числе в контек-

сте становления русской адвокатуры, и история отечественной культуры¹. Но, по собственному признанию ученого, его главной любовью всегда оставались революционные народники и особенно народовольцы². И эту любовь он действительно пронес через всю жизнь. Свою последнюю книгу, посвященную Софье Перовской, Троицкий завершил уже прикованным к постели.

Основные труды Троицкого по истории народничества были написаны в советскую эпоху, т.е. в русле марксистской исследовательской парадигмы. Поэтому современные историки относят его к представителям советского народниковедения, школе М.Г. Седова³. Вклад исследователя в современную историографию народничества, как правило, ограничивается его участием в полемике второй половины 1990-х гг. с представителем так называемого «нигилистического» подхода к освещению проблем русского освободительного движения. При этом собственная позиция Троицкого оценивается как традиционалистская, чуть ли не ортодоксально-марксистская, т.е. скорее со знаком минус, чем плюс⁴. А между тем вопрос о достоинствах и недостатках его трудов по истории революционного народничества, в том числе написанных после 1991 г., и, главное, отношении к ним нового поколения исследователей, пока остается открытым.

¹ Подробнее см.: *Варфоломеев Ю.В.* Троицкий Николай Алексеевич // *Историки России*. Кн. 2. М., 2011.

² *Троицкий Н.А.* За что я люблю народовольцев // *Освободительное движение в России*. Вып. 19. Саратов, 2001.

³ *Пудовкин С.В.* Народническое движение в Тамбовской губернии в 70-е - первой половине 90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. С. 9; *Цымрина Т.В.* Революционное народничество в отечественной историографии. Саарбрюккен, 2013. С. 30; *Мелехин В.В.* Кубань и Черноморье в истории русского народничества (1860-1890-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2015. С. 16.

⁴ *Рудницкая Е.* Главное - преодолеть научное сектантство // *Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? («Круглый стол»)* // *Отечественная история*. 1999. № 1. С. 7; *Тюкачев Н.А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860-1880-х гг. Брянск, 2010. С. 247, 257; *Мерзлякова Е.А.* Общественно-политическая жизнь в Саратовской губернии в 1861-1905 гг.: особенности развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2015. С. 19.

В современной историографии революционного народничества обычно выделяются два периода: 1990-е гг. и с начала 2000-х гг. до наших дней.

Первый период характеризуется постепенным упадком интереса к истории революционного народничества. Во-первых, исследователи получили возможность заниматься другими течениями общественной мысли: консерватизмом и либерализмом, а внутри народничества - представителями его легальных течений. Значительно возросло число исследований по истории неонароднических партий. Во-вторых, кризис марксизма и появление альтернативных вариантов интерпретации явления народничества, в том числе консервативно-охранительных, привели к попыткам пересмотра сложившихся представлений о месте и роли в общественном движении народнического радикализма.

В 1990-е годы одним из научных центров, где сохранялась традиция изучения истории революционного народничества, был Саратовский университет. Здесь на кафедре истории России под редакцией Н.А. Троицкого по-прежнему издавался межвузовский сборник статей «Освободительное движение в России» (в 1991 г. вышел 14 вып., в 1992 - 15-й, в 1997 - 16-й, в 1999 - 17-й). Троицкому, как одному из «последних могикан» советского народниковедения, не пожелавшему изменить своих научных убеждений в угоду свежим политическим веяниям, и предстояло скрестить шпаги с новыми критиками народников.

Одной из самых обсуждаемых проблем, связанных с историей народничества, стал тогда революционный терроризм. Изучение этой темы долгое время находилась под запретом. Поэтому интерес к ней проявили десятки исследователей, включая Н.А. Троицкого.

В 1995 г. центр «Мемориал» и объединение молодых историков «Левый исторический клуб» организовали в Москве первую научную конференцию, специально посвященную истории индивидуального политического террора в России. Троицкий представил доклад «"Народная воля" и ее "красный террор"», в котором *оправдывает* террористическую деятельность революционеров (в пику всем их царским, советским и посткоммунистическим «врагам и критикам»). Его основные тезисы:

- «Народная воля» это не «партия террористов», т.к. ее конечной целью было свержение самодержавия посредством народной революции;

- вспомогательное значение революционного террора (один из способов добиться у власти политических уступок, а именно: созыва Учредительного собрания);

- историческая обусловленность, т.е. неизбежность «красного террора» (ответ на «белый террор» Александра II - «вешателя»);

- стремление народовольцев избежать лишних жертв;

- 1 марта 1881 г. царь одобрил не саму «конституцию» М.Т. Лорис-Меликова, а лишь ее основную мысль (о пользе привлечения общества к обсуждению законов);

- общественная поддержка борьбы «Народной воли» за свободную и демократическую Россию⁵.

Возможность существования альтернативных точек зрения обосновывалась в статьях Г.С. Кана и Ф.М. Лурье, также принявших участие в конференции. Первый из них обратил внимание на наличие в руководстве «Народной воли» серьезных программных разногласий, в том числе и в отношении террора (например, Н.А. Морозов придавал ему самодовлеющее значение), что ставит под сомнение любые однозначные оценки деятельности этой партии⁶. Второй исследователь предложил рассматривать индивидуальный политический террор с позиции сегодняшнего дня, признав его уголовно наказуемым деянием. По мнению Лурье, историки всегда должны помнить о трагических последствиях увлечения революционным террором, а потому его применение не может быть оправдано никакими возвышенными идеалами и целями, тем более утопическими⁷.

Во второй половине 1990-х гг. споры о народовольческом терроре продолжились на страницах наших ведущих исторических журналов, чему не в малой степени способствовали «задиристые» статьи и рецензии Н.А. Троицкого. Наибольший резонанс получила его полемика с А.А. Левандовским, Г.С. Каном и участника-

⁵ Троицкий Н.А. «Народная воля» и ее «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. М., 1996. С. 17-22.

⁶ Кан. Г.С. Идеиные «еретики» «Народной воли» // Там же. С. 27.

⁷ Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор: что это? // Там же. С. 128, 130.

ми «круглого стола» по поводу 16-го выпуска сборника «Освободительное движение в России».

В 1996 г. журнал «Родина» поместил статью Троицкого «Друзья народа или бесы?» и ответ на нее Левандовского. В центре внимания исследователей оказался вопрос о так называемой «нечаевщине» (как синониме нравственного перерождения деятелей революционного движения) и месте этого явления в истории народничества. По убеждению Троицкого, нечаевщина - это не органическая черта народнического движения, а аномалия, которую народники 1870-х гг. сумели преодолеть. Ученый выразил категорическое несогласие с теми критиками, кто обвинял народников и народовольцев в стремлении к власти «ради собственного блага и славы». Для Троицкого они «мученики и герои», ибо начав борьбу за интересы народа, они знали, что «им самим не дожить до победы»⁸. В отношении народнического террора Троицкий воспроизвел уже озвученный выше тезис о его вынужденном характере, добавив, что до 1878 г. народническое движение носило вполне «мирный характер»⁹.

Возражать известному ученому, автору десятков книг и сотен статей по истории народничества, был готов далеко не каждый его научный противник. Но позиция Троицкого, полностью солидаризировавшегося со своими героями, выглядела уж слишком апологетической. Одним из первых на это обратил внимание А.А. Левандовский. По признанию историка, он не мог отделаться от ощущения, что статью о народовольцах писал «чудом доживший до наших дней член Исполнительного комитета “Народной воли”». Более «трезвый» (?) взгляд Левандовского заключался в признании всего революционного народничества «воинствующим» движением интеллигентов-разночинцев, а его магистральной линией развития: якобинство Зайчневского - нечаевщину - «хождение в народ» (с целью поднять его на революцию) - «Народную волю». Оппонент Троицкого не спорил, что из 8 тыс. репрессированных народовольцев террором занималось не более трех десятков чело-

⁸ Троицкий Н.А. Друзья народа или бесы? Как и кого защищали народники // Родина. 1996. № 2. С. 67, 72.

⁹ Там же. С. 68, 70, 71.

век, но именно их деяния «прогремели на всю Россию», после чего «Народная воля» стала «символом терроризма»¹⁰.

Троицкий настаивал на продолжении дискуссии с Левандовским. Однако его статья «Дилетантизм профессионалов», написанная в еще более резкой форме, была отклонена редакцией «Родины». Автор опубликует ее в 16 выпуске сборника «Освободительное движение в России».

Надо сказать, что Н.А. Троицкий, будучи азартным полемистом, иногда «перегибал палку», допуская в адрес своих оппонентов некорректные высказывания. Именно в таком тоне, жестком и непримиримом, развернулась его полемика с Г.С. Каном.

В 1997 г. молодой московский историк Г.С. Кан опубликовал монографию об идеологии и идеологах «Народной воли». Касаясь трудов своих предшественников, он, в общем-то, справедливо отметил их приверженность к жестким идеологическим схемам, вследствие чего подлинное мировоззрение и духовный облик лидеров народолюбцев остались практически не изученными. Однако пытаясь восполнить этот пробел, Кан пришел к наблюдениям и выводам, которые воспроизводили элементы консервативного и либерального подходов, но совершенно игнорировали доводы народнической и марксистской историографии. Во-первых, ответственность за обострение противостояния власти и радикальной интеллигенции на рубеже 1870 - 80-х гг. практически целиком возлагалась на народников, которые имели завышенные представления о «степени» необходимых для них (и народа) прав и свобод. Во-вторых, это критическое отношение автора к революционной борьбе радикальной интеллигенции с правительством, вплоть до оправдания его репрессий против революционеров. И, наконец, это акцент исключительно на негативных последствиях деятельности народолюбцев (многолетняя реакция, падение престижа самодержавия, деморализация общества)¹¹.

В своей пространной рецензии на книгу Кана Троицкий называл ее еще одним судом над «Народной волей». Однако от критики молодого коллеги по обозначенным выше вопросам Троицкий по-сути уклонился, сосредоточив внимание на его «симпатии

¹⁰ Левандовский А.А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 50, 54-56.

¹¹ Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 62, 152-153.

к царизму», обилии фактических «ошибок», плохой ориентации в источниках и литературе и «неприличном» для автора, издающего книгу за свой счет, «амбициозно-менторском тоне». В итоге предложенная Каном интерпретация мотивов деятельности народовольцев (с упором в область психологии) была признана слишком упрощенной, а книга в целом в научном отношении крайне поверхностной¹².

Г.С. Кан естественно посчитал свою «идеологическую» позицию непоколебимой. В письме в редакцию саратовского сборника он дал достойные ответы на все замечания маститого профессора¹³. Поэтому Троицкому пришлось написать еще одну рецензию с доказательствами «ущербности» книги очередного «разоблачителя» «Народной воли»¹⁴. Но, по меткому замечанию Н.А. Тюкачева, эта не очень глубокая дискуссия быстро зашла в тупик, т.к. оба ее участника исчерпали все свои аргументы¹⁵.

В начале 1999 г. журнал «Отечественная история» опубликовал материалы «круглого стола», посвященного издаваемому в Саратове сборнику «Освободительное движение в России». Известные историки В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, Е.Л. Рудницкая, В.А. Твардовская, О.И. Киянская и С.В. Тютюкин по сути продолжили спор с Н.А. Троицким по вопросам, поднятым в его статье «Дилетантизм профессионалов». Все участники «круглого стола» выступили против демонизации истории революционного движения в России как новой тенденции, наметившейся в современной российской историографии, поддержав «здоровый традиционализм саратовцев». В то же время они порекомендовали редакции сборника учитывать современные исследования по истории русской общественной мысли и движения, выходящие за рамки марксистского общественно-вознания, чтобы не оказаться «в арьергарде творческого осмысления темы». Прежде всего, это касалось ленинской концепции «ре-

¹² Троицкий Н.А. Еще один суд над партией «Народная воля» // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 147, 149, 150.

¹³ Кан Г.С. «Разоблачители» и «апологеты» «Народной воли» (письмо в редакцию) // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 180-185.

¹⁴ Троицкий Н.А. Саморазоблачение «разоблачителя» (о «письме в редакцию» Г.С. Кана) // Там же. С. 186-191.

¹⁵ Тюкачев Н.А. Указ. соч. С. 262.

волюционной ситуации» - «идеологического фантома», призванного закрепить в общественном сознании понятие «революционности» как доминанты исторического процесса¹⁶.

Реакция Н.А. Троицкого на «круглый стол» получилась очень эмоциональной. Особенно болезненно было воспринято предложение В.А. Твардовской о переименовании сборника «Освободительное движение в России» в «Саратовские исторические записки», видимо, подчеркивающего «маргинальный» характер этого издания. Троицкий, как ответственный редактор, вынужден был напомнить, что саратовский сборник публикует статьи по общероссийской проблематике и его авторы проживают в разных городах страны и за ее пределами, а, следовательно, о существовании какого-то особого «саратовского взгляда» на российскую историю не может быть и речи¹⁷.

К сожалению, в своем «прямом ответе» на «круглый стол» Троицкий позволил себе нелестные высказывания об некоторых его участниках (особенно досталось О.И. Киянской). И начавшаяся дискуссия о российском освободительном движении продолжения не получила, хотя та же Киянская первоначально предлагала собрать специальную конференцию для обсуждения накопившихся проблем¹⁸.

Твердое и бескомпромиссное отстаивание Троицким марксистской концепции народничества окончательно закрепило за ним репутацию традиционалиста и чуть ли не главного защитника «устоявшихся стереотипов», препятствующих утверждению нового, более реалистического подхода.

Между тем ученый не был ортодоксальным марксистом даже тогда, когда марксизм занимал у нас господствующее положение. Об этом красноречиво свидетельствует его полемика 1966 г. с группой М.В. Нечкиной¹⁹. По крайней мере, Троицкий никогда не рас-

¹⁶ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? («Круглый стол»). С. 3, 8, 13.

¹⁷ Троицкий Н.А. Прямой ответ на «круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 185.

¹⁸ Рудницкая Е.Л., Киянская О.И., Итенберг Б.С. По поводу «прямого ответа» профессора Н.А. Троицкого // Там же. С. 187.

¹⁹ Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 276-290.

смаатривал ленинские суждения о народничестве как истину в последней инстанции, памятуя о том, что Ленин был, прежде всего политическим деятелем, а народники и марксисты - конкурентами в борьбе за влияния на народные массы. Но Троицкий сознательно следовал за Лениным в тех вопросах, когда суждения «классика» марксизма подтверждались историческими фактами.

Кроме того, трудно считать «чистокровным» марксистом исследователя, который не только морально симпатизирует своим героям, но и, пытаясь взглянуть на проблему «изнутри», сквозь призму интеллигентского мирозерцания, становится на позицию народников. Не случайно в литературе уже обращалось внимание на связь трудов Н.А. Троицкого с народнической историографией 1920-х годов²⁰. А признание важности изучения того, как понимали суть народничества и его задачи сами народники - это важнейшее условие для формирования современной, *неонароднической* концепции русского народничества²¹.

Наиболее взвешенная оценка взглядов Н.А. Троицкого на историю революционного народничества 1860-х - начала 1880-х гг., основанная на анализе соответствующих глав его учебника по истории России XIX в., принадлежит Р.А. Арсланову. Во-первых, он признает подход Троицкого к освещению проблем народнического экстремизма «строго научным», т.е. основанным на принципе историзма. Доказывая неизбежность применения революционными силами насильственных методов (террор, из-за незрелости революционного движения, нельзя было отбросить, его следовало преодолеть), Троицкий в то же время критикует народников с точки зрения теоретической несостоятельности их социалистической доктрины. Во-вторых, именно Арсланов обратил внимание на то, что хотя Троицкий, будучи марксистом, упускает из виду активное влияние *ментальности* на выбор той или иной идейной парадигмы (и способов действий), он, вместе с тем, признает, что «экстремизм части революционеров 1870-х гг. вызывался не только объективными обстоятельствами, но и теоретическим поиском наиболее ра-

²⁰ Цымрина Т.В. Указ. соч. С. 30.

²¹ См.: Мокшин Г.Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества: Сб. ст. Воронеж, 2014. С. 19-20.

ционального пути к революции». А это еще одно свидетельство нацеленности саратовского историка на преодоление отживших исторических догм²².

С начала 2000-х гг. в изучении народничества начинается новый период, главной особенностью которого, как справедливо отметил Н.А. Тюкачев, является полное преодоление ведущими историками *односторонней* ленинской концепции освободительного движения в России²³. Это вовсе не означает, что о деятелях этого движения стали писать меньше, чем раньше. Изменились хронологические рамки его этапов и понимание их содержания²⁴.

В данных условиях естественно возрос спрос на новые обобщающие исследования, в том числе и по истории революционного народничества. Однако такая задача по плечу далеко не всем народниковедам. Поэтому вполне понятен тот интерес, с которым исследователи встретили очередную монографию Н.А. Троицкого «Крестonosцы социализма» - настоящую энциклопедию по истории русского революционного народничества, своеобразный итог более чем 40-летнего изучения ученым данной темы²⁵.

Книга написана историком-марксистом, но, марксистом современным, которого нельзя уличить в излишней идеологизированности и тенденциозности. Автор по-прежнему следует ленинскому, т.е. классовому определению народничества, как идеологии крестьянской демократии. Но именно этот подход позволяет ему сделать, на наш взгляд, вполне правомерный вывод о том, что «демократизм был сущностью, ядром понятия “народничества”, социализм - его внешним облачением, “цитоплазмой”»²⁶.

Однако абсолютное большинство разрабатываемых Н.А. Троицким научных положений и оценок не имеют специфически-

²² Арсланов Р.А. Освободительное движение пореформенной России в современной научной и учебной литературе // Вестник РУДН. Сер. Отечественная история. 2002. № 1. С. 66, 69-70.

²³ Тюкачев Н.А. Указ. соч. С. 291.

²⁴ Иванов Е.П. Содержание, движущие силы и этапы освободительного движения в XIX веке // Преподавание истории в школе. 1996. № 7; Шешин А.Б. Революционное и освободительное движение в России (этапы и цели) // Вопросы истории. 1999. № 9.

²⁵ Степанов Ю.Г. Рец.: Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 189.

²⁶ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 69.

марксистской окраски. Они опираются на факты, а потому активно поддерживаются и развиваются современными исследователями. Таковы: признание 1860-х гг. эпохой революционного народничества; мирный характер «хождения в народ» середины 1870-х гг., историческая обусловленность народнического террора, демократизм и политический реализм программы «Народной воли», преемственность в развитии народничества и марксизма и т.д.²⁷.

Безусловно, есть целый ряд вопросов, трактовка которых Троицким вызывает у исследователей сомнения и споры. Например, О.Н. Квасов определяет количество народовольческих террористов не в три десятка человек, а на порядок выше²⁸. Ю.А. Сафронова оспаривает тезис Троицкого о том, что общество проявляло симпатии «не столько к деятелям, сколько к делу революции»²⁹. Все больше историков признают 1880-е гг., когда революционеров потеснили так называемые «культурники», эпохой не «упадка» народничества (как искренне полагал Троицкий), а его расцвета, когда вчерашние «лишние люди» и «отщепенцы» превратились в подлинно созидательную общественную силу³⁰.

К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть другие труды Н.А. Троицкого, обладавшего феноменальной продуктивностью. С 2003 по 2014 гг. только по истории революционного народничества вышло пять его книг, из которых, конечно, выделяется капитальная монография «Софья Львовна Перовская.

²⁷ Зеленин Ю.А. Советская историография классического народничества в России: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 148, 161; Зверев В.В. Русское народничество. М., 2009. С. 149-150; Милевский О.А. Программа и тактика «Народной воли» в оценках современных российских историков // Юрга, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартонск, 2013. С. 92.

²⁸ Квасов О.Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX - начало XX вв.): дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2015. С. 344.

²⁹ Сафронова Ю.А. Восприятие народовольческого террора в русском обществе. 1879-1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 10.

³⁰ См.: Итенберг Б.С. Предисловие // Харламов В.И. Книга. Библиотека. Культура: Аспекты теории и истории. М., 1998. С. 205; Поликарпова Е.В. Идеология народничества в России. М., 2001. С. 7, 31.

Жизнь. Личность. Судьба» (2014). Материалы для нее ученый собирал всю свою жизнь³¹.

В настоящее время Н.А. Троицкий является одним из самых известных, авторитетных и востребованных советских и российских историков революционного народничества. Влияние ученого на становление и развитие современного российского народниковедения прямо пропорционально объему его трудов, в качестве которых его коллеги по цеху нисколько не сомневаются. Можно оспаривать те или иные положения его видения истории русского народничества, критику «царизма», концепт «революционная ситуация», но нельзя не согласиться с тем основополагающим принципом, которому Троицкий оставался верен до конца: «настоящий ученый меняет свои оценки в свете новых фактов, а не в зависимости от политической конъюнктуры».

³¹ См.: Аврус А.И., Кочукова О.В. Последняя книга известного историка // Клио. 2015. № 2.

ИСТОРИК НАРОДНИЧЕСТВА В.Я. БОГУЧАРСКИЙ

В.В. Назаров

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета,
кафедра истории экономики и права
e-mail: vladilen.nazarov.75@mail.ru

Статья посвящена уроженцу Воронежской губернии, российскому историку, публицисту и общественному деятелю В.Я. Богучарскому. Он прожил недолгую, но плодотворную жизнь. Ученый внес большой вклад в изучение народничества.

Ключевые слова: Россия, народничество, революция, ссылка, В.Я. Богучарский.

HISTORIAN OF POPULISM V.Y. BOGUCHARSKY

V.V. Nazarov

(Balashov, Russia)

The article is devoted to native Voronezh province, Russian historian, publicist and public figure V.Y. Bogucharsky. He lived a short but fruitful life. The scientist made a great contribution to the study of populism.

Key words: populism, revolution, link, V.Y. Bogucharsky.

Имя дореволюционного российского историка В.Я. Богучарского в настоящее время известно в основном специалистам по истории освободительного движения в России. Между тем это был талантливый ученый, человек, имевший четкую гражданскую позицию и всегда ей следовавший. В.Я. Богучарский прожил короткую, но яркую творческую жизнь. Биография историка нашла отражение в публикациях ряда отечественных исследователей: В.П. Кранихфельда, Е.Д. Кусковой, И.И. Майнова, Л.М. Искры, М.Д. Карпачева, А.В. Болотиной, Ф.М. Лурье¹.

¹ Кранихфельд В.П. В.Я. Яковлев-Богучарский. По материалам департамента полиции и по личным воспоминаниям // Былое. 1917. № 1-2; Кускова Е. Д. Памяти живой души // Голос минувшего. 1915. № 7-8; Майнов И.И.

Василий Яковлевич Богучарский (1860-1915) (настоящая фамилия Яковлев) родился в семье провинциального чиновника 20 февраля (по старому стилю 4 марта) 1860 г. в г. Богучаре Воронежской губернии. По названию своего родного города он взял впоследствии себе псевдоним. Семья Яковлевых, несмотря на весьма скромный материальный достаток, обладала большими духовными запросами. Они много читали, всей семьей обсуждая прочитанное, проявляли живой интерес к общественно-политическим проблемам.

Начальное образование Василий получил дома. В возрасте двенадцати лет он поступил в Михайловскую военную гимназию в Воронеже, которую окончил в 1879 году. Учеба в гимназии оставила яркий след в жизни Богучарского; среди его учителей были такие выдающиеся педагоги, как Н.Ф. Бунаков и А.П. Киселев. Интерес к общественно-политическим проблемам в гимназии получил дальнейшее развитие. Будущий историк принял участие в гимназических революционных кружках.

В 1879 г. Богучарский поступил в петербургское Константиновское военное училище. Здесь он стал участником народовольческого кружка, поддерживавшего тесные связи с «Народной волей». Народовольцы уделяли много внимания своей военной организации, привлекая в нее преимущественно наиболее образованных морских и артиллерийских офицеров. Осуществлять взаимодействие юнкерского кружка с руководством «Народной воли» было поручено В.Я. Богучарскому. На конспиративных квартирах Е.Н. Оловенниковой и офицера Ф.О. Люстига он получал необходимые инструкции и соответствующую литературу.

По окончании учёбы в 1880 г. в интересах партии он попросил назначения на службу в Восточную Сибирь, где некоторое

(Саратовец). На закате народовольчества (памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1918. Кн. 5-6; 1922; Книга 18; 1923; Кн. 20-22; *Искра* Л.М. В.Я. Яковлев-Богучарский (к истории жизни и деятельности) / Л.М. Искра, М.Д. Карпачев // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX - начала XX века. Воронеж, 1983. С. 44-54; *Болотина* А.В. В.Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 3. С. 49-84; *Лурье* Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

время служил старшим хорунжим в казачьих войсках Амурского полка. Вскоре Богучарский был направлен с дипломатической миссией в Китай и даже награжден орденом Станислава III степени.

В 1884 г. Василий Яковлевич продолжил военную службу в Петербурге в канцелярии Главного управления казачьих войск. Вскоре последовал арест за связи с «Народной волей». В сентябре 1884 г. был арестован по обвинению об участии в военных революционных кружках бывший прапорщик Давид Элиава. В ходе следствия он дал показания, что с 1879 по 1880 г. в Константиновском училище действовал военный революционный кружок, членом которого являлся В.Я. Богучарский. Эти показания послужили поводом для ареста историка. Во время обыска у него нашли два номера журнала «Народная воля». В ходе допроса В.Я. Богучарский заявил, что журналы принадлежат не ему, а его знакомому, давшему их ему на сохранение и не занимающемуся распространением революционной литературы. Ситуация ухудшилась после ареста руководителя Исполнительного Комитета «Народной воли» Г.А. Лопатина, в записной книжке последнего был обнаружен адрес В.Я. Богучарского. В ходе следствия Г.А. Лопатин пытался отвести подозрения от своего товарища, но это не помогло.

В декабре того же года Василий Яковлевич был помещён в Петропавловскую крепость, в июле 1885 г. по этапу он был отправлен на три года в Туринск Тобольской губернии. Здесь историк познакомился с американским журналистом Джорджем Кеннаном и оказывал ему помощь в сборе материалов для изучения быта русских политических ссыльных. В Сибири он начинает заниматься сбором исторических материалов и редактировать «Улусный сборник», где помещает главным образом воспоминания ссыльных народников.

За протесты против условий содержания ссыльных Богучарского перевели в Сургут, а затем в Якутскую область. Срок наказания был продлён ещё на два года. В это время он сотрудничает с «Сибирской газетой».

По окончании ссылки в 1890 г. Богучарский вернулся в Воронеж и жил здесь до конца 1890-х гг., сотрудничая с газетой «Воро-

нежский телеграф». В 1892 г. он предпринял поездку за границу для поиска в зарубежных архивах подлинных документов по истории революционного движения в России в XIX веке. Ему удалось привести в Воронеж ценные документы. Это стало основой для многих исторических исследований Богучарского.

В 1893-1894 гг. Василий Яковлевич участвует в организации политической партии «Народное право». Размышляя над судьбами русского освободительного движения В.Я. Богучарский пришел к выводу, что «Народная воля» себя исчерпала и ее реанимация невозможна. Напряженные поиски привели Василия Яковлевича в партию «Народное право», которая просуществовала всего один год и была разгромлена². Тем не менее, в эволюции политических взглядов В.Я. Богучарского ее идеология сыграла важную роль. Впоследствии он полностью отоидет от народничества, но постоянно будет призывать к объединению всех политических сил России: большевиков, меньшевиков, кадетов, эсеров и др. Инициатором и одним из учредителей партии «Народного права» был известный народник М.А. Натансон. В период образования и деятельности партии «Народного права» В.Я. Богучарский активно сотрудничал с М.А. Натансоном, хотя разделял далеко не все его взгляды. В.Я. Богучарский был далек от народнической идеализация крестьянства. Историк пользовался большой популярностью в образованной среде Воронежа. Его культурно-просветительская деятельность, человеческие качества, образованность создавали ему авторитет. Немалую роль Богучарский сыграл в Воронежском земстве и городской думе. Историк снова попадает в поле зрения полиции, которая установила, что он, пользуясь связями с высшим обществом Воронежа, устраивает на земскую службу политически неблагонадежных лиц, осуществляет революционную агитацию.

В 1895 г. он вступил в брак с Эмилией Венцеславовной Покорни. С 1896 г. им было разрешено постоянное проживание в

² См. подробнее: *Широкова В.В.* Партия «Народного права». Саратов, 1972.

Москве, а с 1897 г. в Петербурге. Тем не менее, значительную часть времени Богучарский проводил в Воронеже³.

По своим политическим убеждениям Богучарский был близок к легальным марксистам и с 1897 г. принимал участие в марксистском ежемесячнике «Новое слово», публиковался также в «Северном курьере», в ранних марксистских журналах «Начало», «Образование», «Жизнь».

Вскоре Василий Яковлевич становится участником либерального движения. В 1902-1905 гг. он сотрудничал с эмигрантским журналом П.Б. Струве «Освобождение». Богучарский был в числе инициаторов создания «Союза Освобождения».

В 1905 г. он вышел из «Союза Освобождения» вместе с Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем, организовал совместную группу «беззаглавцев» с еженедельником «Без заглавия» и газетой «Товарищ», сотрудничал с газетой «Наша жизнь»⁴.

Наибольшую известность Богучарскому принесли исторические труды. В середине 1890-х гг. историк принял участие в редактировании «Смоленского вестника», публиковался во многих столичных газетах и журналах. Отдельными изданиями вышли его книги «Георг Вашингтон и основание Северо-Американских соединённых штатов», «Маркиз Лафайет - деятель трёх революций», переводы «Краткой истории английского народа» Грина. Его книга «Три западника 40-х годов» не была допущена к печати. Несколько статей Богучарского были напечатаны в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

В 1900 г. Богучарский работал в зарубежных архивах, прослушал курс общественных наук в Брюссельском свободном университете. В Штутгарте и Париже начинает выходить его «Русская историческая библиотека». В поисках уникальных документов существенную помощь Богучарскому оказывали такие известные личности, как В.Л. Бурцев, П.Н. Милюков, А.В. Пешехонов.

Ему принадлежит ряд серьезных исследований по истории революционного движения в России. Среди них особое место за-

³ См.: *Искра* Л.М. Яковлев-Богучарский Василий Яковлевич // Историки России. Биографии / составитель, ответственный редактор: А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 386-394.

⁴ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. А-Г / Главный ред. П.А. Николаев. М., 1989. Т. 1. С. 305.

нимает работа «Государственные преступления в России в XIX веке». Им опубликованы ценные источники по истории революционного народничества 60-80-х гг. XIX в., обнаруженные в архивах революционной эмиграции: «Революционная журналистика 70-х гг.»; «Литература партии „Народной воли“»⁵.

Исследования В.Я. Богучарского не утратили свою актуальность и в наше время. В книге «Активное народничество 70-х годов» (1912) Богучарский пытается найти идейную преемственность славянофильства и народничества. В работе «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века «Партия „Народной воли“, её происхождение, судьба и гибель» (1912) он объясняет обращение народников к террористическим методам борьбы правительственными репрессиями⁶.

В своем исследовании В.Я. Богучарский последовательно излагает развитие революционного движения, воссоздаёт картину возникновения народничества и нелегальных кружков, показывает главные идейные течения в революционной теории и практике. Он не приветствует методы «Народной воли», но отмечает высокие человеческие качества её руководителей. Учение народников историк считал во многом утопическим.

В.Я. Богучарский участвовал в издании журналов «Былое» и «Минувшее», состоял членом Вольного экономического общества, неоднократно подвергался арестам, ссылкам, тюремному заключению. Он никогда не отказывался от своих убеждений, хотя его взгляды и претерпели некоторую эволюцию. Историк прожил всего 55 лет. Он умер 8 (по новому стилю 21) мая 1915 г. в Петрограде и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Сложно сказать, как бы сложилась судьба ученого, проживи он более долгую жизнь. Он ушел из жизни полный замыслов и творческих планов.

⁵ Семенова Е.В. В.Я. Богучарский об истоках народничества // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1996. С. 18-20.

⁶ Тюкачёв Н.А. Либеральная историография революционного народничества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 254-257.

В целом, историк не создал оригинальной концепции истории освободительного движения в России. Он полагал, что народничество является синтезом славянофильства и социализма, что революционное движение - это реакция радикальной части общества на правительственные репрессии. Вместе с тем В.Я. Богучарский одним из первых в отечественной историографии предпринял попытку систематического освещения народничества. Причем его симпатии были явно на стороне народников. Обширный фактический материал, обобщенный историком, широко используется современными учеными. Исследования В.Я. Богучарского не утратили своего научного значения. В условиях российского абсолютизма от ученого, избравшего революционную тематику, требовалось не только профессиональное мастерство, но и гражданское мужество. В.Я. Богучарский обладал им в полной мере. Историк оставил заметный след не только в науке, но и в общественном движении.

Его исторические труды отличает глубина анализа фактов, скрупулёзный подход к источникам, честность суждений. Многие его выводы небесспорны, но тем они ценнее для нас. Без исследований Богучарского невозможно представить отечественную историографию народничества.

УДК 930.23+929Троицкий

**«НАПОЛЕОН ВЕЛИКИЙ»
(о неизданной рукописи Н.А. Троицкого)**

Ю.Г. Степанов

Саратовский государственный аграрный
университет им. Н.И. Вавилова,
кафедра истории, культурологии и политологии
e-mail: georgyi1964@yandex.ru

В статье анализируются особенности отражения исторических событий в работах известного историка Н.А. Троицкого. Рассматривается вопрос о том, почему не издана монография Н.А. Троицкого «Наполеон Великий».

Ключевые слова: история, Наполеон, наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года, Россия, Франция.

**«NAPOLEON GREAT»
ABOUT THE UNPUBLISHED MANUSCRIPT OF
N.A. TROITSKY**

Y.G. Stepanov
(Saratov, Russia)

In this article is analyzed the characteristics of reflection of historical events in the works famous scientist N.A. Troitsky. We study the question of why no monograph N.A. Troitsky «Napoleon the Great».

Key words: History, Napoleon, Napoleonic Wars, War of 1812, Russia, France.

В 1991 г. я, свежее испеченный выпускник исторического факультета СГУ, присутствовал на чествовании Н.А. Троицкого в связи с его шестидесятилетием. Хорошо помню, как юбиляр, пошутив о быстротечности времени, заметил, что у него большие творческие планы на будущее. Годы спустя, Николай Алексеевич сетовал, что переступив порог 80-летия и будучи автором нескольких сотен статей и четырех десятков книг, он так и не напи-

сал пока три важнейшие для него монографии: об историке Е.В. Тарле, народоволке С.Л. Перовской и Наполеоне.

К личности и научному наследию Тарле саратовский историк относился с особым пиететом, часто публиковал материалы о неизвестных фактах из жизни автора «Нашествия Наполеона на Россию»¹. Время от времени Николай Алексеевич порывался ехать в Москву для работы в архивах над биографией Тарле, но так и не осуществил своего намерения. «Я теперь невыездной», - шутил Николай Алексеевич. По целому ряду обстоятельств он не мог надолго покинуть Саратов, чтобы написать обстоятельный, с новыми данными труд о Е.В. Тарле, не повторяющий монографию Е.И. Чапкевича². Это требовало времени и сил, которых, как чувствовал Троицкий, оставалось все меньше.

Над макетом книги о Перовской Николай Алексеевич работал буквально до последних дней жизни. Как отмечалось в некрологе «Памяти Николая Алексеевича Троицкого» он «считал своим человеческим и гражданским долгом донести до читателя истинный, очищенный от клеветы образ С.Л. Перовской»³. Книга увидела свет в день смерти ее автора, став последним его монографическим исследованием и первым *пока* посмертным изданием. Я не случайно оговорился - «пока». В Издательстве РОССПЭН более шести (!) лет без движения и особой надежды на издание лежит фундаментальный двухтомник Н.А. Троицкого «Наполеон Великий».

Личность великого француза, его роль в истории и в целом «эпоха Наполеона» привлекали внимание Троицкого с юности⁴. Студентом он задумал дипломную работу о «наполеоновских войнах». Однако, как с юмором вспоминал Н.А. Троицкий, тогда, в 1952

¹ См., например: Троицкий Н.А. «Досадно, что мне тут перебежал дорогу Пушкин со своей Полтавой ...» (Письмо Е.В. Тарле к В.С. Фраерман) // Новейшая история Отечества XX - XXI вв. Сб.-к научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 35-39; Он же. Е.В. Тарле и Департамент полиции в царской России // Освободительное движение в России. 2014. Вып. 25. С. 128-131.

² Чапкевич Е.И. Е.В. Тарле. М., 1977.

³ Памяти Николая Алексеевича Троицкого (19.12.1931-28.05.2014) // Освободительное движение в России. 2014. Вып. 25. С. 8; См. так же: Памяти Николая Алексеевича Троицкого (19.12.1931-28.05.2014) / Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2014. С. 450-451.

⁴ Троицкий Н.А. Книга о любви. Саратов, 2006. С. 38.

году, на кафедре Новой и новейшей истории ему «разъяснили», что «надо изучать не войны Наполеона, а борьбу за мир во всем мире»⁵. В 1963 г., будучи преподавателем кафедры истории СССР Саратовского университета, он отправил в журнал «Вопросы истории» «большую статью (88 с.) с пересмотром дворянских и советских стереотипов в освещении „Двенадцатого года“»⁶. Статья была отвергнута по «идейным соображениям» и ее автор «понял, что тема „Двенадцатого года“» для него «закрыта»⁷. Как оказалось, на четверть века.

Все это время Николай Алексеевич, не оставляя надежды на лучшие времена, работал над темой «Наполеон и Россия», что называется в стол. Вознаграждением за веру в себя и упорство в достижении цели был изданный в период перестройки его блестящий труд «1812. Великий год России»⁸. Монография Троицкого стала настоящим событием, вызвав целый ряд и положительных рецензий, и резких откликов, и бурных дискуссий на страницах научных изданий. Целый шквал нападок, откровенно грубых и несправедливых обвинений в отсутствии «патриотизма», «искажении истинного облика», «непонимании», «недоучете» и прочее, прочее, прочее вызвало его исследование о М.И. Кутузове⁹.

В промежутке между изданиями работ об Отечественной войне 1812 года и Кутузове Н.А. Троицкий сделал первый шаг к исполнению давней мечты о создании научной биографии Наполеона Бонапарта. В 1994 году вышла в свет его монография «Александр I и Наполеон», написанная в редком для современной исторической науки жанре сравнительного жизнеописания¹⁰. Исследования Николая Алексеевича о войне 1812 года, о русском и французском императорах, вершивших в начале XIX столетия судьбу Европы, были с авторскими исправлениями и дополнениями в 2007 г. переизданы приличным по нашим временам тиражом¹¹. Здесь не место для ана-

⁵ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 47.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.

⁹ Троицкий Н.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

¹⁰ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

¹¹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007; Он же. Александр I против Наполеона. М., 2007.

лиза тех «боев за историю», что вел Н.А. Троицкий в течение пятидесяти лет служения науке¹², однако ни одна из монографий саратовского историка (не только о наполеоновских войнах) *никогда* не залеживалась на прилавках магазинов. Думаю, что такая востребованность исследований Н.А. Троицкого в значительной степени раздражала некоторых его оппонентов.

Очевидно, что к созданию фундаментального труда о Наполеоне Бонапарте исследователь шел в течение многих лет и, если не ошибаюсь, в 2007 г., завершив работу над рукописью двухтомника, попытался издать ее, выиграв грант РГНФ, но получил отказ. Видимо, двухтомник Троицкого объемом в 40 авторских листов показался специалистам РГНФ затеей слишком дорогостоящей. Хотя, повторюсь, предыдущие книги Николая Алексеевича, посвященные противостоянию России и Франции, Александру и Наполеону, расходились мгновенно.

Н.А. Троицкий, раздосадованный этой неудачей, не опустил рук и «вышел» на РОССПЭН. Это издательство бралось выпустить его капитальный труд «Наполеон Великий» за два года. Согласно договору, в 2010 г. должен был выйти первый том («Гражданин Бонапарт»), в 2011 г. - второй («Император Наполеон»). Кажется, выход в свет давно задуманной и долгожданной книги - дело времени: РОССПЭН - организация не самая бедная, солидная и обязательная по отношению к своим авторам. Но ... прошло два года, а книга все еще оставалась в «ближайших планах» издательства. Не единожды Николай Алексеевич звонил в офис РОССПЭНа, где всякий раз задержку с выпуском рукописи в производство объясняли отсутствием средств и клятвенно обещали, что уж к двухсотлетию Отечественной войны монография совершенно точно увидит свет. Но ни в юбилейном 2012, ни в следующем году «Наполеон Великий» так и не был издан.

Сложилось так, что в последние годы жизни Николая Алексеевича мне довелось общаться с моим учителем достаточно часто и в этих беседах тема залежавшегося в недрах московского издательства «Наполеона» всплывала регулярно. Троицкий был крайне огорчен

¹² См. об этом: *Троицкий Н.А.* Книга о любви. С. 161-165; 205-211; 335-343; *Он же.* Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. С. 36-66; 135-157.

задержкой издания, этой очень важной для него, фактически, итоговой работы. Я по наивности воспринимал сетования ответственных лиц на проблемы с финансированием за чистую монету. Николай Алексеевич, напротив, очень скептически относился к теме «безденежья» как основной причине издательского простоя. Дело, не раз говорил он, не в деньгах, а в политике, точнее, в удушливой атмосфере псевдопатриотизма, в очередной раз пленившей историческую науку России. Его вердикт был неутешительным: в изучении противостояния России и Франции начала XIX столетия имеет место парадоксальный временной кульбит. Историки постсоветской России, отказавшись от марксизма, вернулись к дворянско-монархической концепции второй половины XIX в., с ее самодержавным пафосом, воспеванием Александра Благословенного и безудержным поношением Наполеона. Анализируя исследования последних лет о войне 1812 года, о Бонапарте и его кампаниях в Европе, о Заграничных походах русской армии, Троицкий находил, что его понимание личности и великой роли Наполеона в мировой истории, как и его критика «освободительной миссии» русской армии в Европе противоречат «патриотическому» вектору развития современной российской историографии. Это и есть главная и единственная причина того, что рукопись «Наполеона Великого» который год лежит без всякого движения, считал Н.А. Троицкий.

Скажу честно, я эти доводы всерьез не воспринимал, полагая, что в рассуждениях Николая Алексеевича сказывается «травма памяти» историка, не раз испытавшего на себе все «прелести» идеологических проработок и негласных запретов в советские времена. Дабы развеять эти сомнения я решил проверить издательскую эффективность РОССПЭНа, подсчитав среднегодовой объем выпускаемой издательством продукции. Результат оказался столь ошеломляющим, что я, к стыду своему, так и не решился сказать Троицкому об этом «расследовании». Оказалось, что в 2010-2011 гг. (то есть, в годы, когда планировалась публикация «Наполеона Великого») издательство «Российская политическая энциклопедия» выпустило в свет не менее 200 (!) монографий и сборников документов в среднем по 400-450 страниц в каждой (!) из этих книг. Почему же в многомиллионном денежном потоке,

отпущенном на публикацию таких объемных опусов, не нашлось средств на давно спланированное издание двухтомника саратовского историка? Однозначно, что проблема заключалась не в отсутствии средств.

На определенные размышления наводила и монография Доминика Ливена¹³. Есть некоторая странность в том, что труд английского историка, в превосходном полиграфическом исполнении и немногим уступающий по объему исследованию Троицкого, РОССПЭН нашел возможность издать в кратчайшие сроки, тогда как публикация книги российского специалиста все время откладывалась «на потом».

Восторженные отклики на сочинение Д. Ливена я прочел раньше, чем саму книгу. Безудержный поток похвал по адресу английского историка удивлял и настораживал. Тем более что с некоторыми «умозаключениями» поклонников таланта Ливена а priori было очень трудно согласиться. Например, один из пользователей сетей уверял публику, что «лучшую на сегодняшний день книгу о России в наполеоновских войнах написал иностранец» (хоть и с русскими корнями)¹⁴. Подобные оценки интриговали. Неужели «иностранец с русскими корнями» разом превзошел А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, А.З. Манфреда, Е.В. Тарле, собственно всех наших историков, когда-либо писавших о роли и участии России в антинаполеоновских коалициях? Я решился узнать мнение Н.А. Троицкого о работе его английского коллеги. Николай Алексеевич от собственных комментариев воздержался, выдал мне из личной библиотеки «Россию против Наполеона» Доминика Ливена, сказав только: «Читай, оценивай сам».

Солидный по объему труд Д. Ливена я прочел дважды и очень внимательно. Книга капитально фундирована источниками, написана основательно, местами живо, автор, в отличие от абсолютного большинства западных историков, прекрасно знает российские источники и специальную литературу. Однако назы-

¹³ Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807-1814. М., 2012.

¹⁴ Александрович. Как создаются победы. О книге Доминика Ливена «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814» / URL: <http://fantlab.ru/blogarticle28629> (дата обращения: 01.07.2016).

вать ее лучшей «на сегодняшний день» книгой о России в наполеоновских войнах я бы не торопился. В работе английского профессора нет никаких открытий, нет опубликованных и архивных источников, неизвестных нашим ученым. Словом, нет почти ничего, о чем бы ранее не писали российские и советские историки, за исключением подробной характеристики конного состава русской армии, описанного скрупулезно и поистине в лошадиных дозах. Да, монография Доминика Ливена читабельна, что является бесспорной заслугой не только автора, но и ее переводчика А. Петрова, однако было бы явным преувеличением считать Ливена одаренным стилистом. Особенно в сравнении с дискуссионными, но блистательно яркими исследованиями О.В. Соколова¹⁵ и Н.А. Троицкого, исследование которого, в отличие от работы Ливена, затерялось в недрах РОССПЭНа.

В методологическом отношении монография Ливена возвращает читателя к положениям русской дворянской историографии середины - второй половины XIX в. с ее заунывными трелями о тирании «бича вселенной» Бонапарта, освободителе Европы Александре Благословенном, исторической миссии России. Своеобразной «изюминкой» монографии Д. Ливена один из рецензентов считает умозаключение «потомка баронского и княжеского рода», что не народная война, а «союз короны и дворянства позволил России победить» Наполеона¹⁶. Все это, как и говорил Троицкий, почти дословное повторение положений историков-монархистов позапрошлого века: Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, Н.К. Шильдера. Не новость и отрицание народного характера войны 1812 года и права называть ее Отечественной. Еще сто лет назад А.К. Дживелегов заявлял, что у раба, т.е. русского крепостного крестьянина, не

¹⁵ Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999; *Он же*. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799-1805 гг. Т. 1-2. М., 2006; *Он же*. Битва двух империй. 1805-1812. М., СПб., 2012.

¹⁶ Гончарова Т.Н. «Россия против Наполеона» или «Битва за Европу»: взгляд английского историка с российскими корнями. Рецензия на книгу: Dominic Lieven. *La Russie contre Napoleon. La bataille pour l'Europe (1807-1814)*. Paris: Syrtex, 2012. - 615 p. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 188-198.

может быть отечества¹⁷. Замечу, что и анализ историографии в исследовании Ливена не оригинален. Н.А. Троицкого он упоминает дважды. Первый раз во введении, когда называет его работу одной из важнейших и второй раз ... в списке литературы. Именно так поступают нерадивые студенты, чтобы показать научному руководителю, что они «в курсе» темы.

Вообще, дифирамбы по адресу Ливена оставляет впечатление конъюнктурного и неумело организованного пиара, за который становится особенно неудобно, когда восторги выражаются с детской непосредственностью. Уместен ли в рецензии на монографию серьезного ученого такой, например, перл: «Он (Д. Ливен. - Ю. С.) совершенно заворожил слушателей рассказом о том, как ребенком с братом и тетушкой из аристократок, бежавших из большевистской России, регулярно навещался в Лондонский зоопарк, где излюбленным его развлечением было кормить 190 яков бананами. То была пора «железного занавеса», и косматые яки ассоциировались в его детском воображении с далекой и экзотической Россией из-за тяги к ним русской тетушки, схожести с мамонтами и грозного вида. Как следует из вышесказанного (?!), Д. Ливен, автор «России против Наполеона», - человек незаурядный, а его монография, появление которой стало событием в западноевропейской историографии, - тоже в своем роде феномен»¹⁸. К чему это неуместное, неумное и пустое славословие?

Вернемся к неизданной рукописи Н.А. Троицкого. Вопреки обещаниям издательства в 2013 г. «Наполеон Великий» так и не был издан. Николай Алексеевич был твердо намерен расторгнуть договор с РОССПЭНом (давно просроченный к этому времени), но не успел... Все попытки коллег и учеников Н.А. Троицкого реанимировать процесс издания двухтомника ни к чему не привели. Надеюсь, пока.

Год назад я обнаружил в своем домашнем компьютере два отрывка из неизданной рукописи Николая Алексеевича. Вспомнил, что по его просьбе перевел в электронный формат небольшие фрагменты из первого и второго томов «Наполеона Великого».

¹⁷ Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915. С. 219, 236.

¹⁸ Гончарова Т.Н. Указ. соч. С. 189-190.

Н.А. Троицкий собирался опубликовать их в сборнике, посвященном Наполеону. Но в каком именно, к сожалению, установить не удалось.

Один из этих фрагментов - «Революция закончилась» относится к первому тому, названному, как говорилось, «Гражданин Бонапарт», а второй - «Эпилог» - финальный аккорд всей работы.

В первом отрывке речь идет о времени консульства Наполеона после переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 года. Отмечу, что Н.А. Троицкий остался верен основным характеристикам людей и эпохи, запечатленным в жизнеописании Александра и Наполеона. С той поправкой, что в тексте «Революции» главный герой, разумеется, Первый консул, хотя и российскому самодержцу место нашлось. Из множества сюжетных линий в главе «Революция закончилось» (найденный отрывок, вероятнее всего, заключительная глава первого тома), выделю главное.

В этих отрывках есть все то, что сделало Н.А. Троицкого одним из лучших историков России: аргументированность, ясность мысли, искусство афористично и точно написать портрет того или иного деятеля, великолепный русский язык. Вместе с тем, видно, что последняя работа историка предельно *полемична*. Автор осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии. Вот узловые, на мой взгляд, проблемы, представленные Троицким в фрагментах неизданной рукописи.

Наполеон, в понимании автора, своеобразный феномен «демократического диктатора». К 1799 году идеалы Великой французской революции давно утонули в крови гражданской войны, нищете большинства граждан Республики, чиновном произволе и воровстве. Страна находилась в состоянии экономического коллапса. Первый консул энергично и с удивительной быстротой восстановил во Франции политическую и социальную стабильность, преодолел экономический кризис, наладил всю систему управления государством сверху донизу. Принятая в редакции Бонапарта Конституция 1799 г. закрепила важнейшие завоевания революции: гражданское равенство, бессословность общества, право собственности. Неудивительно, что подавляющее большинство французов поддержали Наполеона как национального лидера.

С другой стороны, Троицкий отмечает и нескрываемый политический цинизм Бонапарта, подмявшего под себя все ветви власти и подавившего оппозицию. Историк, как можно понять из текста главы, считает конституционное оформление гражданских прав при почти полной ликвидации политических свобод неизбежным условием для преодоления постреволюционного синдрома. Трудно судить, насколько правомерна такая постановка вопроса, но возрождение Франции в консульство Наполеона - неоспоримый факт.

В работе Троицкого Россия Александра I - полная противоположность наполеоновской Франции. Историк постоянно сравнивает положение двух крупнейших стран Европы начала XIX в., и это сравнение не в пользу нашей страны. В интерпретации Н.А. Троицкого свободная Франция наголову превосходила крепостную Россию во всех без исключения сферах: экономической, социальной, политической, военной. Такая картина тотального верховенства родины Бонапарта над «вотчиной» Романовых, не кажется абсолютно достоверной. В частности, Н.А. Троицкий доказывает, что при Александре Павловиче военно-полицейский режим в России значительно превосходил то, что было во Франции. Это тезис спорный и практический недоказуемый. Достаточно вспомнить, что в России декабристы долгие годы безнаказанно вели антиправительственную деятельность практически на виду у царя и правительства, тогда как Наполеон решительно и жестко подавлял все очаги сопротивления режиму.

Характер наполеоновских войн в Европе один из самых дискуссионных вопросов, не имеющих однозначного решения. В «Наполеоне Великом» Н.А. Троицкий повторяет те положения, что отстаивал на протяжении долгих лет. По его мнению, преобразования Бонапарта, в первую очередь, отмена крепостного права и Гражданский кодекс, вели к прогрессивным изменениям в европейских странах. Именно это заставляло монархические режимы Европы объединиться в борьбе с «корсиканским чудовищем». Историк подчеркивает, что из двенадцати войн, которые вел Наполеон с «феодальными коалициями», только в двух случаях (в кампаниях против Испании и России) он был их

«зачинщиком», во всех остальных случаях именно монархи феодальной Европы (при поддержке Англии) стремились уничтожить свободную Францию. При этом Троицкий признает, что передовые идеи невозможно навязать «отсталым народам» силой. Эти утверждения вызывают ряд вполне логичных вопросов. А пытался ли Наполеон распространять «передовые идеи» мирным путем? Почему он так и не отменил крепостное право в России? Почему, вопреки обещаниям, так и не даровал политическую независимость Польше? И главное. Согласимся, что уничтожение крепостничества и сословного строя, принятие Гражданского кодекс - все это, безусловно, громадный шаг вперед. Но ведь французы для испанцев, немцев, русских и других «отсталых» народов Европы от этого не переставали быть оккупантами. Можно ли приписать стремление к национальной свободе исключительно невежеству масс и корыстным интересам верхов?

Определенное лукавство просматривается и в оценке жертв, к которым привели двадцать лет непрерывных военных кампаний Наполеона. Николай Алексеевич указывает, что по размаху и человеческим жертвам наполеоновские войны - «детская игра» по сравнению с 1-й и особенно Второй мировой войной. Такой подход нарушает принцип историзма, определяющего, что каждое историческое событие следует сравнивать с предшествующим ему, а не последующими. Двадцатый век по масштабам насилия и жертв не имеет аналогов в мировой истории. Не только Наполеон, но и Чингисхан, Тамерлан, Грозный кажутся на фоне злодеяний бесноватого фюрера мелкими пакостниками. Но правомерно ли такое сравнение? Думаю, что нет.

Убежден, что издание двухтомной монографии Н.А. Троицкого о Наполеоне (не сомневаюсь, что рано или поздно это случится) привлечет внимание историков и неизбежно породит дискуссии. Подлинная научная полемика там, где бьется талантливая и живая исследовательская мысль. А в этом отношении равных Николаю Алексеевичу Троицкому было и есть совсем немного.

ПАМЯТИ Н.А. ТРОИЦКОГО

УДК 378.4(470.44–25)+929 Троицкий

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРОИЦКИЙ И САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.А. Мезин

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра истории России и археологии
e-mail: mezinsa@mail.ru

Опираясь на документы университетского архива, мемуары Н.А. Троицкого и собственные воспоминания, автор рассказывает о непростых отношениях Н.А. Троицкого с Саратовским университетом, в котором известный историк учился и проработал более полувека.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, Саратовский университет, советская историография.

NIKOLAY ALEXEEVICH TROITSKY AND SARATOV UNIVERCITY

S.A. Mezin

(Saratov, Russia)

The author tells about complicated relationship between Troitsky and Saratov university where the well-known historian studied and worked for more than half a century. The article is based on the documents from the university archive, N.A. Troitsky memoirs and the author's own recollections.

Key words: N.A. Troitsky, The Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Soviet historiography.

В моей памяти сохранился один, казалось бы, незначительный эпизод тридцатилетней давности. Я находился на Факультете повышения квалификации в МГУ. Время было перестроечное, дискуссионное. Заговорили с коллегами из разных городов о проблемах преподавательской работы. Одна из коллег, узнав, что я из Саратовского университета, вдруг сказала: «Вам-то на что жаловаться и о чем беспокоиться, у вас же есть Троицкий». Сего-

дня мне как-то особенно ясным стал смысл этих слов: благо тому университету, в котором работают такие преподаватели, как Николай Алексеевич Троицкий; тогда студентам, которые являются главной целью нашей работы, есть у кого и чему поучиться; тогда коллегам есть на кого равняться. Рано достигнув научной зрелости, Н.А. Троицкий задавал такую высокую планку исследовательской и преподавательской работы, что трудившимся рядом с ним, ничего не оставалось делать, как бежать за ним к сияющим вершинам науки. В отношении Троицкого не кажутся неуместными эти высокопарные слова. В Саратовском университете работало и работает немало талантливых историков, но опыт общения с коллегами в России и за рубежом убедил меня в том, что в научном мире до сих пор корпорация саратовских историков ассоциируется, прежде всего, с именем Троицкого.

Еще одно подтверждение этому я получил несколько дней назад в письмах незнакомого мне историка из Канады. Узнав о нашей конференции, он написал следующее: «Меня зовут Тони Роки, я библиотекарь в Торонто, в Канаде. По специальности я историк, и я написал свою магистерскую диссертацию о судебной реформе 1864 года в России и о политических процессах от 1864 до 1894 года. Я прочитал две работы Николая Алексеевича Троицкого - “«Народная воля» перед царским судом (1880—1891)” и “Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871-1880 гг.)”. Прочитал многие книги и статьи по этой тематике, но Николай Алексеевич был самым блестящим историком из всех. Он имел редкий дар создать живую панораму целой эпохи российской и европейской истории. Я знаю, что он страдал за убеждения и что он получил несправедливую оценку от некоторых историков, обвиняющих его в прославлении терроризма. Но он стоял за правду и был человеком чистой совести. ...Давно-давно когда я писал диссертацию, я думал, что в мире были только два специалиста по истории политических процессов в России - я и Николай Алексеевич. Он был, по-своему, моим учителем. Очи слезились, когда я узнал о смерти Николая Алексеевича Троицкого - если бы я был в России, я хотел бы познакомиться с ним, пожать его руку и сказать слова благодарности»¹.

¹ Т. Роки - С. Мезину. 17, 19 мая 2016. Архив автора.

В Саратовский университет Николай Троицкий поступил после окончания сельской школы. В архиве университета сохранилось личное дело студента Троицкого². В нем фотография худенького и от того кажущегося «ушастым» паренька. В автобиографии после сообщения о смерти отца на войне трогательно звучат слова «В годы войны приходилось довольно туго, мать часто болела, я рос хилым»³. Во вступительном сочинении о А.Н. Радищеве (из истории революционной мысли - судьба!), написанном каллиграфическим почерком, абитуриент сделал одну пунктуационную ошибку и получил отличную оценку. Набрал 24 бала из 25 возможных, был зачислен на исторический факультет 16 августа 1949 года.

Сам Николай Алексеевич считал, что Саратовский университет дал ему солидное образование. Среди своих преподавателей выделял Л.А. Дербова и С.М. Стама. Последнего - несмотря на то, что именно он поставил Троицкому - студенту одну из редких (за все годы учебы их было четыре) четверку. Впрочем «идеальным» студентом он не был: не ходил не только на физкультуру (из-за чего едва не был отчислен), но и на семинарские занятия по средним векам. Мария Алексеевна Казакова, которая вела эти семинары, и позже с возмущением вспоминала, что даже курсовую работу он ей передал через кого-то из товарищей. Не без злопамятности она говорила, когда Троицкий уже стал профессором: «А все-таки Валя (жена Николая Алексеевича) умнее его». К студенческой общественной работе он тоже не рвался, но... пел со сцены, во что трудно поверить тем, кто помнит его преподавателем - очень академичным и сдержанным.

Первокурсник Троицкий жил во 2-ом общежитии на Вольской улице, а в соседней комнате жил пятикурсник Евгений Константинович Максимов - один из немногих, кто сегодня помнит Троицкого студентом. «Появился худенький мальчик в рубашке-косоворотке, - вспоминает он, - и по общежитию прошёл слух, что у парня идеальная память, что он необыкновенно начитан».

Свою начитанность Троицкий постоянно пополнял в богатейшей Научной библиотеки СГУ, в которую не перестал ходить

² Архив СГУ. Ф. Р-332. Алфавит №5 (дополнение). Кн. 3. Д. 14.

³ Там же. Л. 2.

и после того, как стал маститым профессором. Многие помнят Николая Алексеевича в читальном зале научных работников. Он заранее заказывал, как правило, огромную кипу книг, быстро находил в них необходимую информацию, делал короткие выписки, и столь же стремительно уходил, не теряя ни минуты на посторонние дела и разговоры.

Три года, отработанные по распределению в сельской школе, три года аспирантуры в Московском пединституте им. Ленина и год работы по направлению в Шадринском пединституте Курганской области - вот период 1954-1960 годов, когда Троицкий формально не был связан со своей alma mater.

С 1 сентября 1961 года он уже работал ассистентом кафедры истории СССР по приглашению её заведующего Л.А. Дербова⁴. Очень быстро он прошёл все ступени преподавательского роста: старший преподаватель (1963), доцент (1966), профессор (1972), с 1975 года Николай Алексеевич вступил в должность заведующего кафедрой, как оказалось, на 26 с половиной лет. Со свойственным ему спортивным азартом он подсчитал, что переработал в этой должности другого «чемпиона» - Л.А. Дербова, который заведовал кафедрой 26 лет и два месяца⁵.

Николай Алексеевич высоко оценивал научные и, за редким исключением, человеческие качества своих коллег по кафедре, о чем свидетельствуют и его статьи к юбилеям коллег, и его книга воспоминаний, где он создал их запоминающиеся портреты. Он гордился тем, что под его руководством кафедра необычайно окрепла в кадровом отношении. Здесь работали 6 профессоров из 12, имевшихся тогда на факультете. Именно при Троицком началось обновление, омоложение коллектива, главным образом, за счет учеников Николая Алексеевича. Как в свое время Дербов, Троицкий стал «составителем» нынешней кафедры истории России. Первенство кафедры на факультете по показателям научной и учебной работы приносило заведующему большое моральное удовлетворение. Он скрупулезно подсчитывал баллы в «социалистическом соревновании» кафедр, в чем имел конкурента в лице заведующего кафедрой Новой и новейшей истории Игоря Дани-

⁴ Текущий архив Отдела кадров СГУ. Личное дело Н.А. Троицкого.

⁵ *Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 224.

ловича Парфенова. «Малым» кафедрам было трудно соревноваться с «большими», что порождало некоторую «ревность» у С.М. Стама, а античник В.Г. Борухович относился к этому с олимпийским и несколько ироничным спокойствием.

Троицкий не раз повторял высказывание Николая Ивановича Пирогова: «Отделить учебное от научного в университете нельзя, но научное и без учебного светит и греет, а учебное без научного только блестит»⁶. Он и сам поступал в соответствии с этим мнением. В учебной работе со студентами не допускал никакой халтуры. Был блестящим лектором. Тщательно готовил общий курс по истории России XIX века, который со временем «отлился» в ряд учебников, снискавших всероссийскую популярность⁷. С увлечением он читал многочисленные спецкурсы (наиболее популярные: «Революционное народничество», «Отечественная война 1812 года», «Адвокатура в России»), основанные на собственных исследованиях, которые в свою очередь выходили в виде учебных пособий и монографий. Однако можно заметить, что Троицкий избегал преподавания таких специальных дисциплин, как историография и источниковедение. В последние годы работы на кафедре он практически отказался от ведения семинарских занятий и спецсеминаров. Объяснял это так: «не мог заставить себя “тянуть” заведомо слабые дипломные работы до уровня “четверок”»⁸.

Всю энергию, «сэкономленную» на преподавательской работе, Н.А. Троицкий направлял в русло научных исследований, вкус и интерес к которым не потерял буквально до последних дней своей жизни. В этом деле он был и, вероятно, остаётся «чемпионом» среди саратовских историков

Большинство из 40 монографий Н.А. Троицкого вышли именно в Издательстве Саратовского университета. Здесь были

⁶ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 108.

⁷ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 2003. Список публикаций Н.А. Троицкого см.: Николай Алексеевич Троицкий. Библиографический указатель. Авт. вступ. ст. и сост. - Ю.Г. Степанов. Саратов, 2002; Дополнения к библиографическому указателю работ Н.А. Троицкого за 2006–2011 годы. (Сост. - Ю.Г. Степанов) // Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею. Саратов, 2011. С. 21-27.

⁸ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 196.

опубликованы его первая монография о «чайковцах»⁹ и «докторская» книга о политических процессах в России¹⁰, его обобщающая монография о народничестве¹¹ и последняя прижизненная книга о Софье Перовской¹². За издание некоторых книг приходилось бороться, как приходилось ему «сражаться» и с некоторыми редакторами, которые брали на себя функции цензора. Начиная с 1978 года (с «Безумства храбрых»), книги Николая Алексеевича стали регулярно выходить в московских издательствах¹³. Особенно повезло в этом отношении его трудам о войне 1812 года¹⁴, что, несомненно, способствовало научной известности Саратовского университета в области гуманитарных наук.

В Саратовском университете (и в других саратовских, и не только саратовских вузах) у Николая Алексеевича осталось немало учеников. Я бы не стал говорить о «школе Троицкого» (это слишком обязывающее понятие), но все они так или иначе продолжают дело Троицкого: и не только тематически; для большинства из них неприемлемым является «потребительское» отношение к источникам, квасной патриотизм, модный ныне монархизм.

В эпоху конформизма Троицкий никогда не был конформистом, что приносило ему немало неприятностей. Расскажу об одном неприятном событии, в котором волею случая оказался замешанным и я. В личном деле профессора Троицкого имеется выписка из приказа ректора СГУ А.М. Богомолова от 30 августа 1982 года: «В связи с грубым нарушением инструкции ВАК СССР по приёму кандидатских экзаменов на историческом факультете по кафедре истории СССР досоветского периода приказываю: зав. кафедрой истории СССР досоветского периода профессору

⁹ Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды 1871-1874 (т. н. «чайковцы»). Саратов, 1963.

¹⁰ Он же. «Народная воля» перед царским судом (1880-1891). Саратов, 1971.

¹¹ Он же. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002.

¹² Он же. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014.

¹³ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 гг.) М., 1978; Он же. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866-1895). М., 1979.

¹⁴ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988; он же. Александр I и Наполеон. М., 1994 и др.

Н.А. Троицкому объявить строгий выговор», вывести профессора Троицкого из состава Ученого совета СГУ¹⁵. Что же произошло?

Первопричина, как ни странно, крылась в семейном раздоре горьковского историка Константина Демиховского. Его сын (заочный аспирант И.В. Пороха) должен был сдавать кандидатский экзамен по истории СССР. Как это было принято по старой инструкции ВАК (см. о «двух темах» в мемуарах А.А. Зимина¹⁶), ему были заранее посланы вопросы для собеседования. Однако новая инструкция эту практику отменяла. Письмо И.В. Пороха с вопросами было перехвачено женой Демиховского, которая отправила его с жалобой в ВАК. Было начато судебное расследование. Я тоже сдавал кандидатский экзамен в этот день. Меня вызвали к следователю на допрос. Мне мой научный руководитель Л.А. Дербов тоже дня за два до экзамена сообщил перечень вопросов. Однако, несмотря на уловки следователя, я в этом не сознался (каюсь!). Во-первых, я не хотел, чтобы ликвидировали результаты моего экзамена, к которому я готовился полгода. Во-вторых, я не хотел неприятностей для Л.А. Дербова. В качестве «доказательства» я представил следователю несколько общих тетрадей с выписками из всего списка литературы, рекомендуемой к экзамену. Я отделался, что называется, лишь легким испугом. Без вины виноватым оказался Николай Алексеевич, который в своих показаниях писал, что практика предварительной выдачи вопросов к экзамену была общепринятой, но выдачу таких вопросов Мезину он не подтверждал. (Последнюю фразу «пытавший» меня следователь, давая мне прочитать показания Троицкого, прикрыл рукой, но я успел её прочитать.) Заведующий кафедрой получил сразу шесть взысканий. Впрочем, в этом случае Николай Алексеевич не затаил обиды на родной университет, который, по его словам, уже через полгода после этого «дела» поддержал его кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР.

Постсоветскую действительность, обернувшуюся безудержным падением престижа и зарплаты вузовского преподавателя, Н.А. Троицкий встретил в штыки. Его столкновение с доктором ис-

¹⁵ Текущий архив Отдела кадров СГУ. Личное дело Н.А. Троицкого.

¹⁶ См.: Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 309.

торических наук губернатором Д.Ф. Аяцковым едва не закончилось увольнением из Саратовского университета. Ректор Д.И. Трубецков, несомненно, лично уважавший Николая Алексеевича, обещал тогда подыскать для него место «в одном из коммерческих вузов». Факультет во главе с деканом В.С. Мирзехановым горой встал за Троицкого. Я полагаю, что многие еще помнят вызывавшую чувство неловкости «примирительную» встречу губернатора с «взбунтовавшимися» историками в 503 аудитории X корпуса в 2002 году. Уже после ухода Аяцкова с поста губернатора университет дважды подавал документы на присвоение Н.А. Троицкому звания «заслуженного деятеля науки». Несмотря на поддержку тогдашнего министра образования области, бывшего студента Николая Алексеевича И.Р. Плеве, областные чиновники не пропустили его кандидатуру.

В печально памятной для исторического факультета борьбе декана В.С. Мирзеханова с ректором Л.Ю. Коссовичем Николай Алексеевич активно встал на сторону декана, которого называл лучшим из всех деканов, руководивших на его памяти факультетом. У Троицкого было особое, почти отеческое отношение к Мирзеханову, который был другом и однокурсником его погибшего сына Димы. Велихан Салманханович в свою очередь морально и материально поддерживал Троицкого в трудное время. После ухода с факультета Мирзеханова отношения Н.А. Троицкого с администрацией складывались не лучшим образом. В частности, перестал издаваться в СГУ редактируемый им сборник «Освободительное движение в России». Сам Николай Алексеевич говорил, что в случае изгнания его из классического университета он найдет место в Техническом университете, где работал по совместительству и пользовался неизменной благосклонностью ректора-историка И.Р. Плеве.

Кафедра всегда поддерживала своего бывшего заведующего и научного лидера. Все пожелания Николая Алексеевича по нагрузке выполнялись. Часы аспирантской педагогической практики всегда вписывались в карточку Николая Алексеевича независимо от того, кто был руководителем аспиранта. Члены кафедры помогали профессору в компьютерном наборе документов и текстов: компьютер Николай Алексеевич так и не освоил. Думаю, что

его подвел «комплекс отличника»: не овладев компьютерной грамотой с первой попытки, он отказался от дальнейшей учебы. В 2011 году кафедра организовала конференцию к 80-летию юбилею Николая Алексеевича; был издан большой сборник материалов конференции¹⁷. Признаюсь, что мне было немного обидно слышать от Николая Алексеевича слова о том, как пышно чествовали его по поводу того же юбилея в Техническом университете, какой роскошный был фуршет. Мне подумалось: неужели он, столь искушенный в вузовской политике, не сознаёт разницу между скромными возможностями его коллег по кафедре и щедростью ректора Плеве. Однако вслух я ничего не сказал.

Действуя в духе Николая Алексеевича, которого почитаю как одного из своих учителей, замечу, что в общении с коллегами он был сдержанным, ровным, если дело не касалось его лично, но если задевались его научный авторитет, честь и имя, он мог «бросить бомбу», как его исторические герои. Некоторая «закрытость» нашего коллеги иногда вызывала недоумение. Вспоминается такой случай: 19 декабря 2001 году проводилась научная конференция «Освободительное движение в России как историографическая проблема», приуроченная к его 70-летию. Из Петербурга приехал для участия в конференции и поздравления юбиляра академик Б.В. Ананьич, из Нижнего Новгорода - наш давнишний друг профессор В.А. Китаев. Был редкий случай, когда Николай Алексеевич пригласил коллег по кафедре отпраздновать его юбилей за праздничным столом у себя дома. Позвал он и Владимира Анатольевича. А милейший Борис Васильевич остался без приглашения. Мы решились спросить Николая Алексеевича: «Почему?». «Я его недостаточно знаю», - ответил юбиляр.

Никакого изгнания Николая Алексеевича из университета не произошло, хотя слухи об этом муссировались. На конференции, посвященной 90-летию В.В. Пугачева, 23 октября 2013 года ректор Саратовского социально-экономического института С.Ю. Наумов во всеуслышание заявил, о том, что Троицкий изгнан из СГУ: «Спасибо Игорю Рудольфовичу Плеве, приютившему известного ученого».

¹⁷ Николаю Алексеевичу Троицкому - к юбилею: Сборник статей / под ред. С.А. Мезина. Саратов, 2011.

Саратовский университет имени Н.Г. Чернышевского, конечно, не был для Николая Алексеевича пустым звуком: здесь он получил образование и стал известным ученым, но не был он для него и высшей ценностью. «Очень жалею о том, что было отменено... моё избрание по конкурсу на должность профессора в МГПИ им. В.И. Ленина 24 декабря 1973 года»¹⁸, - отмечал он. (Правда, главным мотивом сожаления была его уверенность в том, что в случае переезда в Москву не погиб бы под поездом его сын). О другом случае он писал в своих мемуарах: если бы кафедра и университет не согласилась принять его ученика В.С. Парсамова на место умершего И.В. Галактионова, он готов был уйти в другой вуз¹⁹. Слава богу, этого не произошло. Судьба распорядилась по-другому. Заявление об увольнении из университета Троицкий подписал 5 мая 2014 года - только подписал, писать ему уже было трудно. 28 мая Николая Алексеевича не стало. Так что до последних дней он оставался историком Саратовского университета, того самого, о котором написал в 2005 году: «Теперь университетов в Саратове - с полдесятка, но подлинный (в точном смысле слова) остаётся один: СГУ имени Н.Г. Чернышевского»²⁰.

Недруги называли Н.А. Троицкого «саратовским Покровским», я бы назвал его «Тарле Саратовского университета». Полагаю, что такой эпитет Николай Алексеевич посчитал бы для себя лестным. Завершить хочу выражением надежды, что благополучно разрешится вопрос с архивом Н.А. Троицкого, и его ученики и последователи получат возможность создать настоящую научную биографию выдающегося ученого, которой он достоин.

¹⁸ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 264.

¹⁹ Там же. С. 219-220.

²⁰ Там же. С. 27.

СЛОВО О НИКОЛАЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ТРОИЦКОМ

А.И. Аврус

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
почётный профессор
e-mail: avrus.anat@gmail.com

Автор вспоминает свои встречи, контакты с Н.А. Троицким, начавшиеся в 1949 году. Отмечаются индивидуальные черты Николая Алексеевича, как видного представителя отечественной исторической науки, его вклад в изучение истории России XIX века. Подчёркивается роль в его жизни жены – Валентины Петровны. Делается вывод о вкладе Троицкого в развитие исторического факультета Саратовского государственного университета.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, Саратовский государственный университет, исторический факультет, история России XIX века, учёный, полемист.

THE WORD ABOUT NIKOLAI ALEKSEYEVICH TROITSKY

A.I. Avrus

(Moscow, Russia)

The author recalls his meetings and contacts with N.A. Troitsky, which began in 1949. He marks the individual features of Nikolai Alekseyevich as a prominent representative of Russian historical science, his contribution to the study of history of the XIX-th century Russia. The role of Troitsky's wife – Valentina Petrovna in his life is emphasized. It is concluded that the contribution of N.A. Troitsky in the development of the historical faculty of Saratov State University was significant.

Key words: N.A. Troitsky, Saratov State University, Department of History, Russian history of the XIX-th century, a scientist, a polemicist.

Николай Алексеевич Троицкий принадлежит к числу тех людей, рядом с которыми прошла почти вся моя сознательная жизнь. Наше знакомство состоялось в 1949 году, когда 18-летний Николай Троицкий стал студентом первого курса исторического факультета. Я тогда был на третьем курсе и, как замсекретаря факультетского комсомольского бюро, курировал первокурсников. Поэтому знал

их всех персонально, в том числе и Николая, хотя он тогда ещё не был комсомольцем. Курс их отличался особенностью: впервые в истории университета и факультета на нём появилось несколько иностранных студентов, прибывших из Румынии. Поэтому курсу уделялось повышенное внимание деканата и общественных организаций.

Николай был тогда худым, бледным юношей, но «со взглядом горящим». Не являясь комсомольцем, он не участвовал активно в общественной жизни, но отличался необыкновенной добросовестностью в учёбе, дисциплинированностью, большой жадой знаний. А получить их было от кого: тогда нам преподаватели такие замечательные преподаватели, как Л.А. Дербов, И.В. Синицын, С.М. Стам, Э.К. Путнынь, А.И. Озолин и др.

Встретились мы с Николаем и за шахматной доской в проходившем в тот год первенстве факультета. Играли мы примерно одинаково и, насколько мне память не изменяет, эта встреча закончилась вничью. К сожалению, больше за шахматной доской нам не удалось сражаться, так как по какой-то причине первенство факультета перестали проводить.

По-настоящему у нас начали складываться дружеские отношения в 1957 году, когда мы вместе сдавали экзамены в аспирантуру на кафедру истории СССР в Московском городском пединституте им. Потёмкина. Было всего одно место, а претендовало 7 человек. И лучшие результаты показали два выпускника СГУ: Николай и я. Троицкий был единственным, кто сдал все экзамены на «отлично», и естественно его зачислили. Обещали второе место, но я его не получил.

Вот тогда я увидел, как фундаментально готовился Николай Алексеевич к вступительным экзаменам. Он привёз с собой в Москву множество толстых общих тетрадей, в которых его изумительным каллиграфическим почерком были законспектированы труды классиков марксизма-ленинизма, монографии, статьи. Это был результат упорного трехлетнего труда во время работы учителем в сельской школе Саратовской области. Мы все, сдававшие в аспирантуру, обращались к этим конспектам, когда надо было вспомнить что-то из прочитанного.

Во время подготовки к экзаменам, а находились мы в Москве почти весь июнь и начало июля, я с Николаем довольно тесно общался, вспоминали факультет, выяснили, что оба со школьных лет интересовались эпохой Наполеона и с удовольствием читали труды Е.В. Тарле. Оба мы оказались футбольными болельщиками, только он всю жизнь болел за «Спартак», а я - за ЦСКА.

Николай Алексеевич был очень цельным человеком, которому трудно было отказаться от своих принципиальных позиций. Любовь к Валентине Петровне, стремление показать лучшие качества революционеров-народников, интерес к наполеоновской Франции (именно поэтому он изучил французский язык) и переживания за выступления московского «Спартака» на футбольных полях заполняли его личную и научно-исследовательскую жизнь.

Несколько лет, когда он учился в аспирантуре, а затем работал в Шадринском пединституте, мы не встречались. Но после его возвращения в начале 1960-х гг. в Саратов наши контакты возобновились и с каждым годом становились всё более тесными.

На моих глазах Николай Алексеевич вырос из молодого перспективного учёного в мэтра исторической науки, крупнейшего специалиста по истории России XIX века. Его книги и статьи по истории Отечественной войны 1812 года, народнического движения, русской адвокатуры пореформенной России носили новаторский характер, в них впервые были поставлены и в значительной степени решены ранее обходившиеся исследователями проблемы.

Николай Алексеевич дарил мне со своими автографами почти все свои книги, и со временем у меня дома образовалась почти целая полка его публикаций, которые я всегда с большим интересом прочитывал, а затем делился с ним своими впечатлениями. Когда же в 1990-е гг. я начал заниматься историей эсеров, преемников любимых Николаем Алексеевичем народников, то опубликовал ряд рецензий на его книги. Всегда отмечал высокий уровень написанного им, блестящий литературный стиль, новизну многих выдвигаемых положений.

В то же время по некоторым аспектам у нас были разногласия, которые я отмечал в рецензиях. Особенно это касалось того обстоятельства, что Николай Алексеевич до последних своих работ о народничестве продолжал ссылаться при оценке их деятельности в

основном на Ленина, почему-то игнорируя труды эсеровских лидеров и, прежде всего, Чернова. Это можно было понять в советский период, когда Чернова и других эсеров следовало только ругать, но в постсоветский период это уже трудно было объяснить. Мне кажется, что Николай Алексеевич в данном случае не совсем правильно понимал принципиальность, как преданность прежним взглядам, даже если факты и новые документы их опровергали.

Должен признаться, что всегда испытывал «белую» зависть к Николаю Алексеевичу. Во-первых, никогда не мог писать так блестяще, как он. Это действительно дано немногим, а среди историков таких единицы. Во-вторых, поражали его работоспособность и целеустремлённость. Ведь ещё с молодых лет он выработал себе правило: ежедневно писать три страницы и неуклонно придерживался его. Не случайно ему удалось написать 40 книг и сотни статей, и всё это без единого соавтора. Я несколько раз пытался также организовать свою работу, но меня хватало самое большее на неделю, а потом находилось множество обстоятельств, которые срывали мои благие намерения.

Я уже отмечал каллиграфический почерк Николая Алексеевича. Так вот почти до последних его книг издательства принимали его труды в рукописном виде, то есть ему не приходилось обращаться ни к печатной машинке, ни к компьютеру. Думаю, что в этом тоже проявлялась его исключительность.

Всем знавшим Николая Алексеевича запомнился его полемический пыл. Отстаивая свои позиции, он готов был страстно спорить с любым, невзирая на звания, авторитет своего оппонента. Правда, иногда он растрачивал свои способности на споры с людьми, этого не стоившими, и по незначительным сюжетам. Несколько раз он показывал мне свои письма и заявления по поводу работы и поведения декана истфака И.В. Галактионова, советуясь по их содержанию. Я пытался удержать его от полемики с Иваном Васильевичем, считая, что не надо Николаю Алексеевичу опускаться до уровня Галактионова. Насколько мне помнится, в ряде случаев Николай Алексеевич прислушался к моим доводам.

В последние годы его жизни мы часто обсуждали его огромный труд о Наполеоне, который, к большому сожалению, до сих пор не издан. Это фундаментальное сочинение в двух томах, равного ко-

торому нет в отечественной историографии. В нём по-новому рассматриваются многие проблемы наполеоноведения. Мне понравился ответ Николая Алексеевича на мой вопрос, как же он относится к Наполеону: «Я его не люблю, но уважаю».

Мне было очень приятно помочь Николаю Алексеевичу в издании одной из последних его книг, на подаренном мне экземпляре он сделал надпись: «Дорогому Анатолию Ильичу с благодарностью за издательское благоустройство этой, самой «крутой» из моих книг» (речь шла о «Сказаниях о правде и кривде в исторической науке», которую я помог ему издать в Санкт-Петербурге в 2013 г.).

Вспоминая Николая Алексеевича, нельзя не сказать о его жене и верном друге Валентине Петровне, которую я знал ещё с её студенческих лет. Это был замечательный человек: умная, эрудированная, добросовестная, скромная женщина, которая посвятила свою жизнь мужу и рано ушедшему из жизни сыну. Валентина Петровна была очень хорошей студенткой и могла вполне стать крупным учёным-историком, но выбрала другую стезю. Она всю жизнь оставалась школьной учительницей истории, одной из лучших в Саратове, но создала все условия, чтобы Николай Алексеевич мог плодотворно работать. Не случайно Николай Алексеевич посвятил ей книгу своих воспоминаний, а смерть её явилась самой горькой потерей в его жизни.

У Николая Алексеевича были планы написания новых трудов, в частности, он задумал подготовить большую книгу о своём любимом историке Е.В. Тарле, материалы для которой собирал многие десятилетия. К сожалению, смерть не дала ему возможность осуществить этот замысел. Возможно, в его бумагах сохранились следы работы над этой рукописью, которые, безусловно, интересны для любого человека, интересующегося историей.

Современное поколение историков СГУ может гордиться тем, что оно воспитывалось профессором Троицким, а будущим студентам и преподавателям хотелось бы пожелать быть достойными продолжателями тех традиций, которые создавали их предшественники, среди которых, безусловно, выделялся Николай Алексеевич.

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ: Н.А. ТРОИЦКИЙ

А.Н. Цамутали

Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
Зав. отделом новой истории России
e-mail: tsamutali@mail.ru

Статья посвящена Н.А. Троицкому и его научным и личным контактам с историками Ленинграда, Санкт-Петербурга. Отмечается интерес ленинградских - петербургских историков к научному творчеству Н.А. Троицкого, посвященному истории революционного движения в России и истории наполеоновских войн, подчеркивается новаторский характер трудов ученого.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, историография, научные контакты, историки Ленинграда-Санкт-Петербурга.

THE WORD ABOUT COLLEAGUE: N.A. TROITSKY

A.N. Tsamutali

(St.-Petersburg, Russia)

The article is devoted N.A. Troitsky and his scientific and personal contacts with historians of Leningrad, St. Petersburg. Noted the interest of the Leningrad-Petersburg historians to scientific creativity N.A. Troitsky dedicated to the history of the revolutionary movement in Russia and the history of the Napoleonic wars, it emphasizes the innovative nature of the works of the scientist

Key words: N.A. Troitsky, historiography, scientific contacts, historians of Leningrad-St Petersburg.

Особые отношения историков Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Саратова начались еще в конце 1910-х - начале 1920-х гг.: С.Н. Чернов, М.Е. Сергиенко, А.И. Доватур. Е.Н. Кушева, будучи уроженкой Саратова, в конце 1920-х гг. переехала в Москву. В начале Великой Отечественной войны она поддерживала дружеские связи с С.Н. Валком и Ш.М. Левиным.

Впервые я увидел и услышал Н.А. Троицкого на конференции в Ленинграде в начале 1960-х гг., на которой впервые была жаркая дискуссия о революционном народничестве, в которой принимали

участие - Ш.М. Левин, С.С. Волк, В.Н. Гинев. В эти же годы я познакомился с другими саратовскими историками - А.Л. Дербовым, В.В. Пугачевым, И.В. Порохом. Со всеми ними у меня установились не только дружеские, но и доверительные личные отношения, особенно с семьей И.В. Пороха - его женой и сыновьями Владиславом, Василием и дочерью Татьяной.

Позже я участвовал, по приглашению Б.С. Итенберга, в обсуждении рукописи коллективного труда, посвященного второй революционной ситуации в России, одним из рецензентов которого с интересным и необычным отзывом выступал Н.А. Троицкий¹.

Впоследствии я дважды был в Саратове. Первый раз на защите докторской диссертации московского историка П.С. Ткаченко, на которой был официальным оппонентом. С яркой речью на защите выступил Н.А. Троицкий. Второй раз в конце 1990-х гг., когда мы все - питерские историки - были приглашены прочесть лекции и семинары, посвященные политической истории России XIX - начала XX в. и течественной историографии.

Несколько основательных монографий Н.А. Троицкого посвящено Отечественной войне 1812 года². В трудах Н.А. Троицкого было много новых материалов, которые подверглись критике таких историков, как Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин. Однако он нашел обоснованные ответы на их выпады.

Н.А. Троицкий оставил после себя богатое научное наследие, насыщенное фактическим материалом и интересными мыслями о политической истории России XIX века. Н.А. Троицкий остался в моей памяти очень эрудированным историком и доброжелательным человеком. Мы поддерживали переписку с ним, полагая, что его труды и мнения помогут нам устоять и сохранить принципы петербургской исторической школы. Последней и не завершенной была его монография о Софье Перовской...

¹ Троицкий Н.А. Историография второй революционной ситуации в России. Саратов, 1984.

² Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988; *Он же*. Отечественная война 1812 г.: История темы. Саратов, 1991; *Он же*. Александр I и Наполеон. М., 1994; *Он же*. Фельдмаршал М.И. Кутузов: мифы и факты. Саратов, 2002.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК И ПЕДАГОГ: Н.А. ТРОИЦКИЙ В МОЕЙ ПАМЯТИ

А.А. Чернобаев

Российская академия государственной службы при
Президенте Российской Федерации (Москва)
e-mail: aa-istorik@yandex.ru

В статье дается оценка научной и педагогической деятельности Н.А. Троицкого, а также говорится об отношениях саратовского историка с редакцией журнала «Исторический архив». В приложении публикуется 12 писем Троицкого редактору журнала, которые свидетельствуют о научной и гражданской позиции историка.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, Саратовский университет, журнал «Исторический архив», советская историография.

OUTSTANDING HISTORIAN AND TEACHER: N.A. TROITSKY IN MY MEMORY

A.A. Chernobaev

(Moscow, Russia)

The article gives the evaluation of scientific and educational activity of N.A. Troitsky and tells about the relations of the Saratov historian with the editorial board of the magazine "Istorichesky arkhiv" (Historical archive). 12 letters by Troitsky to the editor of the magazine given in the application testify to his scientific and civil position of a historian.

Key words: N.A. Troitsky, the Saratov University, magazine «Istorichesky arkhiv» (Historical archive), Soviet historiography.

В настоящую публикацию включены мои краткие воспоминания о Николае Алексеевиче Троицком и часть его писем (открыток) ко мне. Я бережно храню их в своем личном архиве. Думаю, нет необходимости много говорить о вкладе Н.А. Троицкого в отечественную историческую науку и воспитание нескольких поколений историков. Ограничусь лишь двумя красноречивыми, на мой взгляд, фактами.

В предисловии к сборнику статей, подготовленному учениками и коллегами Николая Алексеевича к его 80-летию, приведены следующие цифры: им издано 37 монографий, свыше 430 статей, более трех десятков его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации; труды ученого, основанные на твердом фундаменте источников, их ювелирной обработке и увлекательной манере изложения, хорошо известны российским и зарубежным специалистам¹. После юбилея Н.А. Троицкий продолжал активно трудиться, о чем убедительно свидетельствуют его многочисленные статьи в фундаментальной трехтомной энциклопедии «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» (2012) и в других изданиях, а также новые монографии - «Сказания о правде и кривде в исторической науке» (2013), «Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба» (2015), подготовленное, но до сих пор не изданное двухтомное сочинение о Наполеоне I (Наполеон Великий. Т. 1: Гражданин Бонапарт; Т. 2: Император Наполеон). Особо хочу сказать о первой из названных монографий. Даже незадолго до смерти Николай Алексеевич считал своим долгом продолжать «бои за историю», характерную для него на протяжении десятилетий борьбу Правды и Кривды в исторической науке. В надписи автора на титуле «Сказания...», врученного мне 10 июля 2013 г., говорится: «Дорогому Анатолию Александровичу дарю самую «крутую» из моих книг, 20 разоблачительных сказаний».

Факт второй - многолетняя, более полувека, педагогическая деятельность Н.А. Троицкого в Саратовском государственном университете, из них 26,5 лет - в должности заведующего кафедрой. Лектор он был, как говорится, от Бога. Один из самых преданных его учеников Ю.Г. Степанов вспоминал, что Николаю Алексеевичу «никогда не приходилось призывать самую пеструю студенческую аудиторию к порядку, в этом не было необходимости. Полное внимание публики достигалось за счет построения лекции как научно-художественного текста, изложенного безукоризненным русским языком в лучших традициях университетского красноречия»². Мне

¹ См.: Николаю Алексеевичу Троицкому - к юбилею: Сборник статей / Под ред. С.А. Мезина. Саратов, 2011. С. 6.

² Николаю Алексеевичу Троицкому - к юбилею. С. 19–20.

посчастливилось, в один из приездов в Саратов, побывать на лекции Николая Алексеевича, и я полностью присоединяюсь к словам Ю.Г. Степанова о высоком лекторском мастерстве его учителя. Своим опытом увлекательно рассказывать о явлениях прошлого, видных деятелях истории Н.А. Троицкий поделился в книге «Улыбки на лекциях по истории» (2006). В ней им собраны, прокомментированы и литературно обработаны 1000 исторических миниатюр (включая извлеченные из архивов), неожиданных, курьезных, порой парадоксальных, но всегда подлинных, героями которых были люди разных времен и народов. Признаюсь, что нередко я использовал эти миниатюры в своих выступлениях перед студентами и аспирантами, и убедился в эффективности этого приема, оживляющего изложение лекционного материала и повышающего внимание аудитории.

Теперь остановлюсь на том, как произошло мое знакомство с Н.А. Троицким (вначале заочное). Оно началось с его открытки от 10 марта 1997 г., в которой Николай Алексеевич интересовался, поступила ли в редакцию «Исторического архива» его публикация автобиографии Б.П. Козьмина (док. № 1). Почти сразу я не только ответил ему, что материал получен и уже опубликован³, но и выслал № 1 журнала и первый выпуск задуманного мной приложения к «Историческому архиву» «Историки России о времени и о себе»⁴, а также предложил Николаю Алексеевичу подготовить статью о себе для второго выпуска этого издания и заполнить анкету для готовившегося в то время биобиблиографического словаря «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории»⁵.

Через несколько дней я получил вторую открытку от Н.А. Троицкого, адресованную непосредственно мне (док. № 2), по-

³ См.: Троицкий Н.А. Автобиография Б.П. Козьмина // Исторический архив. 1997. № 1. С. 217-219.

⁴ См.: Историки России о времени и о себе. Выпуск 1. Архивно-информационный бюллетень № 15. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1997.

⁵ См.: Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории: биобиблиографический словарь / Под ред. В.А. Динеса. Саратов, 1998.

сле чего наша переписка, а затем и личное общение (с 22 ноября 1997 г. в Саратове⁶) стали регулярными.

Свое обещание «автобиографироваться» и прислать текст к установленному сроку Николай Алексеевич выполнил, о чем написал мне 7 июня (док. № 3). Три месяца спустя, пока второй выпуск книги «Историки России о времени и о себе» готовился к изданию, я получил еще одну открытку от Н.А. Троицкого (док. № 4), из которой понял, насколько он деликатный и щепетильный человек, не желающий перекладывать на других выпавшую на его долю неприязнь многих историков.

2 октября 1998 г. Николай Алексеевич сердечно поблагодарил меня за то, что его автобиография опубликована во втором выпуске книги⁷ без какой-либо существенной редакторской правки (док. № 5). Приведу завершающий абзац из статьи Н.А. Троицкого, отражающий его умонастроение в то время: «Надеюсь, однако, что сегодняшний упадок исторической науки и всей нашей духовной жизни, включая литературу, живопись, музыку, театр, кино, - явление временное. Традиции, накопленные поколениями корифеев отечественной культуры до и при советской власти, настолько сильны, что подменить их конъюнктурным переименованием всего и вся невозможно. Придет время - отряхнет с себя все наносное и российская историческая наука. В конце концов, как говаривал один из умнейших россиян А.И. Герцен, «всплывший вздор уплывает, а движение волн остается». Так уже было в прошлом, должно быть и впредь. 5.6.1997»⁸.

В первые годы нашего знакомства, наряду с подготовкой в журнале «Исторический архив» новых публикаций Н.А. Троицкого, большое место в моем сотрудничестве с ним занимало получение от него ценной информации, связанной с продолжением работы над словарем об историках России. Два письма на

⁶ В этот день я навестил Н.А. Троицкого в его квартире и получил в подарок книгу «Александр I и Наполеон» (М., 1994) с дарственной надписью: «Анатолию Александровичу Чернобаеву в день очного знакомства с наилучшими пожеланиями».

⁷ См.: *Троицкий Н.А.* Глагол времен // *Историки России о времени и о себе.* Выпуск 2-й. Архивно-информационный бюллетень № 3 (19). Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1998. С. 17-29.

⁸ Там же. С. 28.

этот счет были написаны Николаем Алексеевичем 2 ноября (док. № 6) и 8 декабря 1998 г. (док. № 7), когда он «присмотрелся» к первому изданию словаря, полученному в подарок от меня, и высказал целый ряд критических замечаний и пожеланий. Все они в дальнейшем были учтены.

В письме от 8 декабря Н.А. Троицкий выразил свое и других саратовцев «сострадание» о сложном финансовом положении «Исторического архива», угрозе его закрытия, о котором я ему написал. Действительно, после дефолта, разразившегося в конце лета 1998 г., мизерные редакционные средства, хранившиеся в одном из банков, бесследно исчезли. Стремясь выполнить наши обязательства перед подписчиками, я и Р.Г. Пихоя, инициатор возрождения «Исторического архива» в 1992 г. (наш предшественник выходил в 1955–1962 гг. и был закрыт секретным постановлением Секретариата ЦК КПСС), «скинулись» на необходимую сумму и выпустили сдвоенный № 5–6 журнала за 1998 год. Свой долг перед читателями мы выполнили. Но как быть дальше? Выход был найден в заключении взаимовыгодного договора с генеральным директором издательства «Российская политическая энциклопедия» А.К. Сорокиным. Редакция предоставила «РОССПЭНу» необходимые помещения (их в свое время нам передала «во временное владение» в бывшем здании ИМЛ при ЦК КПСС Государственная архивная служба), а издательство брало на себя все финансовые расходы по выпуску журнала. С тех пор многое изменилось, редакция несколько раз «переезжала» по другим адресам, перерегистрировалась, и, тем не менее, «Исторический архив» выходит вот уже почти четверть века, за что искренняя благодарность А.К. Сорокину, и, конечно же, Росархиву, нашим авторам и читателям.

Продолжилось и наше сотрудничество с Николаем Алексеевичем, который предлагал для публикации в журнале интересные материалы (док. № 8), причем, не только свои, но и коллег по кафедре (док. № 9); присылал свои новые книги (док. № 10); радовался нашим изданиям (док. № 11). В письме от 5 марта 2002 г. Н.А. Троицкий поблагодарил меня за поздравления в связи с его 75-летним юбилеем. Прошло оно «весело, празднично», но без каких-либо «контактов» с властями (университетскими и губернскими) (док. № 12).

Вся жизнь Николая Алексеевича Троицкого, выдающегося русского ученого и педагога второй половины XX - начала XXI в., была посвящена изучению прошлого нашего Отечества и подготовке квалифицированных кадров историков, многие из которых и сегодня продолжают дело своего Учителя. Богатейшее творческое наследие ученого⁹ еще долго будет востребовано читателями. Что же касается меня, то я благодарен работе в журнале «Исторический архив», позволившей мне познакомиться и общаться со многими замечательными людьми, одним из которых был Н.А. Троицкий.

Письма Н.А. Троицкого

№ 1

Саратов, ул. Севрина, 20, кв. 10

10 марта 1997 г.

Уважаемые коллеги!

Беспокоюсь, поступила ли в «Исторический архив» подготовленная мною к печати «Автобиография Б.П. Козьмина»¹⁰, которую я отправил на имя Д.А. Аманжоловой¹¹ 26 ноября 1996 года. Если поступила, хотелось бы знать, подойдет ли она для публикации в журнале. Покорнейше прошу уведомить меня об этом.

С уважением

Троицкий Николай Алексеевич

№ 2

27 марта 1997 г.

Уважаемый Анатолий Александрович!

Спасибо Вам за № 1 «Исторического архива» и за приложение к нему - present столь же приятный, сколь неожиданный для меня.

Спасибо и за приглашение во 2-й выпуск «Историков России». С удовольствием «автобиографируюсь» и обязуюсь прислать текст *не позднее июня*.

⁹ Кроме названных монографий Н.А. Троицкого, упомяну еще две, которые он, по-моему, особенно ценил: Крестonosцы социализма. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002; 1812. Великий год России. М., 2007.

¹⁰ *Козьмин Б.П.* (1888-1958) - доктор исторических наук (с 1935 г., без защиты диссертации). Специалист по истории общественной мысли и освободительного движения в России.

¹¹ *Аманжолова Д.А.* (р. в 1957) - в 1994-1997 гг. ответственный секретарь редакции журнала «Исторический архив», доктор исторических наук (с 1995 г.).

Что касается анкет для справочника «Историки России. 1990-е гг.», то я о нем не слышал и анкеты не видел. Только что созвонился с В.А. Динесом¹². Он заверил меня (и Вас тоже), что занимается справочником вплотную, а до меня анкета не дошла случайно. Завтра - будет.

С уважением и добрыми пожеланиями

Н. Троицкий

P.S. Посылаю Вам «Краткий курс» моих лекций (полный - на 30 п.л. - под названием «Россия в XIX веке» маринуется в изд-ве «Высшая школа» больше полутора лет *после корректуры*)¹³. Вообще в разных издательствах лежат без движения уже 4 моих книги - нет пресловутых спонсоров, без которых ничто никуда.

№ 3

Саратов

7 июня 1997 г.

Уважаемый Анатолий Александрович!

Высылаю текст моих автобиографических заметок в 2 экз. Буду Вам очень признателен, если Вы дадите мне знать, что мой опус дошел до Вас.

Самые добрые пожелания!

Н. Троицкий

№ 4

Саратов

4 сентября 1997 г.

Уважаемый Анатолий Александрович!

Покорнейшая просьба к Вам. Если, паче чаяния, выяснится, что печатать мой автобиографический опус политически (или из других соображений) неудобно, пожалуйста, дайте мне знать об этом откровенно и своевременно, чтобы я мог (без всякой обиды на Вас!) распорядится им здесь, в Саратове.

С уважением и благодарностью за внимание

Н. Троицкий

№ 5

Саратов

2 октября 1998 г.

Уважаемый Анатолий Александрович!

Сердечно признателен Вам за 2-й выпуск «Историков России» с моей автобиографией, публикация к[ото]рой мне очень дорога. Большая просьба к Вам: нельзя ли выкупить еще несколько экз. (*не более чем на 150 руб.*) этого выпуска? Может быть, Вы поручите кому-либо сообщить мне, куда и на чье имя я

¹² Динес В.А. (р. 1948) - с 1997 г. ректор Саратовской государственной экономической академии (университета), доктор исторических наук (с 1984 г.).

¹³ Полное издание курса лекций Н.А. Троицкого «Россия в XIX веке» вышла в изд-ве «Высшая школа» в 1999 году.

мог бы послать оную сумму в оплату самих книг и расходов на их пересылку?
Или можно снарядить мне бандероль наложенным платежом?

Надеюсь, не разошелся мгновенно весь тираж выпуска?
Всего наилучшего Вам (а главное - новых и новых изданий!)
Н. Троицкий

№ 6

Саратов

2 ноября 1998 г.

Дорогой Анатолий Александрович!

Посылаю давно обещанный «Нелегальный отчет о процессе «17-ти»»¹⁴.
Надеюсь, он подойдет для «ИА».

Тем временем присмотрелся к словарю «Историки России». Не отказываясь от собственных слов восторга по поводу самой идеи и, разумеется, ее полиграфического воплощения, поделюсь теперь с Вами сожалением и огорчением.

Начну с маленького. В «Соч[инениях]» к справке обо мне кто-то вставил мою публикацию в «ИА». Сам я не назвал в справке даже ряд своих *книг*, полагая, что надо перечислить лишь до 10 *основных* трудов (почему не оказалось в перечне моих «Лекций по русской истории» и «России в XIX веке», не пойму). Добавленная же публикация *из журнала* дает понять читателю, что книг у меня, кроме названных здесь, вообще больше нет. Обижаюсь...

Это, конечно же, пустячок. Но вот пропусков (вообще-то неизбежных в изданиях такого рода) уж очень много. Отсутствуют десятки ученых, научный капитал которых многократно превосходит и количественно, и, главное, качественно труды полных (вроде Д.Ф. Аяцкова¹⁵) и получиновников, фигурирующих в словаре. Это еще жившие в 90-е годы Ю.М. Лотман, М.Я. Гефтер, М.Г. Седов, В.А. Дьяков, М.Т. Белявский, Н.М. Пирумова, Г.П. Жидков, А.Г. Слонимский; ныне здравствующие Б.Г. Литвак, В.Г. Тюкавкин, П.Г. Рындзюнский (надеюсь, жив-здоров), С.В. Мироненко, Я.С. Лурье, Н.Н. Молчанов, Е.В. Анисимов, С.Н. Семанов, А.П. Пронштейн, Е.Г. Плимак, С.С. Ланда, О.В. Будницкий, В.П. Крикунов, Рой Медведев.

Уверен, что из разных мест Вам еще дадут знать и о других пропусках. Во 2-м издании словаря (если оно будет) и, особенно, в задуманном Вами грандиозном справочнике об историках России XX века надо будет очень постараться свести такие пропуски к минимуму.

Здоровья Вам и всяческого добра!
Н. Троицкий

№ 7

¹⁴ См.: Троицкий Н.А. Нелегальный отчет о процессе «17-ти» // Исторический архив. 1999. № 2. С. 157-181.

¹⁵ Аяцков Д.Ф. (р. в 1950) - губернатор, председатель правительства Саратовской области в 1996 году. Доктор исторических наук (с 1999 г.).

Саратов

8 декабря 1998 г.

Дорогой Анатолий Александрович!

Мы здесь все очень сострадаем «Историческому архиву» в его финансовых затруднениях, но помочь бессильны. Я, правда, выслал директору Е.Г. Науменко¹⁶ 180 руб. за 1-е полугодие 1999 г., однако примеру моему (не смотря на мой призыв) едва ли последуют многие. До сентября нам платили по 40–60% [зарплаты] (все влезли в долги), а теперь хоть и получаем от щедрот чиновничьих свои нищенские 100%, цены-то выросли в 3–5 раз и все растут!

В подготовке справок для 2-го издания «Историков России» поможем. Саратовский материал обеспечим. А.И. Аврус гарантирует справки об умерших в 70–80-е годы профессорах В.К. Медведеве, С.А. Соколове, Д.П. Ванчинове. Я организую справки о М.С. Персове, А.Ф. Остальцевой, И.В. Синицыне. Что касается тех (живых и мертвых) историков, которых я назвал в предыдущем письме, то М.Я. Гефтер, В.А. Дьяков, Н.М. Пирумова, Б.Г. Литвак, П.Г. Рындзюнский - это ИРИ РАН; М.Г. Седов, М.Т. Белявский, П.С. Ткаченко - МГУ; А.П. Пронштейн, О.В. Будницкий - Ростовский университет, Г.П. Жидков - Калининградский, а Ю.М. Лотман - аж Тартуский.

О «Соч[инениях]» в справках. Не все соблюдают заданную квоту: если Б.А. Рыбаков дисциплинированно уложился в 10, то у иных (С.С. Демидова, Л.В. Ивановой) - по 13 названий и даже (как у Е.Р. Ольховского и Е.Л. Рудницкой) - по 15. Отдельные перечни занимают много места, так как длинны их адреса (статьи в сборниках). Может быть, списки монографий (поскольку они компактнее) можно продлевать до 12–13? Я бы в своем списке опустил публикацию из «ИА», но добавил бы:

а) после «Отеч[ественная] война 1812 г. История темы. Саратов, 1991» (переизд. в США: The Great Patriotic War of 1812. N. Y., 1993);

б) Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997;

в) Фельдмаршал М.И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998.

Если выйдет (в любой момент) что-то еще из трех моих книг, маринующихся в разных издательствах, дам знать о возможных изменениях в списке.

А в «Лит[ературе]» к моей справке теперь, вероятно, следует вставить: Глагол времен // Историки России о времени и о себе. М., 1998. Вып. 2. С. 17–29.

С приближающимся Новым годом Вас!

Всего доброго!

Н. Троицкий

P.S. Верните мне скорее, пожалуйста, словарь историков освободительного движения. Я даже не предполагал, как часто он будет мне нужен!

№ 8

4 января 2000 г.

¹⁶ Науменко Е.Г. (р. в 1941) - в 1997 г. директор редакции журнала «Исторический архив».

Дорогой Анатолий Александрович!

Посылаю Вам для «ИА» текст защитительной речи знаменитого адвоката В.Н. Герарда на знаменитом же процессе «50-ти». Надеюсь материал подойдет «ИА»¹⁷.

Всех (какие только мыслимы в наше время) благ Вам в Новом году! Еще годик и - даст Бог! - проживем в двух разных тысячелетиях.

Ваш *Н. Троицкий*

№ 9

Саратов

13 ноября 2000 г.

Дорогой Анатолий Александрович!

Черкните, пожалуйста, дошел ли до Вас материал В.С. Парсамова для декабристского номера «ИА» и успеет ли он в этот номер¹⁸.

Доброго Вам здоровья в 61-м году от рождества Вашего!

Н. Троицкий

№ 10

Саратов

7 февраля 2001 г.

Дорогой Анатолий Александрович!

Посылаю Вам обещанную «Адвокатуру»¹⁹. О получении дайте знать - почта ныне (как и все вообще) ненадежна.

Дружески Ваш

Н. Троицкий

№ 11

12 октября 2001 г.

Дорогой Анатолий Александрович!

Спасибо сердечное за фолиант «Биографий» историков России²⁰. Изданы роскошно, а главное, собраны теперь воедино: такому справочнику нет цены!

Здоровья Вам и всяческого добра!

Н. Троицкий

№ 12

Саратов

5.03.2002 г.

¹⁷ *Троицкий Н.А.* «Побольше гласности, побольше правды!»: Речь присяжного поверенного В.Н. Герарда на процессе «50-ти». 1877 г. // Исторический архив. 2000. № 4. С. 166-180.

¹⁸ *Парсамов В.С.* «Кто это на скале, окруженной морем...»: Стихотворение декабриста В.Л. Давыдова «Napoleon-Bounaberdi» 1837 г. // Исторический архив. 2001. № 1. С. 178-186.

¹⁹ Имеется в виду книга Н.А. Троицкого «Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг.» (Тула, 2000).

²⁰ Имеется в виду книга: Историки России. Биографии / Сост., отв. редактор А.А. Чернобаев. М., 2001.

Дорогой Анатолий Александрович!

Спасибо большущее за «ИА» с оперативной публикацией моего «Бардовского»²¹ и, конечно же, за послеславие к публикации²². И за поздравление к моему, страшно сказать, ... летию - тоже! Юбилейная суeta прошла весело, празднично. От городских чиновников (здесь министр образования - мой бывший студент) и даже от ректората СГУ, коeму (не ректорату, а университету) я служу с 1949 г., никого не было. С властями (и прошлыми и теперешними) у меня, как обычно, НЕКОНТАКТ - политически вреден. Мои коллеги уже вторично попытались представить меня к званию «засл. деятель науки», но власти (вроде как на губернском уровне) вновь пресекли эту затею, хотя «заслуженных» у нас в университете - с научным капиталом втрое меньшим, чем у меня, - полно (был таковым даже мой коллега по кафедре И.В. Порох). Кстати, «Кутузов» - 2002 - 24-я опубликованная мною книга (еще 3 - в производстве), а число статей подбирается к 400. И все-таки я предпочитаю (пожалуй, даже горжусь) оставаться таким, какой я есть (с правом сказать о себе а la И.С. Аксаков: «Наградам не подвергался»), чем выслуживаться перед чиновниками и получать от них награды.

Вынужден упреждать каждого, кому дарю своего «Кутузова»: все сказанное на с. 347-348 после цитаты из В.С. Соловьева добавлено к моему тексту редактором. Две ошибки (дефисы!) в написании фамилии Баркляя де Толли - тоже от него (без моего ведома).

Дружески Ваш

Н. Троицкий

P.S. Я оставил заведование кафедрой, протрубив в этой должности 26,5 лет. Новый зав. - С.А. Мезин²³.

²¹ *Троицкий Н.А.* «Много шуму из пустяков...» Речь присяжного поверенного Г.В. Бардовского на процессе по делу о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. // Исторический архив. 2002. № 1. С. 186-198.

²² На с. 198 в конце данной публикации имеется следующий текст: «Исполнилось 70 лет автору настоящей публикации, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории России Саратовского государственного университета Н.А. Троицкому. Впервые ученый выступил на страницах «Исторического архива» более 40 лет назад, в 1959 году. Особенно тесные контакты установились у Николая Алексеевича с «новым», возрожденным в 1992 г., «Историческим архивом», где он и его ученики являются постоянными авторами. Редакция и редсовет журнала желают Н.А. Троицкому крепкого здоровья, благополучия, дальнейших творческих свершений!».

²³ *Мезин С.А.* (р. в 1958) - доктор исторических наук (с 1999 г.), зав. кафедрой истории России СГУ с 2002 г.

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ К ПЕЧАТИ КНИГИ Н.А. ТРОИЦКОГО «СКАЗАНИЯ О ПРАВДЕ И КРИВДЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ»

С.Н. Полторак

Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
кафедра истории и регионоведения
e- mail poltorak2006@yandex.ru

В докладе реконструируется процесс подготовки к печати рукописи книги Н.А. Троицкого «Сказания о правде и кривде в исторической науке», готовившейся и вышедшей из печати в 2013 году. Автор публикации рассказывает об обстоятельствах, подтолкнувших его как издателя к выпуску в своем издательстве монографии ученого, оказавшейся, к сожалению, последним прижизненным выпуском крупной работы саратовского исследователя. Публикуются фрагменты переписки издателя и автора монографии и ряд других документов, имеющих непосредственное отношение к процессу подготовки книги к печати в петербургском издательстве «Полторак». Отмечается комфортная творческая и человеческая атмосфера, сложившаяся между автором и издательским коллективом в процессе подготовки монографии к печати. Отмечается роль профессора А.И. Авруса в осуществлении проекта.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, публикации Н.А. Троицкого, «Сказания о правде и кривде в исторической науке», научная достоверность, честность историка.

FROM THE HISTORY OF PRINTING OF THE N.A. TROITSKY BOOK «TALES OF TRUTH AND FALSEHOOD IN HISTORICAL SCIENCE»

S.N. Poltorak

(St.-Petersburg, Russia)

The report describes the process of preparing for the press the manuscript of the book of N.A. Troitsky "Tales of truth and falsehood in historical science" prepared and published in 2013. The author of the article tells about the circumstances that pushed him as a publisher to edit the monograph of the scientist in his publishing house. The article presents fragments of correspondence between the publisher and the author of a monograph and a number of other documents directly related to the process of preparing the book for publication in the St. Petersburg publishing house "Poltorak". Notes

comfortable creative and human environment between the author and the publishing team during preparation of the monograph. Notes the role of Professor A.I. Avrus in the implementation of the project.

Key words: N.A. Troitsky, publications of N.A. Troitsky, "Tales of truth and falsehood in historical science", scientific credibility, honesty of the historian.

В силу того, что уже двадцать лет я работаю главным редактором журнала для ученых «Клио», у меня сложилось устойчивое представление о «региональной расстановке сил» историков в России. Разумеется, мой взгляд на эту расстановку очень субъективен, но, по моему мнению, в нашей стране сейчас сложились четыре наиболее значительных центра исторической науки: Москва, Петербург, Саратов и Томск. Конечно, можно было бы назвать еще несколько десятков городов, где историческая наука долгие годы развивается особенно успешно, но явные лидеры все же именно эти.

Саратовская историческая школа - школа очень самобытная - испытала на себе, как мне представляется, сильное влияние петербургской (ленинградской) исторической школы. Это случилось в годы Великой Отечественной войны, когда в Саратов из Ленинграда было эвакуировано много ученых и педагогов из ленинградских вузов, в том числе, историков. Справедливости ради стоит заметить, что процесс влияния был взаимным, и ленинградские историки вернулись в родной город после эвакуации, обогащенными научными подходами к изучению истории своих саратовских коллег. Взаимовлияние Петербурга и российской провинции всегда было характерной чертой Петербургской (ленинградской) исторической школы. Сознательно не перечисляю имена историков, которые десятилетиями формировали лицо саратовской исторической школы, поскольку могу упустить те или иные персоналии, что было бы несправедливо. Упомяну только Николая Алексеевича Троицкого, который мне долгие годы казался самым ярким историком в Саратове, одним из крупнейших ученых России начала XXI в., хотя не был ни академиком РАН, ни членкором.

Знакомство наше было заочным. Не знаю, читал ли он что-нибудь из написанного мною, но его труды мне были хорошо известны давно. В них мне особенно импонировала основательность суждений Николая Алексеевича, его широчайший кругозор и без-

укоризненный язык изложения материала. Такой автор - мечта любого редактора. Как историк Н.А. Троицкий мне особенно был интересен как методолог.

Читая работы этого историка, я никогда не думал, что мне доведется познакомиться с ним лично.

Совершенно неожиданно 30 сентября 2012 г. я получил от Н.А Троицкого по электронной почте письмо. К счастью, оно сохранилось в моем электронном архиве. Николай Алексеевич писал: «Уважаемый Сергей Николаевич! Обращаюсь к Вам по совету Анатолия Ихильевича Авруса с такой просьбой: не сможете ли Вы помочь мне пристроить к изданию в Питере мою новую (39-ю по счету) книгу «Сказания о правде и кривде в исторической науке»? Для ознакомления с этим необычным по жанруopusом посылаю Вам его текст. С глубоким уважением, Троицкий Николай Алексеевич»¹.

Я невольно обратил внимание на то, что письмо Николая Алексеевича было отправлено поздно ночью, почти в половине первого, и подумал, что, вероятно, историк привык работать по ночам. О полученном письме я сообщил по электронной почте моему старинному другу профессору А.И. Аврусу, с которым мы ведем постоянную переписку еще с тех времен, когда об Интернете в нашей стране никто и не слышал. В начале 1990-х гг. мы познакомились с ним на одной из научных конференций по истории интеллигенции, традиционно проводившейся каждый год в Ивановском государственном университете по инициативе прекрасного интеллигентоведа профессора В.С. Меметова. Анатолий Ильич 3 октября 2012 г. написал мне очередное письмо. В нем он, в частности, писал: «Троицкий, безусловно, самый крупный у нас в Саратове историк. Он автор более 30 книг по истории России XIX века. Занимается он историей народничества, русской адвокатуры, Отечественной войны 1812 года. Сейчас у него должны выйти в РОССПЭНе два тома «Наполеон Великий». Пишет он очень хорошо, он стремится походить в этом на Тарле. Читать его доставляет удовольствие. Человек он очень добросовестный и работающий, уже много лет у него норма: 3 страницы в день. Поскольку у него каллиграфический почерк,

¹ Письмо по электронной почте Н.А. Троицкого С.Н. Полтораку от 30.09.2012.

то все издательства принимали его рукописи даже без машинки. <...> Насколько я понимаю, он хотел бы очередную книгу издать в Вашем издательстве или получить Вашу поддержку для выхода на какое-нибудь другое питерское издательство»².

После прочтения письма А.И. Авруса я написал Николаю Алексеевичу, что готов взяться за издание его книги в своем издательстве и вскоре получил ответ. В нем Н.А. Троицкий выразил свое удовлетворение моей готовностью к работе с его монографией.

Рукопись книги Н.А. Троицкого я прочитал с удовольствием. Меня очень волновало то обстоятельство, что я был одним из первых, а может быть, и первым читателем новой монографии выдающегося историка. Моя редакторская правка была корректной и вполне устроила автора. Не решенными оставались технические вопросы. В связи с этим, я должен дать небольшое пояснение. В советские времена алгоритм издания научных монографий был довольно однообразным. Ученый подготавливал к печати рукопись, она обсуждалась в какой-нибудь высокой инстанции и в случае положительной рекомендации отправлялась в печать. Этот процесс был муторным, но, если автору удавалось пройти ряд барьеров, книга издавалась за государственный счет. О ее распространении думал не автор, а издатели и сотрудники книжных магазинов. Научные издания часто выходили из печати многотысячными тиражами.

В постсоветские времена издательская ситуация в России стала совсем другой. Формальностей в приобретении ученым права издать свой научный труд стало гораздо меньше, но государство полностью устранилось от поддержки изданий научного характера. Особенно это было ощутимо в нашей стране в 1990-е годы. Сейчас ситуация немного изменилась к лучшему. В частности, появились различные, в том числе и государственные, гранты. Но проблему с изданием научной литературы они не решают. Поэтому значительную часть издательской нагрузки на себя взяли частные издательства. Одним из отличий современной издательской деятельности стало то, что выпускаются научные издания небольшими тиражами. Тираж 5000 экземпляров - явление редчайшее; чаще монографии выходят тиражом в 100-300 экземпляров, иногда он достигает

² Письмо по электронной почте А.И. Авруса С.Н. Полтораку от 3.10.2012.

до 500 экземпляров. Тысячный тираж по современным меркам большая удача.

При заключении договоров авторов с издателями, как правило, есть несколько принципиальных подходов к организации сотрудничества. Чаще всего автор сам оплачивает расходы по изданию монографии. Крайне редко автор может рассчитывать на получение гонорара, который обычно составляет сумму, не способную окупить даже затраты на подготовку рукописи. В некоторых, очень нечастых случаях, автор не оплачивает расходы на издание монографии, и при этом может рассчитывать на получение части тиража в качестве своеобразного гонорара. Именно этот последний вариант и был предложен мне самим автором. Но сначала подготовка книги к печати шла медленно. Мы с Николаем Алексеевичем без конца уточняли по телефону многочисленные детали, которые несведущему человеку покажутся несущественными. Например, нужно было принять оптимальное решение по поводу обложки монографии. Я честно сказал автору, что издание книги в твердом переплете удорожает его вдвое. Н.А. Троицкий поддержал мое предложение выпустить монографию в мягкой обложке. Но я заверил его, что над обложкой будет работать прекрасный дизайнер - Елена Александровна Тальянова, сотрудник, который трудится в моем издательстве с конца 1990-х годов. Елена Александровна очень одаренный человек. Она разработала макет обложек многих десятков книг. Именно она как дизайнер много лет готовит к печати журналы «Клио» и «История Петербурга».

15 февраля 2013 г. в Саратовском государственном университете начала работу научная конференция, в которой довелось принять участие и мне. Именно в тот день и состоялось наше очное знакомство с Н.А. Троицким. Наше общение было недолгим, но памятным. Нам как-то легко общалось. Думаю, что мы испытали чувство взаимной симпатии. Николай Алексеевич предложил мне издать его монографию скромным тиражом 200 экземпляров. Это был оптимальный вариант. Тиража вполне хватило бы, чтобы сделать книгу достоянием специалистов. Многие заинтересованные читатели и сейчас могут ознакомиться с ней в ведущих библиотеках страны.

После нашей встречи работа пошла значительно быстрее. 22 мая 2013 г. книга была подписана к печати, а в начале июня тираж был уже готов. 17 экземпляров монографии было отправлено в книжную палату, 30 экземпляров по почте получил автор, а остальные экземпляры были переданы оптовым покупателям. Книга разошлась мгновенно, став сразу же библиографической редкостью. Готовя книгу к печати, я не преследовал коммерческой выгоды - это был не тот случай. Бизнесмены меня не поймут, да и не надо. Зато меня хорошо поймут коллеги-историки, что куда важней.

Вероятно, свои авторские экземпляры монографии Николай Алексеевич получил по почте в начале июля 2013 года. Во всяком случае, 10 июля 2013 г. он подписал мне открытку с изображением картины В.М. Васнецова «Богатыри», на которой его чудесным почерком было написано: «Уважаемый Сергей Николаевич! Получил 30 экз. моих «Сказаний». Сердечное Вам спасибо за их благоустройство. Оформление книги мне очень понравилось. Высылаю Вам благодарственно - авторский экземпляр с пожеланиями всех благ, включая богатырское (как у Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, вместе взятых!) здоровье. С уважением и симпатией, Н. Троицкий».

Эта памятная для меня открытка была вложена в экземпляр монографии «Сказания о правде и кривде в исторической науке», а на титульном листе рукой Николая Алексеевича была сделана надпись: «Уважаемому Сергею Николаевичу с глубочайшей благодарностью за издательскую благосклонность к моим «Сказаниям». Н. Троицкий. 10.07.13».

Я часто беру в руки этот экземпляр книги и перечитываю отдельные страницы. Слышу его голос, словно сходящий с этих страниц: «За что я люблю народовольцев...»³. А я люблю историка и человека Н.А. Троицкого, с которым мне посчастливилось вместе трудиться над изданием его замечательной книги.

³ Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013. С. 181.

**УВАЖАЕМОМУ НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ОТ
АВТОРОВ...
(КНИГИ С АВТОГРАФАМИ
ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ Н.А. ТРОИЦКОГО)**

Е.Н. Манова

«Музей - усадьба Н.Г. Чернышевского»,
Главный хранитель фондов
e-mail: manova-el@mail.ru

В Музей - усадьбу Н.Г. Чернышевского в 2016 г. поступили книги из личной библиотеки Н.А. Троицкого. Они имеют автографы авторов и личный экслибрис историка. Библиотека Николая Алексеевича во многом состояла из книг известных российских историков, в том числе В.А. Твардовской, Б.С. Итенберга, Е.И. Чапкевича, П.П. Черкасова, С.В. Шведова, В.С. Мирзеханова, С.А. Мезина и мн. др. Творческие и личные отношения сложились у Н.А. Троицкого и со многими литераторами: Е.А. Таратутой, В.П. Ерашовым, Ю.В. Давыдовым, Ю.В. Трифоновым, И.Л. Волгиным. Коллекция будет в ближайшее время пополнена, а собирательская работа в этом направлении продолжена.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, освободительное движение, эпоха Наполеона, музей - усадьба Н.Г. Чернышевского/

**DEAR NIKOLAY ALEXEEVICH FROM AUTHORS...
(AUTOGRAPH BOOKS FROM THE PERSONAL LIBRARY OF
N.A. TROITSKY)**

E.N. Manova
(Saratov, Russia)

The museum-farmstead N.G. Chernyshevsky in 2016 received books from the personal library of N.A. Troitsky. They have autographs and personal bookplate historian. N.A. Troitsky library consisted of the books by famous Russian historians: V.A. Tvardovskaya, B.S. Itenberg, E.I. Chapkevich, P.P. Cherkasov, S.V. Shvedov, V.S. Mirzehanov, S.A. Mezin. Creative and personal relationships developed at N.A. Troitsky with many of the writers: E.A. Taratuta, V.P. Erashov, Yu.V. Davyдов, Yu.V. Trifonov, I.L. Volgin. The collection will soon be replenished, and the collecting work in this direction continues.

Key words: N.A. Troitsky; liberation movement; Napoleon era; museum - farmstead, N.G. Chernyshevsky.

В 2016 году в фонды музея - усадьбы Н.Г. Чернышевского поступило 28 книг из личной библиотеки доктора исторических наук, профессора СГУ им. Н.Г. Чернышевского Николая Алексеевича Троицкого. Н.А.Троицкий - один из крупнейших знатоков Отечественной войны 1812 года, история русской адвокатуры и народничества. Идеи основы народнического движения были заложены А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским, поэтому в своей научной деятельности Н.А. Троицкий многократно возвращался к исследованию деятельности Н.Г. Чернышевского, его взглядов и эпохи¹.

Это объясняет интерес нашего музея к наследию Николая Алексеевича. В настоящее время ведется научная обработка книг, поступивших в основной фонд музея. Издания, привезенные нами в музей из квартиры ученого, показывают, как расширялся круг знакомств Николая Алексеевича, его научные и исследовательские интересы, география мест изданий подаренных ему книг. Особую ценность представляют книги с автографами, адресованными самому известному историку Саратова. Свои инскрипты оставили люди разных поколений в период с 1971 по 2008 годы. Некоторые издания имеют личные экслибрисы ученого. Понятно, что приобретенные нами издания являются лишь малой частью огромной библиотеки саратовского историка.

В первую очередь хотелось бы рассказать о книгах отечественных историков, которые были, по признанию самого Николая Алексеевича, наиболее близки ему «по научным интересам и творческим связям»². Среди них книга «Граф Т.С. Лорис-Меликов и его современники» В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга, вышедшая в 2004 году в серии «Россия забытая и неизвестная. Государственные деятели и полководцы». Авторы книги на форзаце оставили автограф: «Дорогому Николаю Алексеевичу от авторов, которые его любят и помнят». С этими историками Н.А. Троицкого

¹ Троицкий Н.А. Восемь попыток освобождения Н.Г. Чернышевского // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 122-141; Он же. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002.

² Троицкий Н.А. Книга о любви. Саратов, 2006. С. 122.

связывали давние отношения. В 1966 году вместе с Твардовской и Итенбергом Николай Алексеевич участвовал во всесоюзной дискуссии по истории народничества в Институте истории АН СССР. Главным предметом спора была трактовка содержания эпохи 1860-х годов. Академик М.В. Нечкина считала, что это время революционной демократии во главе с А.И. Герценом и Н.Г. Чернышевским. Другая группа, возглавляемая, Б.С. Итенбергом, в которую вместе с Твардовской входил и Троицкий, полагала, что весь этап освободительного движения (1861-1895) был народническим, а Герцен и Чернышевский - основоположники народничества.

Позже, в 1971 году, Борис Самуилович Итенберг выступал оппонентом на защите докторской диссертации Николая Алексеевича. Он познакомился с диссертантом незадолго до этого на одном из вечеров, устроенных писателем Ю.В. Давыдовым. Много лет эти исследователи были единомышленниками в своих научных взглядах, но в 1999 году их пути несколько разошлись. Произошло это из-за дискуссии, развернувшейся вокруг сборника «Освободительное движение в России», ответственным редактором которого с 1986 года был Н.А. Троицкий. Как уникальное тематическое издание, сборник всегда пользовался уважением научного сообщества, несмотря на проявляющееся в науке стремление вычеркнуть освободительное движение из истории России.³ Было высказано мнение о возможности переименования сборника, изменив термин «освободительное» на «общественное». В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг считали, что первичными для историка должны быть факты, а не их интерпретация, которая меняется в соответствии со сменой политических курсов в нашей стране⁴. Н.А. Троицкий, в отличие от своих оппонентов, среди которых были В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, считал представление о «Народной воле» как партии главным образом террористической, «обывательским» и «бездоказательным». Валентина Александровна напротив, указывала на то, что оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропо-

³ Мезин С.А. Памяти Николая Алексеевича Троицкого // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 122.

⁴ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 214-215.

нимания, значит нарушить принцип историзма. Также В.А. Твардовская высказала предложение назвать редактируемое Н.А. Троицким издание «Общественная жизнь России XIX - XX вв.» или еще проще - «Саратовские исторические записки»,⁵ с чем никак не был согласен Николай Алексеевич.

К кругу своих единомышленников Троицкий относил и историка Владимира Александровича Федорова, заведующего кафедрой истории России периода XIX - начала XX вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Владимир Александрович подарил коллеге из Саратова свою книгу «М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев» из серии «История в лицах» с инскриптом: «Дорогому Николаю Алексеевичу Троицкому с глубоким уважением и неизменной симпатией». Книга имеет на переднем форзаце личный экслибрис Николая Алексеевича с изображением Наполеона.

Единомышленником Н.А. Троицкого был и Евгений Иосифович Чапкевич - автор более ста научных публикаций на различные темы. Но делом всей его научной жизни стало изучение наследия историка, академика Е.В. Тарле. Этой темой он увлекся будучи студентом и многие годы продолжал работу в этом направлении. В 1966 году увидела свет книга Евгения Иосифовича «Жизнь и деятельность Е.В. Тарле в дореволюционный период», в следующем, 1967 году - «О жизни и деятельности Е.В. Тарле в советский период», а в 1994 году - «Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле». Именно эти работы сделали имя Е.И. Чапкевича известным в академических кругах. Одну из книг, посвященную Тарле, Чапкевич подарил Николаю Алексеевичу с автографом. На книге присутствуют многочисленные пометы Троицкого: сделаны пометы, подчеркивания, замечены неточности в стиле изложения и фактические.

Особый интерес представляют издания с автографами коллег и учеников Николая Алексеевича, известных ныне российских историков. Среди них книги с автографами Петра Петровича Черкасова - доктора наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории Российской Академии наук, специалиста в об-

⁵ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? Круглый стол // Отечественная история. 1999. № 1. С. 8.

ласти истории Франции и российско-французских отношений XVIII—XX веков. Четыре книги Петра Черкасова хранились в личной библиотеке Н.А. Троицкого и поступили в фонды «Музея - усадьбы Н.Г. Чернышевского». В своих воспоминаниях Троицкий писал: «Душой отдыхал я в Москве у Петра Петровича Черкасова, который часто собирал у себя и московских, и саратовских друзей, знакомых, коллег»⁶. Один из автографов П.П. Черкасов оставил на книге «Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в.», которая была удостоена премии Е.В. Тарле. В 2001 г. вышло в свет продолжение этого исследования — монография «Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774—1792». На ней П.П. Черкасов написал: «Дорогому Николаю Алексеевичу в знак старой дружбы». Все книги П.П. Черкасова имеют многочисленные карандашные пометы на заднем форзаце. Именно здесь Николай Алексеевич указывал страницы, к работе над которыми он мог вернуться в своей исследовательской деятельности. Ещё одна сфера интересов П.П. Черкасова — историческая биография. Он является автором первых в отечественной исторической науке биографических книг о генерале Лафайете. В библиотеке Троицкого хранилась его книга «Лафайет. Политическая биография» с инскриптом. На полях имеются многочисленные пометы Николая Алексеевича, показывающие пример того, как надо работать с книгой.

В личной библиотеке Н.А. Троицкого находится много книг его учеников. Имеются в ней монографии (В.С. Мирзеханов «Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке» с автографом: «Дорогому Николаю Алексеевичу с самыми добрыми пожеланиями от автора»), и солидные сборники документов («Письма Екатерины II к Н.И. Салтыкову», подготовленные и прокомментированные С.А. Мезиным и Я.Н. Рабиновичем, с автографами авторов) и др.

Многие из этих изданий были использованы Николаем Алексеевичем в работе над основными темами его научной деятельности, как, например, книга Роберта Томаса Вильсона - первый и полный перевод сочинения английского генерала, находившегося в 1812 г. в ставке главнокомандующего российской армией, участ-

⁶ Троицкий Н.А. Книга о любви. С. 153.

вовавшего во многих боевых событиях кампании. Книга была подарена саратовскому ученому Сергеем Вячеславовичем Шведовым. Он защитил кандидатскую диссертацию у Н.А. Троицкого и стал авторитетным специалистом по войне 1812 года. Своему учителю он написал: «Николаю Алексеевичу Троицкому от С.В. Шведова с пожеланиями здоровья и успехов в науке. 15.09.2008». На нахзаце пометы карандашом, свидетельствующие о том, что и эта книга была использована Николаем Алексеевичем, в частности, для изучения личности Наполеона.

О разносторонних интересах Троицкого свидетельствуют издания с автографами известных советских писателей и литературоведов. Николай Алексеевич считал, что надо брать пример с Е.В. Тарле, который напечатал большое количество рецензий на романы и повести. Н.А. Троицкий в своих мемуарах писал, что «надо реагировать на то, как изображают историю беллетристы, имеющие несравненно больше читателей, чем историки»⁷. С многими беллетристами у Николая Алексеевича сложились творческие и личные отношения, вплоть до самых дружеских. Среди его единомышленников, по собственному признанию Н.А. Троицкого, были: Е.А. Таратута, В.П. Ерашов, Ю.В. Давыдов, Ю.В. Трифонов, И.Л. Волгин, В.Д. Оскоцкий, В.И. Савченко. Книги с автографами этих писателей поступили в фонды нашего музея.

Сюжеты этих литераторов пересекались с интересами саратовского историка. Николай Алексеевич рассказал в своих мемуарах о Евгении Александровне Таратуте, пережившей испытания сталинским ГУЛАГОм. С ней саратовского историка сблизил общий интерес к истории революционного народничества, одному из героев которого - С.М. Степняку-Кравчинскому посвятила свою книгу Е.А. Таратута⁸. Она же подарила в 1988 году книгу «История двух книг. "Подпольная Россия" Степняка-Кравчинского и "Овод" Этель Лилиан Войнич» с инскриптом: «Дорогому Николаю Алексеевичу на добрую память». На одной из страниц Н.А. Троицким в этой книге подчеркнуто предложение: «Хочется снова и снова рассказывать истории Стефановича, Лизогуба, Веры Засулич, но, прежде всего, историю самой благородной, самой чистой и самой

⁷ Троицкий Н.А. Указ.соч. С. 218

⁸ Там же. С. 123.

великой из них - Софьи Перовской»⁹. В 2014 году в результате многолетних научных исследований в издательстве Саратовского университета у Николая Алексеевича вышла книга «Софья Львовна Перовская. Жизнь, личность, судьба».

В своих мемуарах Николай Алексеевич вспоминает о том, что известный писатель Юрий Трифонов подарил ему свой роман «Нетерпение» с автографом. В фонды же нашего музея поступили «Повести и рассказы» Ю. Трифонова, изданные в 1971 году, с автографом: «Уважаемому Николаю Алексеевичу Троицкому - с благодарностью за «Народную Волю».

С писателем Юрием Владимировичем Давыдовым, узником сталинских лагерей, Лауреатом Государственной премии СССР, Николай Алексеевич дружил четверть века. Приезжая в Москву, бывал у него в гостях. Вполне понятно наличие в личной библиотеке Троицкого книг этого писателя. В своих мемуарах Николай Алексеевич упоминает, что Давыдов подарил ему восемь книг. На данный момент в фонды нашего музея поступила одна книга Юрия Владимировича - «Соломенная сторожка», с автографом: «Дорогому Николаю Алексеевичу - сердечно». В этой книге нами была обнаружена газетная вырезка с портретом писателя Юрия Давыдова. Интересным примером работы Н.А. Троицкого с книгой могут служить его пометы, как раз на романе «Соломенная сторожка», посвященном народовольцу Герману Лопатину. Это художественное произведение саратовский историк основательно проработал. На заднем форзаце книги многочисленные карандашные записи Троицкого, разбитые на разделы: документы (цитирование источников), факты, язык (интересно сформулированные художественные образы).

Судя по количеству дарственных надписей, их характеру, большая дружба связывала Николая Алексеевича с писателем В. Ерашовым. В личной библиотеке Н.А. Троицкого нами было обнаружено 4 книги это автора («Как молния в ночи. Документальная повесть о С.И.Гусеве»; «Бессмертные люди»; «Тогда и после. Повести»; «Коридоры смерти. Историко - фантастическая хроника. Рассказы») с его автографами. Книги были подарены за

⁹ Таратута Е. История двух книг. «Подпольная Россия» С.М.Степняка-Кравчинского и «Овод» Этель Лириан Войнич. М., 1987. С., 112.

период с 1978 по 1990 годы. Валентин Ерашов оставил один из наиболее длинных автографов, что свидетельствует о чрезвычайном уважении к саратовскому профессору: «Мое, так сказать, заочное уважение к Вам велико и искренне. В Ваших книгах отчетливо просматривается в числе прочего, и Ваша личность, весьма располагающая... Быть может, эта книга что-то раскроет и Вам в ее авторе...».

Поступили в фонды музея две книги с автографами известного русского писателя и историка Игоря Волгина. Автографы одинаковы по своему смыслу. «Дорогому Николаю Алексеевичу Троицкому с сердечной благодарностью на добрую память». Это надпись на книгу «Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах» (Серия. «Писатели о писателях») Игорь Волгин. Аналогичный автограф сделан и на книге «Последний год Достоевского». На заднем форзаце «Родиться в России» помета Троицкого карандашом «NB» с указанием страницы. Внимание историка привлек сравнительный анализ фигуры Наполеона: «Наполеон Толстого никогда не встанет в один ряд с Пушкиным и Шекспиром. Достоевский без видимых усилий сопрягает эти имена: деспотизм «высших способностей» отнюдь не устрашает его»¹⁰.

В 2002 году Троицкому был подарен первый полный вариант романа «Двенадцать стульев» с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана, изданный в 1997 году. Московский историк и литературовед Давид Маркович Фельдман оставил на книге автограф: «Николаю Алексеевичу - на память о веселом и интересном в работе и полемике. От одного из убежденных».

Николай Алексеевич был известен как очень вьедливый и строгий рецензент, но книги Владимира Савченко были среди тех, которые получали положительные отзывы историка. Такова книга «Редкий день. Повести и рассказы», на которой автор оставил дарственную надпись: «Дорогому Николаю Алексеевичу - в надежде на нескучные чтения».

В 1980 году литературный критик и историк литературы Валентин Оскоцкий презентовал Н.А. Троицкому свою книгу «Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического

¹⁰ Волгин И. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991. С. 156.

романа» с автографом следующего содержания «с давним и глубоким уважением с...надеждой на понимание».

«Николаю Алексеевичу Троицкому, доктору исторических наук, профессору, человеку, отдавшему все силы, чтоб люди лучше знали своих бессмертных героев», - написал Николай Строковский на титульном листе своей книги «Жизнь во втором чтении».

Исследование деятельности адвокатуры на политических процессах 1866 - 1904 года стало отдельной темой, которую изучал Николай Алексеевич, используя личные архивы фондов крупнейших русских адвокатов¹¹. Поэтому не случайно появление в библиотеке саратовского профессора книги В.И. Смолярчука, посвященной жизни и деятельности это известного адвоката¹².

Таков краткий анализ книг из личной библиотеки профессора Н.А. Троицкого. Имеются в этом ряду и солидные сборники документов, и монографии. Многие из изданий были использованы в работе над ключевыми темами исследовательской работы саратовского историка. На некоторые из изданий Николай Алексеевич написал рецензии, как например, на монографию В.А. Твардовской, исторические романы Ю.В. Трифонова, Ю.В. Давыдова, В.И. Савченко. СобираТЕЛЬСкая работа по пополнению личного фонда Н.А. Троицкого в фондах «Музея - усадьбы Н.Г. Чернышевского» будет продолжаться, а коллекция книг с автографами в ближайшее время пополнится. Проходят годы, уходят люди из окружения Троицкого и только книги Николая Алексеевича, остаются живым свидетельством личных, научных и духовных связей саратовского профессора.

¹¹ Троицкий Н.А. Судьбы российских адвокатов: биографические очерки и характеристики. Саратов, 2003; Он же. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006.

¹² Смолярчук В.И. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989.

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

УДК 1(430+470)(09)+929[Фихте+Фесслер]

ФИХТЕ И ФЕССЛЕР

Д.В. Горбачев

Поволжский институт управления
им. П.А. Столыпина
филиал РАНХиГС при Президенте РФ
e-mail: dmitr87@inbox.ru

Статья посвящена взаимоотношениям И.Г. Фихте (1762-1814) с немецким философом, историком, религиозным и общественным деятелем И.А. Фесслером (1756-1839), в то время, когда оба они участвовали в попытке реформы немецкого масонства в конце XVIII - начале XIX вв. Автор исследует причины сотрудничества и последующего конфликта двух мыслителей, сравнивает их взгляды на историю и цель масонства, рассматривает влияние Фесслера и Фихте друг на друга и последствия их общения.

Ключевые слова: Фихте, Фесслер, масонство, социальная философия, религиозная философия, гражданское воспитание

FICHTE AND FESSLER

D.V. Gorbachev

(Saratov, Russia)

The article is devoted to the problem for studying relations between I.G. Fichte (1762-1814) and I.A. Fessler (1756-1839), who was a German philosopher as soon as a religious and a public person, while they both took part in reform movement of German freemasonry at the end of the 18th cent.-at the beginning of the 19th cent. The author issues the reasons of their partnership and then their confrontation. The author also compares philosopher's views on history and masonry's target and studies their influence on each other and the effects of their communication.

Key words: Fichte, Fessler, Freemasonry, social philosophy, religious philosophy, education of citizens

Столкновение систем мировоззрения и идеологий, амбициозных личностей приносит не только конфликты, но может послужить и катализатором для формулирования и фиксации в законченной форме долгое время вызревавших идей и парадигм,

появления на свет знаковых сочинений, создаваемых порой в пылу полемики.

В масонской биографии Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814) такую роль сыграла история его сотрудничества и соперничества с Игнатием Аврелием Фесслером (1756-1839) - крупным философом, историком, писателем, церковным и общественным деятелем своего времени, оставившим заметный, хотя до сего дня ещё не до конца оценённый след в истории общественной жизни Австрии, Пруссии и России¹. Именно по итогам дискуссии с Фесслером появилось на свет главное масонское сочинение Фихте - «Философия масонства»², которое не только обобщало взгляды философа в сфере «королевского искусства», как любили называть своё учение вольные каменщики, но и в значительной мере выходило за пределы чисто масонской проблематики, раскрывая важные аспекты воззрений Фихте на общество и личность.

Вступив в орден в 1793 г. в Данциге (Гданьске), Фихте sporadически принимал в 1794-1799 гг. участие в работе ложи в городе Рудольштадте неподалёку от Йены, в университете которой он работал, и достиг степени мастера - третьей из множества ступеней посвящения в масонстве³.

Однако, переселившись в Берлин в июле 1799 г. - после скандала в Йене, связанного с обвинением в атеизме и стоившего ему работы - Фихте вскоре проявил намерение оживить свою масонскую карьеру на новом месте. В качестве наиболее вероятного поля деятельности опальный философ рассматривал великую ложу «Роял Йорк», где «делегированным гроссмейстером» (нем. der

¹ О биографии Фесслера см.: Горбачев Д.В. И.А. Фесслер - немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217-224; Горбачев Д.В. И.А. Фесслер в Саратове: администратор, историк и масон в зеркале документов // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: альманах. Выпуск I. Ставрополь - Капошвар - Москва, 2014. С. 59-68.

² Fichte J.G. Philosophie der Freimaurerei - Briefe an Konstant // Eleusinien des neunzehnten Jahrhunderts. Oder Resultate vereinigter Denker über Philosophie und Geschichte der Freimaurerei. Bd. 1. Berlin, 1802. S. 1-43; Bd. 2. Berlin, 1803. S. 1-60. Публикация на русском языке: Фихте И.Г. Философия масонства. Письма к Констану // Фихте И.Г. Наставление к блаженной жизни. М., 1997. С. 259-322.

³ Maurice F. Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fessler und die Reform der Großloge Royal York in Berlin. Tübingen, 1997. S. 292-293.

deputierte Großmeister)⁴, формально вторым лицом ложи и её идейным лидером являлся Фесслер.

Выбор в пользу «Роял Йорк» был не случаен. Из трёх функционировавших на тот момент в прусской столице «великих лож»⁵ именно она являлась оплотом масонов-реформаторов и именно в ней у отставного учёного имелось больше шансов быть принятым. Кроме того, именно с этой ложей Фихте успел ранее установить связи. Дружественная к его рудольштадтской ложе ложа из Нюрнберга в том же 1799 г. пожелала присоединиться к проводимой Фесслером реформе и войти в формирующуюся вокруг «Роял Йорк» федерацию лож, что было воспринято рудольштадтскими масонами сугубо положительно, т.к. позволяло и им вступить в престижное общение с великой ложей⁶. Свою роль сыграло и то, что один из важнейших берлинских знакомых Фихте - его бывший студент И.В. Зюверн⁷ являлся вторым надзирателем ложи «Пифагор к пламенеющей звезде» («Pythagoras zum flammenden Stern»), дочерней по отношению к «Роял Йорк»⁸.

⁴ Об избрании Фесслера на эту должность 5 июня 1797 г.: *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte über Freymaurerey. Bd. 2. Abth. 1. Dresden, 1804. S. 102-103.*

⁵ Указом короля Фридриха-Вильгельма III от 20 октября 1798 г. была разрешена деятельность только тех лож, которые входили в состав трех Великих лож Берлина, взятых монархом под покровительство, каждая из которых возглавляла свою федерацию дочерних лож: Великая государственная ложа Пруссии (Große Landesloge von Preussen), Великая ложа «Роял Йорк к дружбе в Берлине» (Große Loge «Royal York zur Freundschaft in Berlin»), Великая национальная материнская ложа «К трём глобусам» (Große National-Mutterloge «Zu den drei Weltkugeln»).

⁶ *Maurice F. Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fefiler und die Reform der Grofiloge Royal York in Berlin. Tübingen, 1997. S. 293.*

⁷ Зюверн, Иоганн Вильгельм (Süvern, Johann Wilhelm) (1775-1829) - прусский преподаватель и служащий, сыгравший важную роль в реформировании образования в период после Тильзитского мира. См.: *Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 37. Leipzig, 1894. S. 206-245.*

⁸ 11 июня 1798 г. из ложи «Роял Йорк» было по инициативе Фесслера выделено четыре дочерних ложи: «Фридрих Вильгельм к коронованной справедливости» («Friedrich Wilhelm zur gekrönten Gerechtigkeit»), «К побеждающей истине» («Zur siegenden Wahrheit»), «Урания к бессмертию» («Urania zur Unsterblichkeit») и «Пифагор к пламенеющей звезде» («Pythagoras zum flammenden Stern»); а сама «Роял Йорк» провозглашена «великой ложей», что и положило начало формированию федерации лож во главе с ней. См.: *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 2. Abth. 1. S. 272-273.*

Фесслер со своей стороны также предпринимал шаги по наведению мостов: ещё в 1797 г. он поручил К.А. Бёттигеру⁹, отвечавшему в «Роял Йорк» за связи с другими ложами, наладить контакт с Фихте. Он не сумел встретиться с Фихте сразу по его приезду в Берлин ввиду необходимости срочно закончить подготовку очередного издания своего наиболее успешного у публики романа «Марк Аврелий», а после этого отбыть в двухмесячную поездку по северу Германии, имевшую большое значение для налаживания контактов среди немецких интеллектуальных и масонских кругов¹⁰. Игнатий Аврелий, тем не менее, и во время путешествия использовал возможности разузнать о будущем союзнике побольше: в Йене Фесслер спрашивал своего друга и соратника по силезскому «Союзу Эвергетов»¹¹ К.Ф.Э. Фроммана¹², знавшего Фихте лично, про качества недавно уволенного профессора. Фромман отозвался в целом положительно, отметив, однако, упрямство и самоуверенность Фихте¹³. Там же Фесслер не преминул познакомиться с Мари-

⁹ Бёттигер Карл Август (Böttiger, Karl August) (1760-1835) - филолог, археолог и журналист, работавший в Веймаре и Дрездене, почётный член Петербургской Академии наук. См.: Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 3. Leipzig, 1876. S. 205-207.

¹⁰ Fessler I.A. Rückblicke auf seine siebenjährige Pilgerschaft. Bresslau, 1824. S. 291-325.

¹¹ «Союз Эвергетов» (от др.- греч. Ευεργέτης - благодетель) - тайное общество околomasонского толка, действовавшее в Силезии в 1791-1797 гг. Фесслер, проживая тогда в Силезии, участвовал в нём в 1792-1795 гг., отстаивая исключительно нравственно-просветительскую направленность общества в противовес участникам, выдвигавшим задачи политических преобразований. Результатом споров впоследствии явилось обширное сочинение Фесслера о его пребывании в данном союзе: Fessler I.A. Actenmäßige Aufschlüsse über den Bund der Evergeten in Schlesien. Freyberg, 1804.

¹² Фромман, Карл Фридрих Эрнст (Frommann, Carl Friedrich Ernst) (1765-1837) - йенский издатель, сотрудничавший со многими крупными писателями и философами своего времени, включая Шеллинга и Гегеля. См.: Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 8. Leipzig, 1878. S. 140-143.

¹³ Фесслер отмечал в своём дневнике: «Фромман уверял многократно, что Фихте обладает большими познаниями об Ордене. Он много размышлял об этом хотел бы, что бы я сблизился с Фихте по моему возвращению в Берлин, поскольку этот человек при всех его особенностях всё же мог бы сослужить ложе надёжную службу. Под этими особенностями он понимал в первую очередь то, что всякий человек, который хоть сколь-нибудь берётся рассуждать на какую-либо философскую тему на собственный манер, рискует, что Фихте скажет ему следующее: «Мой друг, не стоит ничего говорить

ей Иоанной Фихте, супругой философа, не переехавшей на тот момент ещё в Берлин¹⁴.

Таким образом, оба мыслителя были заинтересованы в сотрудничестве: оба они были масонами, недовольными положением дел в ордене на тот момент, оба хотели его реформировать в духе общественной пользы, и оба испытали сильное влияние моральной философии Канта.

Кроме того, способствовали сближению и прагматические соображения: импульсивный и неуступчивый Фихте, лишившийся места и являющийся потенциально подозрительной для властей фигурой, рассчитывал поправить свои дела за счёт покровительства со стороны влиятельного столичного масона, вхожего в бюрократические круги¹⁵ и пользующегося благонадёжной репутацией у монарха¹⁶. В свою очередь Фесслер, испытывавший постоянное противодействие со стороны консервативно настроенных масонов и в силу личных качеств не склонный лично идти на прямой конфликт, рассчитывал укрепить свои позиции, приобретя помощника в лице

о том, в чём ничего не понимаешь. В этом ты должен мне попросту верить». Цит. по: *Maurice F. Op. cit. S. 295.*

¹⁴ *Maurice F. Op. cit. S. 295.*

¹⁵ В 1798 г. Фесслер устроился на государственную службу юристконсультантом по духовным и образовательным вопросам в земле Новая Восточная Пруссия, а с 1800 г. - в земле Южная Пруссия. Эти посты он занимал до ликвидации обеих этих провинций и включения их территорий в новообразованное Великое Герцогство Варшавское в 1807 г. Всё это время Фесслер жил сначала в Берлине, потом в его окрестностях, выполняя свои служебные обязанности дистанционно. См.: *Fessler I.A. Rückblicke... S. 278.* Фихте также писал, что Фесслер как фактический глава ложи пользовался расположением короля и министра Ф.В. Шуленбурга, «человека наиболее важного и, в то же время, одного из самых опасных в прусской монархии». См.: *Fichte J.G. La philosophie de la maçonnerie et autres texts. Vrin, 1995. P. 188-189.* Покровительствовал Фесслеру и Иоганн (Ганс) Рудольф фон Бишоф(с)вердер (*Bischoff(s)werder, Johann (Hans) Rudolf von*) (1741-1803) - прусский генерал, масон и розенкрейцер, возвысившийся благодаря дружбе с Фридрихом Вильгельмом, когда тот был ещё кронпринцем, во время «Картофельной» Войны за баварское наследство. См.: *Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 2. Leipzig, 1875. S. 675-678.*

¹⁶ В 1797 г. Бишофсвердер спас Фесслера от ареста по делу «эвергетов», представив монарху экземпляр «Марка Аврелия», благодаря которому у короля сложилось впечатление о Фесслере как о «монархически настроенном» подданном, который просто не мог участвовать ни в каком заговоре. См.: *Fessler I.A. Rückblicke... S. 276.*

незаурядного интеллектуала и яростного полемиста, коим был Фихте.

Впервые Фесслер и Фихте лично встретились 22 сентября 1799 г. в саду ложи «Роял Йорк», куда Фихте был приглашён гроссмейстером ложи Ф.В.А. Селлентином¹⁷, явно не без ведома Фесслера¹⁸. Произведя на Фесслера приятное впечатление и подтвердив сходство их взглядов на масонство как на призванный быть общественно-полезным институт, Фихте получил спустя два дня предложение «со всей силой посвятить себя ордену и ложе «Роял Йорк»¹⁹.

Заручившись негласным одобрением своего начальника на государственной службе - министра по делам Восточной, Западной и Новой Восточной Пруссии Ф.Л. Шрёттера - Фесслер начал продвигать опального философа по масонской карьерной лестнице. Уже 10 октября 1799 г. Фихте было доверено выступить с речью «Об истинной цели масонства и масонских иероглифах» перед вольными каменщиками высших степеней посвящения в дочерней для «Роял Йорк» ложе «Урания к бессмертию», что помогло ему продемонстрировать свои познания в «королевском искусстве» перед влиятельными членами и снискать их расположение перед предстоящим Фихте посвящением в высшие степени «Фесслеровой системы»²⁰.

Фесслер взялся лично готовить своего протеже к предстоящей «экзаменовке», разъяснив и предоставив ему (под обещание ничего не разглашать и не копировать) материалы, описывающие содержание и ритуалы IV, V и VI степеней посвящения, разработанных самим Фесслером²¹.

¹⁷ Селлентин, Фридрих Вильгельм Август фон (Sellentin, Friedrich Wilhelm August von) (1730-1807) - прусский чиновник, тайный советник. Гроссмейстер ложи «Роял Йорк к дружбе в 1798-1801 гг. См.: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. 2. Auflage. Bd. 3. Leipzig, 1867. S. 278-279.

¹⁸ Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 2. Abth. 1. S. 320-321.

¹⁹ Ibid. S. 321.

²⁰ Ibid.. S. 322.

²¹ Ibid. S. 323-324. В ходе завершённой к маю 1799 г. ревизии высших степеней Фесслер переработал старую французскую систему, применявшуюся прежде в «Роял Йорк», и получил новую, состоящую из пяти степеней и отличающуюся смешением немецких и французских терминов в описании данных ступеней. IV степень, следующая непосредственно за тремя голубыми иоанитовыми «градусами», называлась степенью «Шотландского красного масонства» (фр. Ecosais rouge) или «Совершенного мастера» (нем. Vollkommende Baumeister), и должна была представлять идеальный символ

1 ноября 1799 г. Фихте без затруднений выдержал экзамен в «Роял Йорк» и был принят в её ряды, напутствуемый приветственной речью Фесслера, руководившего заседанием²². Уже 5 и 9 ноября Фесслер передал Фихте материалы, касающиеся VII и VIII степеней посвящения соответственно²³, явно намереваясь ковать железо пока горячо и как можно скорее вывести своего свежеиспечённого соратника на верхние этажи орденовой иерархии.

Однако уже в это время в наметившемся альянсе двух философов стали проступать первые, пока ещё едва заметные трещины. Не сдержанный на язык Фихте прямо после только что выдержанного в ложе экзамена не удержался от того, чтобы на вопрос вежливости: «Как вам наша деятельность?» - от «великого секретаря»

борьбы за нравственный порядок в мире. Ложа в этом «градусе» должна была стать школой моральной культуры, подготавливающей через «царство смертей» наступление абсолютного царства нравственного закона. Её целями являются прогресс сознания, развитие внутренней жизни человека, супрематии в нем божественного. Направление этого «градуса», обозначенное Фесслером: культура чистой морали, развивающаяся в чистоте помыслов и подчиняющаяся закону ради торжества «святости разумного порядка». V «градус» - степень «Шотландского зелёного масонства святого Андрея» (фр. *Ecosais vert de St. Andre*) или «Рыцарь святого Андрея» (нем. *St. Andreas-Ritter*) - был призван помочь оступившимся братьям исправить свою ошибку, одержать победу над эгоизмом ради любви к другому, его формула: осознать свое несовершенство и возобновить свои усилия по внутреннему самосовершенствованию. На VI ступени - «Рыцарь могилы» (нем. *Ritter des Grabes*) масона следовало подготавливать к вечности, внушая ему пренебрежение ко всему временному, земному и ориентируя на вечные духовные ценности. VII степень - «Рыцарь орла» (фр. *Chevalier de l'Aigle*) или «Просветлённый рыцарь розы и креста» (нем. *Erleuchteter Ritter vom Rosen-Creuz*) - была предназначена напоминать о великих учителях человечества. Среди таковых первым Фесслер видел Христа и предлагал его в качестве идеала масонам. На этой степени посвящения предусматривался специальный праздник в честь Христа, в котором бы соединились символы рационалистической веры, надежды, любви и креста, подчеркивающего неизбежность победы истины. На последней, VIII ступени - «Избранник Нового Иерусалима» (нем. *Auswählte des Neuen Jerusalem*) - член братства должен был получить «гражданство в вечном Царстве Божьем путём глубочайшего осознания нравственного закона и чистого благочестия. См.: *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 2. Abth. 1. S. 120-122.*

²² Ibid. S. 325-326.

²³ Ibid. S. 327.

(нем. *der Großsekretär*) А.Л. Наторпа²⁴, ответить: «Ваши толкования и разъяснения хороши, но бывают ещё и лучше»²⁵. Рассматривая орден в первую очередь как площадку для продвижения собственных идей, Фихте быстро начал проявлять несогласие со взглядами Фесслера на историю масонства, а также разошёлся с ним в вопросах религии, однако процесс сотрудничества и нарастания разногласий оказался временно заморожен из-за отъезда Фихте в начале декабря в Йену, где ему надо было уладить оставшиеся дела и забрать семью²⁶.

Вскоре после того, как Фихте в марте 1800 г. вернулся в Берлин, Фесслер предложил ему выступить перед собратьями по ордену с лекциями о масонстве²⁷, рассчитывая, очевидно, что они будут звучны его реформаторским планам. Предложение было принято, однако именно эти лекции, прочитанные в ложе «Роял Йорк» 13 и 27 апреля 1800 г.²⁸, наглядно продемонстрировали, что, будучи недовольны существующим положением дел в ордене, пути его преобразования оба философа видели совершенно по-разному, поскольку различно толковали сами цели масонской деятельности.

Оригинальные тексты данных лекций не сохранились, однако впоследствии, когда и Фихте, и Фесслер уже покинули ложу «Роял Йорк» и конфликт между ними был исчерпан, эти лекции - возможно, с использованием материалов первой масонской лекции Фихте от 10 октября 1799 г. - были опубликованы под названием «Философия масонства» в издававшемся под редакцией Фесслера и его соратника по реформе масонства Иоганна Фишера²⁹ сборнике «Элевсинии девятнадцатого века». Форма сочинения при издании была сильно изменена - лекции были переработаны в виде шестнадцати писем. Стремясь придать этой «переписке» вид «правдо-

²⁴ Наторп, Август Людвиг (Natorp, August Ludwig) (ум. 1808) - член Берлинского общества морской торговли - «великий секретарь», архивист и библиотекарь ложи «Роял Йорк к Дружбе».

²⁵ *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte....* Bd. 2. Abth. 1. S. 326-327.

²⁶ *Ibid.* S. 327-328.

²⁷ *Ibid.* S. 328.

²⁸ *Ibid.* S. 329-330.

²⁹ Фишер, Иоганн Карл Август Кристиан (Fischer, Johann Karl August Christian) (1765-1816) - вице-директор лицея из Нижней Силезии, член Внутреннего Востока ложи «Роял Йорк к Дружбе». См.: *Allgemeines Handbuch der Freimaurerei*. 3. Auflage. Bd. 1. Leipzig, 1900. S. 288.

подобности», редакторы³⁰ снабдили её многочисленными вставками и откликами автора на письма его воображаемых корреспондентов, которых в реальности не существовало. При этом второе письмо³¹, содержащее нехарактерные для других работ Фихте высказывания и умозаключения, считается целиком сочинённым Фишером³², в то время как аутентичность содержания остальных не вызывает у исследователей сомнений.

Фесслер видел целью ордена нравственное и религиозное просвещение и совершенствование братьев, полагая, что на этом поприще масонство способно дополнять собой публичные институты, беря на себя недоступные им задачи³³. В конечном же счёте орден в представлении Фесслера должен был служить воплощению его идеала гармоничного общества, основное условие существования которого мыслитель видел в воспитании нравственно достойных граждан, соблюдающих нормы морали не из страха наказания, но под влиянием внутреннего убеждения³⁴.

Высказывая сходное мнение, что тайное общество должно брать на себя лишь те функции, которые невозможно реализовать в

³⁰ «Лекции брата Фихте были с его согласия переработаны редакторами «Элевсиний» в форму писем...» *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 2. Abth. 1. S. 330.*

³¹ *Фихте И.Г. Философия масонства... С. 266-273.*

³² *Maurice F. Op. cit. S. 309.*

³³ «Масонство есть искусство вольных каменщиков. Оно способствует в своих соратниках тому, чему не может способствовать ни государство, ни церковь, ни какое-либо иное человеческое установление; и тому, что тем не менее непременно необходимо, чтобы придать людям в государстве и обществе нравственную полноту» См.: *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 1. Zweite verbesserte und mit einem Anhang versehene Auflage. Freyberg, 1805. S. 16.*

³⁴ «Самое главное – это законы, но они и при самом справедливом и самом мудром правительстве являются и остаются бессильными, если они не поддерживаются всеобщим вниманием и честностью граждан». См.: *Fessler I. A. Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jaerige Pilgerschaft. Breslau, 1826. S. 287.*

«Чтобы прочно установить порядок правления на основе господства законов, нужно сперва взрастить и мощно вызвать к жизни проникнутый чистой нравственностью образ мысли граждан государства». См.: *Ibid. S. 290.* О взглядах Фесслера на социум и политику см.: *Горбачев Д.В. Общественно-политические взгляды И.А. Фесслера / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2012.*

рамках публичных институтов «большого» общества, в противном же случае предпочтительно действовать открыто и гласно³⁵, Фихте, тем не менее, полагал, что просвещение и религиозно-нравственное развитие в качестве потенциальных целей масонства отпадают, так как их, с точки зрения Фихте, следовало поручить публичным образовательным, просветительским и религиозным организациям, не пытаясь подменять их тайными обществами³⁶. Кроме того, Фихте считал нравственное совершенствование исключительно индивидуальным, сокровенным процессом, требующим напряжённой внутренней рефлексии и не терпящим никакого вмешательства со стороны других людей, а потому не представлял, как этого можно достигнуть в каком бы то ни было коллективе³⁷.

Настоящей целью масонства Фихте видел преодоление одно-сторонности образования, образа жизни и образа мышления, которая является следствием разделения общества на различные сословия, классы и иные социальные и профессиональные группы³⁸. Формально дистанцируясь в своих масонских рассуждениях от всякой политики³⁹ и предпочитая говорить не о социально-правовых различиях в положении сословий в тогдашнем Прусском государстве⁴⁰ (где на момент публикации рассматриваемого сочинения ещё даже не было отменено крепостное право), а лишь о различиях в занятиях и воспитании между разнообразными группами подданных, Фихте, тем не менее, не скрывал, что конечной целью сближения представителей различных социальных страт в рамках ордена является непрерывный прогресс общества, двигателем ко-

³⁵ Фихте И.Г. *Философия масонства...* С. 277-278.

³⁶ Там же. С. 278.

³⁷ Там же. С. 301.

³⁸ Там же. С. 280. «... Подлинное стремление к облагорожению своей души весьма нежно и стыдливо, <...> оно удаляется в себя и решительно не поддается сообщению. Никогда не выразил я своего нравственного усовершенствования словами перед собой самим; как же стал бы я облекать его в слова перед другими!». Там же. С. 282.

³⁹ «... Было бы так же глупо и смешно, если бы члены масонского ордена желали втайне заниматься изготовлением хороших сапог, как если бы они собрались реформировать государство в целом или в частях». Там же. С. 278.

⁴⁰ Следует отметить, что немецкий термин «*der Stand*» означает не только конкретно «сословие» как социально-правовую категорию, но и просто «состояние», «положение», что давало Фихте определённую свободу «лексического манёвра», позволяя делать вид, что он не говорит о сословном неравенстве.

торого должны стать воспитанные им «наиболее пригодные члены обширного общества», свободные от сословной ограниченности⁴¹.

При всём сходстве фразеологии Фесслера и Фихте, последний формулировал свои социально-политические цели более конкретной и радикальной, насколько это было возможно в условиях Пруссии начала XIX в., что не могло понравиться осторожному и «благонадёжному» Фесслеру.

Различны оказались и взгляды философов на средства достижения поставленных в рамках масонства целей. Если Фесслер огромное значение придавал эмоциональному воздействию на «братьев» путём театрализованных ритуальных мистерий⁴², то Фихте, не смотря на то, что сам при первом ознакомлении, по свидетельству Фесслера, был впечатлён ритуалами высших степеней «Роял Йорк»⁴³, считал эффект такого воздействия недолговечным и признавал полезными лишь рациональное обучение и личный пример⁴⁴.

Ещё осенью 1799 г. Фихте, по свидетельству Фесслера, предлагал ему «создать целиком рациональные философские ритуалы и единообразно отправлять их в отсутствии «навещающих» братьев, для которых можно продолжать использовать устаревшие»⁴⁵. Таким образом, ратуя за единение в масонстве граждан независимо от состояния и уровня образованности, Фихте, тем не менее, был не прочь создать тайное общество внутри тайного общества, в котором «учёные» масоны были бы обособлены от «профанных». Хотя такая «конспиративная» инициатива не нашла поддержки у Фесслера, можно на наш взгляд обоснованно предполагать, что идея создания «рациональных философских ритуалов» оказала влияние на предпринятую вскоре Фесслером новую переработку «высших степеней» в «Роял Йорк», в результате которой на смену мистическим «степеням посвящения» пришли «исторические степени познания»⁴⁶.

⁴¹ Фихте И.Г. Указ. соч. С. 291.

⁴² Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte.... Bd. 2. Abth. 1. S. 324.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Фихте И.Г. Указ. соч. С. 299-300.

⁴⁵ Цит. по: Maurice F. Op. cit. S. 302.

⁴⁶ Проект, представленный в Фесслером в ложу 29 августа 1800 г., предусматривал сохранение лишь трёх классических «иоанитовых степеней посвящения»: ученик, подмастерье и мастер, которые были введены в ордене ещё при его основании, будучи заимствованы из средневековых ремеслен-

Разошёлся Фихте со своим покровителем и в трактовке истории возникновения масонства и роли в нём христианского учения. Фесслер искал истоки масонства в учении ессеев⁴⁷, последователем которого он считал и Христа. Далее, по Фесслеру, тайная сторона христианского учения непрерывно передавалась по исторической цепи «еретических» с точки зрения официальной церкви сект, пока не нашла своё воплощение в масонстве. С точки зрения Фесслеровой историософии данная схема представлялась если не подтверждённой, то правдоподобной, что, с точки зрения Фесслера, давало ей право на существование⁴⁸.

Фихте с самого начала относился к этой теории со скептицизмом, как отрицая свойственное Фесслеру весьма субъективистское отношение к историческим фактам, полагая, что в отношении исторического события возможны лишь два варианта - или оно точно было, или его точно не было, независимо от трактовок наблюдателей; так и ставя под сомнение само существование Христа⁴⁹.

При этом в своей трактовке предыстории масонства Фихте во все исходил не из исторических гипотез, а из чисто философских рассуждений. В его версии тайные сообщества, предшествовавшие вольным каменщикам, имеют ещё более древнюю историю, чем в версии Фесслера, и появились сразу после того, как человечество вышло из «естественного состояния» и образовало цивилизованное общество, с его неоднородностью и противоречиями, для снятия которых и нужна, по Фихте, «тайная культура», существование

ных цехов. Посвящение в более высокие «градусы» для «братьев», обладающих степенью мастера, предлагалось заменить на прохождение курса занятий, в котором должна была поэтапно излагаться истинная история масонского ордена, сущности «высших степеней», содержание различных «систем» (течений в масонстве) и «истинные цели масонства» - «нравственное воспитание братьев». См.: *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 340-354.*

⁴⁷ Ессеи - иудейская секта, обособленные общины которой существовали во II в. до н.э. - I в. н.э. По мнению некоторых исследователей могли оказать влияние на формирование раннего христианства. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. ХІА. С. 684-685.

⁴⁸ Об исторической концепции Фесслера см.: *Горбачев Д.В. Общественно-политические взгляды И.А. Фесслера. Автореф...к.и.н. Саратов, 2012.*

⁴⁹ Согласно неопубликованным фрагментам дневника Фесслера: «При этом брат Фихте возражал, что историческое существование [в оригинале буквально: «Dagewesenseyn» - «существование в прошлом» - Д.Г.] какого бы то ни было Иисуса не представляется доказуемым». Цит. по: *Maurice F. Op. cit. S. 301.*

«непрерывной цепи» которой философ умозрительно предполагал на протяжении всей истории цивилизации⁵⁰. С точки зрения Фихте, такая теория даже не нуждалась по сути ни в каких документальных доказательствах, поскольку передача «тайных знаний» предполагалась им исключительно устной на протяжении тысячелетий⁵¹. Таким образом, Фесслеров принцип «так могло быть» заменялся у Фихте на «так точно было, потому что должно было быть».

При этом масонская идея у Фихте фактически теряла специфически христианскую окраску, поскольку различия между отдельными вероучениями он рассматривал лишь как «национальную, внешнюю форму религиозности», полагая глубинную суть веры, постигаемую масонами, единой для всех людей и народов⁵².

Стоило разладу меж двумя реформаторами обозначиться, как он коснулся и других членов ложи из круга Фесслера. По утверждениям И.Г. Роде⁵³, уже после снискавшей успех у братьев лекции 13 апреля 1800 г. воодушевлённый Фихте заявлял ему, что если бы Зюверн и «ещё пара таких людей» присоединились к нему, «то от Фесслеровой системы в ложе «Роял Йорк» не осталось бы камня на камне»⁵⁴. После лекции 27 апреля, закрепившей успех Фихте, уже Зюверн якобы заявил Роде, что «если Фихте представит ещё больше таких лекций, то Фесслерова система в ложе «Роял Йорк» будет разрушена». На что Роде ответил, что если Зюверн останется в Берлине «и ещё некоторые захотят с ним (т.е. с Фихте. - Д. Г.) объединиться, то его взгляд на масонство вскоре мог бы стать господствующим»⁵⁵. Роде не преминул пересказать этот разговор Фесслеру, а Зюверн тогда же оповестил о нём Фихте, который предпочёл лично объясниться с Фесслером. Теперь затруднительно однозначно сказать, было ли это интригой Роде с целью рассорить философов, или Фихте действительно питал подобные честолюбивые планы, но разногласия Фесслера и Фихте были не выдуманы, а личный

⁵⁰ Фихте И.Г. *Философия масонства...* С. 312-314.

⁵¹ Там же. С. 318.

⁵² Там же. С. 302-303.

⁵³ Роде, Иоганн Готтлиб (Rhode, Johann Gottlieb) (1762-1827) - издатель из Берлина - второй надзиратель ложи «Фридрих-Вильгельм к коронованной справедливости» (дочерней ложи «Роял Йорк к Дружбе»). См.: *Allgemeine Deutsche Biographie*. Bd. 28. Leipzig, 1889. S. 391-392.

⁵⁴ Цит. по: *Maurice F.* Op. cit. S. 303.

⁵⁵ *Ibid.*

разговор лишь ненадолго отсрочил перерастание конфликта в открытую фазу.

8 мая 1800 г. Фихте был без проблем избран членом «Внутреннего Востока»⁵⁶ «Роял Йорк», что вводило его в круг руководителей ложи. Окрылённый успехом Фихте попытался 23 мая избраться на пост старшего мастера (нем. *Obermeister*), но проиграл Фишеру и должен был довольствоваться местом старшего оратора (нем. *Oberredner*) ложи⁵⁷.

Катализатором конфликта стало обсуждение проекта нового устава («учредительного договора») великой ложи, составленного под влиянием Фесслера. Данный проект⁵⁸ фактически вручал ему как делегированному гроссмейстеру полномочия, равные полномочиям главы ложи, а вопросы управления ложей и её федерацией, а также избрания её высших должностных лиц поручал двухпалатному собранию представителей лож, состоящих в объединении. «Внутреннему Востоку» же оставались лишь вопросы ритуального характера.

Недовольный тем, что, казалось бы, только что полученная возможность непосредственно влиять на управление ложей ушлыкает из его рук, Фихте попытался оспорить инициативы Фесслера, требуя расширения полномочий «Внутреннего Востока», что привело к первой прямой ссоре между ними 6 июня на заседании в ложе⁵⁹. Фесслер отверг все предложенные Фихте поправки, аргументируя это тем, что при сохранении иерархизированного и элитарного характера управления великой ложей все результаты реформ могут быть утрачены в результате интриг и провокаций⁶⁰. В итоге предложения Фихте не были поддержаны ложей и не вошли в окончательную редакцию учредительного договора, принятую в августе 1800 года.

⁵⁶ «Внутренний Восток» («*Innerste Orient*») - руководящий орган ложи «Роял Йорк», пришедший 3 июня 1797 г. по инициативе Фесслера на смену консервативному «Тайному Совету» («*Conseil Sublime*»). *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 94.*

⁵⁷ *Ibid.* S. 330.

⁵⁸ В утверждённой редакции опубликован как: *Grundvertrag der Grossen Freymaurer-Loge Royale York zur Freundschaft oder des unter Constitution und zu dem Systeme der Grossen Mutterloge R[oyal] Y[ork] z[ur] F[reundschaft] vereinigten Logenbundes. Zweyte, durchaus revidierte Auflage. Berlin, 1800.*

⁵⁹ *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 330-331.*

⁶⁰ *Ibid.* S. 331.

Дальнейшему нагнетанию конфликта во многом послужило недоразумение. 8 июня Фесслер узнал, что Ганс фон Хельд⁶¹, его бывший соратник и оппонент по «Союзу Эвергетов», прибыл в Берлин и направил королю собственные предложения по реформированию масонства⁶². Считая Хельда масонским «недоучкой»⁶³ и зная его тягу к политизации тайных обществ, Фесслер выступил на собрании в ложе с речью «Благоразумие и справедливость, основы ложи»⁶⁴, в которой предостерегал «братьев» от увлечения «идеальными моделями» ордена и политической активности.

Фихте, присутствовавший на заседании и ничего не знавший о конфликте Фесслера с Хельдом, принял его критику на свой счёт, полагая, что бывший союзник оспаривает его представления о сущности и цели масонства⁶⁵. В качестве «ответа» 24 июня, в особо почитаемый масонами день Св. Иоанна, при большом и праздничном собрании «братьев» старший оратор ложи с трибуны обрушился с критикой на делегированного гроссмейстера. Обескураженные участники собрания ответили ему недовольным гулом и вынудили прервать речь, не закончив её. После того, как порядок был восстановлен, слово взял Фесслер, постаравшийся разъяснить присутствовавшим, что произошло недоразумение, и он не желал задеть Фихте своей речью от 15 июня⁶⁶.

Фесслеру и Фихте удалось, казалось бы, окончательно прояснить ситуацию и найти примирение спустя два дня⁶⁷, однако уже 27

⁶¹ Хельд, Ганс Генрих Людвиг фон (Held, Hans Heinrich Ludwig von) (1764-1842) - прусский чиновник, писатель и историк. Впоследствии - деятель патриотического движения в Пруссии. См.: *Held H. Patriotenspiegel für die Deutschen in Deutschland: Ein Angebinde für Bonaparte, bey seiner Kayserkrönung. Teutoburg, 1804.*

⁶² *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 332.*

⁶³ По утверждению Фесслера, Хельд имел лишь степень ученика - низшую в масонстве. *Ibid. S. 332.*

⁶⁴ Опубликовано впоследствии в одном сборнике с «Философией масонства» Фихте: *Fessler I.A. Klugheit und Gerechtigkeit, die Grundfesten einer Loge // Eleusinien des neunzehnten Jahrhunderts. Oder Resultate vereinigter Denker über Philosophie und Geschichte der Freimaurerei. Bd. 1. Berlin, 1802. S. 207-220.*

⁶⁵ *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 334.*

⁶⁶ *Ibid. S. 333-335.*

⁶⁷ *Ibid. S. 335-337.*

июня Фихте вступил в ложе в острую перепалку с другим противником - Фельдманом⁶⁸.

В условиях непрекращающихся скандалов и пошатнувшегося в глазах «братьев» авторитета, Фихте пришёл к выводу, что продолжение его деятельности в «Роял Йорк» не имеет смысла и 28 июня уведомил Фесслера о том, что оставляет должность старшего оратора⁶⁹, а 4 июля 1800 г. - и о том, что навсегда прекращает свою деятельность в ложе⁷⁰.

Недолгая история участия Фихте в масонской реформе не осталась, однако, без последствий. Именно в полемике с Фесслером Фихте удалось максимально проработать и оформить в законченном виде свою концепцию истории и предназначения сообщества вольных каменщиков. Содержание явившейся результатом полемики «Философии масонства» вышло далеко за пределы внутриорденских вопросов и включало представления Фихте об устройстве и причинах несовершенства человеческого общества, морали, воспитании, культуре, гражданском идеале и основах прогресса. Эта работа стала вехой в развитии европейской социально-этической мысли.

Что касается Фесслера, то ему общение со столь ярким мыслителем как Фихте позволило отчасти взглянуть со стороны на собственные планы по преобразованию ордена, оказав влияние на формирование идеи «исторических степеней познания», которые теперь обычно и подразумеваются под «Фесслеровой системой»⁷¹.

Связанные с Фихте события имели для Фесслера и негативные последствия - скандалы и разногласия в ложе отчасти пошатнули его авторитет перед «братьями», выявили наличие в ложе недовольства его деятельностью. Впоследствии, в период решающего внутреннего конфликта в «Роял Йорк», закончившегося уходом Фесслера из ложи 5 сентября 1802 г.⁷², Фесслеру пришлось отвечать

⁶⁸ *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 338.* Фельдман, Иоганн Фридрих (Feldmann, Johann Friedrich) - прусский чиновник, военный советник, член «Внутреннего Востока» ложи «Роял Йорк».

⁶⁹ *Ibid. S. 338.*

⁷⁰ *Ibid. S. 339.*

⁷¹ *Ibid. S. 356-366.*

⁷² *Fessler I.A. Rückblicke... S. 281.* О последующей масонской деятельности Фесслера в России см.: *Пытин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.в. Пг., 1916; Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 70-81; Лушин А.Н., Серков А.И. Тайна саратовского масона // Четыре века. Саратов, 1991; Малов Н.М. Новые материалы по истории масон-*

на обвинения в том, что он будто бы тайно от ложи и руководствуясь лишь собственным произволом ознакомил Фихте с ритуалами «высших степеней»⁷³. Позднее же, уйдя из «Роял Йорк», Фесслер вынужден был опровергать версию, что это он «из боязни» удалил Фихте из ложи⁷⁴.

Личные же и профессиональные отношения философов после исчерпания конфликта оставались впредь доброжелательными, и если Фесслер помогал Фихте с изданием «Философии масонства», то в тяжёлые для Фесслера 1806-1808 гг., когда он был разорён постом в его имении французских войск и утратой места в администрации Южной и Новой Восточной Пруссии в связи с отторжением от Прусского королевства этих провинций, Фихте был одним из тех, кто оказал ему столь необходимую помощь⁷⁵.

ства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / под ред. Проф. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190-215; Горбачев Д.В. И.А. Фесслер в Саратове: администратор, историк и масон в зеркале документов // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: альманах. Выпуск I. Ставрополь – Капошвар – Москва, 2014. С. 59-68.

⁷³ *Fessler I.A. Fessler's sämtliche Schrifte... Bd. 2. Abth. 1. S. 336-337.*

⁷⁴ *Ibid. S. 336-337.*

⁷⁵ *Fessler I.A. Rückblicke... S. 341.*

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I: ПОТЕНЦИАЛ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Т.В. Андреева

Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
e-mail: ta.a.andreeva2014@ya.ru

Данная статья посвящена рассмотрению важнейших аспектов проблемы общественного мнения в начале царствования Николая I, изучению путей ее решения правительством. В работе поставлена задача выявить наличие или отсутствие зависимости политической концепции власти второй четверти XIX в. в отношении общественного мнения от концептуального наследия и практического опыта правления Александра I.

Ключевые слова: эпоха Николая I, общественное мнение, верховная власть, декабристы, государственные деятели, руководители III Отделения.

PUBLIC OPINION IN THE BEGINNING OF THE REIGN OF NICHOLAS I: THE POTENTIAL AND TRANSFORMATION

T.V. Andreeva

(St.-Petersburg, Russia)

This article is devoted to consideration of the most important aspects of the problem of public opinion in the beginning of the reign of Nicholas I, the study of solutions by the government. In the work tasked to identify the presence or absence of dependence of the political concept of authority the second quarter of the nineteenth century in relation to the public opinion from the conceptual heritage and practical experience of the reign of Alexander I.

Key words: the era of Nicholas I, public opinion, the supreme power, the Decembrists, government officials, heads of Division III.

Общественное мнение как политическая сила в России проявилось лишь в процессе подготовки и проведения Великих реформ, но как явление прошло долгий путь содержательной трансформации. Его зарождение следует отнести к эпохе Екатерины II, когда произошло юридическое оформление дворянского сословия и дворянское общество приобрело черты социального

института. В первой трети XIX в. общественное мнение не только эволюционировало, но впервые вопрос о нем был поставлен в аналитическую плоскость¹. Помимо этого, произошла постепенная смена его форм выражения и философской основы. Рационалистическая идеология Просвещения (с ее направленностью на реформирование политического строя) уходила в прошлое, а либерально-идеалистические системы Шеллинга и Гегеля (с их приматом развития социума и личности) к концу 1830-х гг. стали доминировать. В силу этого общественное мнение прошло путь от первых общественных объединений через политическое «Тайное общество» декабристов, превратившееся к 1825 г. в антиправительственную оппозицию, до вновь легитимной формы своего выражения в виде мирной интеллектуальной работы философско-просветительских кружков. В данной статье предпринята попытка рассмотреть важнейшие аспекты проблемы общественного мнения в 1826 - 1830-х гг., проследить пути ее решения правительством.

Но, прежде всего, следует определиться в отношении феномена общественного мнения в царствование Николая I. В классической мемуаристике, заграничной русской публицистике, а вслед за ними в дореволюционной либеральной и демократической, а позже советской исторической литературе всегда утверждалось отсутствие в эту эпоху общественного мнения².

¹ Андреева Т.В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII - первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6-7 декабря 2006 г. СПб., 2007. С. 7-23; Она же. Записки императору Александру I М.М. Сперанского, М.Л. Магницкого, Н.С. Мордвинова: К постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 2. Вып. 3. С. 49-62.

² Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 18; Пушкин П.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. М.; Л., 1951. С. 40; Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 143; Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1956. С. 145; Т. 7. С. 209, 224; Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии и русской культуре. М., 1889. С. 124-168; Мякотин В.А. Из истории русского общества. СПб., 1902. С. 258; Пытин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Исторические очерки. СПб., 1909, С. 121-129; Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Рево-

В самом деле, в николаевское правление общественное мнение в огромной мере зависело от правительства, а иногда являлось его порождением. Однако «общество, общественное мнение уничтожить не удалось, и было это во многом результатом объективного развития страны»³. Это объективное развитие и субъективное «конструирование» властью мнения дворянства обуславливали его «полифоничность». В нем отражались и взаимодействовали – либерально-консервативные воззрения просвещенной бюрократии, просветительно-либеральное мировоззрение интеллектуальной элиты, патриархально-консервативное сознание большинства мелкопоместного дворянства и среднего чиновничества и офицерства.

Причем после военных выступлений в столице и на юге империи в конце 1825 - начале 1826 г. в дворянском общественном сознании доминирующим была различная реакция на декабризм - от концепции «Тайного общества» как политического заговора, а событий 14 декабря как «мятежа воинского», до эпитонства декабристам⁴. Причем не только дворянское общество в целом представляло собой самостоятельную социальную структуру, отделявшую сферу своих интересов от государственных. Но и общество, т.е. его особая, просвещенная, политически образованная группа, являвшаяся носителем общественного мнения, продолжала существовать и развиваться. Однако с уходом декабристов ее социальная активность трансформировалась. От внешней политической деятельности, характерной для «поколения победителей», представители общества перешли к внутренней умственной работе, присущей дворянским интеллектуалам 1830-х - 1840-х годов.

Следует признать, что общественное мнение в николаевскую эпоху не обладало той свободой и многообразием форм своего выражения, как это было при Александре I, а также не получило должного публичного резонанса. И все же имелись некоторые его легитимные модификации и особые виды проявления, связанные с отсутствием свободы печати и гласного обсуждения политиче-

люционные организации и кружки). М., 1958. С. 20-29; Дьяков В.А. Освободительное движение в России 1825-1861 гг. М., 1979. С. 20-21.

³ Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 218.

⁴ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 760-880.

ских проблем. Наиболее распространенной и в то же время законной формой выражения общественного мнения становились всеподданнейшие письма с приложенными к ним записками по различным внутривластным проблемам. Одними из первых ею воспользовались видные декабристы - Г.С. Батеньков, А.А. Бестужев, П.Г. Каховский, В.И. Штейнгейль, А.И. Якубович⁵. В своих трактатах, написанных в Петропавловской крепости, они продемонстрировали Николаю I важнейшие внутривластные ошибки предыдущего правления, приведшие к 14 декабря, и указали пути выхода из социально-политического кризиса. Главным из них декабристы считали правительственное реформаторство по следующим важнейшим направлениям - кодифицированное законодательство, государственное управление, крестьянский вопрос⁶. В феврале 1826 г. по повелению Николая I был сделан «свод» основных положений записок декабристов, который император часто просматривал, обдумывая стратегические ориентиры и тактические установки будущих преобразований.

Позже «свод» А.Д. Боровкова и оригиналы декабристских записок, а также записки Николаю I с проектами преобразований Д.Н. Блудова, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселева, В.П. Кочубея, М.М. Сперанского и др. были переданы в секретный Комитет 6 декабря 1826 года⁷. Согласно собственноручной записке Николая I о сфере его занятий, данному учреждению был поручен «пересмотр всего государственного устройства и управления»⁸. Таким образом, под несомненным влиянием общественного мнения император пришел к важному заключению, что власть сама должна произвести исправления несовершенств русской жизни и начать реформы, но законным путем. В 1830-х гг. в ходе подготовки преобразований в казенной деревне на имя Николая I хлынула волна всеподданнейших записок и «мнений» государственных деятелей, а также всеподданнейших писем с приложенными к ним записка-

⁵ Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб, 1906.

⁶ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 709-759.

⁷ РГИА. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 32, 39, 45, 46, 53, 60-64, 103-106, 159, 176, 188.

⁸ Сборник РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. XV.

ми представителей различных кругов просвещенного дворянства⁹. Все они отражали формирование новой модели взаимоотношений власти и общества. Ведь правительственные преобразовательные проекты и общественные «наработки» по проведению самых насущных для России реформ - законодательства, государственного управления, устройства и управления казенных поселян - со следами работы с ними императора свидетельствовали, что верховная власть, управленческая и просвещенная элита дворянства от противостояния вновь перешли к параллельному осмыслению важнейших «русских вопросов».

Сама же проблема общественного мнения была продемонстрирована Николаю I, с одной стороны, адептами политической конспирации, а с другой - руководителями III Отделения СЕИВК. Так, А.И. Якубович, В.И. Штейнгейль и Н.И. Кутузов поставили перед императором вопрос об общественном мнении как надежном средстве выявления истинного положения дел в стране. Декабристы считали, что для того чтобы не произошло «действия», подобного событиям на Сенатской площади, власть должна знать причины кризисных явлений в социально-экономической структуре и государственном организме страны. Причем именно возможность прямого обращения дворянства к Николаю I позволило бы изобличить «зло, которое тяготеет над землею Русскою и которое грозит разрушением всех начал государственного благоустройства». Ведь за «оградой», состоящей из нескольких приближенных лиц, монарх не видит «никаких злоупотреблений», «голос угнетения и страданий... народа» ему не слышен¹⁰. Надо думать, право прямого обращения к Николаю I с указанием злоупотреблений и проектами преобразований, согласно Манифесту от 13

⁹ РГИА. Ф. 1589 (V Отделение СЕИВК). Оп. 1. Д. 290-298, 308-318.

¹⁰ Письмо А.И. Якубовича к императору Николаю Павловичу от 28 декабря 1825 г. // Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства. С. 75-77; Письмо В.И. Штейнгейля Николаю I от 29 января 1826 г. // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 228-231; Состояние государства. Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I // Русская старина. 1898. Т. 95 С. 517-518, 519-531.

июля 1826 г.¹¹, было предоставлено дворянству во многом под влиянием этих декабристских идей.

Особой формой выражения общественного мнения в данную эпоху оказывалась перлюстрация, которая использовалась, как правительством, так и просвещенной элитой дворянства. В первом случае она являлась механизмом выявления важнейших тенденций дворянских настроений и контроля над ними, а во втором - становилась инструментом влияния на верховную власть. Именно второй аспект перлюстрации использовался, прежде всего, сосланными в Сибирь декабристами. Таким способом они стремились обратить внимание Николая I на наиболее важные проблемы внутренней политики, требующие безотлагательного решения. Одной из них была проблема общественного мнения. Так, М.С. Лунин, надеясь на доведение своих мыслей до сведения императора и подчеркивая необходимость свободного проявления, как народных, так и общественных устремлений, а также гласного обсуждения политических вопросов, чтобы не вызвать очередного витка радикальных действий, в письме сестре подчеркивал: «Народное мнение движется быстро, когда его следят, но не управляют им», «общественное мнение развивается быстро, когда над ним лишь надзирают, но не направляют его... Это естественный ход в политике»¹².

И Николай I, пытаясь обезопасить страну от повторения 14 декабря в будущем и, вероятно, прислушиваясь к голосам из Петропавловской крепости, а затем из Сибири, особое внимание уделял проблеме общего и общественного мнения. Попытка государственного переворота продемонстрировала императору не только необходимость проведения постепенных реформ сверху, но и опасность недостаточного внимания или пренебрежения к внутренней жизни страны. Трагический опыт доказал, что существовавшая до тех пор система правительственного контроля над «расположением умов» в различных социальных слоях, расстановкой политических сил, а также деятельностью административного аппарата всех уровней была не удовлетворительна. 3 июля 1826 г.

¹¹ ПСЗ-II. Т. I. № 465.

¹² Лунин М.С. Письмо Е.С. Уваровой от сентября 1838 г. // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 10.

было создано III Отделение СЕИВК. Согласно записке А.Х. Бенкендорфа о его учреждении, «император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления и убедился в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который стекался бы в одно средоточие. Император создавал орган, при помощи которого он мог бы непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины»¹³.

Важнейшей причиной создания ведомства политического сыска стала потребность восстановить живую связь между властью и дворянством, прежде всего просвещенным, стремление предотвратить перерастание социальной активности в антиправительственные действия. Признание правительством значимости общественного мнения, необходимости формирования общественных настроений «в видах правительства» и управления ими для успешного функционирования государства лежало в основании деятельности III Отделения. Руководители ведомства не сомневались, что «общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией»¹⁴, «общественное мнение не навязывается, за ним надо следовать, т.к. оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свет озаряющей его пламени, но погасить это пламя не во власти правительства; ...общественное мнение не засадишь в тюрьму, а прижимая его, только доведешь до ожесточения»¹⁵. И хотя ни А.Х. Бенкендорф, ни М.Я. фон Фок не считали общественное мнение «эквивалентом разума или истины», но все же призывали Николая I его учитывать. Поэтому одной из главных задач III Отделения и Корпуса жандармов определялось не только пресечение любых форм оппозиционности и тайный надзор за общим и общественным мнением, но, прежде всего, их выявление.

¹³ Цит по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб, 1903. Т. 2. С. 17.

¹⁴ Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827-1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 142.

¹⁵ Толки и настроения умов в Санкт-Петербурге в 1826 г. // Русская старина. 1881. Ноябрь. № 11. С. 550.

Обширные связи М.Я. фон Фока, хорошо организованная агентура, в составе которой были представители всех слоев дворянства, а также податных сословий, давали огромный осведомительный материал. На его основе составлялись донесения А.Х. Бенкендорфу, а также годовые «Краткие обзоры общественного мнения» для Николая I. Так, в заключение одного из них за 1827 год подчеркивалось: «Вся Россия ждет с нетерпением перемен, как в системе, так и в людях. Требуется вновь завести машину. Ключами для этого является: правосудие и промышленность. Вот чего не хватало России. Но чтобы у каждой пружины иметь верных двигателей, надо урегулировать воспитание и образование юношества»¹⁶. Таким образом, руководители III Отделения призывали Николая I вновь «завести» реформаторскую «машину» и решить прежде всего те проблемы, которые не получили разрешения в предыдущее царствование, а также возникли в новых исторических условиях. Именно поэтому в отчетах III Отделения за 1828–1830 гг. крестьянский вопрос, кодификация законодательства, совершенствование государственного управления определялись приоритетными. Причем на первое место была выдвинута крестьянская реформа. Завершая обзор общего и общественного мнения за 1830 г., А.Х. Бенкендорф писал, что основная масса недовольных это - «все крепостное сословие, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что в начале царствования Николая I вопрос о крепостном праве, являвшемся основой социально-экономической, финансовой и военной системы России, влиявшем на все сферы жизни страны, стал доминирующим в реформаторских поисках верховной власти и общества¹⁸. Продолжал оставаться одним из наиболее важных в официальных преобразовательных поисках и общественных «наработках» и «старый» вопрос о месте Се-

¹⁶ Ежегодные отчеты III Отделения и Корпуса жандармов: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. С. 153.

¹⁷ Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг.: Отчеты начальника III Отделения // Красный архив. 1930. Т. 1(38). С. 109–120, 121–139, 139–144.

¹⁸ Андреева Т.В. Несостоявшийся прорыв: к вопросу о запрещении продажи крепостных людей без земли в начале царствования Николая I // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 17–25.

ната в системе государственных учреждений империи. Министерская проблема оказалась предметом дискуссий, как во властных структурах¹⁹, так и в общественном мнении всю первую половину XIX в. Причем принцип единоначалия и «самовластие министров» наибольшие нарекания продолжали вызывать у государственных чиновников «второго эшелона»²⁰.

Помимо этого, последекабристская эпоха характеризуется правительственными и общественными поисками путей противодействия западноевропейским революционным идеям. С точки зрения некоторых государственных деятелей, механизмом этого противодействия должны были стать периодические издания и литературные общества, главной задачей которых определялись дискредитация либерально-революционных западных идей и формирование общественного мнения «в духе и видах правительства». Причем Николай I признавал эти идеи вполне справедливыми²¹.

Очень схожие идеи прослеживаются в записке, вероятно, предназначенной для подачи на имя Николая I и, скорее всего, относящейся к 1826–1827 гг., историка, профессора Московского университета С.П. Шевырева. По мнению автора, для «воспитания современного и грядущих поколений... на тех прочных началах, которые искони были залогом благоденствия России», необходимо учредить два официозных общественно-литературных журнала, один в Петербурге, другой в Москве. Как писал С.П. Шевырев, этим «средством правительство сможет подчинить прямому своему на-

¹⁹ Всеподданнейшее письмо адмирала Н.С. Мордвинова от 1 июня 1827 г. с приложенной запиской его по вопросу: какое полезнее в России правление коллегиальное или министерское (по записке Берга), высочайше переданное на рассмотрение Государственного совета. Записка Н.С. Мордвинова передана бар. И.И. Дибичем гр. В.П. Кочубею 2 июня 1828 г. // РГИА. Ф. 1167. Оп. I. Д. 194/125. Л. 1–8.

²⁰ Записка Н.А. Жеребцова «Об устройстве министерств вообще и министерства финансов в особенности». 15 февраля 1856 г. / Публ. Т.В. Андреевой и Б.Б. Дубенцова // Английская набережная, 4: Сб. С.-Петерб. науч. о-ва историков и архивистов. СПб., 2004. Вып. 4. С. 355–370.

²¹ Записка «О Всемилостивейшем соизволении на издание под руководством начальства периодических сочинений» маркиза Ф.-О. Пауллуччи об учреждении литературного общества для оппозиционного действия против революции и издания периодического сочинения для той же цели оппозиции». 24 мая 1826 г. // РГИА. Ф. 1409 (СЕИВК). Оп. 2. Д. 4608. Л. 1–5 об.

блюдению ход нравственного образования соотечественников... дать свое направление отечественному просвещению»²².

Процесс оформления цензурной политики государства как части новой модели взаимоотношений власти и общества прослеживается и во всеподданнейшей записке от марта 1826 г. «О цензуре в России» министра народного просвещения А.С. Шишкова. Попытка 14 декабря 1825 г. «военной революции» по западным образцам поставила перед правительством задачу создания позитивных общественных настроений, формирования нового поколения россиян, объединенных православием, самодержавием, народностью. По существу уже в начале нового царствования была «озвучена» идея национальной самобытности. Во всеподданнейшей записке, носящей следы работы с ней императора, А.С. Шишков писал: «Россия не столь просвещена как другие государства Европы, но по своему положению она более других государств имеет нужду в нравственном и политическом воспитании взрослых людей и направлении их к цели, предназначенной правительству». Вместе с тем, министр народного просвещения подчеркивал, что «силою невозможно остановить распространение идей... искусное управление парусами и рулем, даже вопреки ветру выведет корабль мимо опасных мест к желаемой пристани». «Цензура установлена для того, чтобы распространять просвещение, и в то же время препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности и существующему образу правления»²³.

В целом, анализ официальных материалов (документов секретных комитетов и обзоров III Отделения) и важнейших источников личного происхождения (всеподданнейших записок и «мнений» государственных деятелей, всеподданнейших писем с приложенными записками представителей общества, их писем, дневников) дает представление о единой системе наиболее актуальных для правительственной сферы и общественной среды проблем второй половины 1820-х - начала 1830-х гг. Она включала: проблему рево-

²² Шевырев С.П. Записка о необходимости издания двух общественно-литературных журналов в Москве и Петербурге. Автограф. Б.д. // ОР РНБ. Ф. 850 (С.П. Шевырев). Оп. 1. Д. 12. Л. 1-6.

²³ Всеподданнейшая записка министра народного просвещения А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России. Март 1826 г. // Там же. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4648. Л. 1-5 об.

люции и реформ, напрямую связанную с реакцией на декабризм; вопросы создания «законной» абсолютной монархии, т.е. кодификации законов; времени, стратегии и тактики осуществления государственного управления.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Восстание декабристов продемонстрировало Николаю I опасность невнимания к запросам дворянского общества и разрыва в отношениях между его социально и политически активным элементом, т.е. обществом, являвшимся выразителем общественного мнения, и правительством. Необходимость, после событий 14 декабря 1825 г., упрочить авторитет государственной отмены крепостного права; дальнейшего совершенствования власти и предотвратить перерастание общественной активности в антиправительственное действие заставила императора обратить особое внимание на проблему общественного мнения.

2. Несмотря на то, что в николаевскую эпоху не было публичных форм его выражения, негласные и опосредованные формы продолжали существовать. Наиболее распространенными из них были всеподданнейшие письма с приложенными записками, перлюстрация и отчеты III Отделения.

3. В пределах второй половины 1820-х - 1830 гг. актуализация проблемы общественного мнения была связана, прежде всего, с оценкой династического и политического кризиса ноября-декабря 1825 г., а также с необходимостью адекватного определения положения дел в стране и выбора правильного вектора преобразовательного направления.

УДК 94(47)+(09)(47)

И.С. ТУРГЕНЕВ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ (60-е - нач. 80-х гг. XIX в.)

В.А. Китаев

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
кафедра информационных технологий
в гуманитарных исследованиях
e-mail: vlakit@mail.ru

Рассмотрены взгляды И.С. Тургенева по вопросу об ограничении самодержавия в России, особенности его позиции в контексте конституционного движения 1860-х - начала 1880-х годов.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Россия, 1860-е - начало 1880-х гг., Александр III, либерализм, конституционализм, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Б.Н. Чичерин, М.М. Стасюлевич, Л.А. Полонский

I.S. TURGENEV AND THE CONSTITUTIONAL MOVEMENT IN RUSSIA (1860S - EARLY 1880S)

V.A. Kitaev

(Nizhniy Novgorod, Russia)

Ivan Turgenev's views on the question of restriction the autocracy in Russia and peculiarities of his position in the context of the constitutional movement in 1860s - early 1880s are discussed in the article.

Key words: Ivan Turgenev, Russia, 1860s - early 1880s, Alexander III, Liberalism, Constitutionalism, Alexander Gertsen, Nikolay Ogarev, Boris Chicherin, Mikhail Stasyulevich, Leonid Polonsky.

Имея перед собой такую задачу, как выяснение особенностей либерализма И.С. Тургенева, невозможно обойти стороной один весьма важный элемент его идейной позиции. Это - приверженность писателя конституционализму. Автора статьи будут интересовать содержательная сторона и формы участия Тургенева в конституционном движении пореформенной России. Под конституционализмом в данном случае подразумевается стремление главным образом либерально настроенной части общества преодолеть монополию на власть, которой обладало самодержавие. Это жела-

ние могло выражаться как в весьма умеренных предложениях по введению различных форм совещательного представительства, так и в решительных требованиях ограничения абсолютистской власти. Носители последних, впрочем, могли и не утруждать себя детальной проработкой конституционного проекта¹.

Прямых следов того, как реагировал Тургенев на вспышки дворянского конституционализма в начале 1862 г. нет. Но не будет ошибкой предположить, что он мог, нисколько не кривя душой, солидаризироваться с позицией К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. По мнению этих авторитетных либералов, общегосударственное политическое представительство, будь оно созвано, неизбежно стало бы орудием дворянской реакции, нацеленной на пересмотр оснований крестьянской реформы. Ни тот, ни другой не видели в дворянстве надежную опору для власти, отважившейся на буржуазную трансформацию страны.

И для Тургенева характерно отсутствие каких-либо симпатий к своему сословию как политической силе. Приведем всего лишь одно его высказывание на дворянскую тему - оно относится именно к 1862 году. В письме К.К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г. он прямо признавался, что его «повесть» «Отцы и дети» «направлена против дворянства как передового класса». «Вглядитесь в лица Н<икола>я П<етрович>а, П<авл>а П<етрович>а, Аркадия, - писал Тургенев. - Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно *хороших* представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? <...> Они лучшие из дворян - и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать их несостоятельность»². Даже по-настоящему либеральный адрес тверского дворянства вряд ли мог быть одобрен Тургеневым по причине очевидной для него неуместности тяжбы с правительством в тот момент, когда оно делало только первые шаги по осуществлению крестьянской реформы.

Как бы скептичен ни был Тургенев в отношении либерально-прогрессистского потенциала дворянства, он не остался в стороне

¹ При таком понимании «конституционного» отпадает необходимость заключать в дальнейшем в кавычки понятие «конституция» и все производные от него.

² *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. в 15 т. Письма в 13 т. Письма. Т. 4. М.; Л., 1962. С. 380 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

от той волны политического активизма, которая поднялась в его среде в начале 1862 года.

В письме В.Ф. Лугинину от 26 сентября (8 октября) 1862 г. писатель сообщал о своем намерении подготовить уже второй по счету проект адреса на имя Александра II (составление первого относится, вероятнее всего, к концу 1860 г.) и набросал вкратце содержание программы, которую собирался предложить в этом документе. Вот что она собой представляла. «Признав великое благо, основанное “Положением”, указать на необходимость некоторых дополнений и улучшений - а главное, на настоятельную потребность привести весь остальной состав русского государства в гармонию с совершившимся переворотом - и для этого, раскрыв беспощадной рукой все безобразия нашей администрации, суда, финансов и т.д., требовать созвания Земского Собора, как единого спасения России - одним словом, доказать правительству, что оно должно продолжать дело, *им начатое*» (Письма, т. 5, с. 50).

Нельзя не заметить, что Тургенев делает здесь главный акцент не на критике Положения 19 февраля (хотя он готов предложить «некоторые дополнения и улучшения»), а на идее дополнения крестьянской реформы рядом других значительных преобразований. Эта особенность объясняется политической ситуацией, сложившейся в России к концу лета 1862 года. Репрессии, начавшиеся после появления «Молодой России» и петербургских пожаров, были в полном разгаре, в то время как более или менее внятных сигналов о том, что правительство не собирается радикально менять внутривнутриполитический курс, общество не получало. Видимо, положение дел в России показалось Тургеневу настолько критическим, что заставило его признать уместной такую неординарную меру, как созыв общегосударственного представительства. В наброске программы Земский собор выступает как абсолютно лояльный инструмент общественной поддержки верховной власти и одновременно давления на нее с единственной целью - обеспечить неуклонность движения по пути либеральных реформ. К сожалению, остаются непроясненными два немаловажных вопроса, ответы на которые позволили бы более глубоко проникнуть в замысел Тургенева и правильно его оценить: 1) каким он видел состав Собора и 2) где находил гарантии того, что этот орган не «выйдет из берегов», ограничится только исполнением предназначавшейся ему роли.

В тургеневской «соборности» нельзя не слышать отзвуков славянофильских идей, проектов, рождавшихся в кругу издателей «Колокола». Но важнее все-таки будет отметить другое. Тургенев, кажется, преодолевал политическую умеренность в духе Кавелина - Чичерина и начинал двигаться в сторону программы тверских либералов.

Впрочем, настроение в пользу представительства оказалось скоротечным. Уже в начале октября 1862 г. Тургенев признал неуместность этой идеи. Причина поворота очевидна - правительство, наконец, открыто заявило о намерении завершить подготовку земской реформы. Всего лишь через три дня после того, как было написано письмо В.Ф. Лугинину, в официозе МВД «Северной почте» появилась статья «О земских, губернских и уездных учреждениях», в которой сообщалось: «Окончательная редакция проекта положения о земско-хозяйственных учреждениях ныне составляется в Министерстве внутренних дел»³.

Предстоявшая реформа, становившаяся реальностью, расценивалась Тургеневым как «первый шаг к парламентским формам». Эти слова прозвучали в его письме Герцену от 4(16) октября 1862 года. Здесь же он говорил о борьбе двух проектов реформы - милютинском и валуевском. И только в том случае, если победит второй - «изуродованный и иезуитский», имело смысл, считал он, подавать «протестующий адрес», который мог бы «поднять и расшевелить общественное мнение». Пока же следовало «обождать» до того момента, когда окончательно разрешится вопрос о «Положении». «Всякий адрес, представленный именно теперь, - предупреждал Тургенев, - кроме вреда, принести ничего не может - особенно адрес вроде вашего <...> (Письма, т. 5, с. 55).

Итак, новая ситуация уже внушала оптимизм и лишала смысла адресную активность в конституционном духе. Она не требовала призыва «народных представителей» даже для решения тех, в общем-то, скромных задач, которые собирался поставить перед ними И.С. Тургенев. Тем более неуместными сейчас казались требования бессловного Земского собора со статусом Учредительного собрания и радикального пересмотра крестьянской реформы, прозвучавшие в составленном Н.П. Огаревым проекте адреса Александру II.

³ Северная почта. 1862. № 212. 30 сент.

Из только что проанализированного эпизода политической биографии Тургенева видно, что он принадлежал к числу либералов-конституционалистов, которые, как и сам писатель, могли называть себя «постепеновцами». Полноценное осуществление конституционного идеала относилось им в отдаленное будущее, но эта позиция не исключала эпизодического обращения к институту представительства как инструменту понуждения власти к либеральной последовательности. В понимании того, что движение к полнокровному парламентаризму должно начинаться с постановки местного самоуправления, нельзя не видеть влияния школы прусского юриста и историка Рудольфа Гнейста, через которую русские либералы прошли во второй половине 1850-х годов.

Политические коллизии начала 1860-х годов, в сущности, ничего не дали для перевода теоретического конституционализма Тургенева в практическую плоскость. Он не мог пока предложить сколь-нибудь реальных путей к правовому порядку, удовлетворившись, в конечном счете, фактом начала судебной и земской реформ. Конституционная тема, таким образом, теряла для него свою остроту, уходила с магистрали размышлений о России. С начала 70-х годов она временами напоминала себе разве что в публицистике «Вестника Европы», но резко актуализировалась на рубеже 1870 – 80-х годов в обстановке народовольческого террора и кризиса самодержавия.

Общественная атмосфера этого периода наполнялась признаками оживления журнального, земского, правительственного конституционализма. В этой обстановке в словаре Тургенева понятия «либерализм» и «конституционализм» начинают сближаться и составляют уже синонимическую пару - «конституционализм» даже вытесняет «либерализм». В ходу еще одно понятие - «конституционная партия». Правда, она, с точки зрения Тургенева, «слаба и малочисленна». Но «Вестник Европы», единственная для него журнальная опора, уже «не один в поле воин». Начиная с 1880 г. в непосредственной идейной близости с ним стоит газета «Страна», основанная вышедшим из журнала Л.А. Полонским. Годом позже М.М. Стасюлевич приступит к изданию газеты «Порядок». Конституционная направленность этих органов не вызывает сомнений.

Каким было отношение Тургенева к самодержавию к концу 70-х годов? Материалов для выявления каких-либо деталей в его позиции нет. Но в самом общем виде она выглядит так: он считал, что «представительные учреждения» могли бы стать испытатель-

ным «наследием» войны 1877 – 1878 гг., и, конечно, готов был его принять (*Письма*, т. 12, кн. 1, с. 290). Если верить воспоминаниям С.А. Венгерова, слова о необходимости «увенчании здания» прозвучали в речи И.С. Тургенева на обеде в его честь, который состоялся в Петербурге 13 марта 1879 года⁴. Но только применительно к периоду после 1 марта 1881 г. имеется возможность более глубокого проникновения в содержание и динамику взглядов писателя по конституционному вопросу.

В письме П.В. Анненкову от 6-7 (18-19) марта 1881 г. Тургенев отзывался о передовой статье газеты «Страна», которая появилась на третий день после убийства императора. Автором ее был Л.А. Полонский. «<...> прочтите руководящую статью в 27-м №-е (“Страны”. - В. К.) от 3 марта (за которую она, впрочем, получила предостережение), - писал Тургенев. - Умнее и дельнее я давно ничего не читал. Л. Полонский - наш первый публицист; в ней Вы найдете некоторое подобие ответа на те “проклятые вопросы”, которыми наполнено Ваше письмо» (*Письма*, т. 13, кн. 1, с. 72). Думается, что высокая оценка статьи Полонского не была случайной. Тургенев нашел в ней ответы и на свои «проклятые вопросы». На что же отважился редактор «Страны»?

Полонский указывал на безрезультатность политики реакции, проводимой с 1866 года. Единственно разумную альтернативу ей он видел в том, чтобы «уменьшить ответственность главы государства, а тем самым и опасность, лично ему угрожающую от злодеев-фанатиков». «Надо устроить, в правильном общественно-государственном порядке, громоотвод для личности главы государства, - говорилось в статье. - Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспевания России»⁵. Итак, в «Стране» прозвучало прямое заявление о необходимости установления в России конституционной монархии. Оно выглядело радикальным даже в границах либеральной повестки.

⁴ См. об этом: *Волгин И.* Последний год Достоевского. М., 1991. С. 76-77; *Бадалян Д.А.* Понятие конституция в России: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 165.

⁵ Страна. 1881. № 27, 3 марта.

Кажется, налицо убедительные основания для того, чтобы считать тургеневскую оценку выступления Полонского свидетельством полной солидарности с его позицией и утверждать, что писатель в марте 1881 г. склонялся к мысли о неотложности конституционных перемен. Смущают, правда, слова «некоторое подобие ответа», диссонирующие с этим настроением. Однако их можно истолковать и как случайную, малозначащую фигуру речи, поставив на этом точку. И все же Тургенев оставил нам загадку. В те же самые мартовские дни из-под его пера выходит программная статья «Александр III». Ее политическая часть уже не прочитывается как абсолютно солидарная в отношении позиции, занятой редактором «Страны».

Опубликованная в парижском издании «La Revue politique et littéraire» 26 марта 1881 г. как фактически анонимная (подпись: ХХХ), статья Тургенева адресовалась не столько французскому, сколько русскому читателю - прежде всего, новому императору и либералам, находившимся в оппозиции власти. Каково же было содержание тургеневских «посланий» каждой из этих сил?

Суть того, что, по мнению автора статьи, надо было делать Александру III, формулировалась просто - ничего не бояться, продолжать идти «по тому пути к либерализму, куда ведет его природная склонность» и воплотить в жизнь «либеральные намерения» отца (Соч., т. 14, с. 281, 285). Этот путь мог быть долог и совсем не вел в обозримой перспективе к ликвидации абсолютной власти монарха. Либералам же, со своей стороны, следовало отказаться от конституционного нетерпения и научиться, как говорил другой классик русской литературы М.Е. Салтыков-Щедрин, «годить», не отказываясь при этом от пропаганды своего политического идеала. Речь, в сущности, шла о возможности и необходимости союзнических отношений между либералами и Александром III.

С точки зрения Тургенева, надежды тех, кто в настоящее время ждет от царя «парламентской конституции», беспочвенны, иллюзорны. «Его (Александра III. - В. К.) весьма близкие отношения с ультранациональной партией, напротив, указывают как будто на известное недоверие по отношению к конституционалистам, - писал Тургенев. - Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России. Императорская власть предпочтет проводить важные реформы, жалуя их сверху путем указов <...>» (Там же, с. 280-281).

Тургенев называл две формы, два уровня общественного представительства, на которые мог бы согласиться Александр III, не испытывая опасений за судьбу абсолютной монархии. Даже если «царь - самодержец» и будет созывать «представителей страны с совещательным голосом по определенному вопросу», он «сохранит за собой во всей неприкосновенности свободу действий». Не отклоняясь от «системы либеральных повелений», даруя «широкие милости», он «никогда не признает никаких прав» (*Там же*, с. 282). Дело может дойти и до согласия государя на законосовещательное представительство («принять совет от собрания выборных»), однако и в этом случае он «сохранит за собой в полной неприкосновенности свое право окончательного решения» (*Там же*, с. 284).

Что же должны были делать либералы-конституционалисты? Отвечая на этот вопрос, Тургенев писал: «Находясь между ультра-националистической партией и нигилистической группировкой, либералы-конституционалисты постараются и, может быть, сумеют доказать императору, что либеральные реформы отнюдь не повели бы к потрясению трона, а только укрепили бы его. Смогут ли они убедить его (ибо ум его широк и просвещен), что ими руководит не простое желание подражать Европе, а назревшая необходимость глубоких изменений в политической организации управления? Русские - той же расы, что и все остальные европейские народы, их образование и цивилизация аналогичны, их нужды тождественны, их язык подчинен правилам той же грамматики, - так почему бы политической жизни русского народа не укрепиться на тех же конституционных основах, как и у ее соседей?» (*Там же*, с. 285). Нельзя не заметить противоречия в оценке Тургеневым степени готовности России к конституционным преобразованиям. В одном месте статьи говорилось, что идеи об ограничении монархической власти «были и останутся еще долго чуждыми России», в другом указывалось на «назревшую необходимость глубоких изменений в политической организации управления», т.е. укрепления политической жизни русского народа на «конституционных основах».

То, что под влиянием царубийства Тургенев, вне всяких сомнений, умерил свои политические ожидания и попытался воздействовать в этом же направлении на своих единомышленников в

России, не было чем-то экстраординарным. Достаточно вспомнить о том повороте, который совершил в это же время Б.Н. Чичерин⁶.

Но вернемся к статье «Александр III». Ее программа была достаточно широка, чтобы вместить в свои рамки и «конституцию» Лорис-Меликова, и манифест 29 апреля 1881 г., и шаги по привлечению общественных сил к разработке реформ, которые предпринимались Н.П. Игнатьевым, включая, конечно, нереализованную идею Земского собора. Она вбирала в себя все то, что говорилось в 1881-1882 гг. в пользу расширения « совеща тельной» системы и политической реформы в наиболее близких ему по направлению изданиях М.М. Стасюлевича - журнале «Вестник Европы» и газете «Порядок».

Есть как минимум два свидетельства, которые говорят о том, что Тургенев достаточно скоро отказался от видения путей политического развития России, предложенного в статье. «<...> В январе 1882 года, когда я был у него с одним приятелем, - вспоминал Лавров в статье «И.С. Тургенев и развитие русского общества», - он так мрачно смотрел на события в России, что говорил между прочим: “Прежде я верил в реформы сверху, но теперь в этом решительно разочаровался; я сам с радостью присоединился бы к движению молодежи, если бы не был так стар и верил в возможность движения снизу”»⁷. Для нас важен еще один сигнал, посланный уже самим Тургеневым. В письме П.В. Анненкову от 22 августа (3 сентября) 1882 г. он поделился впечатлением от чтения анонимной брошюры «Черный передел реформ Александра II», изданной в Берлине (ее автором был М.М. Стасюлевич). «Очень мне понравилось. Живой и знающий человек писал», - говорилось в письме (*Письма*, т. 13, кн. 2, с. 13). Что же за текст оказался в руках Тургенева?

Брошюра писалась в обстановке слухов о возможной отставке Н.П. Игнатьева. Она состояла из двух писем. Первое датировалось 28 мая (9 июня) 1882 г., т.е. было написано за два дня до назначения министром внутренних дел Д.А. Толстого), второе - 30 июня (12) июля того же года. Совершенно свободно, без оглядки на цензуру Стасюлевич формулировал свою главную мысль: никакой альтернативы ограничению самодержавия в России уже не суще-

⁶ Подробнее об этом см.: *Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.)*. Саратов, 2004. С. 86-89.

⁷ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 379.

ствовало. Да оно никогда, в сущности, и не было неограниченным. На протяжении всей своей истории верховная власть выступала как «конституционная», ибо постоянно находилась в состоянии связанности «личными конституциями». «Так, мы имели в этом столетии конституцию бенкендорфскую, шуваловскую, валуевскую, даже тимашевскую, наконец, лорис-меликовскую и игнатьевскую, которая <...> сменилась толстовскою, не говоря о прочих, более мелких конституциях. Самодержавие при этом оставалось неограниченным только в том смысле, что оно не могло быть ограничено ничем, кроме известной клики»⁸. Для выхода из «нашей современной анархии» требовалась, таким образом, «истинная» конституция, в рамках которой «народ и верховная власть, эти два священнейшие предмета, взятые вместе, вполне самодержавны, и кроме взаимного ограничения, не знают никакого другого»⁹. Здесь не должно быть места ограничению верховной власти «придворной кликой и ее многоголовым цербером - бюрократией». «Полная» конституция предполагает правительство, ответственное перед страной. Но редактор «Вестника Европы» не мог сказать ничего определенного об условиях и способах претворения своего требования в жизнь. И все-таки Стасюлевич уходил в своем конституционном пафосе гораздо дальше Тургенева - автора статьи «Александр III».

Итак, не потребовалось много времени для того, чтобы Тургенев смог осознать тщетность своих ожиданий от нового российского самодержца хотя бы самых робких шагов по пути конституционного обновления. Разочарование вызывал не только он. Либералы-конституционалисты так и не стали той силой, которая призвана была убедить верховную власть в благотворности правового порядка. Вряд ли можно сомневаться в достоверности сообщения П.Л. Лаврова о том, как оценивал Тургенев реальный политический потенциал либерального лагеря. «<...> Для меня совершенно бесспорно, - писал он в статье "И.С. Тургенев и развитие русского общества", - что ни в какой момент последних шести лет жизни Иван Сергеевич не питал надежды, что его единомышленники, русские либералы, в состоянии, как политическая партия, оказать

⁸ [Стасюлевич М.М.] Черный передел реформ Александра II. Berlin, 1882. С. 71-72.

⁹ Там же. С. 82.

то давление на правительство, без которого немислимы реформы в либеральном направлении»¹⁰.

Надо принять к сведению и еще одно суждение, принадлежащее П.Л. Лаврову. Он увидел в тургеневском стихотворении «Русский язык», датированном июнем 1882 г., «скептицизм относительно всех русских деятелей»¹¹.

Подведем итоги. Выстроенный здесь ряд высказываний Тургенева на конституционную тему подтверждает точность его политических автохарактеристик: либерал «монархический», либерал «династический». Это российское «измерение» его позиции ничуть не мешало формированию на протяжении 1870-х годов симпатии к республиканскому устройству французского образца. Возвращаясь «домой», писатель вполне органично вписывался в число сторонников осторожной трансформации самодержавия в конституционную монархию. В рамках принятой Тургеневым либерально-монархической доктрины могли иметь место и заметные колебания в его политических предпочтениях - это характерная черта настроений писателя в начале 80-х годов. Они всецело определялись наличием или отсутствием признаков т.н. правительственного конституционализма. Быстрое отвержение внутривнутриполитического курса Александра III повышало уровень оппозиционности Тургенева и одновременно поселяло в нем глубочайший пессимизм и отчаяние. Слабость конституционной «партии» также играла здесь свою роль, но была уже фактором вторичным.

Всплески эмоций в духе крайнего политического радикализма, по всей видимости, имели место, но не они определяли основной тон позиции писателя. «По здравому размышлению», она возвращалась в границы умеренности, приближаясь к взглядам Чичерина, известного своей репутацией «консерватора» среди русских либералов.

Динамика политической активности Тургенева в интересующий нас период говорит о том, что он не был только сторонним наблюдателем двух волн конституционного движения - в первой половине 60-х и на рубеже 1870 - 1880-х годов. Если дворянский характер первой из них должен был отталкивать Тургенева претензиями на политическое первенство этого сословия, то земско-либеральная оппозиция конца 70-х гг., в рядах которой эта тен-

¹⁰ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 363.

¹¹ Там же. С. 382.

денция была уже заметно приглушена, оказывалась объективно ближе к его взглядам. Последняя, правда, могла отпугнуть его такими проявлениями политического максимализма, как требование И.И. Петрункевича созвать Учредительное собрание. Статья Тургенева «Александр III», какой бы умеренной она ни казалась, должна прочитываться в ряду конституционных заявлений, которые прозвучали на страницах союзнических ему изданий – журнала «Вестник Европы», газет «Порядок» и «Страна», а также в нелегальной брошюре М.М. Стасюлевича «Черный передел реформ Александра II».

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ СТАТИСТИКОВ)

С.В. Лёвин

Балашовский институт (филиал)
СГУ имени Н.Г. Чернышевского,
кафедра истории
e-mail: serg.lewin@yandex.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь земских статистиков. По мнению автора, её определяющим фактором выступала дорога, что было обусловлено спецификой работы. Земских статистиков, с полным основанием, можно считать самой мобильной группой земских служащих.

Ключевые слова: губерния, земство, переезд, перепись, семья, уезд.

ZEMSTVO OFFICIALS' EVERYDAY LIFE (USING STATISTICIANS AS AN EXAMPLE)

S.V. Lyovin

(Balashov, Russia)

The paper considers the everyday life of zemstvo statisticians. According to the author's opinion, its determining factor was the road which was conditioned by the specific character of the work. Zemstvo statisticians with good reason can be considered the most mobile group of zemstvo officials.

Key words: gubernia, zemstvo, moving, census, family, uyezd.

Изучение повседневной жизни земских статистиков является одним из важных аспектов земской тематики, ибо позволяет лучше представить ценностные ориентиры, которые были определяющими для их мировоззрения на всех этапах жизненного пути. Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что определяющим фактором в жизни земских статистиков была дорога. Не случайно правительственные чиновники называли их «кочующим элементом». Преследуемые губернскими властями, стесняемые в работе или в результате конфликта с земской управой, гласными

земского собрания, статистики переезжали из одной губернии в другую с надеждой, что на новом месте условия труда и отношение к ним будут лучше. «Если не считать кочевых инородцев и актёров, в России не существовало более кочевой группы населения, чем земские статистики», - отмечал В.А. Оболенский¹. «Словом, - писал историк земства, в прошлом сам земский статистик, И.П. Белокопский, - это был настолько приспособленный к тяжёлым условиям русской жизни элемент, настолько “обстрелянный”, самоотверженный и неприхотливый в своих требованиях, что с ними трудно было бороться. Его гоняли с места на место, но уничтожить не могли.

Немало было земских статистиков, которые не раз исколесили земскую Россию, перебивали чуть не во всех земствах, хладнокровно относясь к ударам судьбы, чувствуя себя как дома в каждом земстве»². Например, статистик Л.С. Личков после увольнения его с должности руководителя Саратовского земского статистического бюро (до этого проводил статистические исследования в Рязанской губернии), перебрался в Иркутск, где опять же трудился на поприще земской статистики, а затем переехал в Киев, где и прожил остаток своих лет. С.А. Харизоменов, начав свою профессиональную деятельность в Таврической губернии, переехал в Саратов, а затем продолжил проведение статистических работ в Тверской губернии, после чего вернулся в Саратов. Н.Ф. Анненский, уехав из Казани, возглавил земскую статистику Нижегородской губернии, после чего руководил городским статистическим отделом в столице. Н.Н. Черненко, прежде чем приехать в Саратов, работал в Орловском и Московском земствах, а, покинув Саратов, перебрался в Тверь, став, там, заведующим отделом статистики страхования. Затем, вновь вернулся в Саратов. Руководивший оценочно-статистическими работами в Симбирской губернии в начале 1900-х годов К.Я. Воробьёв, до этого набирался опыта в Тверской, Ярославской и Вологодской губерниях. И.М. Краснопёров Самарскую губернию сменил на Тверскую, затем переехал в Могилёв, оттуда - в Вологду и, наконец, в Петербург. Сменить три - четыре губернии для статистиков считалось, своего рода, нормой.

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 159.

² Белокопский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 36.

Дорога в жизни земских статистиков, фигурально выражаясь, овеяна жертвенностью. Она выступала в контексте страдания с народом и за него, служения ему. Условно её можно подразделить на три этапа. С первым этапом земские статистики познакомились ещё в юношеские годы, когда отправлялись в 1870-е годы «в народ» с целью революционной пропаганды, создания землепольческих поселений. Его условно можно назвать этапом дороги «страдания с народом». Второй этап - это путь в места заключения, ссылки и последующего поселения. Это - дорога «страданий за народ». Наконец, третий, заключительный, этап дороги в жизни земских статистиков - труд на благо народа, то есть, переезды из одной губернии в другую и поездки в уезды для изучения крестьянского хозяйства и проведения оценочных работ по долгу земской службы.

Переезд из одной губернии в другую почти всегда воспринимался статистиками как новое начало, ради которого они готовы были терпеть тяготы и неудобства скорого переезда. Особенно он привлекал, если на новом месте предоставлялась возможность творческой работы и поддержка земства. Установить хорошие отношения с председателями губернской и уездных земских управ, с их гласными являлось приоритетной задачей для любого заведующего статистикой. Иными словами, общительность руководителей статистической службы представляла собой один из важнейших непрофессиональных факторов комфортного существования статистики в том или ином земстве.

Исключительно важным представляется и умение руководителя статистического бюро установить «полезные знакомства» с должностными лицами губернского управления, прежде всего с самим губернатором от которого, без преувеличения, зависела судьба существования земской статистики в губернии. Например, Ф.А. Щербина, возглавляя статистический отдел при Воронежской губернской земской управе, сумел наладить хорошие отношения с губернатором А.В. Богдановичем, что позволило ему добиваться утверждения всех нужных, для проведения статистических исследований, штатных и временных работников. Напротив, руководитель самарской земской статистики И.М. Краснопёров не нашёл общего языка с самарским губернатором А.Д. Свербеевым, в результате чего в первый же год существования статбюро губернатор

уволит одного из его служащих - Э.К. фон Паприца, ложно обвинённого в распространении среди крестьян революционной пропаганды; обработанный и подготовленный к печати статистический материал неоправданно долго проходил цензуру губернатора и с большим опозданием поступал в типографию.

С полным основанием можно выделить такой фактор, который оказывал самое непосредственное влияние на повседневную жизнь земских статистиков, как отношения с местным обществом. Далеко не всегда удавалось найти с ним общий язык. Как верно заметила Т.А. Санникова, «на бытие интеллигента в провинции оказывала влияние и среда провинциального общества, которое было ориентировано, прежде всего, на сохранение своего статуса, постоянного положения. Интеллигент, который нёс новое, сталкивался с конфликтным отношением к нему»³. В губернских городах статистики зачастую сталкивались с отсутствием интеллектуального фона, что, безусловно, тяготило их, стремившихся к активной общественной и культурно-просветительской деятельности. «Говорят, что провинция нуждается в интеллигентных людях - это верно; но ведь нельзя же интеллигенцию посадить на необитаемый остров, на необитаемый в смысле отсутствия всяких умственных интересов, всякого движения живой воды», - досадовал И.М. Краснопёров в одном из своих писем историку В.И. Семевскому⁴. Тяготы и невзгоды провинциальной жизни с её «мелочностью интересов» действовали раздражающе и, одновременно, угнетающе. «Жить, конечно, крайне тягостно в провинции. Ведь, верите ли - я буквально сижу только дома, читаю, пишу, гуляю и потом опять в свои четыре стены. Знакомых никого. Да если и пойдёшь к кому-нибудь вечерком поболтать часок - другой, то жизнь свою проклянёшь: кроме сплетен городских и карточной игры ничего не увидишь», - жаловался И.М. Краснопёров в своём письме от 26 января 1887 года⁵.

Времяпрепровождение, которое предлагала статистикам провинция, их отнюдь не устраивало. Они стремились к большему, чем обсуждение местных мелких происшествий за чашкой чая, на-

³ Санникова Т.А. Интеллигенция российской провинции XIX века: мировоззрение и образ жизни (на материале Урала). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 110.

⁴ Архив РАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 382. Л. 239 об.

⁵ Там же. Л. 206 об.

пример, к обсуждению литературных новинок, выставок, общественно-политических событий национального масштаба. В определяющей степени их досуг зависел от таких факторов, как наличие свободного времени, круга личных интересов, возраста, образовательного и общекультурного уровня. Одним словом, вне своей профессиональной деятельности статистики стремились жить духовно насыщенной жизнью. Логично предположить, что им в большей степени, чем земским врачам и учителям требовалась интеллектуальная жизнь в губернском городе, поскольку они имели значительно более широкий круг общения, а ежегодное длительное (с весны и до поздней осени) пребывание в уездах среди крестьян делало эту потребность весьма настоятельной. Сетования статистиков на отсутствие «интеллектуальной жизни» в провинции говорят о том, что культурно-просветительские вопросы играли в их взглядах очень важную роль.

Дорога превалировала и в повседневной трудовой деятельности; во время проведения подворных переписей крестьянских хозяйств, оценочных работ статистикам приходилось постоянно переезжать из одного населённого пункта в другой. Земство обеспечивало выезжавших в уезд статистиков гужевым транспортом и суточными деньгами. Если у земства не хватало лошадей для разездов статистиков, то они имели право пользоваться «обывательскими». Это право закреплялось открытыми листами (свидетельствами, удостоверениями), которые выдавались каждому статистику, отправлявшемуся в уезд, земской управой по согласованию с губернатором. Открытым листом местным властям предписывалось оказывать «всяческую помощь» статистикам. Довольно часто, из-за отсутствия лошадей, им приходилось пешком добираться до населённого пункта, если он находился не столь далеко. Иногда, после переписи, крестьяне той деревни или села, где она прошла, сами отвозили статистиков в соседнее село, деревню для проведения переписи там. Нередко, переезды из одного уезда в другой, из одного населённого пункта уезда в соседнее село отличались значительной протяжённостью. Даже по современным меркам статистикам приходилось преодолевать большие расстояния. К этому добавлялся фактор времени, необходимо было успеть закончить работу в срок. Мобильность земских статистиков не может не восхищать и удив-

лять. К примеру, Н.Н. Романов, руководя статистическими исследованиями в Вятской губернии, за три месяца проехал 4700 вёрст по уездам. В.Н. Григорьев, работая в Рязанском уезде Рязанской губернии, в одном из писем своей будущей жене С.А. Вернер сообщал: «Наша работа движется вперёд и вперёд, галопируя: последнее особенно относится к Леониду Семёновичу [Личкову. - С. Л.], который с 3-х часов ночи собирает и чуть ли не в полночь кончает работу. Ещё неделка с небольшим, и мы закончим весь уезд по сю сторону Оки. <...>. И мы перенесёмся за 80 вёрст в совершенно новые условия – в страну раскольников и бабьих сходов, так как чуть ли не все мужики уходят на заработки. Закончив Мещёрский край, мы закончим своё рыскание по Рязанскому уезду, но ещё массу материала нужно будет собрать. Кроме того, придётся порыться в разных архивных документах, а мне лично поехать по помещикам, что особенно удобно сделать в июле, когда наступит рабочее время, когда многие из помещиков будут дома. Хотелось бы воспользоваться июлем и порыскать вне Рязанской губернии, да придётся, если не вовсе отказаться от этого, то сократить свои порывы до самых скромных размеров»⁶.

Постоянные переезды из одной губернии в другую определяли и неустроенность быта статистиков. Прибыв к месту работы, они должны были самостоятельно решать вопрос с жильём; оно предоставлялось только руководителям статбюро. Как правило, служебная квартира не отличалась благоустроенностью. Например, квартира, которую снимали в Свияжске супруги Анненские, «была и холодна и сырая»⁷. В большинстве случаев она располагалась в том же здании, что и земская управа, а иногда само статистическое бюро базировалось в квартире заведующего. «Управа нашла новую квартиру под своё помещение; там же с февраля будет помещаться и наше бюро. До сих пор бюро находилось в моей квартире...», - сообщал И.М. Краснопёров В.И. Семевскому в своём письме от 16 января 1888 года⁸. Такое соседство доставляло членам семьи много неудобств и забот. Те, кто мог, снимали отдельные квартиры, полови-

⁶ РГБ НИОР. Ф. 218. Картон 557. Ед. хр. 3. Л. 3-3 об.

⁷ Анненская А.Н. Из прошлых лет. (Воспоминания о Н.Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 2. С. 57.

⁸ Архив РАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 382. Л. 194.

ну дома или же целый дом. Наконец, если позволяло финансовое состояние, покупали собственное жильё.

Переезды определили и скромность домашней обстановки статистиков, которая не отличалась своей изысканностью. «Не обзаводитесь, друзья мои, хорошей домашней обстановкой, - советовал своим самарским коллегам руководитель земского статистического бюро Московской губернии В.И. Орлов, - а так, попроще. Ведь земская статистика вообще не прочна: сегодня у земцев одни веяния - и они горой стоят за статистику, и за статистиков, и за народное образование; а завтра запоют другие песни - все окрысятся на статистику, которая окажется им не ко двору. Всё зависит от того, какой состав губернских гласных. Попадутся в это число, особенно в управу, невежественные люди - и всё доброе может пойти прахом...»⁹. Возможно, скромность домашней обстановки многих статистиков была обусловлена и таким фактором, как их народническое мировоззрение, в котором места излишне роскошной, с их точки зрения, бытовой устроенности, просто не находилось.

Такое же отношение присутствовало и к одежде. Отправляясь в уезд для проведения переписи, статистики одевались в простую, практичную в полевых условиях одежду. Кроме того, простая одежда должна была вызывать большее доверие к статистикам со стороны крестьян. В ней же некоторые заведующие, как, например, С.А. Харизоменов, приходили на земские собрания и заседания управы¹⁰. В контексте жертвенного служения народу, которое являлось доминантой поведения подавляющего большинства земских статистиков, сытая обеспеченная жизнь выглядела бы слишком уж вызывающе. Но обязательным атрибутом домашней обстановки была библиотека. Книги играли исключительно важную роль в жизни земских статистиков. Их покупка составляла значительную статью расходов их семейного бюджета. Обширной являлась и география приобретения книг. И.М. Краснопёров, например, получал книги даже из Италии, которые ему присылал статистик и экономист Луиджи Бодио. Приобреталась не только специализирован-

⁹ Цит. по: *Краснопёров И.М.* Воспоминания земского статистика (1872-1902) / подгот. текста, предисл., примеч. Ю.И. Соколова. М., 2008. С. 54.

¹⁰ *Климов А.И.* Из воспоминаний об С.А. Харизоменове // Из личного архива А.И. Климова. Рукопись. Л. 6.

ная литература (по статистике, экономике, агрономии и т. д.), но и художественные произведения, в том числе и иностранные. Все руководители статистических бюро имели довольно богатые домашние библиотеки. У заведующего Саратовским губернским земским статистическим бюро С.А. Харизоменова библиотека занимала целый отдельно стоявший флигель. В семьях статистиков Анненских и Черненковых под библиотеку были отведены отдельные комнаты. Отрывочные свидетельства источников позволяют говорить о разнонаправленности содержимого библиотечных собраний статистиков, что только подчёркивает их высокий культурно-образовательный уровень и интеллектуальные запросы. Большинство из них выписывали сельскохозяйственные и агрономические журналы, которые, если позволяли средства, дополнялись общественно-политическими и литературными периодическими изданиями, а также энциклопедиями, справочниками.

Тяготы переездов со статистками делили их жёны. Образ жизни их мужей заставлял и их принимать его, жертвуя какими-то своими личными интересами, пристрастиями, планами. Спутницы жизни стоически переносили постоянные переезды из одной губернии в другую. На это способны только духовно близкие друг другу люди. Некоторые жёны помогали своим мужьям и в их работе. В штате Самарского губернского земского статистического бюро во второй половине 1880-х годов с окладом 20 рублей в месяц трудилась жена заведующего И.М.Краснопёрова - О.В. Краснопёрова¹¹. Сотрудницами Пензенского земского оценочно-статистического отдела были жёны статистиков Н.А. Быханова - Л.П. Быханова, Я.В. Бляхера - Н.Л. Бляхер, а также супруга заведующего В.Г. Громана - О.Н. Громан. Супруга В.И. Серебрякова З.А. Серебрякова с 1896 по 1899 годы занималась журналистикой, являясь внештатным корреспондентом «Саратовской земской недели», а в 1900-е годы - «Саратовского вестника». Она использовала статистический материал в ряде своих статей.

Анализ источников эпистолярного и мемуарного характера позволяет утверждать, что семья всегда оставалась для статистиков главной ценностью, определяющим жизненным ориентиром. Она являлась, фигурально выражаясь, тихой гаванью, в которой можно

¹¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 179. Л. 79, 92 об.; Ф. 3. Оп. 175. Д. 49. Л. 9-9 об.

было укрыться от служебных неприятностей, невзгод и разочарований. К ней относились бережно, трепетно, берегли от серьёзных конфликтов и тем более от распада. В семье царили любовь, взаимное уважение, сопереживание, готовность самопожертвования. «Разумеется, без семьи моей я не могу жить один - писал И.М. Краснопёров В.И. Семевскому 11 апреля 1902 года. - Я так люблю мою семью, что жить без неё - для меня смерть»¹². Через призму отношения земских статистиков к семье, их образ предстаёт более объективным, насыщенным лучшими нравственными чертами и интеллектуальным богатством. Повседневная жизнь заведующих статистическими бюро носила открытый, можно сказать, публичный характер, поскольку протекала буквально на виду земских гласных, членов управ, земских служащих, окружающего населения.

Изучение повседневной жизни земских статистиков, прежде всего руководителей, системы их духовных ценностей даёт основание утверждать, что это были культурные, образованные люди со своими проблемами, заботами, достоинствами и недостатками, эмоциональными переживаниями, горестями и радостями. У большинства из них быт во многом определялся спецификой работы, у некоторых - сохранившимися народническими взглядами на вопросы благоустройства личной жизни. Но общим для всех являлось ответственное, можно сказать, трепетное отношение к земской службе. Её трудности составляли неотъемлемый атрибут их жизни. Они воспринимались как нечто естественное, имевшее даже некий сакрально-жертвенный смысл. В лице земских статистиков следует видеть, прежде всего, тружеников, специалистов-профессионалов, посвятивших свою жизнь служению народу, изучению его жизни, хозяйственной деятельности, культурных традиций.

¹² Архив РАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 382. Л. 387.

**СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ
В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX века
(ПО РАННИМ ВОСПОМИНАНИЯМ В.Н. КОКОВЦОВА)¹**

М.В. Зайцев

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра истории России и археологии
e-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена условиям содержания политических заключенных в России в 1870-е годы. Данные об этом извлечены из воспоминаний В.Н. Коковцова, служившего в указанный период чиновником Главного тюремного управления Министерства внутренних дел Российской империи.

Ключевые слова: История России, освободительное движение, народники, тюрьмы в царской России, В.Н. Коковцов.

**THE DETENTION OF POLITICAL PRISONERS
IN LAST THIRD OF THE XIX CENTURY IN RUSSIA
(ON EARLY V.N. KOKOVTSOV'S MEMORIES)**

M.V. Zaytsev

(Saratov, Russia)

The article is devoted to the detention of political prisoners in Russia in the 1870s. The data extracted from the memories of V.N. Kokovtsov who served during the period as officer of the Chief prison department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire.

Key words: History of Russia, liberation movement, «narodniki», prison in tsarist Russia, V.N. Kokovtsov

Освободительное движение в России в последнее время занимает все менее заметное место в историографии, что очевидно связано с существующей политической конъюнктурой. Тем не менее, нельзя сказать, что эта тема полностью исчерпала себя. Напротив,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 16-31-01046 а2.

именно сейчас существует возможность максимально непредвзято рассматривать истоки, особенности и исторические последствия данного явления, а также вводить в научный оборот источники, ранее остававшиеся, по тем или иным причинам, вне поля зрения исследователей.

В своем небольшом сообщении я хотел бы привлечь внимание специалистов к одному любопытному источнику, опубликованному относительно недавно. Это записки графа В.Н. Коковцова озаглавленные «Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры»².

Владимир Николаевич Коковцов являлся одной из крупнейших фигур в правительстве Николая II, занимая посты министра финансов (в 1904-1905, 1906-1914 гг.) и председателя Совета министров (в 1911-1914 гг.). Оказавшись после революции 1917 г. в эмиграции, Коковцов опубликовал обширные мемуары о наиболее интенсивном периоде своей работы в правительстве (с 1903 по 1917 г.), и о первых послереволюционных годах. Эта книга под названием «Из моего прошлого» вышла в Париже в 1933 г., а в начале 1990-х гг. - в нашей стране³. Некоторые советские историки использовали парижское издание в своих исследованиях, но только издание 1992 г. позволило по-настоящему полно ввести этот источник в научный оборот.

В предисловии к этим воспоминаниям автор специально оговаривает, что не будет освещать в них ранние этапы своей жизни и служебной карьеры, в том числе период с 1879 по 1890 г., который он провел в качестве чиновника Главного тюремного управления МВД. Только в 1937 г. Коковцов создал еще одни мемуарные записки, посвященные его детским и юношеским годам, а также начальному периоду государственной службы. Они оказались на хранении в архивном собрании Королевского музея армии и военной истории (Брюссель) вместе с некоторыми другими документами, касающимися деятельности графа в эмиграции, и долгое время об их существовании было известно лишь небольшому кругу специали-

² Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. В 2 т. Париж, 1933; Коковцов В.Н. Из моего прошлого: воспоминания министра финансов России, 1903–1919. В 2 кн. М., 1992.

стов. В 2007 г. в нашей стране вышла часть этих воспоминаний⁴, а в 2011 г. усилиями М. В. Ковалева и М. А. Васильевой была впервые опубликована их полная версия⁵.

Исследователи обнаружат в данных воспоминаниях сразу несколько любопытнейших информационных пластов. Во-первых, это рассказ Коковцова о его детстве и семейной жизни, который дает ценные сведения о быте и повседневности русского провинциального дворянства 50-60-х гг. XIX века. Второй крупный раздел посвящен Александровскому лицезу, составу его воспитанников и преподавателей эпохи 1860-70-х годов. Наконец, изложение событий раннего этапа административной карьеры Коковцова содержит отзывы и упоминания о некоторых известных государственных деятелях России пореформенного периода - К.К. Гроте, Э.Д. Плеске, Н.С. Таганцеве, Д.М. Сольском, С.Ю. Витте, Ф.А. Оооме и др.

Помимо прочего, в этом тексте рассказывается о службе автора под руководством выдающегося деятеля той эпохи - К.К. Грота, который в 1877 г. был назначен председателем Особой комиссии Государственного совета о преобразовании тюремной части. Гроту предстояло изучить современное состояние тюремных учреждений в России, и он пригласил Коковцова в качестве помощника. На протяжении этого этапа своей службы Владимир Николаевич, в частности, принял участие в инспектировании многих мест заключения, включая те, где содержались участники народнического движения.

В середине 1870-х гг. готовился процесс 193-х, подоплека которого подробно проанализирована в трудах Н.А. Троицкого⁶. Этот автор в своих исследованиях неоднократно указывал на ужасающие условия, в которых при царском режиме содержались политзаключенные в тюрьмах и на каторге. Так, в частности, он в своей моно-

⁴ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры // Некрасов С.М. «Куда бы нас не бросила судьбина...»: Выпускники Императорского Александровского Лицея в эмиграции. М., 2007. С. 125-159.

⁵ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011.

⁶ См.: Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды. 1871-1874 (так называемые «чайковцы»). Саратов, 1963; *Его же*. Первые из блестящей плеяды. (Большое общество пропаганды 1871-1874 гг.). Саратов, 1991; *Его же*. Крестовосцы социализма. Саратов, 2002.

графии о Большом обществе пропаганды, сообщает, что во время затянувшегося на три года следствия по делу 193-х «арестованные томились в жутких условиях одиночных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса 43 из них умерли, 12 - покончили с собой и 38 - сошли с ума)»⁷. Однако воспоминания Коковцова рисуют несколько иную картину условий, в которых содержались заключенные.

В течение 1876 г. обвиняемых по делу 193-х переводили в Петербургский Дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Эта была новая следственная тюрьма, открытая годом ранее, строение которой соединялось с соседним зданием Окружного суда и Судебной палаты, где и происходили следствие и сам процесс. Грот поручил Коковцову проинспектировать эту тюрьму, что последний и выполнил на рубеже 1876-1877 годов. По отзыву Коковцова, управлявший Домом предварительного заключения полковник Федоров «человек очень добрый» значительно распустил вверенное ему учреждение. И если в женском отделении одиночного заключения правила еще как-то соблюдались, то на мужском «среди следственных политических порядок был более чем сомнительный». «Проще сказать, - сообщает мемуарист, - его совсем не было. В период моих частых посещений одиночное заключение, в смысле изоляции заключенных и устранения возможности взаимных общений в их среде, было чистейшей фикцией. Центральный тюремный двор, на который выходили окна всех 400 камер, был переплетен целою паутиною тонких бечев, по которым сверху вниз и на все четыре стороны передавались по довольно простым проводам небольшие посылки арестованных из одних камер в другие, письма и книжки. Полковник Федоров старался бороться с этим злоупотреблением, но совершенно безуспешно. Паутина проводов, уничтоженная под его личным наблюдением, немедленно восстанавливалась неведомыми путями, очевидно не без прямого участия низшего тюремного надзора...»⁸.

Учитывая это обстоятельство, Коковцов даже перестал задавать заключенным стандартный вопрос о том, какое влияние оказывает на них содержание в одиночном заключении, поскольку было оче-

⁷ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. С. 263.

⁸ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний... С. 224.

видно, что от изоляции они совершенно не страдают. Еще одним средством общения между узниками служило перестукивание посредством труб отопления, водоснабжения и фановых. На устройство этих труб постоянно жаловался тюремный надзор, объясняя свое бессилие бороться с переговорами, но, как иронизирует Коковцов, совершенно не жаловались заключенные, «бодро переносившие неудобства такого общения».

Таким образом, обвиняемые по делу 193-х во всю пользовались отсутствием строгости в тюремном режиме. Однако позднее, примерно в 1879 г. эта явная насмешка над принципом изоляции была уничтожена следующим начальником тюрьмы - полковником Григорьевым, «энергично расправившимся как с главными деятелями такого обхода закона из числа арестованных, так и в особенности [с] их услужливыми пособниками из низшего надзора»⁹.

Летом 1877 г. Грот в сопровождении Коковцова и еще двух чиновников совершил большую поездку по стране с целью осмотра мест заключения в разных губерниях. В том числе они посетили каторжную тюрьму в Харьковской губернии, где содержались раздельно как уголовные преступники, так и политические. Характерно, что условия содержания уголовников отличались в лучшую сторону от условий, в которых находились политические. Первые жили большими группами в общих камерах с окнами, выходившими на обширный, обсаженный деревьями двор с разбитыми на нем лужайками и клумбами. Вторые находились в особом здании, состоящим из одиночных камер, которые Коковцов описывает так: «Небольшая, продолговатая комната со всеми обычными принадлежностями - подъемною кроватью, столом, табуретом и иными атрибутами одиночной камеры, закрепленным железною решеткою. Было душно от открытого окна и полно мух, обычного бича на юге, в комнатах, не имевших приспособления для затемнения их на время яркого дневного света»¹⁰.

Размер камер был настолько мал, что для беседы с заключенным Грот был вынужден входить в камеру один, его спутники просто не помещались. С другой стороны, Коковцов отмечает, что, в отличие от арестантов на общем отделении, политические в оди-

⁹ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний... С. 225.

¹⁰ Там же. С. 233.

ночках не носили кандалов. Внешний вид узников, как сообщает мемуарист, «поражал бледностью лица и очевидным утомлением от духоты и безделья»¹¹.

Все политзаключенные, содержащиеся в этой тюрьме, являлись участниками народнического кружка А.В. Долгушина¹². На стандартные вопросы об условиях содержания все они никаких жалоб не заявляли. Сам Долгушин лишь просил ускорить их перевод на каторжные работы в Сибирь, поскольку даже больше заключения узников угнетало постоянное бездействие. Его соратники говорили в том же духе и просили только позволить им иметь хоть какие-нибудь книги, чтобы справиться с тоскою безделья (что характерно, на вынужденное безделье, как на основной раздражающий фактор, указывали и уголовники). Один из политзаключенных, когда Грот вошел в его камеру и обратился с вопросами о жалобах, вдруг упал на колени и, едва сдерживая рыдания, стал буквально умолять допустить на свидание его мать, которая проживала уже два месяца в слободе поблизости от тюрьмы.

Однако в компетенцию Грота подобные вопросы не входили. Режим содержания политических был установлен во всех подробностях Департаментом полиции с утверждения министра внутренних дел, по соглашению с III отделением Собственной его императорского величества канцелярии. «Местная власть в лице харьковского губернатора не имела никакой самостоятельности и должна была следовать строго установленным правилам, обращаясь к министру внутренних дел во всех случаях либо не предусмотренных правилами, либо вызывающих отклонения от них»¹³. Поэтому все, что мог сделать Грот - пообещать передать эти просьбы в вышестоящие инстанции, хотя сам понимал, что пройдет масса времени, прежде чем такие обращения будут рассмотрены и последует какая-то реакция на них.

Итак, судя по ранним воспоминаниям Коковцова, содержание политзаключенных в середине 1870-х гг. еще не отличалось той изощренной жестокостью, на которую указывают некоторые иссле-

¹¹ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний... С. 233.

¹² О процессе над долгушинцами см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг. М., 1978. С. 107-109.

¹³ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний... С. 233.

дователи освободительного движения. Однако вопрос этот требует дальнейшего внимательного и объективного изучения, с привлечением разноплановых источников.

МОСКОВСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

А.С. Майорова

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра истории России и археологии
e-mail: Majorova-as@mail.ru

Особую ценность для сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне представляют воспоминания участников и свидетелей ее событий. Обращение к воспоминаниям людей, которые после войны были школьниками и студентами, позволяет увидеть, что в среде молодежи очень сильны были ощущения общности судьбы, коллективизм, дружелюбие, оптимистический настрой. Очевидно, они имели решающее значение для достижения успехов в экономическом, научном и культурном развитии СССР в 50-е – 60-е гг. XX века.

Ключевые слова: воспоминания Н.А. Троицкого, воспоминания Т.В. Батаевой, студенты МГИАИ, участники войны, дети войны.

MOSCOW STUDENTS OF THE EARLY POST-WAR YEARS

A.S. Mayorova

(Saratov, Russia)

The memories of participants and witnesses of the Great Patriotic War are of particular value for the preservation of the historical memory. The recollections of the people who were schoolchildren and students after the war, reveal a strong sense of common destiny, teamwork, friendliness and optimism among the young. Obviously, such feelings were crucial to achieving success in the economic, scientific and cultural development of the USSR in the 50-60s of the XX century.

Key words: N. Troitsky's memories, T. Bataeva's memories, students of Moscow State Institute for History and Archives, war veterans, children of war.

В контексте конференции, посвященной памяти Н.А. Троицкого, представляет интерес материал о времени, о том историческом периоде, к которому относится жизнь, преподавательская и научная деятельность нашего замечательного коллеги. Мы все -

его современники, многие из нас - его ученики. Однако мы можем назвать себя только его младшими современниками. Никто из нас не видел и не пережил того, что пережил в течение своей довольно длительной жизни Троицкий. Сейчас еще можно встретить людей, которые были его сверстниками, и даже людей старших по возрасту. Однако их не так уж много. И нам, чтобы понять все грани характера, взглядов на жизнь и научных взглядов Троицкого, необходимо по воспоминаниям современников восстанавливать черты той эпохи, в которой он сформировался как личность. А это было время героическое и одновременно - трагичное, время войны и первого десятилетия после нее.

В наши дни большое внимание уделяется проблеме сохранения исторической памяти о войне. Особую ценность с этой точки зрения представляют воспоминания участников и свидетелей всех событий, связанных с войной. Они привлекают внимание как общественности, так и историков. Недавно в поле зрения специалистов оказались воспоминания людей, ныне очень пожилых, которые были детьми в военные годы. Одним из результатов работы историков по фиксации воспоминаний о военном детстве является сборник, опубликованный в 2015 г., «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города»¹. Для нас данная публикация интересна потому, что Троицкий принадлежал к поколению советских людей, чье детство прошло в годы войны.

Обращение к мемуарным источникам, посвященным этому периоду, позволяет увидеть не только трудности, которые приходилось преодолевать солдатам, вернувшимся с войны, труженикам тыла и их детям. Для историка очень важны и бытовые подробности, и свидетельства о духовной жизни взрослых людей, молодежи, детей, переживших войну. Волгоградские специалисты, которые собирали воспоминания детей войны, стремились уловить особенности психологического состояния и впечатления своих респондентов о межличностных отношениях в первое послевоенное десятилетие. Задача эта может считаться одной из важнейших для историка. Изучение данной проблемы может

¹ Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград, 2015.

дать ответ на целый ряд вопросов, связанных с послевоенной историей СССР.

Родители детей, рассказывающих о послевоенных годах, принадлежали к поколению, которое смогло отстоять свою страну в тяжелейшей войне и обеспечить ее победу. Их трудом в очень краткие сроки было восстановлено народное хозяйство. О том, в каких условиях происходил этот процесс, и какие особенности советского общества способствовали его успеху, можно узнать, изучая воспоминания - в том числе, и воспоминания детей военного времени. Среди них было много таких, кто трудились на заводах и в колхозах во время войны. Те, кто были помладше, начали свою трудовую деятельность в первое послевоенное десятилетие. Стоит вспомнить, что к этому поколению принадлежал и Юрий Гагарин.

Несмотря на трудности жизни в послевоенном СССР, молодежь хотела не просто обеспечить существование себе и своим близким, работая на заводах и в сельском хозяйстве, она хотела учиться. Об этом свидетельствуют статистические данные, которые фиксировали количество обучавшихся в высших и средних специальных учебных заведениях молодых людей. О том же мы узнаем из воспоминаний тех, кто поступал в вузы в послевоенные годы. Очень важные подробности об условиях жизни и учебы московских студентов того времени содержатся в воспоминаниях Т.В. Батаевой, которая училась в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) в 1945–49 годах². Н.А. Троицкий в своих мемуарах³ также писал о своих студенческих годах в Саратовском университете (1949–1954 гг.).

Т.В. Батаева была его современницей. Ее короткие воспоминания посвящены годам учебы в МГИАИ. Троицкий описал не только время студенчества, но и время детства, оставил рассказ о своей учебе в школе. Его повествование об обучении в Саратовском университете отличается конкретностью и содержит массу

² [Батаева Т.В.] «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...» Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005 № 1. С. 88–109.

³ Троицкий Н.А. Книга о любви. (Записки историка) Саратов, 2006.

подробностей, которые характеризуют эпоху, человеческие отношения, нравственные ориентиры тогдашней молодежи.

Несмотря на то, что Батаева и Троицкий не знали друг друга, в их судьбах есть общие черты. Прежде всего, они принадлежат к одному поколению, только Батаева была года на три – четыре старше Троицкого. Она так же, как и Троицкий, стала доктором исторических наук, длительное время занималась преподаванием в московских вузах - в Историко-архивном институте, Университете Дружбы народов, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Воспоминания Батаевой о студенческих годах в послевоенной Москве увидели свет в журнале «Отечественные архивы» в 2005 г., т.е. за год до опубликования «Книги о любви» Троицкого. Батаева зафиксировала свои воспоминания, очевидно, по инициативе редакции журнала. Скорее всего, они были написаны в 2004 году, незадолго до публикации. Первая часть «Книги о любви» Троицкого, в которой речь идет о событиях в жизни автора до 1961 г., была завершена, судя по замечаниям в тексте, в 2002-2003 гг. Сближает эти мемуары не только исторический период, когда они были созданы. Оба автора писали свои воспоминания, достигнув солидного возраста. Их жизненный опыт был обогащен событиями, которые переживал народ нашей страны, с предвоенного периода до распада СССР и первого десятилетия жизни в условиях изменившегося социального строя, к чему необходимо было приспособливаться.

Разница в авторской позиции мемуаристов определяется, прежде всего, задачами, которые они ставили перед собой. Н.А. Троицкий создал довольно обширное повествование о своей жизни, и поэтому личность автора здесь выступает в большинстве рассказанных эпизодов. Батаева осветила относительно краткий период своей биографии и, судя по всему, ее более всего привлекала задача рассказать о людях, которые ее окружали в то время. Черты характера двух авторов тоже отразились в мемуарах. Все помнят, каким остроумным и ироничным был Троицкий. Смешные случаи, неожиданные реплики, комичные ситуации (порой с трагическим оттенком) часто встречаются на страницах его мемуаров.

Повествование Батаевой представляется более лиричным по характеру. Оно окрашено чувствами, которыми были полны ее друзья-студенты и которые передаются читателю - настроение радостных ожиданий, доброжелательное отношение к окружающему миру. Батаева пишет: «За плечами всех студентов была война с ее страданиями, потерями близких, горестями, голодом и холодом». Чувство того, что впереди всех ожидает «жизнь без войны», оптимистический настрой, присущий молодому поколению, которое пережило трагические годы, переданы автором воспоминаний в лаконичных фразах⁴. Однако содержание самого повествования служит подтверждением этого.

В настоящее время представляется интересным то, как два человека — Батаева и Троицкий, — пережившие в детстве войну и обучавшиеся в высшей школе в послевоенное десятилетие, рассказывают о жизни студентов в этот период. Правда, существует разница во времени, на первый взгляд, небольшая. Однако она определила и некоторые черты своеобразия в воспоминаниях двух авторов. Батаева поступила в МГИАИ в 1945 г., а Троицкий — в Саратовский университет — в 1949 г.⁵, когда Батаева закончила обучение в институте. Оба автора обращают внимание своих читателей на состав своих однокурсников. Если в первое пятилетие после войны, как можно видеть по воспоминаниям Батаевой, в вузах было много молодых людей, демобилизованных из армии, встречались и девушки-фронтовички, то позднее, конечно, уже была другая ситуация. Троицкий упоминает о фронтовиках, но наиболее колоритной группой студентов были тогда уже иностранцы, молодые люди из стран народной демократии.

Батаева пишет, что среди 120 студентов-первокурсников, поступивших в МГИАИ в 1945 г., около 20 человек были участниками войны, из них 7 — девушки. Конечно, среди них были инвалиды войны, молодые люди, потерявшие здоровье⁶. Однако у старших товарищей, прошедших фронтовую школу, можно было научиться самостоятельности, зрелости суждений, умению дис-

⁴ [Батаева Т. В.] Указ. соч. С. 90.

⁵ Троицкий Н.А Указ. соч. С. 27.

⁶ [Батаева Т.В.] Указ. соч. С. 90

кутировать⁷. При этом, как отмечает автор воспоминаний, учиться хотели все, несмотря на жизненные лишения. «Вопроса с посещаемостью не существовало», — отмечает мемуаристка. Время было голодное, продовольственные пайки — скудные. Однако даже от своей крошечной стипендии студенты отдавали деньги на послевоенный Заем. Особое внимание привлекает замечание автора: «Чувство долга и патриотизма было в каждом»⁸. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, ведь победа в войне была достигнута именно благодаря этим чувствам. Иначе и не было бы победы.

Как видно из воспоминаний Батаевой, главное, что было в студенческой среде первых послевоенных лет — это дружба, которая сплачивала однокурсников и помогала преодолевать трудности в учебе: «Какими мы были тогда? Дружными. Доброжелательными, хотя и полуголодными. Несмотря на разницу в возрасте, мест и условий проживания, курс был сплоченным. Дружили группами»⁹. Рассказ Батаевой о первой сессии — это рассказ об испытании на серьезность дружеских отношений, которое прошла ее группа. Здесь присутствуют подробности, знакомые всем поколениям студентов, вплоть до способа передачи шпаргалок. Однако есть моменты, указывающие на то, что чувство сплоченности, желание помочь друзьям у однокурсников Батаевой было гораздо более сильным, чем у последующих поколений студентов. Записи лекций и конспекты литературы были общим достоянием группы. Во время экзамена вся группа стояла у дверей аудитории. Конечно, заглядывали в дверь. «Переживали, когда кто-то долго сидел перед экзаменатором, или долго не выходил отвечать к столу»¹⁰. Мемуаристка старается передать чувства своих товарищей — все «болели» за всех.

И еще одна подробность, которая была особенно важна для юношей и девушек, переживших войну, — в Москве учились студенты, приехавшие из разных концов Советского Союза, потому что «окончание войны позволило передвигаться по стране». За

⁷ [Батаева Т.В.] Указ. соч. С. 89—90

⁸ Там же. С. 90

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Там же.

этой оптимистической фразой следует оговорка, которая характеризует реалии тех лет: в Москву можно было приехать «исключительно по вызову института или организации»¹¹. Самое важное, что хочет донести автор воспоминаний до своих читателей: «Дружба не зависела от того, москвич ты или нет». «Кто откуда - этот вопрос не задавался, только со временем, особенно к летним каникулам стало выясняться, кто и куда едет к родным на лето»¹². Ощущение единства, общей судьбы можно также назвать особенностью самосознания студенческой молодежи первых послевоенных лет.

Дружба, которая родилась в послевоенные годы, продолжала оставаться необходимой для бывших студентов спустя многие десятилетия. Выпускники 1949 г. устраивали встречи в родном институте через 10, 20 лет, и даже через 45 лет после окончания вуза. На них приезжали однокурсники из Казахстана, Сибири, Белоруссии, Дальнего Востока, Северного Кавказа, из Крыма и, конечно, из Ленинграда. И только на 50-летний юбилей не смогли приехать однокурсники из других городов и стран. Это был 1999 год¹³.

Интересно то, что для студентки столичного вуза Батаевой и для студента СГУ Троицкого, судя по их воспоминаниям, в равной мере жизненным приоритетом являлось приобщение к сокровищам культуры. Восторженное чувство присуще рассказам обоих авторов, когда они пишут на эту тему. Оба вспоминают о любви к театральному искусству, о посещении театров - в Москве и в Саратове. Троицкий называет имена любимых саратовских артистов¹⁴. Он с увлечением рассказал также о том, как ему повезло получить путевку в Москву и побывать там вместе со своими однокурсниками, как они ходили в музеи, в театр, слушали концерт в студенческом клубе на Стромынке¹⁵. Он вспоминает и любимые художественные фильмы, артистов, которые играли в кино¹⁶. По рассказам обоих авторов видно, насколько высоко молодежь послевоенного времени ценила духовные блага.

¹¹ [Батаева Т.В.] Указ.соч. С. 104.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 88

¹⁴ Троицкий Н. А Указ. соч. С. 42

¹⁵ Там же. С. 44 – 45

¹⁶ Там же. С. 42 – 43

Рассказ Батаевой об этой стороне жизни московского студенчества послевоенных лет содержит любопытные подробности о том, как ее однокурсники добывали билеты в Большой театр. Как пишет автор, цены на билеты «были доступными даже для нас, студентов, если правильно выбрать места». И конечно, было много желающих попасть в театр. Очередь за билетами «выстраивалась с вечера, нужно было дежурить ночь - старожилы делали перекличку вечером, ночью и рано утром». Находчивые студенты-архивисты нашли выход из положения, с вечера в очереди «дежурила» мужская часть группы, это было возможно потому, что их общежитие было в здании МГИАИ, которое находится рядом с Театральной площадью. (Из окон института видны Большой театр и Малый театр). Утром, к моменту открытия касс «подтягивались девочки». Билеты брали на всю группу. Ради этого, пишет Батаева, «допускались иногда пропуски первой или второй лекции»¹⁷.

Вполне естественно, что в мемуарах обоих авторов, и Батаевой, и Троицкого (на тех страницах, где он пишет о студенческих годах,) значительное место отведено характеристикам преподавателей, у которых они учились. Причем, у Троицкого особое внимание уделено манере чтения лекций. Батаева, кроме того, довольно пространно пишет о судьбах преподавателей МГИАИ, у которых она училась, и со многими из которых она впоследствии работала. Данный аспект рассматриваемых воспоминаний четко определяет специфику мемуаров, посвященных студенчеству. Тем не менее, у них есть и такие черты, которые позволяют включить их в более широкий круг источников личного происхождения, описывающих послевоенные годы. У Батаевой, как уже было сказано, мы встречаем описание взаимоотношений в среде московских студентов того периода.

Если обратиться к наблюдениям волгоградских историков, которые фиксировали и изучали воспоминания детей Сталинграда первого послевоенного десятилетия, то они также указывают на то, что в рассказах респондентов присутствует тема особого характера человеческих взаимоотношений того времени. Во вступительной статье к сборнику М.А. Рыблова обращает внимание на высказывания людей, которые делились своими воспомина-

¹⁷ [Батаева Т.В.] Указ. соч. С. 103.

ниями. Одна из женщин говорила: «Мне кажется, мы были более душевные, более мягкие, было больше соболезнования, как бы сказать, мы были более сердечные, а после войны дети стали более жесткими». Здесь же процитировано высказывание другого респондента: «довоенные дети более сознательные, более ответственные и дружелюбные»¹⁸. Отмеченные Рыбловой оценки человеческих взаимоотношений, которые принадлежат детям военного Сталинграда, совпадают с теми, которые мы встречаем в воспоминаниях Батаевой. Она также подчеркивает атмосферу дружественности, взаимопомощи в среде молодежи послевоенных лет.

Заслуживает внимания вывод Рыбловой, сделанный на основании изучения материалов воспоминаний, собранных волгоградскими историками. Она пишет: «Вообще всегда свойственный русским коллективизм в годы войны и в послевоенное десятилетие испытывал второе рождение, показав свои безусловные преимущества перед индивидуализмом и стратегиями личного выживания. Коллективные практики преодоления послевоенных трудностей демонстрировал и детский мир, и взрослый»¹⁹. Воспоминания Батаевой подтверждают справедливость этого наблюдения.

Рыблова подчеркивает еще одну сторону эмоционального настроения детей Сталинграда, которая была характерно не только для них, - послевоенное время было отмечено «всеобщей и огромной верой в будущее, в котором никогда уже больше не будет войны»²⁰. Из воспоминаний Батаевой мы также узнаем о чувстве оптимизма, определявшем настроения московских студентов того периода. Очевидно, это чувство можно назвать доминирующим в среде молодежи в послевоенное десятилетие. Результаты исследования И.В. Савицкого, который изучает мемуары членов семьи крымских немцев Готманов, показывают, что послевоенные оптимистические настроения не были чужды и детям немцев, находившихся в ссылке в период Великой Отечественной войны²¹.

¹⁸ Рыблова М.А. «Усилие воспоминания» или детская память о десяти послевоенных годах, проведенных в Сталинграде // Дети Сталинграда. С. 7

¹⁹ Там же. С. 10

²⁰ Там же. С. 9

²¹ Савицкий И.В. Мемуары крымских немцев Готманов как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение

Названные мемуары были составлены в 1970–1990-е гг., а в 2010–2012 гг. размещены на сайте Лидии Готман. Савицкий проанализировал четыре мемуара Готманов – дяди Фридриха Готмана и трех его племянников. О мемуарной записке самого младшего из них Эрвина, (1930 г. р.) исследователь пишет, что она посвящена, в основном, периоду его учебы в Сыктывкарском педагогическом институте в 1949–1953 годах. Таким образом, его студенческие годы совпадают со студенческими годами Троицкого. Савицкий отмечает, что текст записки Эрвина Готмана «ярко контрастирует с трагическими страницами» воспоминаний его старших родственников, - он «светится оптимизмом»²². Автор этих воспоминаний, несмотря на то, что принадлежал к семье крестьян-немцев, подвергшихся репрессиям, смог добиться успеха в жизни, он стал заслуженным учителем школы Коми АССР. (Его старший брат Эдгар стал видным математиком, профессором Арзамасского пединститута)²³. Савицкий полагает, что Эрвин Готман «в своих записках продемонстрировал свой профессиональный оптимизм»²⁴.

Однако, возможно, оптимистический характер его воспоминаний в своем истоке имеет то чувство, которое было присуще в послевоенное десятилетие всем советским детям и подросткам, пережившим войну. Тяжкие бедствия, которые они претерпели, гибель близких людей - все это было общим, и объединяла всех также общая надежда на счастливое будущее.

Благодаря такой особенности мемуарных источников, как насыщенность эмоциями, историк может ощутить эмоциональный фон изучаемой эпохи. Обращение к памятникам мемуаристики, авторы которых в послевоенное десятилетие были студентами или школьниками, позволяет отметить, что в среде молодежи очень сильны были ощущения общности судьбы, коллективизм, дружеские чувства, оптимистический настрой. Очевидно, они имели решающее значение для достижения успехов в экономическом, научном и культурном развитии СССР в 1950-е – 60-е годы.

ние: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9–11 апр. 2015 г. М., 2015. С. 384–386.

²² Там же. С. 386.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

УДК 9(470.44-25).06 + 9(470.44-25).07 + 657.354.1(470.44)

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: САРАТОВ НАЧАЛА 1780-Х ГОДОВ ПО ВЕКСЕЛЬНЫМ КНИГАМ ГУБЕРНСКОГО МАГИСТРАТА

С.В. Клейменова

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич,
Отдел редких книг и рукописей.
e-mail: Svet.kleymenowa@yandex.ru

В статье дан обзор книг протестов по векселям Саратовского губернского магистрата за 1782 и 1784 год, хранящихся в отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич. На одной из страниц обнаружен автограф известного саратовского коменданта И.К. Бошняка, названного А.С. Пушкиным «храбрый Бошняк».

Ключевые слова: XVIII век, вексельное право, вексель, Саратов, городская повседневность, полковник И.К. Бошняк, отдел редких книг и рукописей, Зональная Научная библиотека имени В.А. Артисевич.

FROM THE HISTORY OF THE CITY DAILY LIFE: SARATOV IN THE BEGINNING OF 1780-TH IN THE PROTESTS ON BILLS BOOKS

S.V. Kleymenova

(Saratov, Russia)

The article presents review of the protests on bills books of Saratov governor magistrate in 1782 and 1784 years. These ink-&-paper sources are stored in Rare books and manuscripts department of Regional Scientific Library named after V.A. Artisevich. Autograph of the legendary colonel I.K. Boshnyak (named by A.S. Pushkin "brave Boshnyak") - commandant of Saratov garrison is found on one of the pages.

Key words: XVIII century, exchange law, bill, Saratov, city daily life, colonel I.K. Boshnyak, Rare books and manuscripts department, Regional Scientific Library named after V.A. Artisevich.

Книги записей протестов по векселям (рукописи № 3249, 3250), датированных соответственно 1782 и 1784 годами, хранящиеся в фонде отдела редких книг и рукописей Зональной научной биб-

лиотеки имени В.А. Артисевич, могут служить достаточно интересным источником по истории Саратова начала 1780-х годов. Неуплата по векселю грозила должнику крупными неприятностями. Его движимое и недвижимое имущество за долги могли арестовать и продать. Напротив, согласно Городовому положению, оплаченный вексель мог в случае необходимости быть предъявлен для подтверждения прав состояния.

Вексельное право охранялось государством. Эта дисциплина преподавалась на юридическом факультете Московского университета, для чего в Россию был приглашен известный в Германии теоретик права профессор Ф.Г. Дильтей, автор книги «Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно и шведского...», выдержавшая несколько переизданий. Сочинение Дильтея, адаптированное к российскому законодательству, имело практическое значение: в нем давались указания нотариусам, приводились рекомендуемые образцы, как самих векселей, так и протестов по ним.

За внешним однообразием «протестных» записей скрыты целые пласты информации не только о финансовых взаиморасчетах удачливых и не очень саратовских предпринимателей и их хозяйственной деятельности. Потрепанные книги, исписанные копиями и письмоводителями, сохранили не только даты и суммы, но и множество имен саратовских купцов, мещан, дворян, офицеров, пахотных солдат, выходцев из колонистов и цехов, а также их «собственноручные» подписи. Наряду со стандартными канцелярскими оборотами вексельные книги сохранили и живую речь горожан, записанную с их слов, и различные житейские истории.

В источнике встречаются такие должности и занятия, как, например, саратовский провиант-комиссар, магазин-вахтер, каптенармус, водолив. Но, естественно, что векселя бытовали, прежде всего, в купеческой среде.

Если богатые дворяне и купцы нередко имели слуг, приказчиков, доверенных лиц, чтобы самим не заниматься хлопотами, неизбежно связанными с канцелярской волокитой, то менее состоятельные саратовцы (которых было большинство) являлись в магистрат сами. А их поручителями выступали родители, родственники, свойственники или соседи. Выплаты и протесты по векселям в купеческой и мещанской среде были делом семейным.

Первый источник носит название: «Книга губернского магистрата 2 департамента данная публичному нотариусу Степану Шел-

ковникову для записи протесту векселей 1782 году. Генваря 4. По описи № 3». По полям скрепа: «Губернского магистрата заседатель Козьма Шуваев». С л. 108 до конца: «Заседатель Михайла Баженов». Листы книги местами сильно загрязнены. Всего в вексельной книге сделано 274 записи с 4 января по 30 декабря 1782 года. После записи № 274 запись: «В сей книги протестовано по 1783 год векселей всего двести семьдесят четыре. Публичной нотариус Степан Шелковников». На последнем нумерованном листе подписи председателя Афанасия Нестерова, заседателей М. Баженова и К. Шуваева.

Первое, что мы узнаем из наших источников, - имя саратовского нотариуса: Степан Шелковников. Судя по всему, это был грамотный и квалифицированный юрист-практик. Звали его Степан Осипович, происходил он из мещан, как и его родственник Василий Шелковников (возможно, сын или брат). Несколько раз он выступал в качестве доверенного лица купцов Лукьяна Артемьева и Дмитрия Сапожникова. Кто бы ни подавал протест по векселю, он должен был обратиться к нотариусу: «Таковым же образом все протесты имеют быть писаны, где б они не случились, как от публичных нотариусов, где есть, а где нет, то Таможенными и Ратушскими Канцеляристами, а в малых уездных ярмонках земскими дьячками... однако ж запрещается в таких местах, где публичные Нотариусы есть, мимо их никому протестов не писать, дабы подлогов не произошло»¹.

Согласно установленным правилам с векселя снималась копия. Затем нотариус должен был найти должника, для чего шел к нему домой или на квартиру с двумя свидетелями. Если скрывающегося должника не было дома, а это оказывалось часто, то в книге делалась соответствующая запись. Если должник был дома, то записывался его ответ. После этого протестованный вексель возвращался неудовлетворенному заимодавцу для обращения в суд. Тот должен был расписаться. Поэтому в «книгах для записей протесту векселей», можно видеть автографы многих саратовцев, в том числе и полковника Ивана Константиновича Бошняка, относящегося, конечно же, «к именитым людям».

Бошняк был комендантом Саратова в 1773-1788 гг. с двумя годичными перерывами. Известно, что родился он в 1717 году, так что к моменту назначения ему было 56 лет. Военная карьера Бошняка началась в 15 лет, он участвовал в военных кампаниях, неод-

¹ Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права, особливо российского, купно и шведского. Москва, 1794. Ч. 2. С. 45.

нократно награждался за воинскую доблесть и усердие к службе, имел ордена. В шестом томе Общего гербовника есть герб рода Бошняков². «Храбрый Бошняк» - один из ярчайших образов 8-й главы «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкина. Широкий круг архивных документов, вводимых в оборот современными исследователями, показывает насколько сложной, неоднозначной была ситуация в городе, сложившаяся к моменту пугачевского восстания. И все же лаконизм пушкинских строк неповторим. Но подпись на векселе уводит нас от гениальной прозы великого поэта к сухой прозе архивного документа. На обороте листа № 4 запись: «Нижеломовская Казанская ярманка 1781 года июля 5 дня. Вексель на 134 р. 50 ко в шесть месяцев, щитая от сего июля 5 дня тысяча семь сот восемьдесят перваго года, по сему моему одинакому векселю повинен я заплатить в Саратове тульскому купцу Ивану Гордееву Большему Чехохину или ево приказу ходячею монетою денег сто тридцать четыре рубля пятьдесят копеек. Векследавец Степан Глатков, купец саратовской. А на обороте онаго векселя подписано тако: по сему векселю изволь заплатить его высокоблагородию саратовскому каменданту господину Ивану Константиновичу Башнаку, ибо я от него получил денгами на оную сумму сполна. Тульской купец Иван Гордеев Чехохин. Декабря 10 дня 1781 года. 1782 года генваря четвертаго дня подал в Саратове саратовской комендант господин полковник Иван Константинович Башнак мне, нижепоименованному ея императорскаго величества учрежденному при Саратовском наместничестве публичному нотариусу, подленной вексель. Выше сего следует копия, но объявленной векследавец Степан Глатков при нижеподписавшихся свидетелях к нему в дом хождение имел, ево дома не получил и платежа потребовать не с кого, того ради я, нотариус, за неплатеж по оному векселному писму для охранения векселнаго права надлежащим образом протестовал и сей протест с подлинным векселем господину полковнику Башнаку выдал. Публичной нотариус Степан Шелковников. Саратовской мещанин Степан Хвостов свидетелем был и подписался. Саратовской мещанин Алексей Кожевников свидетелем был и подписался». Имеется расписка Бошняка: «Подленной вексель под протестом взял. Полковник Бошняк». Видимо, до конца жизни он сохранял акцент.

Нижний Ломов с середины XVIII в. имел большое торговое значение: через него проходили торговые караваны из разных мест,

² Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797-м году. Часть шестая. [СПб.], б.г. № 147.

державшие путь в Нижний Новгород. Расстояние от Саратова до Нижнего Ломова – 307 км. Саратовцы нередко пользовались возможностью посетить Нижнеломовскую ярмарку. Из текста записи следует, что 5 июля 1781 г. саратовский купец Степан Гладков, находясь на ярмарке в Нижнем Ломове, занял у тульского купца Ивана Гордеева Чехомина 134 рубля 50 копеек сроком на полгода, а 10 декабря того же года вексель был оплачен Бошняком, Гладков стал должен ему. Такой вексель является по форме не простым (кредитор - должник), а передаточным. В вексельном праве передача (покупка) векселя третьему лицу носит название «индоссамент». Спустя полгода Гладков деньги не выплатил, и Бошняк 4 января 1782 г., накануне истечения срока, подал протест. Причина, по которой вексель не был оплачен, указана наиболее распространенная: векселедавец не оказался дома. В данном случае должник Бошняка – Степан Гладков, представитель богатого купеческого семейства, из которого происходил виноторговец и театрал Г.В. Гладков. «Храбрый Бошняк» скончался 6(17) января 1791 года и был погребен на погосте Крестовоздвиженского монастыря.

В записи № 267 упоминается как кредитор князь и коллежский асессор Михайла Баратаев. 24 декабря 1781 года (в Сочельник по старому стилю) он одолжил 100 рублей Василию Баженову, сыну того самого заседателя М.С. Баженова, чья «скрепа» заверяет наш источник. Долг, однако, выплачен не был, несмотря на то, что семейство Баженовых относилось к богатой купеческой верхушке Саратова. Зато из протестной записи мы узнаем имя служителя князя: Михайла Борисов.

2 июля 1782 года саратовский купец Федор Алексеев Сапожников заявил протест по векселю на 150 рублей того самого заседателя М. Баженова (№ 141). Неплательщик, однако, «объявил, что он, Баженов, хотя имел по сему векселю на себе денег сто пятьдесят рублей, но точию во оное число надлежит положить в уплату того векселя за содержание ево, Баженова, анбара с ево, Сапожникова, кладью, рогожами и портищи, прошлого 779 года генваря». Баженов доказывал, что Сапожников еще должен ему за хранение поклажи. Сапожникова не было в Саратове два года, «...как он находился более двух годов под следствием в Оренбургской губернской канцелярии, почему дом и имущество и было описано, и состояло в аресте, а сверх того во описанной им пажити по доказательством учинено было в бывшей Саратовской

воеводской канцелярии в прошлом 780 году в мае месяце особая комиссия, по которой выдержаны потаенно под охранением пажити. Произведены ими были неоднократные допросы и многие волокиты, отчего и убытку по нем до ста рублей <...> он, Баженов, имеет по сему векселю переплатных денег, по взысканию с него, Сапожникова, шестнадцать рублей пятьдесят копеек, зачем и платить вторичных денег по сему уничтоженному векселю он, Баженов, не должен...».

В качестве особо крупного должника-неплательщика неоднократно упоминается в ряде записей саратовский прокурор Иван Ильич Огарев. Сведения о нем можно найти в Родословном справочнике Руммеля и Голубцова: «Иона, прозвище Иван, Ильич, служил в лейб-гв. Конном полку (1760-1765); поручик Ингерманландского карабинерного полка (1765); ротмистр (1769); прокурор верхнего земского суда (1781); надворный советник (1783); директор экономии Саратовского наместничества (1786-1790); коллежский советник (1805); статский советник (1806); р. 1748, + после 1815. Жена Александра, + до 1815»³.

Но все же, как правило, «именитые люди» Саратова не числились в должниках, а, напротив, давали в долг или скупали векселя. Среди кредиторов встречаем бывшего воеводу, а после учреждения Саратовского наместничества - председателя городского магистрата А.С. Нестерова. Он не раз ссуживал деньги от имени жены («госпожи майорши» Александры Ивановны), генерал-поручика и кавалера Н.А. Бекетова (1729-1794), полковника И.И. Кикина, князя П.Ф. Мансурова, советника Саратовского наместнического правления А.М. Анненкова, вице-губернаторов Вишнякова и Огалина (Агалина), заседателя Верхнего земского суда Саратовского наместничества К.М. Алферьева.

Саратовские купцы чаще всего упоминаются в векселях. Среди них Петр Шехватов, Артемий Волков, Лука Ильич Квасников, Семен Плотников и многие другие. Участвовали в вексельных отношениях также коломенские, калужские, вольские, пензенские и астраханские купцы. Вдова Ф.М. Калабзарова (умер до 1781) Анна Ивановна протестовала давнишний вексель, выданный мужу еще в 1777 году.

Могли давать в долг и крестьяне — Петр и Филат Дорофеевы, экономические крестьяне села Синодское Вольской округи.

³ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий / В.В. Руммель и В.В. Голубцов. СПб., 1887. Т. 2. С. 212.

Не всегда в протестах по векселям речь идет о крупных суммах. Канцелярист Саратовской дистанции смотрительских межевых дел Иван Иванович Евреинов занял 20 рублей в июле 1781 г., заплатил 5 рублей в сентябре, а затем «помре», не оставив ни наследников, ни имущества, и дело было закрыто.

Иногда за время, прошедшее со времени выдачи векселя, в жизни участника вексельных отношений могли произойти карьерные перемены. Бывший канцелярист Саратовской воеводской канцелярии Иван Григорьевич Самарин протестовал вексель уже в качестве архивариуса Саратовского наместнического правления. Прапорщик Саратовского батальона А.Я. Голданов, принимая протестованный вексель, подписался: «Саратовского батальона адъютант».

В вексельной книге 1784 года чаще в сравнении с 1782 годом упоминаются чиновники, что связано с ростом бюрократического аппарата. В отличие от свободлюбивых купцов и мещан канцелярские служащие от кредиторов не бегали. Они, как правило, давали ответ: «по справе своей заплатить должен». Совсем безнадежного должника могли заставить отрабатывать долг. Так, задолжавший 100 рублей секретарю верхней расправы Саратовского наместничества Герасиму Алексеевичу Байбородину купец Василий Прокофьев Бочарников «при свидетелях ответствовал, что оставлен в городском магистрате в уплату онаго векселя из его трети годичнаго жалованья 33 р. 33 к.» (1784. № 277).

Бывало и откровенное мошенничество. В записи № 256 Иван Неклюдов, саратовский мещанин, «ответствовал»: «...сего 1782 г. с июня месяца октября по 3 число находился я в Тетюшах по делу саратовского купца Николая Смирнова, и в ту мою бытность занято мною в Тетюшах у астраханского мещанина Ивана Ведивасова на вексель денег десять рублей по его хозяйской надобности. В то же время в Тетюшах был отца его, Смирнова, приказчик Алексей Березовский, по которому векселю и подписал отдать ему, Ведивасову, в Саратове за меня деньги, за которые мне быть в работе на судне хозяина ево, Ивана Смирнова, изпочитающу (т. е. «и почитай еще») до Саратова на сплаву, на котором я сплыл. А вексель был подписан на сложенном поллисте, а ныне оказался на одной странице, а другая отодрана умышленно прочь, на которой он, Березовский, подписал, почему я и платить денег не должен».

Есть небольшое количество векселей, в которых векселедатель оставляет что-либо в залог - движимое или недвижимое имущество.

Это мог быть дом, земельные угодья, или даже одежда. Саратовский купец Иван Васильевич Беляев, неграмотный, «вместо поручительства» положил «в заклад жемчугу одинатцать золотников, штофу зеленаго без четверти десять аршин, сарафан обьереной (?), зеленой з сеткою серебряною, под золотом пуговицы серебряные, сарафан голубой голевой з сеткою серебряною, пуговицы серебряны, душегрейка штофна голубая» (1782. № 50). Как видим, можно из вексельной книги получить и информацию о том, как одевались купеческие жены и дочери в Саратове. Жемчуг ценился дорого. Коломенский купец Назар Туманов, взявший по векселю 5000 рублей у саратовского купца Емельяна Кулакова (1784. № 395), вместо поручительства оставил в заклад «собственного своего имени кокошник с ниткою низаные земчугов и с цветными камениами да пять ниток ориенталского жемчугу, которья запечатаны собственною печатью». Видимо, кокошник действительно был красив, потому что вексель перекупил генерал-майор Салтыков. Уплачено по векселю было две тысячи, но история с жемчугом продолжалась: «По сему векселю по доверенности от господина Салтыкова, от займодавца, чрез капитана Таранина в уплату мною две тысячи рублей получил. Иван Поливанов. По сему векселю по доверенности от господина Салтыкова остальные три тысячи рублей зачесть векселедавцу от поручителя, от господина Агалина, принял и заклад ему, Агалину, и вексель для взыскания выдал. Иван Поливанов».

Алексей Петрович Трумплицков выдал вексель на 200 рублей, которые занял у вдовы Прасковьи Ивановны Шахматовой, оставив в залог принадлежавшие ему земли: «Заложил я, Трумплицков, свою часть полсада, кои отстоит ниже города в межах, подле Прянишниковова и Бекетова двора, на кой сад и владенной указ положил, да сверх того еще свой Курдюмский сад и с хутором, при коем состоит строение: изба жилая, с ней же анбар бревенной, одна погребница, огорожен вокруг, притом еще подписал рогатую скотину с телятами по головам тринатцать скотин, в чем я своеручно и подписуюсь, Алексей Трумбицков, При том хуторе состоящей сенной покос, кои положил со владенного указа копию, данное письмо от купца Матвея Арскова на тот хутор и сенной покос, на один же оной покос» (1782. № 265). Когда нотариус и свидетели явились с протестованным векселем домой к должнику, его домашние отвечали, что Алексей Трумплицков «вотлучился в хутор», вероятно, тот самый, заложенный. Вдова Шахматова была, вероятно, одной из немногих

грамотных женщин в Саратове, так как сама приняла вексель под протестом и «своеручно» расписалась.

Мещанин Петр Алексеев Григорьев вместо поручительства подписал собственный дом «в Саратове в Московской улицы в приходе Вознесения Господня» со всем принадлежащим хоромным строением (1782. № 268). Находился храм, как известно, на Вознесенско-Горянской площади. Заложил «свой двор с хоромным строением и землею» неграмотный кунгурский мещанин Никита Васильев Юхнев (1782. № 26). К сожалению, не указано, где двор находился.

Далеко не все должники соглашались с протестом. Некоторые предлагали свою версию, которая также записывалась нотариусом. Братья Петелины (1782. № 69) заявили: «Вексель нами хотя здан по повелению родителя, так как состоит в его власти, а денги от векселепринимателя не бирали (!), заплатить по нему не должны, а для чего об оном значетца по делу в саратовском в городском магистрате».

Денежно-имущественные споры, несогласованные взаимозачеты также могли стать причиной неплатежа: № 161. Ефим Афанасьев, секретарь Камышинского уездного суда Саратовского наместничества, будучи должен согласно векселю 65 рублей купцу Шуваеву и уже выплатив 20 рублей, «объявил, что денег по сему векселю он не получал, а была взята во оную цену лошадь, наконец, он, Шуваев, спустя месяца 3-2 взял у него, Афанасьева, в число тех денег таковую лошадь ценою в шестьдесят рублей и по взятии оной прислал еще денег десеть рублей, посему и составляет по сему векселю за уплатою двух рублей заплатить тринадцать рублей, кои и заплатить должен».

Один вексель, выписанный на немецком языке, приведен в русском переводе. Выполнил перевод Захар Острожский (запись № 90). 14 марта 1775 в Петербурге поручик и межевщик при Канцелярии опекунства иностранных Иоганн Даниель Фейер занял 400 рублей у привилегированного табачного фабриканта Теофиля Буше. С тех пор вексель переходил из рук в руки не один раз, о чем говорят многочисленные записи на обороте. Т. Буше назначил своим доверенным лицом асессора фон Рейса. 25 марта 1777 была сделана запись: «За меня заплатить господину подполковнику фон Гогелю или кому от него приказано будет в Саратове... Надворный советник Иван Рейс» Генрих фон Гогель, коллежский асессор, и Иван

Юрьевич Рейс, надворный советник служили в канцелярии Конторы опекунов иностранных.

Мурза Бахтей Муслимов, житель деревни Муслимово Пензенского уезда, выступал и как переводчик, и как поручитель своих неграмотных земляков - малоимущих татар Кузнецкого и Пензенского уездов. Можно отметить и двух казаков «из татар» Терского войска.

Андрей Лукич Бедняков в 1782 году был сержантом лейб-гвардии Измайловского полка, квартировавшего в Саратове. Кроме того, что он дал деньги в долг, книга протестов по векселям о нем больше ничего не сообщает. Но известно, что в 1791 году Бедняков выписывал «Московский журнал» Н.М. Карамзина с «Письмами русского путешественника»⁴. Андрей Лукич прожил в Саратове всю жизнь и умер в 1840 году на 80-м году жизни, был похоронен на кладбище Спас-Преображенского монастыря⁵.

Духовенство в данных источниках не встречается. Из лиц, имевших отношение к церкви, упомянуты только Никифор Ильин, пономарь упраздненного Астраханского монастыря (по просьбе неграмотных саратовцев «руку приложил»), и Михайла Иванов Такарев, «ведомства Саратовской духовной консистории отставной соборной сторож», утверждавший, что долг заплатил.

⁴ Московский журнал. 1791. Ч. 1. См.: Список гг. подписавшихся.

⁵ Жеребцов А.И. Кладбище Саратовского мужского монастыря. Саратов, 1911. С. 2.

**СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ:
ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
САРАТОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВВ. В
МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

А.С. Ступина

Саратовский государственный художественный
музей имени А.Н. Радищева,
сектор русского искусства рубежа XIX–XX вв.
e-mail: angellhen@rambler.ru

Статья посвящена анализу мемуарной литературы как своеобразного источника по культурной жизни Саратова второй половины XIX – начала XX вв. В статье рассматриваются и анализируются воспоминания современников, касающиеся развития образования, театральной и художественной жизни указанного периода.

Ключевые слова: Саратов, культура, воспоминания, мемуарная литература, образование, университет, консерватория, театр, Радищевский музей, Боголюбовское училище.

**THROUGH THE PRISM OF TIME: PECULIARITIES OF
SARATOV SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES
CULTURAL LIFE REFLECTIONS IN THE MEMOIRS**

A.S. Stupina

(Saratov, Russia)

The article is devoted to analysis of the memoir literature as a unique source of the cultural life of Saratov second half of the XIX - beginning of XX centuries. The article considers and analyzes the memoirs of contemporaries concerning the development of educational, theatrical and artistic life of the specified period.

Key words: Saratov, culture, memoirs, education, university, conservatory, theatre, Radischev Museum, Bogoliubov school.

Вторая половина XIX - начало XX столетия в истории Саратова была отмечена необыкновенным экономическим и культурным подъемом. Эта эпоха отражена в большом количестве воспомина-

ний. В настоящее время выявлено свыше ста документов мемуарного характера, затрагивающих культурную жизнь Саратова второй половины XIX - начала XX столетий. Это воспоминания актеров, писателей, художников, деятелей просвещения, ученых, чиновников, городских обывателей.

Лишь незначительная часть этого мемуарного пласта полностью посвящена саратовской теме (в основном это работы местных жителей, краеведов, актеров, чиновников). Подавляющее большинство составляют воспоминания, содержащие отдельные фрагменты, касающиеся городских реалий указанного периода. Сопоставление и анализ воспоминаний дает разностороннюю картину культурной жизни Саратова.

Значительная часть воспоминаний описывает проблемы образования как одного из важнейших условий формирования культурного облика Саратова. Среди всех просветительских учреждений в мемуарной литературе о Саратове лидирует первая мужская гимназия. Воспоминания И.А. и М.А. Вороновых, А.Н. Пыпина, Е.А. Белова, И.Я. Славина, В.Н. Золотарева, А.А. Гераклитова, В.О. Жеребцова, Б.А. Протоклитова, М.А. Лакомте, П.Н. Черняева¹ отражают изменения внешнего облика гимназического здания, особенности приема в это заведение, дают характеристику количественному, сословному, конфессиональному и национальному составу учащихся, характеристики педагогов.

Женское образование в Саратове, как в других российских городах в XIX в. было поставлено гораздо слабее, чем мужское. Поэтому, вероятно, и количество воспоминаний о женских учебных заведениях Саратова сравнительно меньше. Из мемуаров

¹ *Воронов И.А.* Саратовская гимназия устава графа Уварова прошлого столетия. 1851-1859 годы. Воспоминания питомца // Русская старина. 1909. Т. СXXXIX. Август; *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Саратов, 1996; *Гераклитов А.А.* Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. ст. Н.А. Попковой. Саратов, 2004; *Белов Е.А.* Воспоминания // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958. Т. 1. С. 164; *Жеребцов В.О.* Воспоминания о саратовской первой мужской гимназии и Санкт-Петербургском университете. Саратов, 1912; *Лакомте М.А.* Воспоминания педагога // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. Саратов, 1992; *Лакомте М.А.* Воспоминания М.А. Лакомте о Саратовской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23.; *Черняев П.Н.* Из прошлого Саратовской гимназии // Труды СУАК. Вып. 27. 1911.

И.А. Салова, Е. Щепкиной, Е.Н. Кушевой, М.А. Егоровой, М.И. Рудомино² становится очевидным, что основной упор делался на изучение словесности, наблюдался уклон в сторону эстетического воспитания.

Сравнивая обрисованные современниками будни мужских и женских гимназий начала XX в. с предыдущим временем, можно констатировать наметившийся серьезный прогресс в постановке образования в Саратове. Воспоминания также косвенно указывают на постепенное увеличение к концу XIX столетия среди гимназистов представителей непривилегированных сословий, что в свою очередь свидетельствует о росте заинтересованности в среднем образовании среди разных слоев населения, о значительной демократизации социального облика гимназии, преодолении существовавшей прежде сословной замкнутости. Мемуары отразили также качественную постановку обучения в городских реальных училищах и профессиональной школе.

Вторая волна роста интереса к образованию и науке связана с открытием в 1909 г. Саратовского университета. Воспоминания М.Ф. Волкова, В.И. Разумовского и В.Д. Зернова³, стоявших у истоков Саратовского университета, обрисовывают трудности организационного процесса. Практически все мемуаристы единодушно сходились в том, что в большинстве своем местное общество горячо поддерживало идею организации университета и подчеркивали колоссальное значение этого события для развития местной культуры и подъема уровня образования. Первый ректор В.И. Разумовский охарактеризовал открытие университета как «...нео-

² Салов И.А. Умчавшиеся годы: рассказы, повесть, воспоминания. Саратов, 1990; Щепкина Е. Памяти двух женщин-врачей // Образование. 1896. № 5-6; Воспоминания Е.Н. Кушевой / Послеслов А.И. Клибанова // Отечественная история. 1993, № 4; Егорова (Троицкая) М.А. Воспоминания детства. Машинопись // Личный архив Е.И. Водоноса; Рудомино М.И. Моя библиотека. М., 2000.

³ Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская Дума. 1 декабря 1906 г. - 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2015; Разумовский В.И. Строительство медицинского факультета Саратовского университета // Известия Саратовского университета. 2002. Т. 2. Вып. 1; Зернов В.Д. Записки русского интеллигента. / Публ., вступ. статья, коммент. и указ. имен В.А. Соломонова; Под. ред. А.Е. Иванова. М., 2005.

бычайный культурный праздник не только Саратова, но и всей России»⁴. Мемуары первых профессоров и студентов передают особую атмосферу университетского города, возникшую в Саратове.

К началу XX в. образовательный процесс в Саратове становится динамичным, а сеть образовательных учреждений - все более разветвленной. М.Ф. Волков писал: «Саратов по народному образованию в процентном отношении стоял выше Киева, Одессы и Харькова»⁵. Рассматривая имеющуюся мемуарную литературу, касающуюся развития научно-образовательной среды Саратова второй половины XIX - начала XX в., можно прийти к выводу о преобладании образовательного элемента над научным. Определенная узость мемуарного круга источников не позволяет охватить все составляющие научно-образовательной среды Саратова. Вопросы функционирования книжных магазинов и библиотек, развития местного печатного дела, деятельности научных обществ либо освещены фрагментарно, либо практически не затрагиваются. Вне области рассмотрения остаются отдельные высшие и средние учебные заведения (сельскохозяйственные курсы, учительский институт, некоторые гимназии). Лакуны здесь неизбежны, поскольку они обусловлены состоянием мемуарной литературы.

Но имеющиеся воспоминания дают очень ценные сведения. Они зафиксировали изменения в облике учителя и ученика на протяжении второй половины XIX в., их отношение к учебному процессу, отразили перемены в качественном и количественном составе преподавателей и учащихся. Воспоминания современников передают изменения отношения местного населения к проблемам образования. Если в середине XIX в. даже среднее образование было привилегией немногих, то к началу XX столетия в обществе стремительно возрастает потребность в организации высших учебных заведений.

Слава Саратова как крупного театрального центра сложилась довольно рано. Неслучайно в текстах мемуаров Саратов упоминается как один из самых театральных городов. Театральная жизнь города второй половины XIX - начала XX в. была очень насыщенной, и воспоминания мастеров сцены «заполняют» почти весь ука-

⁴ Разумовский В.И. Указ. соч. С. 17.

⁵ Волков М.Ф. Указ. соч. С. 19.

занный временной отрезок, практически без лакун. Актеры П.М. Медведев, А.И. Шуберт, В.Н. Давыдов, П.А. Стрепетова, М.Г. Савина, В.А. Гиляровский, Б.А. Горин-Горяинов, А.Д. Попов, антрепренеры и режиссеры П.М. Медведев, Н.И. Соболев-Самарин, Н.Н. Боголюбов, Л.М. Прозоровский, П.П. Ивановский⁶ отобразили в воспоминаниях связанные с Саратовом эпизоды своего творческого пути. Мемуары зафиксировали многообразие сценических площадок Саратова - городской театр, театр Сервье, театр Г.В. Очкина, зимний сад М.М. Корнеева и вокзал Г.И. Барыкина. Они представили постепенный процесс формирования театрального облика города, поэтапное развитие его как одного из лучших театральных центров провинции.

Воспоминания актеров запечатлели разнообразие постановок в саратовских театрах. В.Н. Давыдов писал: «Репертуар в Саратове был грандиозный и самый разнообразный»⁷. Мемуаристы отмечали, что местные театры постоянно обращались к А.Н. Островскому. По мнению актера М.С. Нарокова, «Островский здесь был ближе, душевнее»⁸. В последней четверти XIX в. важное место на саратовских афишах заняли произведения Шекспира. Многие мастера сцены подчеркивали существенную роль критики в театральной жизни города. Мемуаристы отмечали, что саратовские издания живо интересовались репертуаром театров и игрой актеров и были в курсе всех театральных событий.

Воспоминания деятелей сцены показывают не только специфику репертуара, но и дают характеристику местных театралов. В

⁶ *Медведев П.М.* Воспоминания. Л., 1929; *Шуберт А.И.* Моя жизнь. Л., 1929; *Давыдов В.Н.* Рассказ о прошлом. М., 1962; *Стрепетова П.А.* Воспоминания и письма. М.; Л., 1934; *Савина М.Г.* Горести и скитания: Записки (1854-1877). Письма. Воспоминания. Л., 1983; *Гиляровский В.А.* Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. Вологда, 1958; *Горин-Горяинов Б.А.* Актеры (из воспоминаний). М.; Л., 1947; *Попов А.Д.* Воспоминания и размышления о театре. М., 1963; *Соболев-Самарин Н.И.* Записки. Горький, 1960; *Боголюбов Н.Н.* Полвека на оперной сцене: Театральные мемуары. М., 1957; *Боголюбов Н.Н.* Шестьдесят лет в оперном театре. Воспоминания режиссера. М., 1967; *Прозоровский Л.М.* Из прошлых лет. Театральные мемуары. М., 1958; *Ивановский П.П.* Записки режиссера // Библиотека театра и искусства. 1908. Ноябрь. Кн. XI.

⁷ *Давыдов В.Н.* Указ. соч. С. 80, 184.

⁸ *Нароков М.С.* Биография моего поколения. М., 1956.

1850-1860-е гг. массовый зритель еще не был достаточно культурен и образован. Серьезные изменения в составе театральной аудитории произошли в результате реформ 1860-1870-х гг., когда круг демократической публики значительно расширился. Помимо социальных реформ особенное оживление в театральную жизнь Саратова внесло проведение через город в 1871 г. железной дороги. В конце XIX в. театральный зритель стал более образованным, начал предъявлять серьезные требования к репертуару и игре актеров. Практически все театральные мемуары свидетельствуют о том, сколь высоко в Саратове было уважение к личности исполнителя.

На рубеже XIX-XX вв. театр превращается в наиболее популярный вид отдыха широких масс. В середине XIX столетия основными посетителями театра были дворянство и интеллигенция. Позже ряды зрителей пополняют представители купеческого сословия. С развитием городской промышленности растет процентный состав рабочей публики, а после открытия университета и консерватории к числу поклонников театра присоединяется местное студенчество.

В конце XIX в. увлечение театром среди саратовцев становится всеобщим и в городе возникает огромное количество любительских кружков. В 1888 г. начинает свою работу театральная секция при Обществе любителей изящных искусств, в конце 1890-х открывается Народный театр в бывшем саду Сервье. А.Д. Попов и Б.А. Горин-Горяинов вспоминали о «театральной эпидемии» в районе Саратова, примыкавшем к саду Сервье, о «дворовых театрах»⁹.

Мемуаристы описали расцвет театрального искусства в городе, который пришелся на 1890-1900-гг., когда в Саратове работало оперно-драматическое товарищество М.М. Бородая. «Тут не было провинциальной халтуры - это был настоящий театр, который не без успеха мог работать и в столице»¹⁰, - с гордостью писал о постановках оперных спектаклей в Саратове Н.И. Соболящиков-Самарин. На рубеже XIX-XX вв. в городе начинается новый подъем драмы. Большой любовью зрителей пользовались произведения русского классического театрального репертуара, а также же пьесы Г.И. Ибсена, Г. Гауптмана, Г. Зудермана. Описывая будни саратов-

⁹ Попов А.Д. Указ. соч. С. 33; Горин-Горяинов Б.А. Указ. соч. С. 49-50.

¹⁰ Соболящиков-Самарин Н.И. Указ. соч. С. 186.

ских театров начала XX столетия, мемуаристы подчеркивали, что театры и публика живо реагировали на насущную злобу дня. Поэтому театр, к началу XX в. ставший выразителем общественных чаяний, мощным орудием просвещения, выступает как объединяющее начало для разных слоев населения.

Параллельно с театральной жизнью развивалась и концертная деятельность. В конце XIX в. активно разворачивает свою деятельность местное отделение Императорского русского музыкального общества. В 1873 г. открываются Музыкальные классы (впоследствии ставшие Музыкальным училищем). Создание в 1912 г. Алексеевской консерватории также способствовало подъему интереса местного населения к классической музыке и привлечению в город выдающихся исполнителей. О том, насколько велика была потребность в посещении концертов у местной интеллигенции, свидетельствуют мемуары М.И. Рудомино и В.Д. Зернова¹¹.

Мемуары театральных деятелей наглядно демонстрируют прямую зависимость развития театра от степени образованности публики, ее социального состава, общей политической ситуации в стране. Они отразили изменение социального состава местного населения, постепенное возрастание интереса публики к театру, расширение границ репертуара, серьезные сдвиги в работе антреприз и товариществ, повышение уровня актерского исполнения. Побывавшие в Саратове артисты, антрепренеры, режиссеры выделяли Саратов как серьезный театральный центр на фоне других провинциальных городов. Воспоминания свидетельствуют о наличии длительных, непрерывающихся театральных традиций в городе.

Художественная жизнь Саратова развивалась не так интенсивно как театральная. В.А. Милашевский писал: «... В Саратове, в самом городе, до создания в 1885 году <...> художником Боголюбовым Радищевского музея, художественной культуры не было никакой»¹². Основание в Саратове в 1885 г. общедоступного художественного музея стимулировало подъем интереса местных жителей к искусству. Радищевский музей стал одной из главных достопримечательностей города. Саратовцы вспоминали Радищевский

¹¹ Рудомино М.И. Указ. соч. С. 55; Зернов В.Д. Указ. соч. С. 186.

¹² Милашевский В.А. Вчера, позавчера... Л., 1972. С. 13.

музей с восхищением и благодарностью. Музей сыграл огромную роль в воспитании плеяды талантливых художников, оказав воздействие на выбор пути В.Э. Борисова-Мусатова, П.В. Кузнецова, В.А. Милашевского, М.И. Полякова, для которых посещение музея было одним из самых ярких жизненных впечатлений. «Эстетические переживания пробудили во мне не книги. Это сделал Саратовский Радищевский музей»¹³, - считал Л.И. Гумилевский.

Открытие в 1897 г. рисовальной школы при Радищевском музее, способствовало притоку в город новых педагогических сил, усилению конкуренции в художественном образовании и повышению качества обучения.

Воспоминания учеников Боголюбовского училища подтверждают, что идея внука Радищева совместить музей и художественно-промышленную школу в одном здании серьезно помогала учебному процессу. Бывшие ученики отмечали особый демократический дух, раскрепощенную творческую атмосферу, царившую на занятиях, давали высокую оценку преподавателям, отмечая солидный уровень их подготовки и серьезные требования, предъявляемые к работам учащихся¹⁴. Мемуары отразили оживление художественной педагогической деятельности вне стен училища, а также усиление роли рисования в общеобразовательных учебных заведениях. Мемуаристы особо выделяли выдающихся мастеров в художественной среде города - В.В. Коновалова, Ф.М. Корнеева, В.Э. Борисова-Мусатова, вокруг которых сплачивались местные художественные силы.

Имеющиеся в нашем распоряжении мемуары мастеров изобразительного искусства не дают целостной картины художественной жизни Саратова указанного периода. Причин здесь не-

¹³ Гумилевский Л.И. Судьба и жизнь. Воспоминания // Волга. 1988. № 7. С. 141.

¹⁴ Даран Д.Б. «Нас учил воздух эпохи...» // Волга. 1995. № 5-6. С. 72; Кацман Е.А. Мои воспоминания о Саратовском художественном училище. 1946 // Отдел хранения архивных материалов Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева (далее - ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева). Ф. 369. Оп. 2. Д. 160. Л. 85; Перельман В.Н. Воспоминания (1909-1920-е гг.) // ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева). Ф. 369. Оп. 2. Д. 160. Л. 127, 128; Севастьянов И.В. Воспоминания о Боголюбовском рисовальном училище // ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева. Личный фонд. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об - 4. Милашевский В.А. Указ. соч. С. 9, 36-39.

сколько. Во-первых, сама художественная жизнь началась здесь значительно позднее театральной, соответственно позже появилось поколение, оставившее воспоминания. А во-вторых, специфика профессии художника не предусматривает работу со словом, с текстом, и потому им труднее выражать свои мысли, чем писателям, актерам и научным работникам. В мемуарной литературе не нашли отражения работавшие в Саратове выставки передвижников, академистов, Московского товарищества художников, учеников Боголюбовского рисовального училища, а также раскритикованная журналистами выставка символистов «Алая роза», состоявшаяся в 1904 году. Мало внимания в воспоминаниях уделено деятельности довольно популярного в Саратове конца XIX в. Общества любителей изящных искусств.

Сконцентрированность авторов воспоминаний, прежде всего, на музее, и в гораздо меньшей степени на конкретных событиях и аспектах художественной жизни имеет свои основания. Музей как уникальное явление культуры Саратова оживил художественную жизнь города, но не смог полностью изменить отношение саратовцев к художественному творчеству как к искусству, поскольку возник не по инициативе горожан, а был как бы «высажен» на местную почву.

Время - очень серьезный фактор в определении точности представленных в мемуарах сведений. Годы, а зачастую и десятилетия, разделяющие время написания мемуаров и воссоздаваемую в них эпоху, стирают в памяти авторов отдельные детали, даты и цифры. Да и сами мемуаристы, к аккуратности и непогрешимости сведений не всегда стремятся, поскольку создают не научно-справочный труд, а описывают свою жизнь. Более точны в этом отношении воспоминания деятелей науки, привыкших систематизировать свои записи, использовать статистические документы, материалы периодической печати, и менее «правдивы» - мемуары писателей, актеров, художников, щедрые на обобщения и эмоциональные «выплески», но порой страдающие некоторыми неточностями¹⁵.

¹⁵ Так, например, режиссер Л.М. Прозоровский, описывая театральный сезон 1910-1911 гг. в Саратове, отмечал: «Мы убедились, что в таком городе, как Саратов, с его 60-70 тысячами жителей, университетом, несколькими

Многие воспоминания несут на себе отпечаток идеологии и ценностных установок своего времени. Время публикации мемуаров оказывает влияние не только на характер оценки событий, но и на полноту их освещения. Многие дореволюционные воспоминания и мемуары первых послереволюционных лет были напечатаны только в постсоветскую эпоху. А те, которые вышли в свет в годы советской власти, содержат порой существенные различия в разных вариантах публикаций. Характерно, что до недавнего времени в большинстве случаев в более поздних изданиях сокращались или совсем упразднялись «провинциальные» страницы, видимо, как не имеющие серьезной ценности. Это касается воспоминаний В.А. Гиляровского, художников Е.А. Кацмана, В.А. Милашевского, академика И.П. Бардина¹⁶.

С 1990-х гг. провинциальная тема стала приобретать особую актуальность. В настоящее время заново возрождается интерес к мемуарной литературе. Выходят в свет мемуары, написанные в эмиграции. Постсоветская эпоха сделала возможным издание воспоминаний противников советской власти, представителей различных партий и секретных служб Российской империи. Наиболее характерный пример - опубликованные недавно воспоминания начальника саратовского охранного отделения А.П. Мартынова и меньшевика И.С. Гольца. Вышли в свет записки В.Д. Зернова, Л.И. Гумилевского, В.Н. Золотарева, М.Ф. Волкова, А.А. Гераклитова, Е.Э. Борисовой-Мусатовой, А.Д. Чегодаева. Ждут своего времени воспоминания М.А. Егоровой-Троицкой, В.Н. Перельмана, К.А. Клементьевой и многих других.

средними школами, двумя-тремя крупными заводами и воинскими частями гораздо рентабельнее ставить сравнительно небольшое количество пьес, но тщательно спететированных и обставленных» (См.: *Прозоровский Л.М.* Из прошлых лет. Театральные мемуары. М. 1958. С. 94, 95). Здесь автор допустил явную погрешность в оценке численности городского населения, которое в это время уже превышало 200 тысяч человек. Город очень быстро рос по сравнению с 1860-ми гг., когда число его жителей действительно составляло около 70 тысяч.

¹⁶ *Гиляровский В.А.* Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. Вологда, 1958; *Кацман Е.А.* Записки художника. М., 1962; *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера... М., 1989; *Бардин И.П.* Воспоминания // *Бардин И.П.* Избранные труды. М., 1968. Т. 2.

В зависимости от взглядов, пожеланий и пристрастий публикаторов, а также от времени, когда мемуары издавались, в текстах воспоминаний делаются соответствующие купюры, иногда изымаются фрагменты, важные для воссоздания тех или иных событий и для целостного восприятия личности мемуариста. Получается, что сами мемуары как бы «подгоняются» под определенный стандарт, сглаживаются острые углы. Такой подход публикаторов затрудняет возможность объективной оценки источника. Вот почему желательно сравнивать оригинальный документ с опубликованной версией, что, к сожалению, не всегда возможно.

В массе своей мемуары, как одна из важных составляющих саратовского текста, являются адекватным отражением реалий указанной эпохи. При сопоставлении их с другими видами источников (статистическими данными, справочниками, материалами периодической печати) можно заметить, что серьезные фактические ошибки в мемуарах встречаются нечасто, гораздо больше мелких неточностей, которые в данном случае существенной роли не играют. Более важной проблемой здесь представляется изменение социальной позиции автора в зависимости от той обстановки, когда создавались мемуары, что еще раз подчеркивает иллюстративное значение этого вида источников. В результате изучения большого числа мемуарных источников становится очевидным основное значение мемуарной литературы - приоритет оценки, восприятия, реакции на определенные события над фактографической точностью.

В рассмотренных мемуарных документах нашли наиболее яркое воплощение характерные особенности внешнего облика города и его социокультурной сферы, а также образовательной, научной, театральной и художественной среды. Мемуаристы зафиксировали неповторимые черты облика города, выявили его уникальность, отличительные особенности от других городов провинциальной России. Многие авторы постоянно подчеркивали непохожесть Саратова на другие города. В их интерпретации культурное пространство Саратова предстает действительно необычным, нетипичным для средней провинции. Со страниц мемуарной литературы предстает многоликий и неоднозначный образ города.

ПРОБЛЕМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАЛЕСТИНЫ КАК
КОНЦЕПТ ПОЛИТИКИ ПАНИСЛАМИЗМА В
МИРОВОЗЗРЕНИИ ИМАМА ХОМЕЙНИ

А.В. Баранов
СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кафедра всеобщей истории
e-mail: baranovav@mail.ru

В статье, на основе анализа взглядов Имама Хомейни, рассматривается роль и место «палестинского вопроса» во внешнеполитической доктрине Исламской Республики Иран. Выявляется значение данной концепции для консолидации современного исламского и арабского мира, прослеживается эволюция данной концепции во взглядах Имама Хомейни на политику панисламизма и антисиионизма.

Ключевые слова: Арабская весна, Исламское пробуждение, Иран, Хомейни, палестинский конфликт, Израиль, антисиионизм.

THE PROBLEM FOR THE LIBERATION OF PALESTINE AS
THE CONCEPT OF THE POLICY OF PAN-ISLAMISM IN THE
OUTLOOK OF IMAM KHOMEINI

Baranov A.V.
(Saratov, Russia)

The article, based on the analysis of the views of Imam Khomeini, was studied the role and place of "Palestinian question" in the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. In article reveals the importance of this concept for the consolidation of modern Islamic and Arab world, traces the evolution of this concept in the views of Imam Khomeini on the policy of pan-Islamism and anti-Zionism.

Keywords: Arab spring, Islamic awakening, Iran, Khomeini, Palestinian conflict, Israel, anti-Zionism.

Современный регион Ближнего Востока стабильно демонстрирует свою политическую нестабильность, вызванную столкновениями интересов многих региональных и внерегиональных игроков. Активность и успешность политических инициатив, автоматически выводит ее участников на глобальный уровень мировой по-

литики. Пример России, в свете ее сирийской кампании, является ярким подтверждением данного факта.

Благодаря потрясениям «Арабской весны» 2011 года, политический ландшафт и расклад сил в регионе серьезным образом трансформировался. Режимы, олицетворявшие прежнюю стабильность региональной структуры безопасности - Ирак Саддама Хуссейна, Египет Хосни Мубарака, Ливия Муаммара Каддафи, Сирия Башара Асада - либо пали, либо серьезным образом ослаблены. Попытки Катара и Саудовской Аравии занять места «ушедших» и стать новыми центрами силы в регионе, пока себя не оправдали. А это дает возможность активно заявить о себе силам, не принадлежащим к «арабскому» сегменту региона. Речь, прежде всего, может идти о Турции и Иране. Однако учитывая сложности, которые переживает Турция, наиболее многообещающе выглядит сегодняшняя позиция Исламской Республики Иран.

Руководство Ирана в массовых народных антиправительственных движениях, охвативших арабский Восток в 2011 году, увидело шанс для активизации своей внешнеполитической деятельности в регионе под лозунгом «Исламского пробуждения». Так Лидер Исламской Революции аятолла сейид Али Хаменеи, выступая перед командующим составом ВВС ИРИ, заявил: «Сегодня, народы Ближнего Востока и исламского мира пробудились. Гегемонии сверхдержав наступает конец, и их упадок начался»¹. Комментируя далее народные восстания в регионе, он добавил, что подобные массовые движения не возникают за одну ночь, а являются результатом аккумуляции неудовлетворенных требований на протяжении предшествующих лет.

Потрясения, переживаемые региональными народами, вызваны разочарованиями в перспективности западной модели развития для стран Ближнего Востока. Поэтому альтернативной моделью может и должен стать опыт преобразований в Исламской Республике Иран. «ИРИ - сильная модель в политическом и религиозном смысле для региональных стран и она должна стать научным и экономическим локомотивом региона в ближайшем будущем»,

¹ Nations of Middle East have woken up: Leader // Tehran Times. 2011. February 9. № 11084.

заявил спикер Маджлиса Али Лариджани². И он в этой оценке будущей роли Ирана в судьбе региона не одинок. Эта точка зрения поддерживалась и поддерживается всем высшим руководством страны.

Претендуя, таким образом, на роль «локомотива», Тегеран должен был сформулировать и предложить свою «формулу» по интеграции, которую бы поддержали большинство, если не все, страны региона. И такая формула, вокруг которой могли бы объединиться, была найдена в идее окончательного решения судьбы Палестины. Не секрет, что конфликт вокруг Палестины длится уже более века, и именно неурегулированность этого вопроса является одной из главных причин нестабильности в регионе.

Анализируя возможные последствия событий в Египте в феврале 2011 года, когда в результате массовых антиправительственных демонстраций был смещен «новый фараон» Хосни Мубарак, иранские военные делали неутешительные прогнозы для Израиля, заявляя о скором «окончательном» разрешении статуса Палестины. Так, например, командующий Корпусом басиджей (ополчение) Мохаммад Реза Накди, комментируя события в Египте, заявил: «Осадное положение для сионистов близится к завершению, и осталось не так много времени до того, как будут им перекрыты все пути отхода. Так что я советую им паковать вещи и возвращаться туда, откуда они пришли, потому что, после того как кольцо осады полностью захлопнется, у революционно настроенных палестинцев не останется выбора, кроме как сбросить оставшихся в море»³. При этом, по уверениям Накди, иранский народ не останется в стороне от этих событий.

Представитель армейского генералитета - глава Объединенного комитета начальников штабов ВС ИРИ генерал Хассан Фирузабади, был не менее красноречив и категоричен в своих оценках, когда заявил: «Большие трещины появились на здании, возведенном сионистами на оккупированных территориях и звук рушащейся конструкции можно уже слышать». Они сопротивляются, но со-

² Tehran supports popular uprising in Arab world: Larijani // URL: <http://en.mehrnews.com/news/44964/Tehran-supports-popular-uprising-in-Arab-world-Larijani> (дата обращения: 04.03.2011)

³ Basij commander advises Zionists to leave Palestine // Tehran Times. 2011. February 13. № 11087.

противляться Исламскому пробуждению и мусульманским движениям бессмысленно, добавил генерал⁴.

Идея освобождения Кудса или Бейт оль-Мукаддаса, который также известен как Иерусалим, не нова, и уходит своими истоками в идеологические изыскания основателя Исламской Республики Иран, первого Рахбара Исламской революции имама аятолла оль-озма сейида Рухоллы аль-Мусави аль-Хомейни. Концепции и идеи, разработанные имамом Хомейни, до сих пор в Иране рассматриваются в качестве руководства к действию официальных властей, как во внутренней, так и во внешней политике. Таким образом, анализ взглядов имама Хомейни в вопросе статуса Палестины и Кудса, поможет разобраться в сути подходов Ирана к происходящему в регионе, и спрогнозировать его возможные дальнейшие действия. Учитывая фактор активного вовлечения в региональные дела со стороны Москвы, данный анализ может иметь и прикладной характер для формулирования региональных внешнеполитических задач, тактики и стратегии России на современном этапе.

В качестве основных источников привлекается обширное наследие Имама Хомейни, которое, благодаря деятельности Института по сбору и публикации трудов Имама Хомейни в Тегеране, активно переводится на все основные языки мира. В частности переведены на английский основные работы, принадлежащие перу Имама Хомейни. Речь идет о публикации «Откровений» (Каутар) в трех томах⁵, «Наставлений Имама» (Сахифе-йе Имам) в двадцати двух томах⁶. А также опубликованы специализированные подборки высказываний Имама Хомейни по Палестине - «Палестина с точки зрения Имама Хомейни»⁷ и «Восстание Ашурь в выступле-

⁴ Israel's days are numbered: Iranian general // URL: <http://en-mehrnews.com/news/44820/Israel-s-days-are-numbered-Iranian-general> (дата обращения: 25.02.2011)

⁵ Kawthar: An anthology of the speeches of Imam Khomeini (r) including an account of the events of the revolution. In 3 vols. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995.

⁶ Sahifeh-ye Imam: An Anthology of Imam Khomeinis Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters. In 22 vols. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008.

⁷ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2010.

ниях и посланиях имама Хомейни»⁸, которая имеет и русский вариант издания⁹. В России также, благодаря стараниям отечественного ираниста Д.А. Жукова, в 1999 году были опубликованы отрывки отдельных выступлений Имама¹⁰.

Главной причиной, мешающей объединению и возрождению уммы, по мнению Хомейни, является факт оккупации исконных территорий исламских земель, входящих в так называемый *дар аль-Ислам* (Дом Ислама). И в первую очередь, Хомейни говорит об оккупации территории Палестины, где находится один из священных городов ислама - Эль-Кудс или Бейт-уль-Моккадас, он же Иерусалим. Об Эль-Кудсе придется рассказать более подробно, так как он играет важную роль в обосновании необходимости вмешательства Ирана в ближневосточный конфликт.

Несмотря на тот факт, что нигде в Коране¹¹ мы не найдем прямого упоминания Иерусалима, с ним связано несколько эпизодов из мифологической жизни пророка Мухаммеда. Сегодня уже не подвергается сомнению факт о том, что Мухаммед действительно мог посещать территорию Палестины благодаря своему роду деятельности. Не подлежит также сомнению, что и сам Пророк, и его учение испытали серьезнейшее влияние христианства и иудаизма.

Согласно коранической традиции, именно в Эль-Кудсе Мухаммед совершил свое знаменитое восхождение на небо, где был принят самим Аллахом. В Коране он упомянут следующим образом: «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине, Он - всеслышащий, всевидящий»¹².

Нас интересует не только толкование исходного значения этого отрывка из Корана, сколько его интерпретация, предложенная в

⁸ The Ashura Uprising in the Words and Messages of Imam Khomeini. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 1995.

⁹ *Хомейни, Мусави*. Восстание Ашур в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М., 2009.

¹⁰ Имам Хомейни. Путь к свободе (речи и Завещание). М., 1999.

¹¹ Сноски на Коран приводятся по изданию: Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

¹² Коран, 17:1.

эпоху раннего ислама. Согласно этой интерпретации, пророк Мухаммед был чудесным образом перенесен из Мекки в Иерусалим (*isra*), и оттуда совершил свое восхождение на небо, *mi'radj*. (Сейчас этот праздник в Иране отмечается под названием *Лайлати-и-Кадр* или *Ночь волшебного путешествия*). Место, откуда он был вознесен, называется *ал-Масджид ал-Акса* (Отдаленная мечеть). Но во времена Пророка эта территория не входила в состав Халифата, и, по сути, это миф, символизирующий причастность Иерусалима к истории деяний и чудес, приписываемых Мухаммеду. Событие огромной важности, коренным образом изменившее статус Иерусалима, превратившее его в центр исламского благочестия и почитания в качестве святыни, произошло после завоевания Иерусалима халифом Омаром в 638 году. Им был построен молельный дом рядом со священной *sakhra* (Скалой), на месте разрушенного еврейского Храма, а почти 50 лет спустя, в 691 г., халиф Абд аль-Малик ибн-Марван воздвиг здесь *Купол над Скалой* (традиционно, хотя и неверно, именуемый мечетью Омара)¹³.

Именно факт строительства данных мечетей позволяет нам говорить о том, что некогда ассоциативные связи между *ал-Масджид ал-Акса* и Отдаленной мечетью, упоминаемой в Коране, в эпизоде с вознесением пророка на небо, обретают конкретные географические, то есть исторические, очертания. «Для исламского мира, не проводящего различий между религиозной и светской сферами», замечает Вербловски, «религиозная реальность имеет безусловный смысл, который вполне допустимым и оправданным образом распространяется на политическую сферу. Это происходит даже в тех случаях, когда религиозная сфера становится объектом злоупотреблений и манипуляций, преследующих исключительно политические интересы»¹⁴. После этого Иерусалим - Эль-Кудс становится священным городом мусульман наравне с Меккой и Мединой.

С точки зрения Имама Хомейни, защита сакрального статуса Кудса может и должна объединить мусульман. Потенциал исламского мира огромен. «Они должны усвоить тот способ борьбы, ко-

¹³ Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. С. 478.

¹⁴ Вербловски Р. Дж. Цви. Значение Иерусалима для евреев, христиан и мусульман. Иерусалим, 2001. С. 9.

торым пользовался пророк ислама в своей борьбе, они должны следовать путем ислама. Если они будут защищать свое идеологическое единство, если они отбросят мелкие разногласия, если все мусульмане объединятся, тогда, согласно оценкам, создастся община, насчитывающая семьсот миллионов»¹⁵. Консолидированная под лозунгами и знаменем ислама, умма станет непобедимой и эффективной силой на мировой арене.

Сам мусульманский народ, по своей природе трудолюбивый и предприимчивый, способный сам себя и накормить, и одеть, и не зависеть от других. К тому же в руках мусульман сосредоточены огромные природные ресурсы и ископаемые. «Богатство находится в руках Востока», заявляет Имам Хомейни. «Нефть, важнейшее ископаемое, находится в руках Востока, в руках мусульман, в недрах исламских земель. Мир прогрессировал благодаря этим важнейшим резервам нефти. А нефтяные резервы - в наших руках. Слава Богу, что у Ирака есть нефть. Слава Богу, что у Ирана есть нефть, у Кувейта есть нефть, у Хиджаза есть нефть. Это удивительно, что нефть в руках мусульман, и другим надо приходиться и кланяться перед вами. Они должны целовать ваши руки, целовать ноги и покупать эти резервы по самой высокой цене, а не вы должны кланяться им»¹⁶.

В реальности же все наоборот. Исламский и арабский мир раздроблен, разобщен и расколот. Главная причина этого несчастья, с точки зрения Имама Хомейни, кроется в образовании и существовании Государства Израиль, которое у него имеет крайне негативную и отрицательную характеристику. В своих выступлениях и статьях, Имам Хомейни именует Израиль не иначе как «источником коррупции», «сионистским образованием» или «раковой опухолью». Это искусственное образование, созданное по требованию великих держав. «Израиль появился в результате стовора и соглашения империалистических государств Запада и Востока», заявляет Имам Хомейни. Причем активную поддержку в этом оказывали США и Великобритания, «усиливая Израиль военным образом и

¹⁵ Речь 17-ая, произнесенная 14 ноября 1965 года //Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 217-218.

политически»¹⁷. Тогда как СССР занимал отстраненную позицию по отношению к арабам, отказываясь поставлять им вооружения в их противостоянии с Израилем.

«Израиль - это коррумпированный отпрыск Америки»¹⁸, следовательно, он создан, чтобы проводить и реализовывать в регионе Ближнего Востока политику в интересах Вашингтона. Являясь сверхдержавой, США стремятся к глобальному доминированию, и Израиль в этой схеме играет роль «американской марионетки», через которую американские власти пытаются воздействовать на политику стран региона. Естественно, что единый и монолитный арабский и исламский мир для этих целей не подходит. «Согласно американской доктрине», заявляет Имам Хомейни, «необходимо сеять раздробленность среди мусульман, эксплуатировать их, подрывать их достоинство, грабить их богатства и ресурсы, превращать их в общество потребителей, и убедить их в правильности своих лживых целей»¹⁹.

Израиль, таким образом, является форпостом американского доминирования в регионе. И пока Израиль проводит политику в интересах США, он будет получать всемерную поддержку, несмотря на то, что не все действия еврейского государства находят понимание в мировом сообществе. Это дает повод Иمامу Хомейни заявить о том, что в тандеме этих двух стран - союзниц, спустя десятилетия, будет не понятно, кто из них ведомый, а кто ведущий. При этом он ссылается на пример с односторонним провозглашением кнессетом 30 июня 1980 года столицей Израиля города Иерусалима. «Америка не станет серьезным образом настаивать против идеи провозглашения Кудса столицей Израиля. Следовательно, Израиль вполне может это сделать. Из Америки выливается огромное количество критики со стороны различных правозащитных групп, но мы видим, что Израиль все отвергает, либо просто не обращает внимания на них»²⁰. А это может означать, что Израиль может пре-

¹⁷ Imam's reply to a letter from Muslim students in America and Canada, 13 July 1972 (22 Tir 1351 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 2. P. 456.

¹⁸ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. P. 5.

¹⁹ Imam's remarks dated 16 December 1981 (25 Azar 1360 AHS). // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 15. P. 370.

²⁰ Imam's speech dated 6 August 1980 (15 Mordad 1359 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 13. P. 64.

следовать и свои интересы, прикрываясь, в тоже время, заявлениями о совпадении целей с американской политикой в регионе.

Не вызывает сомнений, с данной точки зрения Имама Хомейни, что Израиль, также как и Америка, кровно заинтересован в отсутствии единства противостоящего ему арабского мира. Имам Хомейни заявляет, что сионистский Израиль представляет опасность и угрозу всему Ближнему Востоку: «План заключается в том, чтобы установить доминирование и господство Сионизма над исламским миром и дальнейшей колонизации плодородных земель и богатых ресурсами исламских стран»²¹. Таким образом, арабский мир, с его богатейшими природными запасами, должен будет превратиться в сырьевой придаток израильской экономики и рынок сбыта для израильских товаров. Для осуществления своих целей Израиль будет использовать весь имеющийся в его распоряжении арсенал дипломатии - от обещаний и уговоров - до угроз и запугивания. А как показывает опыт Ливана, вполне возможно и применение силы.

Если арабский мир не объединится перед лицом угрозы со стороны Израиля, то вполне вероятно, что в одностороннем противостоянии ни одна арабская страна не выстоит, так как за Израилем будет всегда находиться, зримо или не зримо, потенциал США и их союзников. Имам Хомейни убежден, что Израиль настойчиво и целенаправленно осуществляет свой план по созданию «Великого Израиля»: «Великий Израиль означает, что Израиль должен протянуться от Нила до Евфрата, иными словами охватить все земли населенные арабами, куда, помимо Египта, определенно будет включен и Хиджаз»²². Поэтому, если в самом начале не купировать попытки Израиля к территориальной экспансии, то рано или поздно, этот план будет реализован при молчаливой и пассивной позиции арабских властей.

На протяжении трех десятилетий, от момента создания Государства Израиль и до Исламской революции в Иране, все войны арабов с израильтянами должны были как раз купировать экспансию на арабские земли. Поэтому территория Палестины является главной и стратегической передней линией этого фронта, также как и соседние Голанские высоты Сирии и территория Ливана, вы-

²¹ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. P. 8.

²² Ibid. P. 10.

ступают в качестве второстепенных фронтов в этом противостоянии.

Палестинские бойцы сопротивления, по мнению Имама Хомейни, защищают не только, и не столько, свои дома и отечество, сколько являясь авангардом исламской уммы, защищают всю исламскую умму, а, следовательно, и ислам. Поддерживать палестинских бойцов желательно и необходимо. «Это значимо для каждого мусульманина, кто верует в Бога и день воздаяния, приложить все усилия на этом пути, фактически добиться одного из двух: стать мучеником или победить. Это ваш долг идти на передовую линию фронта и мстить за пролитую кровь и стереть пятно позора. В данном вопросе нет месту сомнениям, так как согласно исламской мысли, смерть гораздо лучше, чем жизнь в унижении». И далее Имам Хомейни продолжает: «Не должно быть сомнения в том, что это должно стать долгом каждого мусульманина, даже для тех мусульман, кто живет на окраине исламского мира, долгом перед мусульманским народом Палестины»²³. Если же, при молчаливой позиции исламских властей, палестинский фронт будет сломлен, тогда, по мнению Имама Хомейни, наступит очередь следующего исламского народа стать жертвой Сионистского режима Израиля.

И пока длится эта война, никакого перемирия, а тем более, мира с Израилем быть не должно. Поэтому резкой критике Имам Хомейни подверг решение египетских властей во главе с тогдашним президентом Анваром Садатом, подписавшего, при посредничестве США, мирный договор с Израилем в Кемп-Девиде. Имам Хомейни был категоричен, характеризуя данный шаг: «Если этот план будет одобрен, то завтра Израиль вырвет из рук арабов Мекку и Медину. Будет намного лучше для нас всех умереть, чем жить в бесчестии под контролем сионистов и Америки»²⁴.

Призывы Имама Хомейни к мученической смерти в борьбе за дело ислама означают решимость бороться до победного момента, когда враг будет повержен. С этой точки зрения, именно Израиль является главным воплощением «мирового зла». Поэтому Имам

²³ Imam's interview with representatives from al-Fath about assisting the al-Fath guerrillas. September/October 1968 (Mehr 1347 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 2. Pp. 204-206.

²⁴ Imam's remarks dated 17 November 1981 (26 Aban 1360 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 15. P. 318.

Хомейни видит победу в уничтожении Израиля. «Израиль - это узурпатор, и должен покинуть Палестину, как можно быстрее. Единственное решение для палестинских братьев - уничтожить (*to destroy*. - А. Б.) это коррумпированное образование как можно скорее, чтобы мир мог вернуться вновь в этот регион»²⁵. С уничтожением Израиля будет нанесен и серьезный урон присутствию США в регионе, особенно после того, как в Иране в ходе Исламской революции было свергнуто проамериканское правительство шаха²⁶.

Естественно, что столь жесткие и бескомпромиссные заявления Имама Хомейни о необходимости уничтожить Государство Израиль не могли не вызвать волны возмущения и беспокойства со стороны мирового сообщества. На Имама посыпались обвинения, а также требования объяснить сущность своих антиизраильских высказываний. Поэтому встав во главе Исламской Республики Иран в качестве духовного лидера - Рахбара, Имам Хомейни последовательно доводил до сведения мирового сообщества свою трактовку решения этого вопроса.

С точки зрения Имама Хомейни необходимо различать и отделять евреев и сионистов, сторонников светского государства Израиль. Сионисты трактуют еврейский народ как высший народ²⁷, стоящий над другими народами региона Ближнего Востока, отсюда и расистские взгляды и политика апартеида по отношению к палестинцам и арабам. Поэтому Государство Израиль рассматривается не как еврейское, а как сионистское, где государственной идеологией и доктриной существования является сионизм, которое, в свою очередь, объявляется политическим учением. «Мы рассматриваем еврейскую общину как полностью отделенную от вопросов сионизма и сионистов, так как последним нет места среди религиозных, верующих людей»²⁸, подчеркивает Имам Хомейни. Показательно, что в своих выступлениях он часто называет Израиль «Сионистским образованием».

²⁵ Imam's interview with the magazine *Africa Tomorrow*, dated 5 December 1978 (14 Azar 1357 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 173.

²⁶ Imam's speech at a meeting with members of the Central Council of the Lebanese Hizbollah, 28 February 1988 (9 Isfand 1366 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 20. P. 462.

²⁷ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. P. 9.

²⁸ Ibid. P. 15.

Объявив сионистов искусственным политическим организмом, созданным по инициативе и поддержке великих держав, Имам Хомейни призвал весь арабский и исламский мир последовательно реализовывать поставленную задачу. «На протяжении многих лет, возможно последних двадцати лет, я постоянно повторял свои мысли о Палестине и Израиле, и повторю их вновь: Мы осуждаем Израиль. Израиль - узурпатор. Земли, которые он занимает, он занял незаконно. Кудс должен быть освобожден, а Израиль сброшен. Арабские правительства должны объединиться и сбросить Израиль со своих земель, отрубить руки колонизаторам. Я молю Бога даровать то, что мы просим, и тогда мы сможем встретиться в Кудсе»²⁹.

Исходя из вышеизложенного, необходимо признать, что Имам Хомейни призывал покончить с Израилем как с политическим институтом, не распространяя его на все еврейское население. Поэтому в своих интервью западным журналистам, он был вынужден каждый раз повторять, так или иначе, эту мысль. Так в интервью западногерманской газете в ноябре 1979 года, на вопрос «Если будет уничтожен Израиль, что означает победу для палестинского народа, какова тогда будет судьба евреев?», он дал развернутый ответ: «Если мусульмане одержат победу над сионистами, то последних ждет та же участь, что и изгнанного шаха, однако, мусульмане ничего не собираются делать с евреями, так как они такой же народ, как и все остальные народы мира, они сохраняют свои жизни и они не будут никоим образом ущемляться»³⁰.

В отношении же звучавших обвинений, что уничтожение Израиля сделает еврейский народ беззащитным перед внешними угрозами, Имам Хомейни призывал обратить внимание на положение еврейского меньшинства в современном Иране: «Никто не имеет права показывать пальцем на евреев в Иране, так как они находятся под защитой ислама и мусульман. Никто не имеет права нападать на евреев или христиан, которые принадлежать к одному из вероучений божьих пророков»³¹. Тем самым за евреями призна-

²⁹ Imam's remarks at a meeting with a group of Palestinians and Bishop Cappucci, 2 April 1979 (13 Farvardin 1358 AHS) // Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. Pp. 413-414.

³⁰ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. P. 14.

³¹ Ibid. P. 13.

вались и гарантировались права наравне с другими конфессиями и национальными меньшинствами.

Таким образом, Имам Хомейни в вопросе разрешения проблемы существования Государства Израиль был последователен и бескомпромиссен. Так как альтернатива, по его мнению, была куда хуже и трагичнее для арабов и мусульман региона. «Если нам не удастся пробудить и информировать массы до того, как они попадут в колониальную ловушку, которую для них подготовили, исламская нация окажется на грани уничтожения»³². Чтобы понять, что означают эти слова для мусульман, Имам Хомейни призывал просто взглянуть на положение Ирана при правлении шаха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Фигура шаха, находившегося во главе Ирана с 1941 по 1979 год, вызывала у Имама Хомейни крайне негативную реакцию, с которой могли сравниться только его высказывания о США и Израиле. Имам Хомейни убежден, что политика, проводимая шахом, шла вразрез с национальными интересами страны. А главное «детище», которым гордился Мохаммед Реза-шах - его «Белая революция шаха и народа», Имам называл не иначе, как предательством и изменой! Так как в качестве образца для своих преобразований шах брал опыт западных стран, и США, в частности. При этом в качестве консультантов были приглашены специалисты из Израиля! «Мы уверены, что наши проекты реформ фактически разрабатывались Израилем, и именно к Израилю мы обращаемся за помощью и советом, когда нужно разработать новый план»³³, заявлял Имам Хомейни, комментируя процесс разработки реформ «Белой революции».

Безоглядная ориентация на иностранных консультантов превратила Иран, по мнению Имама, в «колонию Америки»³⁴, управляемую израильскими советниками. Это, в свою очередь, привело к засилью иностранцев во всех сферах жизнедеятельности страны. Это внешнее управление вовсе не ставит своей целью превращение страны в мощное, современное, развитое и богатое государство.

³² Речь 5-ая, произнесенная в январе 1963 года // Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 177-178.

³³ Imam's speech dated 15 May 1964 (26 Farvardin 1343 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 1. P. 298.

³⁴ Imam's reply to a letter, 4 November 1977 (13 Aban 1356 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 3. P. 262.

Наоборот, Имам уверен, что главная цель - это как раз «уничтожение независимости страны и разрушение ее экономики»³⁵. Дальше красивых слов и цветистых лозунгов, дело не пошло. Имам признает, что в стране много проблем, но их решение передавать в руки иностранцев, вовсе не означает, что проблемы будут решены. «Они не хотят по-настоящему реформировать страну. Иностранцы не хотят, чтобы страна процветала. Даже хорошей водой народ не обеспечивается! Воду, которую пьют в Куме, в Европе даже скотине не дадут»!³⁶

Иран - аграрная страна, и реформы шаха были направлены на модернизацию аграрного сектора экономики и ее индустриализацию. Однако на практике это вылилось в то, что в экономике Ирана ключевые роли стали играть израильские компании. «Вся экономика страны теперь находится в руках Израиля; она, если правильно выразится, была захвачена израильскими агентами. Большая часть заводов и предприятий управляется ими: телевидение, завод "Ардж", "Пепси кола" и так далее». И что самое возмутительное было для Имама Хомейни - что «ныне даже яйца импортируются через Израиль»³⁷. О какой независимости может идти речь!? Иран превращается в рынок сбыта израильской продукции и поставщика энергоресурсов!

В политике, как во внутренней, так и во внешней, дела обстояли не лучшим образом. Критикуя действия властей, Имам Хомейни был также безапелляционен и категоричен. Реформы, начатые по инициативе шаха, были санкционированы Маджлисом, а это значит, что депутаты и члены правительства несут свою долю вины в проведении антиисламской, антинародной и антинациональной политики. Одобрив пакет реформ, ставших «Белой революцией шаха и народа», депутаты руководствовались, прежде всего, интересами Израиля и стоящего за ним США. «Наши депутаты и министры тоже смотрят в рот Америке. Все они назначены Америкой», заявляет Имам и призывает власти одуматься. «Сделайте что-нибудь для страны, для народа, а не влезайте в долги и не закаба-

³⁵ Imam's reply to questions put to him by merchants and guilds of Qum, dated March 1963 (Isfand 1341 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 1. P. 104.

³⁶ Речь 13-ая, произнесенная 10 апреля 1964 года // Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 198.

³⁷ Там же. С. 195.

ляйте себя. Конечно же, получение долларов означает, что кому-то придется стать рабом. Вы, власть имущие, хотите попользоваться долларами, а нам грозит участь стать рабами»³⁸.

В стране складывается ненормальная ситуация, когда кучка господ жирует в своих дворцах и рассуждает о «развитой нации», а весь остальной простой народ погибает от голода и антисанитарии. Народ низведен до положения бесправных рабов, лишенных элементарных прав. «Если американец задавит меня своей машиной, никто не будет иметь право сказать ему что-либо!»³⁹, негодует Имам Хомейни, указывая на главную причину этого ненормального положения - повсеместная коррупция власти.

Коррупцированные власти - не самостоятельные власти, они не могут отстоять независимость страны. Следовательно, они будут выполнять приказы своих хозяев. «Мы были свидетелями того, как иранское правительство, по приказам шаха, официально признало Израиль в то время, когда мусульмане вели войну с этим врагом, и как улама выступили против этого шага властей. Мы были свидетелями того, как помощь оказывалась Израилю в то время, когда он выгонял мусульман из их родных земель и заливал эту землю их кровью. Нефть, вооружения и другая помощь, финансовые фонды, которые создавались кровью и потом иранского народа, были переданы в их распоряжение»⁴⁰. В данном случае, вполне естественно, напрашивается вопрос о том, не является ли шах «израильтянином»? «Спецслужбы уверены, что он не еврей?»⁴¹, риторически вопрошает Имам Хомейни.

Если взглянуть на внешнюю политику шаха, то, по мнению Имама, получается парадоксальная картина. На словах Тегеран всегда отрещивается от факта юридического признания Государства Израиль, однако, на практике проводил политику, противоположную официальным заявлениям. Складывалась ситуация, когда Иран оказывался на стороне Израиля, который вел войны с сосед-

³⁸ Речь 16-ая, произнесенная 26 октября 1964 года // Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 206.

³⁹ Там же. С. 207.

⁴⁰ Imam's reply to a letter, 4 November 1977 (13 Aban 1356 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 3. P. 262.

⁴¹ Imam's warning to the Iranian nation on the country's independence, dated 7 April 1964 (18 Farvardin 1343 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 1. P. 262.

ними арабскими государствами. Иран, являясь исламской страной, оказывался, тем самым, в стане противников мусульман! Своими действиями власти Ирана подрывали усилия по формированию единого антиизраильского фронта мусульманских государств. «Мы утверждаем, что это неправильное решение. Не идите против чувств мусульман. Все мусульманские народы на одной стороне, а Иран - на противоположной! Если так и пойдет дальше, тогда народ Ирана станет восприниматься нашими братьями-суннитами, как почитатели евреев»⁴². А это идет в разрез с интересами Ирана как исламского государства.

Мало того, что являясь внешнеполитическим союзником США и Израиля в регионе, Иран превратился и в военную базу, плацдарм для ведения возможных военных операций против соседних исламских государств. Тегеран активно проводит политику по модернизации своей армии, закупая в огромных количествах дорогостоящее американское и израильское вооружение. Власти страны пригласили иностранных военных консультантов для боевой подготовки иранской армии. Страна милитаризируется, но мощь этой армии, по мнению Имама, будет направлена не на защиту иранского народа и суверенитета страны, а против него и «других свободолобивых народов региона, которые борются против захватчиков Палестины и других грабителей-иностранцев»⁴³.

Итогом политики шаха стало его свержение в ходе Исламской революции 1979 года. И, по мнению Имама Хомейни одной из главных причин стала «безграничная поддержка, которую он оказывал Израилю»⁴⁴. Поэтому Имам и призывал других правителей исламского мира не идти по пути шаха, и не повторять горький опыт.

В качестве альтернативы был предложен путь консолидации усилий в борьбе за освобождение Палестины. И тут Имам Хомейни уделял особое внимание роли и месту правителей и лидеров исламского мира, видя именно в их усилиях залог успеха в организа-

⁴² Imam's speech dated 15 May 1964 (26 Farvardin 1343 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 1. P. 298.

⁴³ Imam Khomeini's message dated March 1973 (Farvardin 1352 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 1. P. 500.

⁴⁴ Imam's interviews with the Middle East News Bulletin, 17 November 1978 (26 Aban 1357 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 137.

ции единого палестинского фронта. «Ислам теперь доверен нынешнему поколению», заявлял он. «Оно ответственно за ислам и исламские законы, и мера этой ответственности зависит от положения людей. Наибольшую ответственность несут мусульманские правительства, главы мусульманских государств и коронованные особы»⁴⁵. И эта ответственность объявляется Имамом «священным долгом»⁴⁶, который является прямым обязательством перед Всевышним.

Ради выполнения этого священного долга, правители исламского мира должны отбросить все свои разногласия, мелкие обиды и расхождения. Консолидация национальных лидеров приведет к объединению и народов. «Мы не должны жаловаться на Америку», подчеркивает Имам, призывая не поддаваться внешнему давлению, «даже, если она и является источником коррупции, но мы должны жаловаться и взывать к исламским странам и мусульманским правительствам. Ислам усиленно выступает за необходимость совместных действий и призывает к единству, не только на словах, но и на деле»⁴⁷.

Однако то, что так красиво звучало на словах, оказалось очень трудно воплотить в реальности. Имам Хомейни с тревогой наблюдал за происходящими событиями в арабском мире. Вначале Египет Анвара Садата заговорил о необходимости поиска мира с Израилем, что привело к подписанию мирного соглашения в американском Кемп-Девиде. Потом будущий саудовский король Фахд ибн Абдул-Азиз аль-Сауд выдвинул свой план мирного решения «Палестинского конфликта» на основе признания существования Израиля. А итогом стало вероломное нападение Ирака Саддама Хусейна на Исламскую Республику Иран.

События Исламской революции в Иране стали переломными, когда мы можем говорить об изменении взглядов Имама Хомейни на лидерские способности представителей власти в арабском мире. Факт силового свержения шаха, отмена монархии и провозглашение Исламской Республики, заставили Имама обратить присталь-

⁴⁵ Речь 17-ая, произнесенная 14 ноября 1965 года // Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 214.

⁴⁶ Palestine from the viewpoint of Imam Khomeini. P. 7.

⁴⁷ Imam's remarks dated 16 December 1981 (25 Azar 1360 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 15. P. 370.

ное внимание на возможности народных масс. Начиная с 1979 года, он все чаще говорит о постигшем его разочаровании в национальных лидерах. «Эгоизм, прислужничество и дух капитулянтства некоторых арабских правительств, прямо направлены на признание иностранного влияния, что запрещает десяткам миллионам арабам бороться за освобождение Палестины от Израильской оккупации и узурпации»⁴⁸.

Арабские лидеры, по мнению Имама, поставили свои личные интересы выше общеисламских. Он обвинил лидеров в «самовлюбленности», заявив, что «все они боятся за свою власть, которую я называю призрачной и ни как иначе, которой можно легко лишиться. По этой причине, они унижаются перед Америкой и еще хуже, перед Израилем»⁴⁹. Фактически Имам обвинил их в предательстве, отказе от защиты интересов палестинцев, уммы и ислама, ради того, чтобы продлить свое пребывание у власти. И в этом отношении он даже поименно называет этих «предателей», к которым он причисляет короля Иордании Хуссейна, короля Марокко Хасана, президента Египта Хосни Мубарака⁵⁰, президента Ирака Саддама Хуссейна⁵¹, короля Саудовской Аравии Фахда⁵².

И если вначале Имам Хомейни рассматривал национальных лидеров в качестве объединяющего начала в общеисламской борьбе с сионистским Израилем, то после Исламской революции и начала ирано-иракской войны, они были объявлены помехой и преградой на пути консолидации усилий уммы по поддержке палестинцев. Следовательно, делал вывод Имам, ликвидировать возникающие помехи на пути должен сам народ, как это и произошло в Иране. «Не надо ждать, что ваши правительства что-то сделают за вас. На протяжении последних 15 лет я призывал арабские прави-

⁴⁸ Imam's message calling for support for Palestine, 10 November 1972 (19 Aban 1351 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 2. P. 479.

⁴⁹ Imam's remarks dated 31 August 1982 (9 Shahrivar 1361 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 16. P. 272.

⁵⁰ Imam's last will and testament dated 5 June 1989 (15 Khordad 1368 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 21. P. 403.

⁵¹ Imam's message dated 27 May 1988 (6 Khordad 1361 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 16. P. 231.

⁵² Imam's remarks dated 19 September 1982 (28 Shahrivar 1361 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 16. P. 429.

тельства объединиться и освободить Кудс, но мои слова так и остались без ответа, потому что они не озабочены этой проблемой. Если вы хотите решить свои проблемы, если вы хотите освободить Кудс, если вы хотите освободить Палестину, если вы хотите освободить Египет и другие арабские страны из рук этих агентов, из рук иностранцев, тогда народ должен восстать»⁵³.

Фактически Имам Хомейни призвал народы региона к антиправительственным выступлениям, с целью свержения существующих властей. Однако анализируя ситуацию с возможностью подобных действий, он был осторожен в своих прогнозах. По его мнению, мусульмане региона слишком апатичны к каким-либо активным политическим действиям. Это происходит благодаря политике местных властей, направленных на отстранение народа от участия в политической жизни⁵⁴, а также соответствующей политикой со стороны великих держав, и Израиля, в частности, которые искусственно поддерживают раскол среди исламских стран⁵⁵.

Новая консолидация сил, следовательно, после предательства со стороны власть имущих, должна будет происходить снизу, по инициативе народных масс. А для того, чтобы этот процесс был запущен, нужно будет проводить каждодневную и понятную массам разъяснительную, пропагандистскую работу. И начинать надо, по мнению Имама, с самого главного - внушить мысль о том, что восстание против власти, попирающей права народа, это благое дело, а не преступление. «Среди нас есть люди, которые говорят нам, будто мы должны проглотить любой яд, что суют нам в глотку "обладатели власти", только потому, что они "власти". Но если это правда, то почему имам Хусейн выступал против властей?»⁵⁶.

Ислам учит покорности, но эта покорность должна быть направлена к Всевышнему, а не к нынешним власть предержащим. Имам Хомейни по этому поводу говорил: «Я не из тех мулл, что

⁵³ Imam's remarks, 6 April 1979 (17 Farvardin 1358 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 6. P. 444.

⁵⁴ Imam's remarks to a gathering of ambassadors of Islamic countries dated 10 July 1979 (19 Tir 1358 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 9. P. 40.

⁵⁵ Imam's message on the deplorable situation in Lebanon, dated 22 March 1978 (2 Farvardin 1357 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 3. P. 372.

⁵⁶ Речь 27-ая, произнесенная 18 февраля 1978 года // Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 267.

просто сидят с четками в руках. Я не Папа, чтобы выполнять определенные церемонии только по воскресеньям, а остальное время предаваться игре воображения и не вмешиваться ни в какие дела»⁵⁷. Для него ислам, прежде всего, религия действия, а не пассивного бездействия. Поэтому нужна активная позиция, направленная на достижение конкретного результата. Бездействие, пассивность, апатия - будут играть на руку противнику. «Молчание! Не выбирайте дорогу молчания, поскольку оно сегодня - поддержка тиранической системы»⁵⁸, предостерегает Имам.

Исламская революция в Иране, в этом плане, продемонстрировала всем мусульманам возможный путь борьбы по отстаиванию интересов уммы. Теперь речь должна идти о консолидации действий всех мусульман в регионе. Но прежде, чем народы смогут перейти к активным действиям против своих правителей - предателей, необходимо провести большую разъяснительную работу. И главной идеей, вокруг которой в данный момент могли бы консолидироваться мусульмане и другие сочувствующие, может стать идея проведения мероприятий посвященных дню памяти оккупации Кудса израильской армией. Имам Хомейни в 1979 году предложил выбрать в качестве даты последнюю пятницу священного месяца рамадан⁵⁹.

Мероприятиям, посвященным Кудсу, Имам отводил очень важное место в своей политике. Помимо чисто пропагандистских, это мероприятие должно было выполнять функцию и демонстрации солидарности всех мусульман с делом палестинского народа. Проводимые в этот день массовые акции - демонстрации, марши, митинги, собрания, молитвы - призваны продемонстрировать единство и общность целей мусульман. «Народ подымается», заявлял Имам, «и если сейчас осуществляется стадия демонстраций и проведения маршей, то это будет началом нашей борьбы против

⁵⁷ Речь 13-ая, произнесенная 10 апреля 1964 года // Имам Хомейни. Путь к свободе С. 198.

⁵⁸ Там же. С. 190.

⁵⁹ Imam's message announcing Quds Day dated 7 August 1979 (16 Mordad 1358 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 9. P. 243.

корруптированных элементов (*Израиля. - А. Б.*), и изгнание их с территории мусульманских земель»⁶⁰.

В мероприятиях, посвященных памяти Кудса, отражается еще одна очень важная деталь внешнеполитической идеологии современного Ирана, также берущая свое начало в мировоззрении Имама Хомейни. Смысл «Дня Кудса» выходит за рамки собственно Палестины, это глобальный проект, инициированный Имамом. Кудс стал символом противостояния всех угнетенных в мире, стремящихся защитить свое право на свободу, равенство и существование, с мировыми угнетателями. Объясняя причины помощи Ирана палестинским движениям, Имам подчеркивал именно эту мысль: «Мы поддерживаем угнетенных. Мы поддерживаем любого, которого угнетают где-либо, а палестинцы являются угнетаемым народом, и израильтяне угнетают их. По этой причине мы и поддерживаем их»⁶¹. Следовательно, освобождение Кудса и Палестины, призваны стать первыми ступенями по консолидации мусульман в рамках всего мира.

В продвижении и отстаивании этой идеи, с самого начала совершения исламской революции в Иране, начался процесс консолидации мусульман в рамках образования «Партии Аллаха», более известной под названием «Хизболла» или «Хезболла», в зависимости от арабского или персидского произношения термина «партия». С точки зрения Имама, отряды «Хизбалла», создаваемые во всех региональных странах, должны составить, тем самым, боевой авангард мусульман, которые с оружием в руках будут вести джихад. «Мы призываем всех угнетенных вступать в партию угнетенных и решать свои проблемы совместно, на основе тесного взаимодействия и общей воли»⁶².

Итогом движения, как уже не раз провозглашалось Имамом Хомейни, должно стать полное прекращение существования сионистского Израиля и носителей идей сионизма. Это вновь превратит регион Ближнего Востока в традиционный район «дар аль-

⁶⁰ Imam's remarks dated 6 August 1979 (15 Mordad 1358 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 13. P. 68

⁶¹ Imam's interview with an American reporter, 1 December 1978 (10 Azar 1357 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 146.

⁶² Imam's remarks dated 18 August 1979 (27 Mordad 1358 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 9. P. 255-6.

ислам», каким он и был до начала прошлого века. Успех в движении освобождения Палестины даст толчок окончательной консолидации миру ислама. И тут важно отметить тот факт, что консолидация не будет означать признание приоритета и верховенства роли Ирана в этой организации. Имам Хомейни тут уже предостерегает иранские исламские власти, заявляя, что «мы не должны относиться к исламу, как будто бы ислам принадлежит только Ирану. Ислам такой же, как и везде. Он такой же, как в Египте, Судане, Ираке, Хиджазе, Сирии или где-либо еще»⁶³.

Понимая, что дело освобождения это далекая перспектива, Имам говорит, что победу, возможно, увидят только наши дети, он не вдается в точные характеристики работы политического механизма объединенного исламского мира. В 1981 году он, например, упоминает о создании единого общего правительства, но при этом, «каждое в отдельности продолжало бы управлять своей территорией»⁶⁴. В следующем, 1982 году, Имам говорит только о некоем «Исламском пакте для защиты прав мусульман и для борьбы против агрессоров, таких как Израиль»⁶⁵, четко не прописывая его структуры, принципы деятельности и полномочия. Ясно, что в последнем случае, речь может идти о военно-политическом союзе, но будет ли создаваться общая армия под единым командованием, не ясно. Вероятно, что этот вопрос должны были решать те, кто столкнется с этим в реальности.

И последнее, о чем необходимо сказать, разбирая взгляды Имама на проблему освобождения Палестины - это роль ислама. В отношении религии, он бескомпромиссен. Он выступает категорически против идей секуляризма, видя в них происки врагов ислама. Идеи отделения религии от политики, по убеждению Имама, навязываются Западом и Востоком, но они противоречат принципам ислама. «Вынашивался план внушить людям, что у религиозных ученых дурная репутация и что такое явление, как религия, должно быть отделено от политики. Эта кампания ведется уже много

⁶³ Imam's remarks dated 17 November 1981 (26 Aban 1360 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 15. P. 317

⁶⁴ Imam's remarks dated 5 March 1981 (15 Esfand 1359 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 14. P. 156.

⁶⁵ Imam's message dated 1 April 1982 (12 Farvardin 1361 AHS) // *Sahifeh-ye Imam*. Vol. 16. P. 142.

лет, и даже сами ахунды теперь убеждены в этом и спрашивают: "Какое нам дело до политики?" Но ставить так вопрос значит, в сущности, отказываться от ислама, зарывать его в кельях медресе и в наших религиозных сочинениях»⁶⁶. По словам Имама, ислам - это и есть политика. Отделение ислама - означает потерю самоидентичности мусульман как политического организма. Улемы, таким образом, это связующее звено между исламом и политикой, между религиозным и светским характером власти. «Их ответственность очень велика, исключительно велика, в определенном отношении ответственность улемов, видимо, выше, чем кого бы то ни было», уверен Имам. «Это от них зависит представление ислама таким, каким они его знают, всему миру. Люди прислушиваются к ним, им подчиняются целые государства»⁶⁷.

Суммируя кратко выводы по проведенному анализу взглядов Имама Хомейни в отношении решения «Палестинского конфликта», можно сказать следующее. Территория Палестины и Кудс обладают сакральной аурой для мусульман, поэтому не допустимо, чтобы иностранцы и иноверцы контролировали это святое место. Нависшая угроза над Палестиной в виде оккупации со стороны Израиля, по мнению Имама Хомейни, может стать действенной силой по объединению мусульманских народов региона, сталкивающихся с вызовами своему независимому существованию в современном мире.

Чтобы играть самостоятельную роль, и не превратиться в объект международной политики, мусульманам следует объединиться для отстаивания своих интересов. Главным вызовом для исламского мира, по мнению Имама, является Государство Израиль. Он отвергает и ставит под сомнение исключительный характер Израиля как еврейского государства. Имам рассматривает его как расистский и политический проект, созданный сионистами при поддержке и подаче Запада. Следовательно, сионистский Израиль является чужеродным элементом в центре «дар аль-ислам», и должен быть уничтожен как проводник интересов стран Запада в регионе. Пока будет

⁶⁶ Речь 27-ая, произнесенная 18 февраля 1978 года //Имам Хомейни. Путь к свободе. С. 258.

⁶⁷ Там же. С. 219.

существовать Израиль, будет существовать и раскол в исламском мире.

Попытка делать ставку на консолидацию мусульман через призывы к арабским национальным лидерам, исламским правительствам и монархам, не увенчалась успехом. По мнению Имама, те свой личный интерес в сохранении своей власти, поставили выше общеисламских, что расценивается как предательство ислама и исламских народов. Поэтому после успеха Исламской революции в Иране, он приходит к выводу о необходимости организации подобных движений по всему исламскому миру, в виде создания подразделений «Партии Аллаха» - «Хизбалла».

Положив в основу принципы исламского мировосприятия, Хомейни вновь вернулся к традиционному делению мира на Мир Ислама (*Дар-оль-Ислам*) и Мир Войны (*Дар-оль-Харб*). Перенеся это деление на современные международные отношения, он выдвинул концепцию «угнетателей и угнетенных» (*мостазафин* и *мостакберин*). При этом лидер Исламской революции исходил из принципа недопущения установления доминирования над мусульманами недружественного враждебного правления (*нафи-э сабиль*). Реализация этого принципа превращала процесс освобождения Кудса и Палестины лишь в первую ступень на пути глобальной идеи освобождения всех угнетенных в мире и построения общества всемирной справедливости.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 821.161.1.09+929[Артемьев+Чернышевский]

РУКОПИСЬ И.А. АРТЕМЬЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

И.Е. Захарова

музей-усадьба Н.Г. Чернышевского
e-mail: inevz@yandex.ru

В настоящее время проведена большая работа по выявлению и публикации воспоминаний о Н.Г. Чернышевском и его семье. Статья посвящена неопубликованным запискам известного статистика, этнографа, географа XIX века А.И. Артемьева, где он приводит свой взгляд на личность известного писателя и его близких родственников, отличное от общепринятого и не бесспорное.

Ключевые слова: И.А. Артемьев, Н.Г. Чернышевский, О.С. Чернышевская, Г.И. Чернышевский, С.Е. Васильев, И.И. Срезневский, З.С. Кухаренко, мемуары, XIX век.

MANUSCRIPT OF I. ARTEMIEV «FATHERS AND SONS»

I.E. Zakharova

(Saratov, Russia)

Currently, much has been done to identify and publish the memoirs of Chernyshevsky and his family. The article is devoted to unpublished notes of the A.I. Artemyeva, who is a well known statistic, ethnographer, geographer of the XIX century. In this article he offers an opinion on the identity of the famous writer and his relatives that is different from generally accepted and not indisputable.

Key words: I. Artemiev, N.G. Chernyshevsky, O.S. Chernyshevskaya, G.I. Chernyshevsky, S.E. Vasiliev, I. Sreznevskii, Z.S. Kukharenko, memoirs, XIX century.

Мемуарная литература о Чернышевском довольно обширна¹. В последние годы были опубликованы рукописи А.А. Лебедева и не-

¹ Духовников Ф.В. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове [1820-е гг. - 1852]. Русская Старина. 1890. Т. 67, № 9; 1910. Т. 144, № 12; 1911. Т. 145, № 1 (публ. в журн. за 1910 и 1911 гг. А.А. Лебедева); Чернышевская Н.М. Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: Библиогр.

известный вариант воспоминаний А.И. Раева². Не менее интересной является рукопись А.И. Артемьева «Отцы и дети», оригинал которой хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ)³, а копия, сделанная сотрудником библиотеки Зинаидой Самсоновной Кухаренко, находится в фондах музея⁴. Сегодня музей располагает и электронным вариантом рукописного оригинала.

Александр Иванович Артемьев (1820-1874) - старший редактор Центрального статистического комитета, член статистического совета при Министерстве внутренних дел Российской империи, известен как статистик, археолог, этнограф и географ. Он родился 24 октября 1820 года в городе Хвалынске Саратовской губернии в семье винного пристава. Образование получил в Саратовской гимназии и Казанском университете.

Во время службы в Министерстве внутренних дел в 1854-55 гг. вместе с Ю.И. Стенбеком был в экспедиции для сбора статистических сведений по Саратовской губернии. В эти годы Артемьев встречался в Саратове с Г.И. Чернышевским, отцом писателя, когда по делам службы собирал материалы о расколе. В рукописи «Отцы

указ. // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып. 2; Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов, 1958. Т. 1; 1959. Т. 2; Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982 и др.

² *Захарова И.Е.* Неизданные рукописи А.А. Лебедева о семье Чернышевских // Культура и речь Саратовского края: сб. статей и метод. материалов / под ред. А.А. Демченко. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 62-68; *Захарова И.Е.* Неопубликованная статья А.А. Лебедева «Отец Чернышевского» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 19. Саратов, 2013. С. 134-151; *Захарова И., Клименко С.* Желание славы // Волга XXI век. № 9-10. 2013. С. 214-224. Публикации подготовлены с микрофильмированных копий рукописей А.А. Лебедева и А.Ф. Раева из фондов РГАЛИ (Ф. 1. Оп. 1. Д. 612). Статьи А.А. Лебедева «Родина Н.Г. Чернышевского», «Отец Н.Г. Чернышевского». 1928 г. Автограф. Черновые наброски и заметки к этим статьям и к статье «Выставка, посвященная Н.Г. Чернышевскому в Саратовском госуниверситете»; Дело 618. Воспоминания А.Ф. Раева о Н.Г. Чернышевском. Автограф и 2 рукописные копии. Текст воспоминаний Раева, подготовленный к публикации Н.М. Чернышевской с ее комментариями. [1890] – 1893 гг.

³ РНБ. Отд. рукописей. Ф. 37. Д. 174. 6 л.

⁴ МНГЧ. ОФ. № 864. *Артемьев Александр Иванович (1820-1874).* Отцы и дети: Мемуарная заметка о Н.Г. Чернышевском [рукописная копия]. Приложение: Сообщение З. Кухаренко.

и дети» Александр Иванович отразил свой взгляд на саратовское общество, и в частности на семьи Николая Гавриловича Чернышевского, и ближайших родственников.

В процессе работы над воспоминаниями Артемьева было выяснено, что копия рукописи попала в музей, вероятно, по просьбе Н.М. Чернышевской, в тот период директора Дома-музея, которая была знакома с опубликованным Б.Я. Бухштабом в 1936 году в «Литературном наследстве»⁵ фрагментом о вечере у профессора И.И. Срезневского.

Известно, что в Публичной библиотеке (ныне - РНБ) З.С. Кухаренко служила с 1916 по 1937 год, поэтому можно предположить, что копия записок Артемьева поступила в музей до 1937 года и до 1957 года хранилась в научном архиве музея, затем была передана в фонды.

Зинаида Самсоновна сделала небольшой комментарий к рукописи, в котором выразила свое отношение к мемуарам Артемьева: «Автор нижеизложенных воспоминаний Александр Иванович Артемьев (1820-1874), известный главным образом своими статистическими трудами, однако свою литературную карьеру он сделал многостороннее многих других... Вращаясь в кругу столичных литераторов и в среде правительственной он, казалось бы, мог оставить дневник первостепенного значения для истории той эпохи. Однако его кругозор не выходил за пределы представлений, свойственных среднему чиновнику той эпохи, и мелькающие на страницах его дневников писатели и артисты, столоначальники и литераторы тонут в массе обывательщины, а их образы характеризуются тою же обывательскою меркою.

Печатаемая нами мемуарная заметка Артемьева, с заимствованным у Тургенева заглавием, <содержит - нрзб.> в себе в немалой степени общие взгляды автора [несколько слов жирно зачеркнуто чернилами. - И. З.] и ту обывательскую накипь, которая скопляется вокруг всякого мало-мальски заметного имени. Однако, думаем, что биографу Чернышевского она все же пригодится»⁶.

⁵ Бухштаб Б. Из воспоминаний А.И. Артемьева о Н.Г. Чернышевском // Литературное наследство. Т. 25/26. 1936. С. 230-234.

⁶ МНГЧ. ОФ. № 864. Л. 1.

Рукопись написана на 12 страницах размером в тетрадный лист с широкими полями, на которых есть пометы и уточнения. По описаниям Саратова в записках Артемьева (в частности, есть упоминание о Саратовско-Гамбовской железной дороге) можно предположить, что они были составлены в 1871-1873 гг., т.е. незадолго до кончины Александра Ивановича.

Таким образом, незадолго до смерти, больной Артемьев обращается к воспоминаниям о Саратове, размышляя над темой «известного сорта отцов» и «особого разряда детей», распространяя эти понятия на личности Г.И. Чернышевского, отца Н.Г. Чернышевского, и С.Е. Васильева, отца жены писателя, а также на семью Н.Г. и О.С. Чернышевских.

По мнению Артемьева, Чернышевских и Васильевых не любили в Саратове, а Николая Гавриловича и Ольгу Сократовну осуждали в Петербурге. Интересно, что он пересказывает разговоры даже не простых обывателей, а прислуги - нянек, дворников, кухарок и т.д. Это мнение разительно отличается от существовавшего в среде людей, близко знавших эти семьи. Воспоминания об отце писателя оставили саратовцы: И.У. Палимпсестов, А.И. Розанов, Никанор, архиепископ Одесский и Херсонский, некоторое время служивший в Саратове. Все они отмечали доброту и обаяние Гаврилы Ивановича, высокий уровень его образованности, доскональное знание священнической службы⁷.

Так же и рассказ Артемьева об отце жены писателя Ольги Сократовны Чернышевской - «Сократе», «известном лекаре», которого перевели в Саратов, где он потерял доверие горожан, когда не сумел вылечить двух именитых аристократок. Однако, по документам видно, что благодаря не только знаниям и умелой врачебной практике Васильева, но и его организаторским способностям была

⁷ Палимпсестов И.У. Н.Г. Чернышевский: по воспоминаниям земляка // Русский архив. 1890. № 4; Розанов А.И. Николай Гаврилович Чернышевский 17-го октября 1889 г. // Русская Старина. СПб., 1889. Кн. 11; Лебедев А.А. Николай Гаврилович Чернышевский (Наброски по неизданным материалам) // Русская старина. 1912. №. 1; 3; 4; 5; 10; Никанор [Бровкович А.И.]. О значении семинарского образования. (По поводу смерти Чернышевского): Из беседы Высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского // Саратовские епархиальные ведомости. 1890. № 15, 18 и др.

остановлена эпидемия холеры 1830-31 гг. в Камьшине⁸. Как замечательного диагноста охарактеризовал отца жены Н.Г. Чернышевский в «Автобиографических записках»⁹.

Мемуаристы придерживаются разных точек зрения на личность Н.Г. Чернышевского и членов его семьи, на их взаимоотношения, деятельность, и каждое из сообщений представляет несомненный интерес, поскольку они отражают мнение разных социальных слоев провинциального Саратова первой половины XIX в.

Записки А.И. Артемьева

Отцы и Дети

Тургенев. Известная Повесть

[В Саратове на Сергиевской улице не далеко от полиции и Волги, против колокольни церкви Спаса-Нерукотворенного (иначе называемой Сергиевскою, по приделу во имя преподобного Сергия Радонежского), стоял, лет 40 тому назад <зачеркнуто>]

В Саратове, почти параллельно течению Волги и недалеко от нея, пролегает, от северо-востока на юго-запад, длинная и широкая улица, называемая Сергиевскою, по церкви Спаса-Нерукотворенного, в которой есть придел Преподобного Сергия Радонежского. Церковь эта отличается довольно высокою колокольнею и обнесена обширною [оградю <зачеркнуто>] решетчатую оградю на каменном фундаменте.

Улица Сергиевская, лет 40 назад, считалась едва ли не самую аристократическою в городе: в ней жили в собственных домах - губернский предводитель, прокурор, председатели обоих судебных палат; тут же стояло несколько домов помещичьих в том числе и «подворье» Их Сиятельств графини Марьи Васильевны и графа Виктора Павловича Кочубей); тут же были дома и полновесных тузов купечества - Образцова, Тюльпина, Горбунова, Деева, Вакурова;

⁸ Чернышевская В.С. Из истории родственных отношений Н.Г. Чернышевского (Материалы к родословной Васильевых и Казачковских) // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 148.

⁹ Чернышевский Н.Г. Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16 т. М., 1939. Т. 1. С. 601.

на этой же улице помещалась Городская Полиция и Губернская Почтовая Контора.

Впоследствии времени характер [этой <зачеркнуто>] Сергиевской улицы весьма изменился. Высшее губернское чиновничество и местные аристократы стали предпочитать улицы, расположенные выше Сергиевской, вокруг Соборного бульвара и т<ому> под<обное> - С этого времени Сергиевская улица [стала падать <вынесено на поля>]: многие каменные дома облупились, постарели, а деревянные почернели и вовсе одряхтели. С усилением пароходства на [этой <зачеркнуто> Сергиевской улице преимущественно поместных <зачеркнуто>] Волге, Сергиевскую улицу заняли преимущественно конторы пароходных [компаний <зачеркнуто>] и транспортных компаний. [Потому, что открытие Саратовско-Тамбовской железной дороги еще больше придавало Сергиевской улице <зачеркнуто>] Не знаю, как и в чем выразилось влияние Саратовско-Тамбовской железной дороги на эту улицу; но думаю, что до известной степени влияние должно было отразиться, так как [Сергиевская улица южным концом своим <зачеркнуто, нрзб.>] улица своим южным концом подходит близко к вокзалу.

В 1830-31 году на углу ограды Сергиевской церкви, против полиции, в которой тогда караул держали гарнизонные солдаты, [стоял <зачеркнуто>] постоянно стоял один нищий, известный целому городу. Это был рослый, плечистый, сильно рыжий, косматый мужчина лет 60. Обыкновенно он переминался с одной ноги на другую, как будто припрыгивал, повторяя монотонно и вовсе не жалобно-просительную скороговоркою: «Подайте милостыньку, Христа ради, подайте!» Не [могу сказать <зачеркнуто>] думаю, чтобы он много получал подаваний: наружность его вообще возбуждала не сожаление и сострадание, а подозрение и опасение. Идя в училище, или обратно, я всегда старался идти другою стороною улицы, хотя прямее и ближе было бы пересекать полицейскую площадь именно от того угла, где стоял рыжий нищий. [В последствии в иллюстрированном томе издания *Mysteres de Paris* (здесь - «Парижские тайны» Эжена Сю. - И. 3.) фигура Шуринера мне очень напомнила этого нищего <запись на полях>] Другие ученики-сотоварищи, проходя мимо нищего, считали обязанностью крикнуть ему: «Рыжий, зачем поросенка стащил?» А он, перемина-

ясь, тем же тоном отвечал: «Сами поросята!.. Подай те, Христа ради, подайте!» Задорные ребяташки вновь кричали: «Рыжий» и он возражал: «Забить тебе с грыжей!.. Подайте, Христа ради, подайте!» Иногда он схватывал непроворного мальчугана, трепал его за волосы и все-таки твердил: «[Ну <зачеркнуто>] Подайте, Христа ради, подайте!»

Рассказывали, что этот нищий был довольно зажиточный мещанин, имевший собственные досчаники, на которых и перевозили небольшие грузы к Болоновской пристани с хлебом, ходили за солью и арбузами в Камьшин. [Сыновья его <зачеркнуто>] Прежде он сам ходил на досчаниках, но когда подросли и оженились сыновья, он сдал им досчаники, а сам принялся христорадничать. [<зачеркнуто, нрзб.>] Сыновья, конфузясь бродяжничеством и попрошайничеством своего родителя, несколько раз, через посредство городского головы и через полицию, пытались воздерживать его от неблагоприятной склонности; но ничто не помогало. День - два посидит он дома, а потом и <зачеркнуто> навесит [себе су <зачеркнуто>] суму через плечо и уйдет на любимое местечко к ограде Сергиевской церкви.

Куда потом девался этот дилетант-нищий, - сказать не умею, но я вспомнил его, заговоривши о Сергиевской церкви. Его и кстати было вспомнить: он все-таки может служить образчиком [разного <зачеркнуто>] известного сорта отцов, как сыновья его могут составить особый разряд детей.

В ту самую пору, когда на углу ограды стаивал рыжий нищий, в штате Сергиевской церкви состоял рыжий, кудреватый поп - отец Гавриил, а по светски Гавриила Иванович.

Через квартал от церкви, на углу той же Сергиевской улицы с одним из переулков, идущих к Волге, отец Гавриила выстроил себе довольно большой деревянный дом, нижний этаж которого сложен был из кирпича. Дом этот не отличался особенностями архитектуры, однако, постоянно обращал на себя внимание саратовцев. «Каков домишко то смастерил себе Гаврюха!» говорили все и прибавляли к тому: «не бойсь! Гомзу-то накопил, на то и благочинный, на то и член Консistorии». В этих отзывах определяется вполне вся дея-

тельность Гаврилы Ивано[вича. Приход Сергиевский был богатый и <зачеркнуто>]ича. Его как то не любили, называли гордым; да и самая наружность его, хотя очень сановитая, не отличалась привлекательностью : у нижней губы [был у него <зачеркнуто>] отца Гавриила был какой то шрам и оттого он [как-то неприятно <зачеркнуто>] несколько косил рот, что и придавало его физиономии неприятно надутый вид. Относительно ума и образования отца Гавриила не знаю что сказать. Командированный по делам раскола в Саратовскую губернию я имел с ним личные и письменные сношения и при этом случае убедился, что кругозор его был не широк, к расколу он относился [по <зачеркнуто>] поповски: «невегласи, дескать, ругатели священства» - <зачеркнуто> и только старался всячески выставить в благоприятном свете действия духовенства и набросить погуще тень на гражданские власти. Но в практической жизни Гаврила Иванович был весьма ловок: ладил [с архиереями и под конец своей жизни <зачеркнуто>] с архиереями и получил все, что можно получить священнику: скуфьи, камилавки, наперсные и орденские кресты. Долговременная служба в Консистории, богатый приход, а потом звание [ключарем <зачеркнуто>] протопопа кафедрального собора дали ему возможность устроить свои дела очень хорошо. Умер он лет 8 назад.

Отец Гавриил прозывался Чернышевским и был отцом Николая Гавриловича Чернышевского...

В то самое время, когда Гаврила Иванович Чернышевский, прочно утвердившись в Сергиевском приходе, устраивал свой хорошенький и обширный дом, - в городе Камышине [служил <зачеркнуто>] был уездный лекарь Сократ Евгеньевич Васильев, известный более под сокращенным именем «Сократа».

Сколько отец Гавриил был рыж, столько Сократ был черен; сколько первый отличался медлительностью и степенностию, столько второй бросался в глаза своею подвижностью, юркостью. Он также происходил из духовного звания, но по сильной смуглости лица и черноте густых волос считался греком, чему не мало способствовало и его [тезоименитство <зачеркнуто>] одноименность с знаменитым греческим философом.

Недостаток ли врачей, чувствуемый и ныне в губерниях, или действительное знание своего дела, или просто счастливая случайность, а всего вернее, что все эти условия соединились вместе и в непродолжительное время - создали лекарю Васильеву репутацию блистательную. «Сократ» - признавался чуть ли не богом здравия. [Его выписывали не только в Саратов, но и в дру <зачеркнуто>] Его выписывали не только в Саратов, но и в соседние губернии - Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую и везде он лечил с удивительным успехом. В 1836 или 1837 г. его перевели в самый Саратов и сделали членом Врачебной Управы. Но здесь, как будто на смех, две первые серьезные пациентки, принадлежавшие к высшему обществу Саратовскому, жена прокурора (Тюльпина) и жена начальника Провиантской комиссии (княгиня Путята) - умерли. Тогда все завопили: «Сократ живодер, коновал!». [Как прежде разносил его <зачеркнуто, нрзб.>] Он даже потерял свое знатное имя «Сократ» и стал зваться просто «Васильевым». В аристократическом кругу ему не повезло; но он все-таки имел довольно обширную практику и в особенности ловко вел дела по приему рекрутов... Вскоре по приезде в Саратов он купил себе хорошенький домик на соборной площади, рядом с архиерейским домом.

Сократ был отцом довольно порядочного числа детей, в особенности дочерей, из которых одна сделалась законною [женою <зачеркнуто>] супругою Николая Гавриловича Чернышевского, против желания его отца, как сказывали мне в Саратове.

Теперь перехожу к моим воспоминаниям о детях.

Я не был знаком с Н.Г. Чернышевским и с его женою; но все-таки мне случалось кое-где встречаться с ним и заметить некоторые мелочи, быть может не лишённые значения для их биографий.

В начале января 1856 года мы наняли квартиру в доме Тулубеева, в Поварском переулке, близ Владимирской церкви.

В Петербурге все привыкают жить <зачеркнуто, нрзб.> ни мало не заботясь о том, кто живет рядом и около. Разве какая-нибудь особенность жильца-соседа заставит поневоле обратить на него внимание. Так мы [жили <зачеркнуто>] начали жить в этом доме, не спрашивая, не осведомляясь, кто помещается над нами, под

нами, против нас и рядом с нами. Но прислуга разведывает все это в самом непродолжительном времени.

Надобно заметить, что тогда (в конце 1855 г.) я только что воротился из продолжительной командировки в Саратовскую губернию и что [теперешняя <зачеркнуто>] кормилица теперешнего нашего старшего сына (Николая), родившегося в Саратове, была привезена из Саратова, а нянька, выехавшая с нами из Казани, с нами же находилась и в Саратове. Вследствие этого наша прислуга при первом же [сближении <зачеркнуто>] разговоре с [кухаркою Черныш <зачеркнуто>] дворниками узнала, что этажом выше нас живут также саратовцы, какой то Чернышевский; отец же у него в Саратове священник; он на саратовской и женат; мальчик маленький у них тоже есть и проч. Еще через несколько дней наша нянька уже [знала <зачеркнуто>] сообщала, что «ребенок у Чернышевских какой-то больной, а мать им нисколько не занимается, даже его не любит; да и когда ей (т.е. Чернышевской) заниматься ребенком... она все с молодежью... муж ни на что, слышь, и внимания не обращает»... Потом случилось как то, что кухарка Чернышевских позаимствовалась у нас в кухне какой то чашкою или плошкой и когда эта вещь понадобилась [у нас, то <зачеркнуто>] нам, то за нею отправилась в кухню Чернышевских наша нянька, а ее встретила сама Чернышевская и спросила [ее]: «твой господа тоже из Саратова?

а как они прозываются? - Артемьевы, де-скать. «Что то не знала таких...» Их, де-скать, папенька - старичок живут в Кузнецке; а этот г. Артемьев служил прежде в Казани в университете. А она [отво <зачеркнуто>] в дверь из кухни, туда, в залу, что ли, и закричала: ты знал в Саратове или в Казани Артемьева?.. А он подходит к кухне и говорит: да, в Казани знал немного...

Первые рассказы о Чернышевских доходили до меня стороною; но последний разговор нянька почла обязанностью передать мне непосредственно. Выслушавши ее доклад, я отвечал: «Отца Чернышевского я знаю давно; но его самого не знаю и не слыхивал, что он бывал когда-нибудь в Казани, а потому и не понимаю, как он знал меня в Казани... - Да ведь, барин, возразила нянька, это не Чернышевский и говорил, а <зачеркнуто> тоже, слышь, саратовский, Пышин что ли какой... [он, говорит их нянька <зачеркнуто>] такой белый лицом, а волосы черные. Он чуть не живет у них: он,

слышь, большой приятель госпожи то Чернышевской... прибавила нянька хихикая.

«Ну, вы вечно успеваете собрать все сплетни... Может быть, он родственник», - сказал я.

- Кто их знает! Их же нянька <зачеркнуто> с кухаркою рассказывали...

Вот какие сведения приобретены были мною о Чернышевских. Сколько в них правды - не знаю; но я записываю их здесь в том виде, в каком они дошли до меня. Чернышевского я тогда <зачеркнуто> не знал лично; но имя и <зачеркнуто> литературная его деятельность, конечно, были [известны и обращали на себя внимание. Да в ту пору Чернышевский <зачеркнуто>] мне известны: он в эту пору уже обращал на себя внимание весьма многих.

В доме Тулубьевых жили мы только до весны, а потом переехали на дачу и осенью заняли квартиру [в другой <зачеркнуто>] (также не надолго) в Измайловском полку; но Чернышевские оставались на прежней квартире довольно долго и уже гораздо позже перешли [тогда <зачеркнуто>] в дом Есаулова, на Владимирской улице, [тоже <зачеркнуто>] не очень далеко от нашей квартиры (в Кабинетской, сначала в доме Ларионовой, потом у Назаровых).

Осенью или зимой того же 1856 года я встретился в первый раз с Чернышевским в квартире И.И. Срезневского, у которого в конце 50-х годов я бывал довольно часто. У Срезневского собирались и собираются доселе преимущественно ученые; [и в обществе просвещенном <зачеркнуто>] беседа всегда касается археологии, славящины, литературы, но в политику вообще не вдаются; [вообще тоже занимаются <зачеркнуто>] а городскими сплетнями - новостями интересуются по-толику, по колику они касаются мира ученого.

Раз в один из таких вечеров, когда уже подали закуску и некоторые из собеседников уже брались за шапки, чтоб проститься с хозяином, <зачеркнуто> в кабинет его вошел [какой-то <зачеркнуто>] русенький господин сморщенно-болезненного вида: волосы у него лежали [как-то <зачеркнуто>] будто прилипшие к голове, смотрел он <зачеркнуто> через очки как то изгибаясь, несколько жмурясь и саркастически или нервно [незаметно по <зачеркнуто>] чуть-чуть покашивая рот.

«Поздненько же являетесь», обратился к этому господину П.П. Пекарский [историк, будущий академик. - И. З.].

- Николай Гаврилович явился чуть ли не прежде всех, да, по своему обыкновению беседовал все с детьми, - отвечал хозяин [с некоторым оттенком гадливости <зачеркнуто, нрзб.>] и прибавил: <зачеркнуто>ну, что, каков мой Вячко? Катеринка?

«Да что?! изумили меня: начали рассказывать о красоте «заставок» в какой то заплесневелой летописи... Юсы да глаголиты знают... Уж эстетикой то их [бы <зачеркнуто>] не развращали бы! хи-хи-хи! отвечал Николай Гаврилович немного жеманясь и подцепляя вилкой кусок селедки.

(Это Чернышевский? - спросил я шепотом П.С. Савельева [изв. ориенталист. - И. З.]. «Frse», отвечал тот.).

- Ну что вы, Николай Гаврилович, нападаете на мои милые юсы и глаголиты! возразил смеясь Срезневский. Ведь и вам не незнакомы они; ведь и вы занимались эстетикою...

«Моя эстетика, вы знаете, не ваша... обратился Чернышевский к Срезневскому, тыча вилкою: вот Щедринские «Губернские очерки» эстетика...

- Pamфлет, [как <зачеркнуто>] конечно, практически приносит известную долю пользы, заметил Ср<езневский>, но <зачеркнуто, нрзб.> отрицаю, что он может служить к развитию правильного эстетического вкуса»...

«Вот иметь правильный вкус в селедке, в икре - полезнее, хи-хи-хи! А пустяки по вашему, что разные лекаря, ковыряющие плечи у черемисов, да исправники - Живоглоты выдаются вам головою?.. Сказал Черн<ьшевский>.

- «Ну, это не новость в нашей литературе, возразил Ср<езневский>.

- Капнист писал о взяточниках, сам Булгарин даже, а Гоголь-то... да взяточники не перевелись. По моему, вот эстетика-то, наша эстетика, Николай Гаврилович, а не ваша, скорее поможет [помогут <зачеркнуто «гу», исправлено на «же»>] делу, если больше и больше будут ее вводить в систему развития и образования народа...

«Хи! хи! хи! засмеялся Черн<ьшевский>, не бойсь потому, что умягчит нравы, волков превратит в <зачеркнуто, нрзб.> агнцев? Конечно, хи-хи-хи! ваша эстетика [отучит <зачеркнуто>] для наше-

го мужика [есть редьку <зачеркнуто>] и сивуху с луком заменит амброзией с нектаром и проч. Вот вашей эстетики скажу спасибо, когда она оденет, обует и накормит наш народ...

- Да это и выйдет так, доказывал Ср<езневский>; эстетика отучит мужика от сивухи и у него уцелеет копейка на обувь, одежду, еду...

«Хи-хи-хи», отвечал Ч<ерньшевский>.

- «А что, Ал<ександр> Ив<анович>, <зачеркнуто, нрзб.> обратился Пекарский ко мне, [прерывая спор <зачеркнуто>] ведь, говорят, Живоглот срисован с Мамодышского [чиновника <зачеркнуто>] исправника; вы знаете всю Казанскую губернию: похож ли?..

«До какой степени верна догадка об оригинале Живоглота, сказал я, - не знаю; но в Мамодыше действительно был непрременный заседатель земского суда, т.е. помощник исправника, [по прои<схождению> <зачеркнуто>] сын сторожа того же суда. На свою руку, как говорили, охулки он не давал; однако, сколько я знаю, он не был похож на Живоглота. Я был свидетелем, что крестьяне встречали его радушно, а заочно звали его «Милягою», потому что он сам всех называл «Милягами»...

- Да ведь и лекарь-то, что ковырял плечо у черемиса, обращался ласково, - заметил Черн<ышевский> и затем обратился прямо ко мне: чай и этот ваш «Миляга» каждое свое приветствие сопровождал зуботычиной... уж это так заведено... хи-хи-хи!

- Не случилось видеть этого от Миляги, - сказал я.

«А все-таки, надо полагать, много привелось видеть всякого рода полицейских? продолжал Пекарский, - много вы поездили... А где [- Ал<ексей> Ив<анович>, и попов изучил хорошо, засмеялся П.С. Савельев: ездил - ездил по Саратов-Ярославской губернии и вот может там еще дольше кочевал в Саратовской губернии <зачеркнуто>] типичнее эти люди: в Казанской или в Ярославской губернии?

Еще не успел я ничего [сказать <зачеркнуто>] ответить, как П.С. Савельев прибавил: «Ал<ександр> И<ванович> еще дольше был в Саратовской, чем в Ярославской, и впечатления [еще свежие <зачеркнуто>] о Саратовской, без сомнения, свежее и разнообразнее: война, движение ополчений и проч.».

«А вы [когда б<ыли> <зачеркнуто>] давно из Саратова?» спросил Чернышевский.

- Был в прошедшем году; [ответил я - <зачеркнуто>] между прочим, имел сношения и с вашим батюшкой, Гаврилою Ивановичем... отвечал я.

Чернышевский ничего не сказал на это и даже вовсе [удалился от стола <зачеркнуто>] перестал говорить и ушел куда то в угол.

Такова была моя первая встреча с Чернышевским.

[Из<вест>ная Личность <зачеркнуто>] Этот человек интересовал меня прежде, нежели я стал лицом к лицу с ним. Его статьи, [высказываемые в них мнения и взгляды <зачеркнуто>] всегда читал я с живым любопытством, хотя и не соглашался с многими из его взглядов. Во всяком случае я признавал и уважал в нем несомненный талант писателя [и несомненную остр <зачеркнуто>] диалектика и несомненно острый ум [(в ту пору Черн<ышевский> еще не договорился до абсурда) <зачеркнуто>] и потому я несколько жалел, что не встречаюсь нигде с Черн<ернышевским>, что не могу с ним познакомиться.

Но впечатления первой встречи с ним, два-три слова, перекинутые нами друг другу, настроили меня совершенно иначе. На меня как-то неприятно подействовали его наружность (хотя вполне приличная) и в особенности пискливый его голос и хихиканье. Я ушел от Срезн<евского> [жалея <зачеркнуто>] досадуя, что встретился там с Черн<ышевским>. [Встреча эта будто уничтожила то обаяние, которое производил этот человек своими статьями, я почувствовал, что я даже почувствовал с досадою на себя, что оживает эта встреча <зачеркнуто>].

УДК 902 | 1970/1980 | (093)

ГЛОТОК СВОБОДЫ

(Немного о быте археологических экспедиций 1970-80-х гг.)

В.Н. Парфенов,

Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А.
кафедра истории Отечества и культуры
e-mail: vparfenov@list.ru

Внутри жестко ограниченного пространства и времени нашего советского прошлого существовал «оазис свободы», неразрывно связанный с археологическими экспедициями. Их неприхотливый быт, жизнь в полевых условиях, отсутствие повседневных условностей позволяли каждому участнику раскрыть все стороны своей личности. Моральный климат каждой экспедиции определялся, прежде всего, личностью ее начальника. Автор характеризует археологов, с которыми ему пришлось работать в разные годы, и внутреннюю жизнь их экспедиций.

Ключевые слова: свобода, быт, археология, экспедиция, И.В. Синицын, Н.И. Сокольский, Г.А. Федоров-Давыдов, Е.А. Молев.

THE GULP OF FREEDOM

Somewhat about a manner of living of archaeological expeditions in 1970th - 80th years

V.N. Parfenov

(Saratov, Russia)

Inside of the hard limited dimension and time of our Soviet past existed "oasis of the freedom", indissolubly connected with archaeological expeditions. Their simple manner of living, a fieldwork permitted for every participant to demonstrate all sides of his own personality. Above all the moral climate of every expedition was determined by the person of her chef. The author characterizes the archaeologists, with them he worked in the various years, and the interior life of their expeditions.

Key words: freedom, manner of living, archaeology, I.V. Sinitsyn, N.I. Sokolsky, G.A. Fedorov-Davydov, E.A. Molev.

Данная тема, на первый взгляд, не имеет ничего общего с проблематикой конференции, посвященной Николаю Алексеевичу, с которым большинство участников конференции имело удовольствие работать на истфаке СГУ, а некоторые - еще и на социально-

гуманитарном факультете технического университета. Однако связь здесь всё-таки, думаю, есть: если выразаться «высоким штилем», вся жизнь Н.А. Троицкого, была посвящена борьбе за свободу вообще и за свободу научного творчества в частности. В этой борьбе, как все мы хорошо знаем, он не терпел компромиссов и не склонялся ни перед авторитетами, ни перед властями, в каком бы облике они ни выступали. Именно поэтому, если перефразировать известное изречение князя Мещерского, власти не удалось унижить его почестями и наградами.

В жестко структурированном пространстве и времени нашего советского прошлого, становящегося всё более далеким (партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, заседания всевозможных бюро, методические семинары, обходы избирательных участков перед выборами - дабы обеспечить стопроцентную явку голосующих за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», дежурство преподавателей в студенческих общежитиях, демонстрации и митинги по праздничным дням - и это далеко не всё...), был один оазис, где всё вышперечисленное отсутствовало и каждый мог позволить себе недопустимую в иной обстановке роскошь - быть самим собой. Я имею в виду археологические экспедиции, опять-таки всем присутствующим превосходно знакомые. Отсюда и название данного этюда, увы, уже из области мемуаристики: каждый полевой сезон был поистине глотком свободы после учебного года, что студенческого, что преподавательского...

Мне, начиная с археологической практики после первого курса (1969) и заканчивая пока что 2010 годом, довелось работать в четырех экспедициях, и более комфортной психологической атмосферы я просто не знаю. Надо сказать, что здесь главную роль, как и положено, играл начальник экспедиции. На утесе Ст. Разина, где после первого курса мы проходили археологическую практику, наш Дед, то есть профессор Иван Васильевич Сеницын (1900-1972), держал нас в ежовых рукавицах, раскрывшись с совершенно неожиданной стороны (достаточно сказать, что за три недели практики выходной он дал только один). Между тем, более либерального преподавателя тогда на факультете не было, тройка у него на экзамене была исключением, а уж двойка...

Преподавал он нам археологию и историю первобытного общества, предметы, которые сдавали на первом курсе, в зимнюю сессию 1969 года. Вспоминаю, как за моей спиной народ вольготно расположился с учебниками и шпаргалками, экзамен идет своим чередом, и вдруг экзаменатор встает со своего места и идет по 10-й аудитории. Почтеннейшая публика зашевелилась, зашуршала, срочно пряча «компромат». Реакция Ивана Васильевича: «Нет, нет, что вы! Не беспокойтесь, пожалуйста - я только форточку закрыть...».

Но жизнь в полевых условиях, для многих из нас первый опыт такого рода, а для Ивана Васильевича и его коллеги Владимира Алексеевича Фисенко, руководителей практики, привычная, запомнилась нам навсегда: палатки, спальники, обеденный стол (траншея глубиной в полметра, вырытая в земле замкнутым прямоугольником, середина которого накрывалась клеёнкой), еда, которая готовилась на костре, дрова для которого приходилось собирать в соседних посадках и перелесках, дежурства на кухне и, разумеется, работа. Копал Иван Васильевич довольно своеобразно, траншеями, из находок преобладали кости животных и керамика, сложенные в две огромные кучи. Когда обнаруживали какой-либо непонятный артефакт (модное теперь словечко), профессор Синицын, задумчиво повертев вещь в пальцах, неизменно изрекал: «Должно быть, что-то культовое...».

Места эти вообще были овеяны легендами: утёс Степана Разина (один из нескольких на Волге. Наш на утёс совершенно не походил - просто обрывистый мыс), тюрьма Стеньки Разина (соседний овраг), Дурман-гора... Ну и, конечно, сама великая русская река, по которой тогда постоянно проходили то пассажирские теплоходы, то танкеры, то сухогрузы, а то и буксир тащил плоты, от которых к нашему берегу прибывало щепу. Однажды к нам причалил даже агитационный теплоход и мы имели удовольствие прослушать концерт. В общем, впечатлений была масса и некоторые из нас навсегда «заболели» археологией, хотя профессиональным археологом никто с нашего курса не стал.

В следующем, 1970 году, после стройотряда и с подачи своей однокурсницы Тани Сизовой, с которой мы к тому же занимались в одном спецсеминаре (В.Г. Боруховича), я поехал уже на юг, в Та-

манскую экспедицию Института археологии АН СССР, которой руководил Н.И. Сокольский, и проработал в ней три сезона. Больше 100 участников, уникальный археологический памятник, впечатляющий размах работы (1200 кв. м). Состав экспедиции, за исключением командного, студенческий - из разных вузов страны, были даже ребята из Военного института иностранных языков, будущие «рыцари плаща и кинжала». В разговорах темы возникали самые разнообразные, в том числе и политические. Достаточно свежа в памяти была Чехословакия-1968, и, помнится, как ярких защитников официальной точки зрения, так и ее серьезных критиков тогда не находилось.

Н.И. Сокольский (1916-1973) был интересной личностью, одним из крупнейших археологов-античников, умел поставить себя с местным начальством, любил подчеркивать, какую видную культуртрегерскую роль играют наши раскопки. Во время холерной эпидемии 1970 года его экспедиция была единственной на Тамани, которая не сорвалась с места и не уехала, а продолжала работу. Трудовое законодательство соблюдалось неукоснительно, День археолога отмечался торжественно. Когда однажды возник «бунт на корабле» по поводу недостаточно калорийного рациона (возмутились девушки-москвички, болевшие душой за ребят), в меню завтрака появилось сливочное масло. В экспедиции была даже свадьба (Володя Чунихин, однокурсник Н.И. Девятайкиной, работавший в Целиноградском пединституте, и москвичка Татьяна Селезнева). Первоначально в стансовете им отказали в регистрации брака - у «брачующихся» нет местной прописки - и тогда на сцене появился Николай Иванович: «Я начальник Таманской экспедиции, доктор исторических наук Сокольский, заведующий сектором античной археологии Института археологии Академии наук СССР (пауза). Надо соединить молодых людей!». Администрация сдалась.

Н.И. Сокольский в отношении свободного времени участников экспедиции был щепетилен до крайности. Однажды в воскресенье он подозвал меня и моих контуберналов (однопалаточников) Колю Петрова (позднее доктора философских наук, профессора) и Мишу Емельяненко из г. Шуя Ивановской области (увы, дальнейшая судьба его мне неизвестна) и, слегка смущаясь, говорит: «Ребята, вот

такое дело - дров надо напилить. И дам я вам за это, - немного подумал, потом решительно взмахнул рукой, - по тройку!»

Однажды за общим завтраком Николай Иванович рассуждал: «Люблю к завтраку кофе и булочку с маслом. Это моё хобби». Коля Петров тихонько толкает меня в бок: «По-моему, это хобби любого нормального человека».

В один из выходных мы решили сходить в Фанагорию, для чего надо было преодолеть энное количество километров, отделявших Азовское море, на берегу которого стоял наш лагерь, от Таманского залива. Затем на его берегу встретились с местными мальчишками, у которых было своё «хобби»: они шли у кромки воды, высматривая монеты, которые море, особенно после шторма, выносило к берегу. Тут один парнишка подарил мне крохотную медную монету Пантикапея. По возвращении в лагерь Николай Иванович подозвал нас, поинтересовался «трофеями» и, к моему глубокому сожалению, «конфисковал» у меня монету, мотивировав это тем, что составляется свод монет Фанагории, поэтому любая из них представляет собой огромную ценность.

История на этом не закончилась. Когда я уезжал из экспедиции, вдруг слышу: «Виктор!». Подходит ко мне Николай Иванович и возвращает ту самую монету: «У тебя были такие глаза...».

К сожалению, Н.И. Сокольский умер на следующий год, в расцвете творческих сил, не дожив и до 60 лет. Летом 1974 года я по рекомендации своего учителя В.Г. Боруховича отправился в Крым, где примерно в 40 км от Керчи вел раскопки другой его ученик, Евгений Александрович Молев, бывший тогда научным сотрудником Керченского музея, еще не обремененным степенями и званиями.

Супруги Молевы, Женя и Наташа, стали моими друзьями сразу и на всю оставшуюся жизнь. Точно так же вошел в мою жизнь и Китей, в древности маленький городок Боспорского царства, расположенный на крутом крымском берегу в том месте, где на выходе из Керченского пролива, именовавшегося некогда Боспором Киммерийским, этот берег образует изгиб (собственно, на древнегреческом слово *kytos*, от которого образовано название города, означает «кривизна, изгиб»).

Экспедиция Молевых была и, похоже, продолжает являться самой нищей и самой веселой из всех крымских экспедиций. Про-

блемы возникали постоянно - с финансированием, с транспортом, с доставкой воды - но каким-то чудом, точнее, благодаря личному обаянию начальника и энтузиазму участников, они каким-то образом решались, и палаточный Китей жил и работал.

Пожалуй, наиболее яркой чертой, выделяющей Китейскую экспедицию из всех остальных, были праздники. Традиционный День археолога отсутствовал, поскольку он отмечается в августе, тогда как экспедиция сворачивалась до конца июля. Но это компенсировалось местными, только китейскими праздниками и зрелищами. Первым торжественно отмечался День первой лопаты - он не заставлял себя ждать, поскольку его главным символом и хронологическим репером являлась первая же сломанная на раскопе лопата.

Пока лагерь находился внизу, у моря, праздновался День Диониса, с непременно поэтическими состязаниями. Потом, после оползня, заставившего перенести лагерь наверх, на территорию самого городища, этот праздник был отменен, ибо исчезло святилище - грот Диониса.

Тем торжественнее отмечался главный праздник - День Посейдона, под покровительством которого находится экспедиция. Сценарий праздника каждый раз составлялся заново, с тем, чтобы он выглядел как можно более зрелищно. Зрелище это, как правило, привлекало гостей: коллег из соседних экспедиций, местных рыбаков, в мире и дружбе с которыми Китей живет уже несколько десятилетий и которые не раз выручали экспедицию из затруднительного положения. Но обязательно главной частью праздника было поклонение Посейдону, который величественно восседал на морском берегу, в окружении русалок и морских чертей, принимал дары и приказывал проводить разнообразные испытания для новичков, «конные ристалища», другие спортивные состязания. Самый упитанный участник раскопок в этот день должен был стать «жертвенным быком», обреченным на символическое заклание божееству. В конце церемонии Посейдон и его свита уходили в море, свою родную стихию. Завершалось зрелище праздничным обедом в лагере.

Судьба Китейской экспедиции, как и других российских экспедиций в Крыму, оказалась после распада Советского Союза сложной. Но, в конечном счете, она вышла из этих испытаний и про-

должает жить. Неизменным ее начальником оставался и остается Евгений Александрович Молев, посвятивший, как и его жена, Наталья Владимировна, этому археологическому памятнику всю жизнь.

Мое эссе было бы неполным без упоминания еще одной экспедиции, в которой пришлось работать в середине семидесятых годов прошлого века, в период, который «вклинился» между китейскими сезонами. Когда я работал в Астраханском пединституте, в число моих учебных поручений входила и археологическая практика, которую после первого курса проходили студенты-историки. По договоренности со столичными археологами, наши студенты должны были работать в одном из отрядов Поволжской археологической экспедиции, руководителем которой был выдающийся советский и российский археолог Г.А. Федоров-Давыдов (1931-2000).

Наш отряд стоял лагерем в лесопосадках на берегу Ахтубы, недалеко от села Селитренное, и должен был заниматься раскопками Сарай-Бату, первой столицы Золотой Орды. Огромное городище, когда-то бывшее цветущим городом, а ныне представляющее собой полупустыню, с холмами и пригорками на месте былых строений, отличалось уже по внешнему виду от знакомых мне, достаточно компактных античных поселений.

К моему приятному удивлению, среди сотрудников я встретил некоторых своих знакомых по Таманской экспедиции, давших самую лестную характеристику Герману Алексеевичу, потомственному московскому интеллигенту. Сравнивая его с Н.И. Сокольским, к тому времени, увы, покойным, они подчеркнули, что, если Сокольского побаивались (из-за его взрывного характера), то Федорова-Давыдова любили. Маленький штрих в подтверждение этого: когда к лагерю приблудились два котенка, то одного из них назвали Федоров, а другого Давыдов.

Познакомиться мне с Германом Алексеевичем пришлось не сразу, а когда он приехал к нам из Черноярского отряда, копавшего курганы в Волгоградской области. По случаю приезда начальства весь «комсостав» отряда собрался в самой большой палатке отметить это событие. Тост у всех был один и тот же: «С приездом, Герман Алексеевич!». Добрейший Герман Алексеевич неизменно отвечал: «Спасибо».

Запомнился его рассказ о раскопках в Монголии. «Сверху» перед нашими археологами была поставлена задача (дело было в период обострения советско-китайских отношений): доказать, что монгольская культура имеет самостоятельный характер, независимый от китайской. По словам Германа Алексеевича, «стыдно было доказывать, имея на руках сплошной китайский материал, но делать нечего - доказали».

Еще один случай, на мой взгляд, тоже достаточно ярко характеризующий Г.А. Федорова-Давыдова. Однажды вечером в лагерь пешком пришел Володя, шофёр экспедиции, и сообщил, что машина крепко застряла в бархане недалеко от лагеря. Всё мужское население последнего, включая начальника, вооружившись лопатами, отправилось ее откапывать. Шофер газует, мы бешено копаем, а машина садится всё глубже и надежнее. Совсем стемнело, когда мы поняли, что дело это безнадежное. Лежим на теплом песке, отдыхаем, и тут Герман Алексеевич вспоминает: «Вот точно так же мы застряли однажды весной на Кубани. А рядом была воинская часть. Пошли туда просить помощи. Проводят нас к командиру. Смотрим: в огромном кабинете, за огромным письменным столом сидит здоровенный полковник. Выслушал нас и говорит: «Помощь гражданскому населению - наша священная обязанность! Трех танков хватит?»».

Ну а нашу машину, за отсутствием танков, наутро вытащили трактором...

Завершая этот абсолютно ненаучный очерк, хочу вновь отметить, чем были и остаются хороши экспедиции (не только археологические). В них любой человек предстает перед окружающими без прикрас, таким, какой он есть на самом деле. Это относится ко всем без исключения, в том числе и к начальникам экспедиций, на которых лежит огромная ответственность за всё происходящее в них, в первую очередь за жизнь и здоровье участников. Если вышеизложенное добавило несколько новых штрихов к характеристике известных ученых, о которых шла речь, автор будет считать свою задачу выполненной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврус Анатолий Ильич (Москва, Россия), д.и.н., Почетный профессор СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского

Андреева Татьяна Васильевна (Санкт-Петербург, Россия), д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Баранов Алексей Владимирович (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Востоковедения и иранистики».

Вагеманс Эммануэль (Лёвен, Бельгия) профессор Католического университета города Лёвен (Бельгия).

Галямичев Александр Николаевич (Саратов, Россия), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Гинев Владимир Николаевич (Санкт-Петербург, Россия), д.и.н., главный научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Гладышев Андрей Владимирович (Саратов, Россия), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие и кросс-культурные связи».

Горбачев Дмитрий Викторович (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры документационного обеспечения управления Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, филиал РАН-ХиГС при Президенте РФ.

Данилов Виктор Николаевич (Саратов, Россия), д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Зайцев Максим Вячеславович (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры России и археологии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Захарова Инна Евгеньевна (Саратов, Россия), к.и.н., заместитель директора по научной работе Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского.

Китаев Владимир Анатольевич (Нижний Новгород, Россия), д.и.н., профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Клейменова Светлана Викторовна (Саратов, Россия), зав. Сектором хранения фондов отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского.

Ковалев Михаил Владимирович (Саратов, Россия) к.и.н., доцент, заведующий кафедрой туризма Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

Лёвин Сергей Владимирович (Балашов, Россия), д.и.н., доцент кафедры истории Балашовского института - филиала СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Майорова Алла Степановна (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры России и археологии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Манова Елена Николаевна (Саратов, Россия), к.и.н., главный хранитель фондов Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского.

Мезин Сергей Алексеевич (Саратов, Россия), д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Митюрёва Дарья Сергеевна (Тюмень, Россия), ассистент кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета.

Мокшин Геннадий Николаевич (Воронеж, Россия), д.и.н., профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Морозова Елена Николаевна (Саратов, Россия), д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и историографии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Назаров Владислав Викторович (Балашов, Россия), к.и.н., доцент, заведующий кафедрой экономики и права Балашовского института (филиал) СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Парфенов Виктор Николаевич (Саратов, Россия), д.и.н., профессор кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

Полторац Сергей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия), д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникации имени профессора М.А. Бонч-Бруевича.

Рабинович Яков Николаевич (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры России и археологии ИИМО СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Садченко Валентина Николаевна (Ставрополь, Россия), к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета.

Степанов Юрий Геннадиевич (Саратов, Россия), к.и.н., доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Ступина Ангелина Сергеевна (Саратов, Россия), к.и.н., заведующая сектором русского искусства рубежа XIX-XX века Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева.

Цамутали Алексей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия), д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Чернобаев Анатолий Александрович (Москва, Россия), д.и.н., профессор кафедры истории российской государственности Российской государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Шестов Николай Игоревич (Саратов, Россия), д. полит. н., профессор кафедры политических наук СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

<i>АН СССР</i> –	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
<i>ВКП(б)</i> –	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
<i>ГАРФ</i> –	Государственный архив Российской Федерации.
<i>ИРИ РАН</i> –	Институт российской истории РАН
<i>ЛГУ</i> –	Ленинградский госуниверситет.
<i>ЛОИИ</i> –	Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.
<i>МГИАИ</i> –	Московский государственный историко-архивный институт.
<i>МГПИ</i> –	Московский государственный педагогический институт
<i>МГУ</i> –	Московский госуниверситет.
<i>НИОР РГБ</i> –	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
<i>НИС</i> –	Новгородский исторический сборник
<i>ИРЛИ</i> –	Институт Русской литературы РАН
<i>ИИиМО</i> –	Институт истории и международных отношений СНИГУ.
<i>ОР РНБ</i> –	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
<i>ОХАМ СГХМ</i>	Отдел хранения архивных материалов Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева
<i>ПСЗ</i> –	Полное собрание законов Российской империи
<i>РАЕН</i> –	Российская академия естественных наук
<i>РАНИИОН</i>	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
<i>РГАЛИ</i> –	Российский Государственный архив литературы и искусства.
<i>МГУ</i> –	Российский Государственный исторический архив.
<i>РГНФ</i> –	Российский гуманитарный научный фонд
<i>РКП(б)</i> –	Российская коммунистическая партия (больше-

	виков).
<i>РОССПЭН</i> –	Российская политическая энциклопедия.
<i>СГУ</i> –	Саратовский государственный университет.
<i>СЕИВК</i> –	Собственный Его Императорского Величества Конвой (охрана царя).
<i>СНИГУ</i> –	Саратовский государственный национальный ис- следовательский университет имени Н.Г. Чернышевского
<i>РСФСР</i> –	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
<i>СНИГУ</i> –	Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
<i>ЦГАСО</i> –	Центральный государственный архив Саратов- ской области
<i>ANM</i> –	Archiv Národného muzea.
<i>EAA</i> -	Eesti Ajalooarhiiv
<i>ERA</i> -	Eesti Riigiarchiiv
<i>HDI</i> -	Histoire deux Indes
<i>HIA</i> -	Hoover Institution Archives, Stanford University
<i>NA ČR</i> -	Národní archiv ČR

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 13/14

Под редакцией *А.В. Гладышева, С.А. Мезина*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев, С.А. Мезин*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, А.И. Жемков*

Подписано в печать 01.12.2016. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 19,37. Тираж 100 экз. Заказ №

Типография «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: (8452) 24-86-33
e.mail: 248633a@mail.ru
Сайт: amirit.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК